

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**IN MEMORIAM:
ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ
МИРОНОВ**

Ульяновск

УлГТУ

2019

УДК 101.9(082)(092)

ББК 87.3г(2)

И 57

Редакторы: М.П. Волков – д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой
«Философия» УлГТУ,

Н.А. Гильмутдинова – канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия»
УлГТУ.

IN MEMORIAM: ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ МИРОНОВ: сборник
памяти Миронова Г.Ф. – Ульяновск: УлГТУ, 2019. – 283 с.

ISBN 978-5-9795-1920-3

Сборник подготовлен к 75-летию со дня рождения Г.Ф. Миронова – известного советского и российского философа, оставившего яркий след в исследовании научно-исследовательской деятельности, творчества в многообразии форм его явленности, образования как особой реальности, на которой лежит миссия увлечь человека на путь постоянного развития и др. Сборник содержит тексты, в которых представлены идеи Г.Ф. Миронова в развиваемых им направлениях исследования, работы представителей современного российского философского сообщества. Специальный раздел образуют работы молодых исследователей-студентов, магистрантов и аспирантов которым всегда много внимания уделял Г.Ф. Миронов.

Статьи печатаются с максимально возможным сохранением авторского стиля.

УДК 101.9(082)(092)

ББК 87.3г(2)

© Колл. авторов, 2019

ISBN 978-5-9795-1920-3

© Оформление. УлГТУ, 2019

ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ МИРОНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Георгий Федорович Миронов (1944-2008).....	6
Георгий Федорович Миронов: из философского наследия	9
<i>Миронов Г.Ф.</i> Научно-исследовательская практика (философско-методологический анализ)...	10
<i>Миронов Г.Ф.</i> Социальный статус Науки в свете ее креативного содержания.....	34
<i>Миронов Г.Ф.</i> Научно-исследовательская практика как актуальная форма бытия науки, социума, человека	41
<i>Миронов Г.Ф.</i> О статусе исследовательской атрибутики в динамике мирообразующих связей	46
<i>Миронов Г.Ф.</i> Соотношение локальности и нелокальности научной деятельности в системообразующих связях социума	49
<i>Миронов Г.Ф., Гильмутдинова Н.А.</i> Культурный и цивилизационный статус рациональности ...	64
<i>Миронов Г.Ф.</i> Рациональное в философии	72
<i>Миронов Г.Ф.</i> Рациональное и иррациональное в «первом шаге»	78
<i>Миронов Г.Ф.</i> Chronos и его топо-метрические измерения	82
<i>Миронов Г.Ф.</i> Геометрия языка и его динамика	89
<i>Миронов Г.Ф.</i> О подходах к модельным представлениям творчества.....	96
<i>Миронов Г.Ф.</i> От целереализации к целеполаганию	104
<i>Миронов Г.Ф., Миронов В.Г.</i> Образование как являющаяся культура.....	106
<i>Миронов Г.Ф.</i> Об онтологиях, на которых строятся методики обучения, созидания, творчества	113
Духовная и социальная жизнь, современные технологии в свете философской рефлексии	115
<i>Дёмин И.В.</i> Соотношение понятий «гуманизм» и «мировоззрение» в свете фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера	116
<i>Дырдин А.А.</i> Метафизика Л. Леонова как творческий феномен (к 120-летию со дня рождения писателя).....	127
<i>Ташлинская Е.Ш.</i> Какая философия нужна инженеру? (к вопросу о специфике предмета, задач и функций философии науки и техники).....	138
<i>Волков М.П.</i> Проблема социокультурной детерминации генезиса науки: фактор варварского мира.....	143
<i>Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б.</i> О меритократии и доминировании в науке	151
<i>Гильмутдинова Н.А.</i> К вопросу о ризоматичности интернета	157

<i>Леушкин Р.В.</i> Проблема становления виртуальных форм власти в условиях информатизации современного общества	164
<i>Леушкин Р.В., Балаклеец Н.А.</i> Проблемы становления информационного общества: информационное загрязнение и медиазаражение	170
Творчество как духовный феномен. Образование как пространство саморазвития	177
<i>Фаритов В.Т.</i> Психотипы личности и акцентуации характера в философии (к вопросу о маргинальности Ф. Ницше)	178
<i>Зубова И.Л.</i> Развитие критического мышления: технико-технологический и креативный подходы	188
<i>Максимович В.А.</i> К проблеме субъективного фактора в художественном творчестве	197
<i>Гайкин В.А.</i> Запад и Восток в зеркале искусства	205
<i>Балаклеец Н.А.</i> Проблемы и перспективы внедрения информационных технологий в систему высшего образования	209
Философские искания молодых	217
<i>Тараканова А.Н.</i> Критический анализ евразийства как направления русской философии ..	218
<i>Александрова В.А.</i> Формы отчуждения человека в обществе	222
<i>Емелева Л.Ф.</i> Эволюция экономического знания: социально-философская интерпретация (на материалах работ К. Маркса, М. Вебера)	226
<i>Костин В.Г.</i> О способах описания и выражения креативности пространства возможного ..	234
<i>Калинин С.С.</i> Философские основания и философские проблемы конструирования искусственных языков	237
<i>Бурханов К.С.</i> Феномен информации: читая Г.Ф. Миронова	242
<i>Чуприн И.В.</i> Техника: сущность и функции	245
<i>Чикин В.В.</i> Методы научного познания и научно-исследовательская работа магистрантов	249
Воспоминания	255
<i>Шарапов В.И.</i> Учитель, коллега, друг	256
<i>Волков М.П.</i> Георгий Фёдорович Миронов: каким я его запомнил	258
<i>Гиматов С.А.</i> Слово о товарище	260
<i>Токарчук Л.К.</i> Воспоминания о Георгии Фёдоровиче Миронове	262
<i>Багаутдинова Г.Ф.</i> «Креатология в действии: воспоминания об учителе и его курсе	266
Фотографии	268
Список научных трудов Миронова Георгия Фёдоровича	275
Сведения об авторах	282

Георгий Федорович Миронов (1944-2008)

Георгий Федорович Миронов родился 3 февраля 1944 года в городе Ульяновске в семье рабочего. Это была многодетная семья (пять детей, Георгий Федорович был вторым сыном), которая имела собственный дом и хозяйство - большой огород, корова, куры, иногда держали свинью. Все это требовало постоянного ухода, поэтому дети с раннего возраста приобщались к труду как естественному и очень важному элементу жизни. Этот труд имел конкретные и зримые результаты: семья никогда не голодала. Напротив, по воспоминаниям школьных друзей Георгия Федоровича, дом Мироновых славился гостеприимством и хлебосольством. Молоком, пирогами, которые мать - Анастасия Сергеевна пекла мастерски, всегда угощали одноклассников не только самого Георгия, но и его брата и сестер. Так складывались совершенно спонтанно фундаментальные правила отношения с людьми. Недаром и после окончания школы на протяжении многих лет продолжалась дружба, а последняя большая встреча одноклассников прошла в связи с 40-летием окончания школы в родовом гнезде - в доме на Карасевке (район г. Ульяновска).

Лидерские и организаторские качества Георгия Федоровича проявились рано, как и его любознательность, открытость миру и людям, разносторонность интересов. Он всегда занимался помимо основного дела еще чем-либо и не одним. Так, одновременно с учебой в общеобразовательной школе учился в музыкальной по классу баяна. Имея хороший голос и профессионально владея инструментом, Георгий Федорович всегда становился центром любой компании. А поскольку семья Мироновых хорошо пела, то соседи вспоминали замечательные «концерты», которые проходили в этом теплом доме по случаю различных семейных событий и праздников.

По окончании школы Георгий Федорович поступает в Ульяновский педагогический институт (ныне университет) на физико-математический факультет. И здесь он не ограничивается только учебой в институте: одновременно, в течение двух лет, занимается в аэроклубе. Любовь к самолетам сохранилась у него на всю жизнь, а воспоминания о полетах, тех состояниях души, которые он испытывал, были одними из самых светлых. В это же время он осваивает фото и кинодело, что дало возможность создать богатый фото и киноархив не только семейный, личный, но и запечатлеть многие моменты общественной жизни г. Ульяновска и области.

По окончании института Георгий Федорович был направлен в село Карлинское учителем в общеобразовательную школу, где два года преподавал физику, астрономию и электротехнику. И здесь дело не ограничивалось только основной работой. Он еще и руководитель художественной самодеятельности,

организатор фото и кинокружка, где занимались не только школьники, но и взрослые жители села.

В это же время Георгий Федорович готовится и успешно сдает кандидатские экзамены, что позволяет ему поступить в заочную аспирантуру при кафедре философии педагогического института, а позднее, уже став ассистентом кафедры философии и научного коммунизма Ульяновского политехнического института (ныне - технического университета), перевестись в очную аспирантуру при кафедре философии Московского госпединститута им В.И. Ленина (ныне - университета). В 1973 году им была успешно защищена диссертация, и ему была присуждена степень кандидата философских наук. Такой поворот - от естественных наук к философии - только на первый взгляд кажется странным. Зная уровень интеллекта Георгия Федоровича, его постоянное стремление дойти до самой сути, становится понятным, что он не мог не задать себе главный философский вопрос: «Как возможно нечто, а не ничто?» Другими словами, поставить вопрос об основаниях физического мира и принципах его устройства. И вся последующая интеллектуальная жизнь была посвящена поиску ответа на этот вопрос. Разумеется, глубина и сложность вопроса не могли вылиться в однозначный ответ, требовали разработки различных философских проблем, чем Георгий Федорович и занимался. Свидетельством достигнутых нетривиальных результатов являются 102 его работы. В 1999 году им была защищена докторская диссертация «Научно-исследовательская практика как предмет философского анализа», ставшая своеобразным итогом многолетних поисков ответов на фундаментальные вопросы не только философской науки, но и социальной философии и философии истории. Предложенная концепция науки как онтологического феномена, презентующего человеческую активность, не имеет аналогов не только в отечественной, но и в зарубежной философии. Одновременно этот итог стал отправной точкой в разработке проблематики энергетико-информационных связей в мире. Опубликованные работы по этой тематике свидетельствуют о том, что и здесь Георгием Федоровичем был открыт новый подход к пониманию как энергии, так и информации. Только преждевременная смерть не позволила разработать оригинальную концепцию устройства природы, общества и человека и, тем самым предложить свой ответ на главный философский вопрос, много десятилетий назад побудивший Георгия Федоровича погрузиться в мир философии.

Вспоминая этого замечательного человека и философа, нельзя не сказать о его преподавательской работе. И здесь творческий потенциал нашел свое воплощение в методике преподавания, в организации специальной группы творчески ориентированных студентов, где как раз и прорабатывались

проблемы креативности, целостности космоса, социума, человека, наличия особых - родовых связей.

Многолетняя и плодотворная работа Георгия Федоровича на поприще преподавания была оценена Министерством науки и образования РФ: он был награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

Прошло уже более десяти лет после смерти Георгия Федоровича, но и сейчас о нем нередко вспоминают коллеги при обсуждении каких-либо профессиональных вопросов, друзья и близкие - в тех или иных жизненных ситуациях. И эта память, несомненно, сохранится надолго, поскольку невозможно забыть такого умного, открытого, порядочного и доброжелательного человека, каким был и остается в нашей памяти Георгий Федорович Миронов: глубокий исследователь, талантливый педагог, постоянно открывающий новые приемы раскрытия у студентов, магистрантов, аспирантов творческого потенциала, и оставивший яркий след в их умах и душах, надежный друг, готовый в трудную минуту прийти на помощь.

Коллектив кафедры философии УлГТУ

**ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ МИРОНОВ:
ИЗ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ**

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА (ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование и усвоение опыта развития человеческой мысли, осмысление реальных путей ее становления в конкретно - исторических условиях - неперемнное требование марксистско - ленинского философско - методологического и социологического анализа развития и функционирования научного познания. «Продолжение дела Гегеля и Маркса, - писал В.И. Ленин, - должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹. Это - одно из программных положений ленинского теоретического наследия. Оно находит свое воплощение в многочисленных исследованиях советских философов, историков и методологов науки, специалистов различных отраслей знания по истории науки и техники, логике и методологии научного знания. В центре внимания выяснение места и роли теоретических исследований и их результатов в решении задач социального и научно-технического прогресса.

Практическая нацеленность науки на решение задач, связанных с удовлетворением общественных потребностей, выражает и определяет ее социальный статус. Осмысление реальных механизмов связи науки со всеми другими сферами общественной жизни и разработка на этой основе научно обоснованных программ, направленных на ускорение социального и научно-технического прогресса - задача большой практической важности, на что особое внимание обратил XXVII съезд КПСС².

Перед самой наукой возникает задачи повышения эффективности научно-исследовательской деятельности. Интенсификация последней предполагает совершенствование средств ее осуществления. А это касается в значительной мере совершенствования ее исследовательского аппарата и организационной структуры.

Традиционный подход к анализу науки состоял в выявлении общественной пользы ее конечных результатов, какими оказываются научные знания. Оказавшись в центре внимания историков и методологов науки, они были подвергнуты тщательному анализу на предмет генезиса способов функционирования как в рамках всего общественного организма, так и в рамках самой науки. Особый интерес представляли развитые формы знания – теоретические системы. Выступая образцовыми моделями строения, функционирования и развития знания, такие системы становились предметом тщательной анатомизации. Осуществляемая в рамках гносеологическая и методологического подходов, данная процедура позволила обнаружить ряд

свойств теоретических систем знания, взаимоотношение их с эмпирическим уровнем исследования, выявить особенности теоретической деятельности.

Однако ориентация на исследование научного знания в рамках гносеологического и методологического подходов обнаруживает свою ограниченность, как только ставятся вопросы о науке как социально-историческом явлении, а ее продукт - научные знания - рассматривается как социальный феномен. В известной мере гносеологический, методологический подход, с одной стороны, и социологический с другой, - оказывается противопоставленными. Научные знания описываются и представляются языком логики, гносеологии и методологии, а производящая эти знания научно-исследовательская деятельность - языком социологии. В этой связи и возникает трудности представления знания как целостного социально-исторического явления.

Нельзя ли посмотреть на развитие научного знания как на такой процесс, в котором социальность и рациональность были бы представлены в нерасторжимом единстве, когда собственно теоретическое было бы проявлением и выражением социально-исторического в содержании знания, а социально- историческое - способом бытия теоретического? Возможен ли синтез этих двух фундаментальных характеристик науки, в котором бы они представляли собой единый механизм развития научного познания? Одним из перспективных подходов является анализ *научно-исследовательской практики* (НИП). В ней и способы научно-исследовательской деятельности, и средства ее осуществления, и результаты, получаемые в ее ходе, и формы потребления данных результатов, и складывающиеся отношения в ходе осуществления этой специфической формы деятельности, и, наконец, связи и опосредования данного вида деятельности с другими видами и социальными институтами.

Рассматривая НИП как специфическую сферу общественной жизни, внутри которой разворачивается познавательная деятельность со всей совокупностью условий, средств, результатов, можно обосновать соображение о конституирующем характере ее по отношению к феноменам науки, начиная с абстрактных определений своей предметной области исследования и кончая ее собственным инструментарием, с помощью которого она осуществляет исследовательский поиск.

Положение о практической природе познания рассматривается как одно из фундаментальных в диалектике-материалистической теории познания и признается всеми философами-марксистами, но раскрывается и применяется в анализе специальных теоретико-познавательных вопросов по-разному. Принципиальное различие в понимании практики как основы, движущей силы, средства и цели познания состоит в том, берется ли она как *действительность* и в этом своем качестве выступает определяющим, конституирующим фактором процесса познания или она берется лишь как у с л о в и е познания; становится ли практика внутренним содержанием познания или она выступает лишь опосредующим звеном в познавательных актах, благодаря которому

человек воспроизводит познаваемый фрагмент действительности в знании вне деятельностных характеристик познавательного процесса.

В общетеоретическом плане необходимо рассмотреть общественно-историческую практику как такую реальность, которая содержит в себе необходимые и достаточные основания для познавательного процесса, выступающего лишь моментом, стороной этой реальности. Познавательный процесс должен быть понят как момент внутреннего механизма развития самой практики, интегральный характер которой лишь проявляет, выявляет его как следствие глубинных процессов взаимодействия материальной и духовной сторон человеческой практической деятельности. Отсюда и понимание природы развивающихся познавательных средств, применяемых в научно-исследовательской практике, связывается с уровнем и содержанием развивающейся общественно-исторической практики. Эти средства являются не просто производными от общественно-исторической практики и, отнюдь, не привходящими в нее откуда-то извне. Наоборот, они являются содержательными моментами практики, в частности, тех ее сторон, которые представлены вызревающими тенденциями в ней, потенциальными ее состояниями, процессами перехода из одних качественных состояний в другие. Понимание исследовательских средств как формы экспликации данных сторон практики ведет к иному пониманию природы знания вообще и научного в частности. «При выходе на глубинные основания знания само понятие «социальная детерминация», по - видимому, утрачивает смысл, поскольку выявляются более тонкие структуры и качественно иные взаимосвязи когнитивного и ценностного. Речь идет уже не просто о детерминации, но о двуединой - логической и социологической - природе познавательных форм и о сложных опосредованных способах ее проявления»³.

Роль практики в диалектико-материалистической теории познания не сводится к выполнению ею служебных функций по отношению к процессу познания. И, наоборот, научное познание с его результатами не может однозначно квалифицироваться как средство, обеспечивающее осуществление практики. По справедливому замечанию Г. Ярошевского, марксистская теория практики не может быть дана в таком толковании, «которое сводит ее значение к банальному утверждению, что теория должна служить революционной практике, но не признает имманентного наличия категории "практики" во всей системе марксовской теории...»⁴

Соотнесение теории и практики, а также известное их противопоставление возможно только в весьма ограниченной области, а именно, при анализе взаимоотношения уже сложившихся, «готовых», «ставших» форм практики и относительно завершенных теоретических систем знания, подчиняющихся, в силу относительной самостоятельности их развития, собственной внутренней логике движения. За пределами этой области, и в частности, при анализе процессов становления, развития общественно-исторической практики и формирующихся на ее основе теоретических

представлений противопоставление последних практике теряет всякую силу. Более того, подобные попытки всякий раз исходить из противоположности теории и практики (или подразумевать эту противоположность в качестве неявной посылки в исследовании процесса становления научных знаний) приводят к серьезным методологическим ошибкам.

Одной из задач намечаемого исследования является определение опосредованности теоретических структур фундаментальными структурами общественно-исторической практики. Избегая упрощений в понимании зависимости процессов образования абстракций науки от общественно-исторической практики, следует отметить, что не всякая исследовательская процедура, предметно-практическое действие прямо и непосредственно определяют содержание понятий. Обобщенный характер теоретических представлений и теоретических структур лишь в конечном счете связан с инвариантами предметно-практических действий и отношений, формируется в ходе их осуществления. Поэтому, говоря о зависимости процессов образования абстракций науки (и более сложных теоретических образований), следует иметь в виду две формы этой зависимости: во-первых, зависимость от процессов формирования, предметных структур самой практики; во-вторых, зависимость от способов ее осуществления в определенной системе человеческих отношений.

Раскрывая с этих позиций положение о практической природе познания, необходимо сделать следующий шаг в конкретизации представлений о самой практике и ее специфике в области научного исследования. Принципиально важным моментом при теоретическом изображении развития познания выступает положение *о единстве* предпосылок, условий, способов осуществления научно-исследовательской деятельности и ее результатов.

То обстоятельство, что наука никогда не начинается с нуля, что в своем развитии она надстраивает свои новые этажи на ранее достигнутых результатах, побуждает рассматривать ее развитие в ракурсе становящихся деятельностных структур, понятых как процесс движения от одних форм к другим, от одних состояний к другим. Развернутый во времени процесс перехода деятельности в свой продукт и ассимиляция последнего последующей деятельностью позволяет посмотреть на развитие познания как на самовоспроизводящийся процесс. Добытое научное знание, выступающее, как относительно законченный результат, рассматривается не столько со стороны его нормативных характеристик (что и как выражается в знании), сколько со стороны его потенциальных возможностей дальнейшего развития через выявление в его содержании инструментальных функций.

Не менее важно и другое обстоятельство для понимания практики в области познания - это состояния знаний в актах интеллектуально-мыслительной деятельности, которые репрезентирует актуально-потенциальные состояния общественно-исторической практики. Познание в этом случае представляет качество состояний практики (в смысле

насыщенности ее духовным потенциалом), а само выступает формой манифестации духовных потенций человека. Научное познание, следовательно, необходимо представить в такой форме и в таком виде, когда эксплицируемое им содержание общественно-исторического процесса а своих тенденциях становится фактом социальной технологии. Поэтому научно-исследовательская практика, являясь способом существования развития науки, выступает как такой фактор в историческом развитии, который институционализирует познавательный процесс и, вследствие этого, рационализирует общественно- историческую практику.

ГЛАВА I. НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

1. Социально - историческая характеристика научно - исследовательской деятельности

При выяснении природы того или иного общественного явления классики марксизма - ленинизма исходили из объективного процесса разделения труда и вызываемых этим процессом последствий⁵. Ф. Энгельс рекомендовал обращаться всякий раз к анализу процессов разделения труда, как только речь заходила об определении социального статуса того или иного общественного явления. Обсуждая вопрос об относительной самостоятельности надстроечных явлений выделяя целый ряд признаков ее, Ф. Энгельс начинает с факта общественного разделения труда. «Там, где существует разделение труда в общественном масштабе, отдельные процессы труда становятся самостоятельными по отношению друг к другу»⁶. Вместе с разделением труда образуются группы людей, составляющие своей деятельностью, сферу, где «они приобретают особые интересы» по отношению к тем, кто их уполномочил, а такие интересы начинают определять поступки и действия каждой группы людей, формируется их профессиональное сознание, часто иллюзорно-идеологическое, фетишистское и т.д. т.п.

Раз возникнув, такая сфера деятельности подчиняется своим собственным, внутренне присущим ей законам, определяемым содержанием и характером того материала, который накоплен в этой сфере, в силу чего она не только функционирует и развивается относительно самостоятельно в известных пределах, но и в этих же пределах оказывает влияние на породившую ее основу. Обусловленность деятельности ее же собственными продуктами - результатами и воспроизводство последних последующей деятельностью порождает целостность и автономность социальных явлений. Продукт-результат выступает не только предметом для последующего потребления в рамках этой воспроизводящей данный продукт деятельности, но и как ее средство, и как ее предпосылка, и как условие.

Сам факт существования продукта-результата свидетельствует о том, что обеспечившая его деятельность содержала необходимые и достаточные условия своей осуществимости. Поэтому деятельность и ее результат, когда он обретает форму потребляемого продукта в последующей деятельности, выступает интегральным явлением, обеспечивающим целостность и завершенность процессов воспроизводства данной сферы общественной жизни как со стороны ее собственного функционирования и развития, так и со стороны ее взаимоотношения с другими сферами общественной жизни.

Как и всякое общественное производство, производство научных знаний связано с основами существования и развития социального организма как целого, в котором каждый его элемент, раз возникнув, становится неотъемлемым и, более того, своим относительно самостоятельным существованием поддерживает то новое качественное состояние, которое обретается в результате его появления. И если науку рассматривать как такой структурный компонент социального организма, который придает последнему особое качественное состояние (отличное от состояния общества в донаучную эпоху), то необходимо рассматривать данный компонент со стороны тех присущих ему специфических свойств, которые обеспечивают выполнение им данной функции. Отсюда следует, что для науки, обеспечивающей новое качественное состояние развития общества на современном этапе, сам способ такого обеспечения становится решающей ее характеристикой, исходя из которого и необходимо вести поиск ее параметров как сферы практического.

Общественная природа процесса научного познания вытекает из характера и содержания научного труда, который определялся К. Марксом как всеобщий труд. «Всеобщим трудом, - писал К. Маркс, - является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников»⁷. В данном случае признак всеобщности (в отличие от всеобщности абстрактного труда, где данный признак означает его свойство создавать стоимость товаров) означает, во-первых, универсальную связь данного труда с другими конкретными видами труда, во-вторых, связь элементов такого содержания в различных видах труда (деятельности), благодаря которой существует принципиальная возможность получения общественно-значимого результата. Указанные виды связей, характеризующие научный труд, проявляются не только в процессах потребления продуктов труда кооперированной деятельности исследователей-современников и их предшественников, но и в самой материально-вещественной бытийности продуктов научного труда. Последние могут быть представлены в виде субординационных слоев общественного знания, принадлежащего различным эпохам. Субординационная картина этих слоев есть не что иное, как историко-генетические связи различных видов деятельности и их продуктов, участвовавших в получении конечного научного продукта.

Потенциальные возможности продукта научного труда - быть

достоянием тех или иных видов деятельности и реализация этих возможностей - лежат в основе превращения в предмет научно-исследовательской деятельности практически любого явления. Всеобщность научного труда, таким образом, означает универсальный характер связи его со всеми видами деятельности.

«Когда исследуется социальная природа и социальная детерминированность науки, научного познания, важнейшей предпосылкой становится анализ особенностей научно-исследовательского труда как социального явления»⁸, - подчеркивает Н.В. Мотрошилова. Такой анализ можно проводить в самых различных направлениях, выявляя те или иные социальные параметры научного труда. Наиболее распространенным подходом к анализу специфики научного труда в целом познавательной деятельности является подход, рассматривающий его со стороны простых элементов аналогичных элементов труда в сфере материально-преобразующей деятельности, которые описаны К. Марксом в «Капитале». Специфика научно-исследовательского труда при этом усматривается в специфике (то есть в отличии) каждого его элемента от элементов труда в сфере материального производства. Такой подход, по существу, раскрывает не специфику научно-исследовательского труда, а обосновывает положение о том, что он есть одна из разновидностей труда, то есть такой труд, у которого свой предмет, свои средства, свой продукт. Из поля зрения выпадает такая важнейшая его социально-историческая характеристика, как общественно-необходимый вид деятельности в субординированной системе всех других видов деятельности людей на том или ином историческом этапе.

Социальная природа и социальная детерминированность научного познания должна быть вскрыта на пути анализа взаимоотношения научно-исследовательской деятельности с другими сфера (это предполагает исследование субординационных отношений между ними), а также социальных механизмов стимулирования и программирования его развития. Круг задач, решаемых в ходе такого анализа, относят к социологическому аспекту исследования научного познания⁹. Методология научного познания, как правило, не затрагивает этот круг вопросов, относя их полностью к компетенции социологии научно-исследовательской деятельности. Однако у методологии научного познания есть свой собственный предмет исследования социально-исторического, содержания познавательного цикла. Такой предмет в первом приближении можно обозначить как сферу потребления продуктов иных общественной деятельности и сферу реализации своего собственного продукта в них посредством внутренних механизмов воспроизводства своей целостности.

Методология, исследуя познавательный процесс со стороны средств его осуществления (прежде всего методов, применяемых в нем), не может не принимать во внимание совокупность потенциальных факторов, органически вплетающихся в ткань этого процесса. Перед методологией научного познания

встает специфическая задача исследования воздействия данных факторов, но не как внешних, обуславливающих извне этот процесс (как это делает социология познавательной деятельности), а как таких элементов в структуре самого процесса познания, которые, будучи выраженными в теоретической форме, выступают в виде внутренних, постоянно актуализирующих процесс познания факторов. Задача методологии научного познания, стало быть, состоит в том, чтобы в производимом и потребляемом знании (ибо общественное назначение и смысл научно-исследовательской деятельности состоит в производстве знания и разработке способов его реализации) обнаружить «присутствие» социальных факторов в виде их теоретических эквивалентов, играющих роль стимуляторов познавательного процесса. Глубинным социальным фактором, определяющим содержание, характер и направленность развития научно-исследовательской деятельности, выступает историческая необходимость, а ее социально-историческими характеристиками оказываются несомые ее результатами общественно значимые *смыслы*, которые при ближайшем рассмотрении выступают проявлением общественных потребностей. Последние, в свою очередь, выступают более или менее глубоко осознанной исторической необходимостью.

Какой вид и какую форму эти смыслы принимают в ходе и в содержании процесса научного познания? Поскольку носителями этих смыслов выступают получаемые в ходе научно-исследовательской деятельности результаты, то в них следует и разыскивать форму и вид их выражения. Требования, которым должен удовлетворять результат научно-исследовательской деятельности, состоят в том, чтобы он обладал общественно-значимой новизной, выполнял социальный заказ, обеспечивал дальнейшее развитие самой научно-исследовательской деятельности. Ориентация на поиск нового, в котором и состоит общественное назначение научно-исследовательской деятельности, преобразует этот изначально заданный общественный смысл в собственно научный. Он приобретает вид нормативного требования в научно-исследовательской деятельности - совершенствование средств поиска нового. Поэтому методология научного познания становится социологией в той мере, в какой она исследует природу постоянно преобразуемого аппарата с точки зрения отраженных в нем общественных потребностей.

Задача модернизации средств научно-исследовательской деятельности, которую необходимо решать с тем, чтобы выполнить свою социальную функцию, делает научный труд всеобщим, для которого характерна универсальная связь с другими видами деятельности, включая те из них, которые имели место в прошлом, посредством раскрытия смысла их видов и способов осуществления.

Таким образом, всеобщность научного труда, выражающая его общественно необходимый характер, равно как и несомые его продуктами общественные смыслы, в которых отражается и выражается объективная историческая закономерность, а одновременно с этим - и разрабатываемые в

ходе осуществления научного труда способы реализации исторически необходимого (если оно в достаточной мере уже осмыслено), и, наконец, непосредственное участие в самом процессе реализации характеризуют совокупную научно-исследовательскую деятельность как объективную по содержанию, духовно-практическую по форме, материальную по способам ее осуществления и практическую по своим результатам и последствиям. Понятие научного труда дает возможность в наиболее полной мере выразить социально-исторические характеристики научно-исследовательской деятельности, поскольку в нем выражены фундаментальные для ее существования факторы: историческая необходимость, общественная значимость, универсальный характер связи с другими видами деятельности, генетическая форма детерминации. Каждый из этих факторов в познавательном процессе имеет свой собственный теоретический эквивалент.

Теоретическим эквивалентом, выражающим общественную значимость научно-исследовательской деятельности (как вида научного труда) и ее продуктов и тем самым вводящим в содержание ее аппарата социально-исторические характеристики, выступают *методы*. Они есть средство, с помощью которых программируется и осуществляется деятельность. Инструментальная роль метода¹⁰ в осуществлении научно-исследовательской деятельности, пожалуй, не вызывает сомнений. Но почему методы играют роль средства выражения общественной значимости? Представим себе, что в ходе научного исследования получен новый результат. Значение полученного результата в полной мере не осознается даже самими авторами и может значительное время не только не приниматься во внимание, но и сознательно отвергаться. Необходимое условие завоевания прав его гражданства - разработанная система методов его массового тиражирования с достижением какого-либо общественно значимого эффекта.

Метод не только средство поиска нового, но и средство его утверждения. Это вытекает из самой природы метода и выполняемых им функций. Процедуры его установления и применения оказываются тождественными¹¹. В одном случае он играет роль инструмента поиска, а в другом - средства реализации найденного. Сознательное применение метода всегда предполагает знание того, как он был установлен (разработан), если он используется как средство поиска, и наоборот, знание того, как он используется, предполагает знание установления.

В общем случае применение методов реализации вновь полученных в ходе исследования результатов связано с методами их получения. Научно-исследовательская деятельность, замыкаясь на систему используемых в обоих случаях методов, по существу, переводит «индивидуально» значимое в общественно значимое. В общественной практике научный результат достигает уровня общественно значимого посредством признания целесообразности, полезности, эффективности по исторически сложившимся критериям, а в научно-исследовательской деятельности существуют свои специфические

способы и приемы оценки вновь полученных результатов. При этом не нарушается общая схема процесса понимания, благодаря которому новые результаты превращаются в общезначимые. В том и другом случае посредниками между результатами и их значимостью выступают методы (система методов). В методологическом плане такая схема имеет принципиальное значение. Она позволяет прояснить, каким образом самые абстрактные, общетеоретические построения, с одной стороны, наполняются социальным содержанием (если их брать в генезисе), а с другой стороны, выявляют в себе это содержание (если их брать в процессе реализуемости в социальной практике). Именно методы в их инструментально-операциональном содержании вводят в научно-исследовательскую деятельность и ее результаты социально-исторические характеристики.

Теоретической процедурой, выражающей универсальную связь научно-исследовательской деятельности с другими формами деятельности, выступает *понимание*. Являясь необходимой процедурой в структуре научно-исследовательской деятельности, понимание выражает не только теоретико-познавательное содержание материала, с которым она имеет дело, но и соотносит его с социально-историческим процессом, а котором она осуществляется. Наука становится особым формационным образованием в той мере, в какой она, вбирая в себе все иное (то есть делая его своими предметом), не теряет своей целостности. Но для того, чтобы нечто стало предметом исследования, оно должно «вызреть». Процесс вызревания охватывает собой как предметную область, содержащую в себе потенциально будущий предмет исследования, так и проблемное поле науки, ее исследовательские средства, способные ассимилировать этот предмет. В научно-исследовательской деятельности это особенно важно, поскольку в ходе ее решаются задачи, связанные с постоянной координацией с другими сферами общественной жизни, с совершенствованием своего собственного инструментария, с реализацией полученного результата и т.д.

Особый интерес для научно-исследовательской деятельности представляют ситуации, когда возникают задачи, не поддающиеся решению имеющимися налицо средствами. Эти ситуации вообще составляют специфический признак научно-исследовательской деятельности. В таких ситуациях порождаются, по крайней мере, два класса задач: связанные с изучением вновь обозначившегося предмета исследования; связанные обоснованием новых методов и средств, с помощью которых она адекватным образом воспроизводит этот предмет. Решение одного класса задач является необходимым условием решения другого класса задач. Действительно, новый предмет исследования не становится реальностью для ученого раньше, чем будет обозначен, вычленен, выявлен. Но такой, процесс зависит от степени развитости аппарата исследования, и, в частности, от появления в нем новых методов и средств. В свою очередь, вычлененный для последующего изучения предмет требует соответствующего аппарата для своего адекватного отражения.

Складывается ситуация, в которой приходится вращаться как бы в замкнутом круге. Обращаясь к ранее полученным результатам, исследователю приходится вычерпывать из них дополнительные возможности: вскрывать объяснительный и описательный потенциал прежних теоретических построений или перестраивать их в соответствии с новыми задачами. Будучи жестко связанными с ранее достигнутыми результатами, исследователи обращаются прежде всего к ним. Такая ситуация вполне объяснима: всякая человеческая деятельность не начинается с нуля, в своем развитии она в значительной степени запрограммирована достигнутым уровнем на предшествующих этапах.

Понимание обычно связывается с осмыслением действительности. «Мы будем рассматривать понимание как осмысление действительности вообще», - пишут С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский. Далее авторы, указывая на неразрывность понимания и смысла, считают, что «действительно широкий подход к проблеме понимания может быть связан именно с рассмотрением механизмов и детерминаций осмысления объективной реальности в процессе практической деятельности по ее преобразованию». «Ключевым в этом плане, - продолжают авторы, - является понятие ценности - важнейшего аспекта человеческой деятельности как деятельности целенаправленной. Включая элементы реальности в сферу целесообразной деятельности по преобразованию этой реальности, человек, тем самым, рассматривает действительность как сложную систему ценностей, посредством которых достигаются преследуемые цели». «С выявлением ценностей структуры действительности и связано осмысление: поскольку мир человека всегда - мир ценный, он полон смысла для него, т.е. осмыслен и понимаем»¹², - заключают авторы. Можно было бы согласиться с ними, если бы они указали на необходимые и достаточные условия включения «элементов в сферу целесообразной деятельности по преобразованию этой реальности» и *выявления* «ценностной структуры действительности».

Констатация того факта, что человек в своей деятельности потребляет культурные ценности, которые для него имеют смысл, не проясняет вопроса о том, как он, порождая нечто своей деятельностью, делает это нечто общественно значимым, а стало быть, и ценностным. Именно с таким случаем мы встречаемся в научно-исследовательской деятельности, когда продуцируемое новое только еще должно стать ценностным. Понимание, таким образом, должно быть связано с тем моментом производства нового, которое превращает его в ценность.

Объективной основой процесса понимания как осмысления действительности выступает формирующаяся система объективных отношений между различными и сферами деятельности. Понимание выступает как такая процедура, с помощью которой опознается эта система. Не случайно поэтому понимание связывается с коммуникативной сферой деятельности. Научно-исследовательская практика опознает эту систему отношений посредством тех задач, которые она решает и способна решать на данном этапе ее развития. В

научно-исследовательской практике понимать значит ассимилировать результаты иных сфер деятельности, превращая их в свой собственный предмет исследования. Одновременно с этим понимать – значит приводить исследовательский аппарат в соответствие с задачами, которые возникают в связи с обозначившимся предметом исследования. Проблемное поле науки коррелируется с общественно-исторической практикой процедурой понимания, а это значит, что понимание как элемент научно-исследовательской деятельности, вводит социально-исторические характеристики в нее.

Понимание, рассматриваемое в таком плане, не теряет теоретико-познавательного значения¹³. В самой научно-исследовательской деятельности эта процедура выполняет свои внутритеоретически функции. Она, в частности, участвует в процессах преобразования знания. В этом случае понимание как процедура реконструкции знания выявляет степень полноты отражения действительности в знании. Но и здесь мы можем наблюдать относительный характер полноты знания, который определяется степенью развитости тех отношений с видами и сферами деятельности, которые составили предметную область исследования.

Таким образом, консолидирование научного труда, как общественно необходимого в системе других видов деятельности, а потому и исторически неизбежного в социально-историческом процессе, осуществляется посредством формирования специфических деятельностно-продуктивных образований. Обеспечивая относительно самостоятельное существование и развитие научно-исследовательской деятельности по отношению к другим сферам общественной жизни, такие образования в то же время эксплицируют общественно необходимое, которое представлено социально значимыми смыслами ее средств и результатов, в чем и выражается ее фундаментальная социально-историческая характеристика.

2. Научно - исследовательская практика и концептуальная структура науки

Категориальный аппарат науки в каждый исторический момент наследуется от прошлых эпох. Однако в каждую историческую эпоху развития науки он функционирует по-разному вследствие изменения его содержания. К.Маркс подчеркивал, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они именно благодаря своей абстрактности «имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляет собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах»¹⁴. Будучи выражением этих условий, та или иная абстракция может быть использована в своем значении для описания (фиксации) в заданных пределах каких-либо сторон исследуемой реальности. В силу каких обстоятельств абстрактные категории обретают определенность? Что их делает таковыми? В более общем плане эти вопросы можно

сформулировать так: какова принципиальная схема механизма исторической модификации категориального аппарата науки, действие которого обеспечивает определенность значения как абстрактных категорий, так и всего аппарата в целом? В чем суть изменения содержания унаследованного категориального аппарата в зависимости от изменения его структуры? Правомерность такой постановки вопроса вытекает из того обстоятельства, что унаследованный аппарат уже организован, а изменения, происходящие в нем, еще не породили его новую организацию. Поэтому, чтобы посмотреть на процесс становления новой структурной организации понятий, необходимо связать (точнее, вскрыть внутреннюю связь) ее с предыдущей организацией. В этом случае недостаточно указать на связь между изменениями в содержании отдельных понятий (тем более, что они в своей абстрактности имеют силу для всех эпох) и вновь становящейся их структурной организацией. Дело еще и в том, что в данном случае устанавливается связь между однопорядковыми теоретическими образованиями и - понятийными структурами.

Поскольку здесь принимается во внимание только связь между различными организационными структурами понятий (без учета влияния на них изменений в содержании отдельных понятий) и поскольку такие структуры образуют один из уровней в теоретических образованиях наук, то целесообразно ввести понятие «концептуальная структура науки». Введение такого понятия позволяет развести два уровня теоретического анализа функционирующих в науке теоретических структур: понятийно - категориальный аппарат науки и систематизированные знания. Смысл разведения данных уровней анализа состоит в том, чтобы показать различный характер обусловленности их архитектоники внутритеоретическими факторами, с одной стороны, и социальными факторами - с другой.

Уроком может служить критический анализ философских систем, который осуществили К. Маркс и Ф. Энгельс, когда формулировали исходные теоретические положения диалектико-материалистического и социально - исторического взгляда на мир. К. Маркс и Ф. Энгельс обращают внимание на то социальное содержание, которое отражено не только в отдельных понятиях (базовых понятиях в философских системах), но и в философской системе в целом. Уже в период работы над докторской диссертацией «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» К. Маркс выявляет связь между теоретическими построениями античных философов и государственной жизнью древнегреческого общества, обращает на себя внимание скрупулезный анализ понятия «первоначально», в котором К. Маркс усматривает отражение и выражение таких социальных моментов, как целостность городов - полисов, способов жизнедеятельности свободных граждан этих родов, правовых и нравственных норм в них и т.д.¹⁵

В совместной работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс показывают, каким образом с помощью абстракций (этого наличного мыслительного материала, категориального аппарата) конструируется та или

иная философская система, в которой отражаются (чаще всего в искаженной форме) различные стороны социальной жизни. Так, например, К. Маркс и Ф. Энгельс поясняют, какое реальное содержание вкладывается в понятия «субстанция» и «самосознание» в спекулятивных построениях Б. Бауэра. «У него... на одной стороне, вместо действительных людей и их действительного знания о своих общественных отношениях, противостоящих им как нечто по видимости самостоятельное голая... абстрактная фраза: *самосознание*... а на другой стороне, вместо действительной природы и действительно существующих социальных отношений, - философское сведение воедино всех философских категорий или названий этих отношений в виде голой фразы: *субстанция*; ибо Бруно вместе со всеми философами и идеологами ошибочно принимает мысли, идеи, ставшее самостоятельным мысленное выражение существующего мира - за основу этого существующего мира. Само собой разумеется, что с этими двумя абстракциями, сделавшимися бессмысленными и бессодержательными, он может проделывать всевозможные фокусы, ничего решительно не зная о действительных людях и их отношениях»¹⁶.

Гегелевская система, по мнению Ф. Энгельса, была также отражением той социально-исторической ситуации Германии, которая характерна для монархического строя. Завершению логического процесс саморазвертывания абсолютной идеи соответствовала реально существующая Прусская монархия. Система гегелевской философии - эта грандиозная по своим масштабам систематизация знаний, определенный способ их организации - явилась в конечном счете отражением к выражением социально-исторических реалий конца XVIII - XIX веков. Разрушение гегелевской философской системы оказалось отнюдь не только проявлением внутренних противоречий ее как системы знания. Конфликт последователей Гегеля с его философской системой явился отражением принципиально новых социальных тенденций. «...Практические потребности... борьбы против положительной религии привели многих из самих решительных младогегельянцев к англо-французскому материализму. И тут они вступили в конфликт с системой своей школы»¹⁷.

В «Нищете философии» К. Маркс так описывает ситуацию, в которой формируется революционная наука о развитии материальных и духовных условий освобождения рабочего класса. «...*Социалисты и коммунисты* являются теоретиками класса пролетариев. Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества, - до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетенных классов, придумывают различные системы и

стремятся найти некую возрождающую науку... До тех пор, пока они ищут науку и только создают системы, до тех пор, пока они находятся лишь в начале борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной, разрушительной стороны, которая и ниспровергает старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука, порожденная историческим движением и принимающая в нем участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной»¹⁸.

Спекулятивно-конструирующей деятельности прежних философов К. Маркс и Ф. Энгельс противопоставляют положительную науку. Она порождается историческим движением в ответ на те потребности, которые возникают в ходе общественно-исторического движения и которые осознаются мыслителями как проявления исторически необходимого. Таким образом, общая структурная организация знания задается в социально - исторических науках, включая философию, главными, доминантными тенденциями исторического движения. Поэтому концептуальную структуру этого вида знания следует рассматривать как отражение данных тенденций. Формой выражения их могут выступать некие нормативы социального познания. Анализ их составляет предмет методологии социального познания. Исследование природы концептуальной структуры, выяснение их роли и функций в познании составляет важную задачу методологии научного познания вообще и социального познания, в частности.

В отношении способов организации других видов знания (его концептуальной структуры) социальные факторы выступают также определяющими. Их проявление и действие было связано со способами производства и потребления знаний: кто, как и зачем их потребляет. В аристотелевской систематике знаний мы находим иерархическую его структуру, отражающую собой существовавшее в то время разделение труда. Вершина этой иерархии представлена высшим знанием – философией – «это безраздельно господствующая и руководящая наука, наука, которой все другие, как рабыни, не в праве сказать и слова против...»¹⁹. Творец этого знания - философ - мудрец, а потребитель - свободный человек, для которого теоретизирование - высшее благо. Молодой К. Маркс так обрисовал эту ситуацию производства и потребления данного вида знания. «В мастерской греческого философского сознания перед нами, в конце концов, вырисовывается из сумрака абстракции и под ее темным покровом тот же образ, который был присущ греческой философии, когда она, полная жизненных сил шествовала на всемирной арене; выступает тот самый образ, который видел богов даже в пылающем камине, который осушил кубок с ядом и который, как бог Аристотеля, наслаждается высшим благом – теорией»²⁰.

Другой слой знания в этой иерархии был представлен знанием прочих наук и искусств - математики, медицины, архитектура и др. Потребители и производители этого знания - люди, стоящие на следующей ступени иерархической лестницы. Люди дела - ремесленники обладают знанием дела.

«Люди опыта знают фактическое положение (что дело обстоит так-то), а почему так не знают; между тем, люди искусства знают "почему" и постигают причину»²¹. Завершает эту иерархическую лестницу знание, основанное на чувственном восприятии. Потребитель - этого знания - раб.

Структурообразующими факторами здесь выступают отношения социальной иерархии древнегреческого общества. Знание организуется так же, как организовано само общество. Соподчинение различных видов знания отражает соподчиненность социальных групп общества. Иерархизированные структуры в организации знания используются до настоящего времени, однако питательной почвой их будут в истории развития знания иные социальные факторы.

Присмотримся к моделям организации знания в естествознании в Новое время. Производимое естественными науками знание во все больших масштабах потребляется сферой материального производства. Капиталистический способ производства, основанный на машинной технике, сделал заказ науке... Производство продуктов - товаров потребовало от науки надежных рецептов их изготовления. Конечный продукт научно-исследовательской деятельности должен носить характер рецептов, чтобы его можно было потребить в производственных циклах. При этом изменилась и сама технология производства знания. Организационная структура знания была приведена в соответствие с задачами научно-исследовательской деятельности. И в этом смысле концептуальная структура естествознания отразила общие смыслы структуры производственных процессов.

Господствующей моделью организации знания в естествознании в данном случае становятся модели иерархизированных объектных структур. В основе классификации наук лежит ориентация на объекты, то есть на те или иные предметные области, возникшие в ходе материально - преобразующей, производственной деятельности. Ориентированность на объекты вскрывает в деятельностном бытии людей тот факт, что в осуществляемом ими способе производства человек противопоставил себя остальному миру как объекту. Причем степень этой противопоставленности весьма велика: преобразованный человеком мир обособляется от всего остального мира в такой мере, что вся последующая материально - производственная деятельность в решающей степени определяется им. Он функционирует и развивается по иным законам, чем мир природный, естественный.

Всякий объект задан способом деятельности, вычленившим его из мира, сделавшим его непосредственным предметом деятельности, а поэтому он несет на себе признаки вычленившей его деятельности. Объект всегда таков, каким он может быть в заданной человеческой деятельностью системе отношений, вне которой он как осваиваемая реальность не существует. Иерархия объектных структур есть не что иное, как иерархия видов и способов деятельности, принявших участие в его формировании как предмета деятельности. Определяющим видом человеческой деятельности является

материально - преобразующая деятельность, конкретно - исторической формой, которой выступает определенный способ производства.

Все иные виды деятельности в качестве наличного «материала» имеют уже преобразованный мир, из него формируются предметы этих видов деятельности. Для научно-исследовательской деятельности нечто становится предметом лишь постольку, поскольку оно задается ей преобразующей мир общественно-исторической практикой, ее структурами и системой отношений в ней. Освоение мира в научно-исследовательской деятельности преобразованного и заданного общественно-исторической практикой протекает далее как относительно самостоятельный процесс. Она вычленяет с помощью унаследованного исследовательского аппарата свой собственный предмет (это одна из форм преобразования), затем превращает его в свой продукт (это форма преобразования) в виде знания, в котором в большей или меньшей степени отражено и выражено существо всех процессов, участвовавших в исследовательском цикле. Иначе говоря, весь процесс научного познания опосредован общественно- исторической практикой.

Самыми общими структурообразующими факторами концептуальной организации знания в период становления капиталистического способа производства выступают структуры самих производственных процессов. Естественнаучное знание организуется по принципу их технологических структур. И сама научно - исследовательская деятельность, ориентированная на те или иные предметные области познания, строится по тому же принципу: что познается (предмет исследования); какими средствами (исследовательские средства и в целом аппарат науки); продукт исследования (результат познания). Такая структура полностью совпадает с простыми элементами процесса труда, описанного К. Марксом в «Капитале»²². Это совпадение - не случайное явление. Научно - исследовательская деятельность - особо организованная деятельность по производству знаний - отражает общую структуру труда как главного и определяющего все другие виды деятельности способа собственно человеческого существования.

Научно-исследовательская практика, как вид общественно-необходимого вида труда, направлена на производство продукта, хотя и особого. Знание организуется таким образом, что оно удовлетворяет как потребностям его расширенного производства (ибо в этом и состоит смысл научно-исследовательской деятельности), так и потребностям всех иных сфер (и прежде всего сферы материального производства - в технологии), для которых оно есть предмет потребления. Процесс производства и потребления знания приобретает характер технологического процесса. Структура производственно-технологических процессов оказывается одновременно и структурой научно-исследовательской деятельности. Следует отметить, что адекватность структур обеспечивает их взаимосогласованность как двух различных сфер общественной жизни.

Характеристика организационной структуры знания (концептуальная

структура науки), даваемая с точки зрения процесса его потребления и производства в научно-исследовательской деятельности, позволяет понять ее социальные детерминанты не как внешние, а как внутренние, и потому, будучи отраженными и выраженными в ее результатах (новых знаниях), входят в состав движущихся сил развития знания.

Обосновывая мысль о том, что в содержании функционирующего и развивающегося научного знания имеются отраженные параметры социально-исторической реальности, следует подчеркнуть тем самым внутринаучное, внутритеоретическое «присутствие» социальных факторов. Научное знание содержит их в себе в виде теоретических эквивалентов, находящих свою форму выражения и способ проявления в концептуальной структуре науки (хотя их «следы» обнаруживаются во всех элементах знания). Подчеркивая это обстоятельство, необходимо обратить внимание на некорректную постановку вопроса о так называемых внешних и внутренних (равно как о социальных и гносеологических) факторах развития научного знания²³. По отношению к развивающемуся научному знанию (именно, как к знанию, а не к тому, что имеет отношение к нему, скажем, к экспериментальным средствам, организационным структурам производства знания и т.д.) никаких внешних факторов, если оно берется как форма отражения и выражения реально существующей действительности, нет. Все, что относится к классу так называемых внешних факторов, содержится в знании как форме их отражения. И как только нечто находит свое отражение и выражение в знании, становится моментом его содержания, оно уже не есть внешний фактор. Это справедливо даже в том случае, когда отраженные и выраженные в знании какие-либо моменты действительности составляют в его содержании «нестыкуемые» блоки с другими элементами и этого содержания. Но и в этом случае мы имеем дело не с существующим вне знания фактором, а с противоречием самого знания²⁴, которое отразило его, но не выразило в данной системе знания.

Поскольку научные понятия, работая в определенной системе знания (скажем, в теории или концепции), имеют более менее точные смысловые значения только в этой системе, то все, что находится за пределами идеализированных объектов, описываемых данной системой знаний, будет выступать «внешним» событием, а потому и понятия теряют полную значимость для них. Но это отнюдь не означает, что такие события не отражены в знании иного рода, в иной концептуальной системе знаний. Причем их фиксация в знании не обязательно должна удовлетворять требования концептуального теоретического воспроизведения. Знания об этих событиях могут не включаться в строгие логические структуры. Следует отметить, что знания, включенные в строгие теории, составляют сравнительно малую часть из всего массива знаний, функционирующих в обществе. Роль этих знаний в процессе развития научного знания различна²⁵. Одни из них выступают в роли предпосылочного знания по отношению к систематизированным знаниям, другие составляют некую инфраструктуру

исследовательской деятельности, третьи играют роль вспомогательных средств в поисках оснований классификации знаний, четвертые выполняют роль элементов строительных лесов научной теории и т.д. Большое значение знания такого рода приобретают в создании моделей (хотя и весьма приближенных на первых порах) предметной области исследования, самого предмета, технологии исследовательского процесса и т.д. Из этого массива знаний следует выделить особый слой - так называемого предпосылочного знания научного исследования, которое может быть квалифицировано как идеалы и нормы научного исследования²⁶. Рассматривая идеалы и нормы преимущественно как «собственно познавательные установки, которые регулируют процесс воспроизведения объекта в различных формах научного знания»²⁷, необходимо из отраженного в них социально - исторического содержания понять их функции как регулятора исследовательской деятельности.

Излагая суть подобного взгляда, Б.Г. Юдин пишет: «С нашей точки зрения, подход, при котором социокультурная проблематика обнаруживается лишь на выходе методологической конструкции, как определяемое ею дополнение, - такой подход вовсе не является единственно возможным. «Чисто» методологическая позиция, а также совокупность задающих ее представлений и понятий оформляется в ходе особой *концептуально проработки* (курсив мой – Г.М.) некоторого конкретно-научного материала. Но сам этот материал, конечно же, обладает не только методологическими характеристиками. Более того, и сами методологические понятия - в той мере, в какой они описывают познавательную деятельность, - являются, так сказать, социологически нагруженными»²⁸. «...При обращении к процессу построения нового знания, - продолжает Б.Г. Юдин, - роль таких внелогических регулятивов, как исторически изменяющиеся идеалы и нормы научности, проявляются особенно отчетливо. С помощью этих регулятивов, выступающих по отношению к каждому отдельному процессу построения гипотезы в качестве некоторых «априорных основоположений», в значительной мере и осуществляется социокультурная детерминация познавательной деятельности в науке». Делая один из промежуточных выводов в своих рассуждениях, автор заключает: «Социокультурные детерминанты могут быть рассмотрены не как бесформенная глина, предназначенная для заделки швов и трещин в здании рациональной реконструкции, а нечто имеющее *свою собственную структуру*, в известной мере придающую жесткость и устойчивость познавательным, конструкциям, а тем самым и влияющую на направление их роста»²⁹ (курсив мой – Г.М.). Выделенные в тексте понятия важны тем, что они имеют прямое отношение к обосновываемому здесь понятию «концептуальная структура науки», и в частности, к его содержательным и функциональным характеристикам.

Что придает идеалам и нормам научного исследования, приобретающим статус «априорных основоположений» по отношению к процессам построения нового знания, более или менее жесткие структуры? Почему они, обладая

своей собственной структурой, могут придавать жесткость и устойчивость познавательным конструкциям, включая монтируемое новое знание? Логичным, с точки зрения материалистического понимания истории, должен быть ответ таким: устойчивые структуры общественно-исторической практики, которые обеспечивают существование научно-исследовательской деятельности и которым соответствует архитектоника продуцируемого нового знания, ибо только в этом случае научно-исследовательская деятельность находит оправдание своего существования, и только в этом случае ее продукты становятся адекватными способами потребления их.

Концептуальная структура науки, включающая в свои понятия социально-историческую составляющую, сама оказывается лишь теоретическим оформлением (и в этом смысле отражением) системы параметров постоянно воспроизводящей себя социально-исторической реальности. В какой мере последняя воспроизводит устойчивую систему социальных отношений (в нашем случае отношения производства и потребления между наукой и иными сферами общественной жизни), которая обеспечивает функционирование научно-исследовательской деятельности, в такой же мере и воспроизводится концептуальная структура науки. Но как становящиеся во времени структуры общественно-исторической практики и соответствующие им социальные отношения являют себя в качестве детерминирующих процесс познания факторов иначе, чем их фиксированные состояния в идеалах и нормах научного исследования. Происходящие изменения в самой социальной реальности должны найти отражение в ближайшем как к ней, так и к науке, слое знаний. Таковыми и оказываются знания, входящие в концептуальную структуру науки.

Социально - историческая характеристика научно-исследовательской деятельности и обозначенные параметры научного труда в их непосредственной связи с продуцируемым концептуально оформляющимся знанием подводят к определению научно-исследовательской практики. В первом приближении она может быть определена в виде целостной системы общественных явлений и процессов, обеспечивающей функционирование и развитие науки как сферы расширенного производства знаний. На уровне эмпирически фиксируемого в данном понятии отражается, по крайней мере, два момента: во-первых, интегральный характер целого класса явлений общественной жизни, связанных с производством и потреблением научных знаний как непосредственного продукта этой сферы общественного производства; во-вторых, институционализация познавательно-поискового процесса в виде специфического формационного социального образования - общественно необходимого, развивающего, интегрального, полифункционального.

Под научно-исследовательской практикой (НИП) понимается вид деятельности (в рамках общественного разделения труда) особой категории людей - ученых, осуществляющих ее на основе использования определенных

средств, методов, способов решения задач по расширенному воспроизводству знаний и разрабатывающих способы функционирования знаний в обществе в рамках специфического социального института - науки³⁰. Это рабочее определение НИП связывается нами с пониманием науки как социально-исторического явления³¹. Как и всякое понятие, понятие НИП нуждается в специальном обосновании, определении статуса в используемой системе теоретических представлений об исследуемом явлении. На этой стадии изложения материала можно ограничиться лишь указанием на два решающих обстоятельства, определивших необходимость введения данного понятия. Во-первых, это относительная самостоятельность науки как особого социально-исторического явления, способом существования которого является специфический вид деятельности - научно-исследовательская деятельность. Во-вторых, наличие сложных механизмов формирования, роста и развития научных знаний с учетом определяющих этот процесс деятельностных факторов как в самой научно-исследовательской деятельности, так и в сопряженных с ней областях общественной жизни.

По укоренившемуся представлению (скажем, на уровне здравого смысла или в популяризаторской литературе) научная деятельность, как правило, отождествляется с познавательной деятельностью. И коль скоро, последняя понимается как духовная деятельность и соотносится со своей противоположностью - практической деятельностью то говорить о научно-исследовательской практике, по меньшей мере, некорректно. Познавательная деятельность лишь момент (безусловно, существенный) научной деятельности, однако не исчерпывающий всего ее содержания. И это - во-первых. Во-вторых, научная деятельность, как исторически развивающаяся социально институционализированная деятельность, претерпевает изменения, которые касаются не только процедурных (технологии поиска новых результатов) ее моментов, но и места, роли и функций в целостном социальном организме. Наконец, в-третьих, как сфера деятельности, научная деятельность взаимодействует с другими сферами, участвуя в формировании базисных (объективных) общественных отношений.

Взгляд на науку как фактор общественно-исторического процесса, придающий последнему новые качественные характеристики, позволяет рассматривать ее как сферу, эксплицирующую практическое. Действительно, современная наука, как особая форма общественного производства с многочисленными обеспечивающими ее жизнедеятельность социальными структурными образованиями, удовлетворяющая общественные потребности и участвующая в порождении новых потребностей, обеспечивающая своими продуктами оптимальность процессов социальной технологии и питающая себя ее продуктами, вырастающая и развивающаяся в системе общественных отношений и участвующая в их модернизации, становится сферой практического. Это такая сфера, в которой осуществляется кооперированная «практически – критическая» (Маркс) деятельность специальной группы людей

(научного общества), направленная на освоение объективно существующего, но еще не исследованного, а стало быть, и сознательно еще не включенного (и потому неуправляемого) в целостную систему общественно-исторической деятельности людей. Способы выявления, осознания, более или менее глубокого изучения объективного, а вместе с тем и способы познания, в сознательно организуемый социальный процесс, делают научно-исследовательскую деятельность сферой специфического духовно-практического освоения действительности.

Творимая совокупной деятельностью людей социальная реальность (а это творение не может осуществляться в современных условиях вне результатов научного поиска) уже содержит в себе ряд потенциально возможных состояний, являющих собой ту часть общественно-исторического процесса, которая не осмыслена и не выражена соответствующим образом в научных знаниях. Научно-исследовательская деятельность, погружаясь в эту самую «стихийную» часть общественно-исторического процесса и являя в своих результатах отражение и выражение объективного, сама становится его неотъемлемой частью, поскольку самым непосредственным образом участвует в развитии социальной реальности.

Безусловно, не каждый вид деятельности можно квалифицировать как практический. Что же в таком случае (с учетом широкого диапазона социальных характеристик научной деятельности) делает ее специфическим видом практики? Фундаментальный признак практики - ее материальный характер. Материальность же, в свою очередь, отделяется через объективность, то есть как такое содержание любого общественного явления (или какой - то одной стороны его), которое существует вне и независимо от нашего сознания. Признать объективную закономерность развития научной деятельности как содержательного момента социально-исторического процесса и как относительно самостоятельной сферы деятельности - значит признавать в ней объективное содержание, признавать ее материальный, практический характер. Чем объективное представлено в научной деятельности? Тем же, чем и объективное в историческом процессе - системой формирующихся объективных общественных отношений, как тех, которые складываются в процессе любой преобразующей деятельности людей в виде некоторого ее общего результата, так и тех, которые складываются в ходе осуществления локальных действий людей, участвующих в производстве и потреблении знаний, опять-таки в виде некоторой общей результирующей этих действий.

То обстоятельство, что научная деятельность носит целеполагающий характер (хотя целеполагание в ней имеет целый ряд особенностей по сравнению скажем, с производственно-технической деятельностью), что ее продуктом выступает один из видов духовных ценностей - научные знания, что сами познавательные концептуально организованные акты и действия носят теоретический характер, отнюдь не лишают ее объективного, материального содержания. Практика есть постоянный процесс преодоления границ

наличного в данный момент времени общественного бытия, выход за пределы существующих форм и осуществления жизнедеятельности людей. Вне изменения условий, созданных предшествующей деятельностью, как и без изменения самих форм и способов актуальных форм деятельности, преодоление этих границ невозможно. Научная деятельность выступает не просто условием процесса расширения границ актуального бытия человечества, а моментом содержания этого процесса, без которого такой процесс в его современном качественном виде просто невозможен. Научная деятельность практична в том смысле, что она, располагая своими собственными специфическими средствами, выявляет в создаваемом совокупными усилиями людей (и при ее же непосредственном участии) мире то объективное, что превращает развитие общества в естественно-исторический процесс. Научная деятельность, будучи моментом этого естественно-исторического процесса, выступает сферой, в которой реализуется объективное исторически необходимое в двояком смысле: и как способ его обнаружения и выявления, и как способ воплощения разработанных на его основе рациональных структур социальной технологии. Понятие научно-исследовательской практики позволяет понять концептуальную структуру науки как форму и способ экспликации исторически необходимого, объективного и закономерного в общественном развитии. Для того, чтобы выяснить характер и содержание связи между изменяющимися состояниями социально-исторической реальности и отражающей их концептуальной структурой науки, необходимо обратиться к анализу исследовательских процедур научно-исследовательской деятельности.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.131

² См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С.21-22, 25-30, 84-87, 139-143, 162-168.

³ Микешина Л.А. ИмPLICITные компоненты в структуре научного познания // Философские науки. 1987. №7. С.67.

⁴ См.: Ярошевский Т.М. Размышления о практике: По поводу интерпретации философии К. Маркса. М., 1976. С.72

К ГЛАВЕ I

⁵ Ф. Энгельс связывал возникновение нового направления теоретической мысли, развитого К.Марксом, с анализом истории развития труда, благодаря чему был найден "ключ" к пониманию всей истории общества (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.317)

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.37. С.415

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.1. С.116

⁸ Мотрошилова Н.В. Теоретические предпосылки и проблемы марксистского исследования социальной природы познания // Социальная природа познания. М., 1979. С.11

⁹ См., напр.: Волков Г.Н. Социология науки. М., 1968; Яхиел Н. Социология науки. Теоретические и методологические проблемы. М., 1977; Йорданов И. Наука как логическая и общественная система (познавательные и прикладные функции современной науки); Киев, 1979 и др.

¹⁰ См.: Миронов Г.Ф. Место и роль метода в механизме взаимодействия наук // Проблемы взаимодействия наук. Ульяновск, 1983, С.32-35

¹¹ Когда рассматривается случай развивающегося познания посредством постоянно совершенствующегося аппарата, то ход исследования и ожидаемый результат становятся менее определенными. Тогда каждый последующий шаг в исследовании сопровождается получением результата, который превращается в средство осуществления очередного шага. Здесь как раз и проявляется нерасторжимое единство способа установления метода и способа его применения. Эти процедуры оказываются тождественными. Внутренняя связь этих процедур вскрывается при анализе процесса

оборачивания метода. Маркс показал это на примере превращения дифференциала из алгебраического метода дифференцирования в дифференциальный метод нахождения производных. (См.: Маркс К. Математические рукописи. М., 1968). Анализ процесса оборачивания метода всегда выступает необходимой процедурой при исследовании развития научного знания через установление способов его получения и способов применения.

¹² См.: Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Концепция понимания в системе философского знания // Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982. С.155.

¹³ Выявлению теоретико-познавательного содержания процедуры понимания и определению ее роли в логике и методологии науки посвящен сборник научных работ – Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982. См. также: Логика, рациональность, творчество. М., 1982. С.111-118; Розов М.А. Проблемы, эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977 и др.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.42.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений М., 1956. С.52, 69, 88,90, а также С.171,178,187 и др.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.84.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 280.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С.146.

¹⁹ Аристотель. Метафизика. М; Л., 1934. С. 45

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С.138

²¹ Аристотель. Метафизика. С. 20

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С. 2188 и т.д.

²³ Речь идет, в конечном счете, об антиномии двух методологических концепций в области историко-научных исследований - интерналистской и экстерналистской. Как нам думается, данный вопрос убедительно проясняет В.С. Грязнов. «Интерналист утверждает, -писал В.С. Грязнов, - что изменения, происходящие в науке, могут быть р а ц и о н а л ь н о воспроизведены в историческом знании только в том случае, если мы обратимся к внутренним, имманентным процессам, происходящим в самом научном знании». Характеризуя позицию экстерналистов, Б.С. Грязнов продолжает: "С точки зрения экстерналистов, изменения в науке (которые, собственно, и должна воспроизвести история науки) совершаются под воздействием внешних (по отношению к науке) событий, а потому задачей истории науки является изучение этих внешних воз действий". Для меня, -заключает Б.С. Грязнов, - экстерналистская и интерналистская концепция - это не две разные теоретические установки по отношению, к одному и тому же объекту, а действительно разные концепции о двух различных объектах». См.: Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М., 1982. С. 103; Юдин Б.Г. Методологическая и социокультурная определенность научного знания // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 120-131.

²⁴ К систематизированным видам знания это относится в меньшей степени, поскольку они имеют свои миры объектов и потому носят гомогенный характер, а противоречия, возникающие в таких системах знания, хотя, имеют ту же природу, но выявляются иным способом. Процесс выявления относится к компетенции теоретических процедур анализа и преобразования знания.

²⁵ См. напр.: Микешина Л.А. ИмPLICITные компоненты в структуре научного познания // Философские науки. 1987. №7.

²⁶ См.: Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981.

²⁷ Там же. С. 5.

²⁸ Там же. С. 126.

²⁹ Там же. С.127-128.

³⁰ Данное определение предложено нами ранее. См.: Миронов Г.Ф., Миронова Н.Б. Научно - исследовательская практика в структуре научного познания // Категории диалектики в естественно-научном познании. Ульяновск, 1984. С. 26

³¹ См., например: Гиндев П. Философия и социальное познание. М., 1977; Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. М., 1980. и др.

Научно-исследовательская практика (Философско-методологический анализ) / Миронов Г.Ф. – Саратов: СГУ, 1989.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС НАУКИ В СВЕТЕ ЕЕ КРЕАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Динамичный характер явлений современного социального мира вряд ли вызовет сомнения у всякого, кто так или иначе включен в него на правах агента – носителя активности – и реализующего ее в той или иной форме. Определение социального статуса Науки невозможно без учета ее *инновационного содержания*, которое институционализирует ее в качестве специфического социального образования, революционизирующего (качественно изменяющего) общественную жизнь в целом, и в свете которого она сама переопределяется. Однако в определениях самих явлений как динамичных нам приходится использовать далеко не динамичные средства, да и сама процедура задавания пределов (*о-предел-ение*) состоит в некоем установлении границ, выделении фиксированных состояний, во введении констант и, в конечном счете, в апелляции к инвариантам. В процессах определения мы изначально имеем дело с ускользающими моментами определяемой реальности. Чем выше динамизм последней, тем меньший эффект самой процедуры определения.

В предлагаемом ниже материале рассматриваются вопросы, проясняющие правомерность всякого рода определений с наперед заданными параметрами по отношению к динамичным социальным образованиям, к каким без особых натяжек мы можем отнести Науку. Необходимость такого рассмотрения вызвана тем, что современные представления о динамике¹ предъявляют к ограничениям, налагаемым на исследуемую реальность, свои «требования». В частности, насколько правомерны задаваемые ограничения (какими бы соображениями они ни были вызваны) на спонтанные процессы, участниками которых являются сами исследователи. При ближайшем рассмотрении эти ограничения упраздняются той же динамикой, по отношению к которой они были применены. В конечном счете, всякие ограничения (они же и *о-предел-ения*) снимаются (переопределяются) самой же динамикой. И когда речь идет о процедурах определения статуса Науки, то имеется в виду та самая *динамика* социальной реальности, которая охватывает собой всякие «снятия» и «переопределения». В универсуме действующих сил, образующих силовые поля, пожалуй, ни одна реалья не остается без изменения (согласованного с другими реальями) содержащих ее связей. Подразумеваемая здесь процедура определения социального статуса Наука направлена на выявление некоторого ее содержания, подпадающего под рубрику креативного. Дело, конечно, не только в самих процедурах² как таковых, а в том, какая

¹ Под динамикой понимаются совместно действующие силы, результирующая которых дает направленность процессом в их восходящих и нисходящих стадиях.

² Под процедурой [лат. *procedere* продвигаться] подразумевается процесс, а не только «снятый» с него *порядок* – форма осуществимости процесса. Поэтому процедура в ее функциональном значении может

картина вырисовывается при их использовании. И это, во-первых. Во-вторых, в каком качестве пребывает осмысливаемая и постигаемая реальность в задаваемых этими процедурами пределах. И наконец, в-третьих, учитывая универсальность динамики, охватывающей собой определяемое, определяющего и всевозможные способы определений, в каком качестве являемые состояния нам даны и в какой форме эксплицированы. Без прояснения данного круга вопросов определение статуса Науки может ограничиться банальными суждениями о ней типа «огромное значение», «определяющий фактор развития», «доминантная форма и способ познания» и т.д.

В философско-метафизическом мышлении наука осмысливается на уровне ее «основности». Традиционная философия (метафизика), ставящая своей главной задачей разыскание (как потом оказалось – установление) «последних оснований бытия и познания», мыслит эту самую основу либо как то, что определяет Науку как таковую, либо как то, основанием чего наука является. Вне выяснения *связей* между этими функциональными характеристиками «основы» – быть основой и быть основанием чего-либо, – разговор об определении статуса Науки лишен смысла.

Об этом можно было бы и не говорить, если бы не было устойчивых тенденций в «Философии науки», когда в осмыслении Науки как социального явления не наблюдались бы указанные доминанты: мыслить Науку в качестве основания (одного «из», конечно) современного цивилизационного процесса; мыслить науку с точки зрения ее собственных оснований, природа которых для нее самой всегда проблематична.

Можно было бы сразу сказать о некорректности так сформулированного тезиса о двойственности мыслимой «основности» Науки. Такой позиции я и придерживаюсь, но это только в конечном счете! Процесс же осмысления «основности» Науки так или иначе «зацикливается» (на разных этапах осмысления) на этих двух вроде бы дополняющих друг друга тезисах. Действительно, что можно сказать о Науке, не апеллируя к ее объективированным формам существования, где они получают свое социально параметрическое измерение – место, роль, функции, значимости и т.д. в жизни социума. И здесь она уже фигурирует не только в качестве одного из явлений социума, но и в силу масштабности и действенности в нем, квалифицируется как одно из его оснований. Ведь без особой осторожности сейчас мы позволяем себе утверждать, что «наука – непосредственная производительная сила», «современная наука – определяющий фактор цивилизационного процесса». При выявлении же природы Науки мы так или иначе апеллируем к социуму, где усматриваем некоторые основания *для* Науки.

Обсуждаемый здесь вопрос не тождествен дискутируемому в 30-40-е гг. XX века в западноевропейской научной историко-научной литературе вопросу

быть расшифрована и представлена как процесс, а в ее содержательном аспекте – как объективированная форма осуществившегося процесса.

о «механизмах» развития науки. Имеется в виду дискуссия между экстернализмом и интернализмом в понимании и трактовке процесса развития Науки под воздействием «внешних» и «внутренних» факторов, откуда и вытекала ее так называемая «внешняя» и «внутренняя» история. По сути дела спор между экстерналистами (Р. Мертон, Дж. Бернал, Э. Цильзель и др.) и интерналистами (А. Койре, А. Р. Холл, Дж. Рэндэлл и др.) во многом был некорректен. Экстернализм и интернализм – это две различные концепции с различными предметами исследования. В лучшем случае эти концепции находятся в отношении дополнительности. Позитивная сторона этого спора имела бы место, если бы у них появился общий предмет исследования. Таковым, на мой взгляд, является Наука как социокогнитивное образование. Тогда задача сводилась бы к выявлению «научного содержания» в реалиях общественной жизни – включение в нее объективированных форм научной деятельности, – а также к определению «социального содержания» в реалиях науки, где таковыми являются «снятые» и выражены в когнитивных образованиях схемы, структуры и связи социокультурного контекста. Трансформация этих «содержаний» оказалась формой проявления креативных состояний социума. Акцент в исследованиях науки с позиций детерминистской методологии, нормативное требование которой – выявить детерминационные связи между наукой и социумом, – сместился на ин-формационно-син-энергетические установки, согласно которым наука и социум мыслятся внутри друг друга как формообразующие активности совместно реализующих ее людей. Совместность, одновременность и потенциальность становятся доминирующими характеристиками креативных состояний социума, где различие (оперирование «внутренними» и «внешними» связи) теряет смысл.

Избежать тавтологичности в трактовке отношений Науки и социума невозможно в *процедуре определения*, которая изначально предполагает «отсыл» к другому. Нечто определяется через другое, через соотнесение с чем-то полагаемым в качестве уже существующего, а главное – иного.

Процедурное происхождение *иного* как полагаемого (или *полагаемого* как иного) в подчеркнутом виде означает человеческий деятельно-действенный подход к *Целому*. Будучи одним из агентов этого Целого, человек выделяется «из Него» и тем самым выделяет «в Нем» нечто соразмерное самому себе. Но такая соразмерность задается аналитическими процедурами. Поэтому другое становится таковым в силу расчленяемости Целого, каждый фрагмент которого дан не раньше того, как осуществилась процедура его получения. Иначе говоря, другое для человека носит произведенческий характер. Имея дело с произведенным, человек выстраивает систему *отношений*. Целостно образующие связи трансформируются в отношения, в структуре и динамике которых состоит технико-технологический способ существования человека. В отношениях и через отношения любая реальность приобретает статус объектной формы существования. За объектной «картиной мира» скрывается далеко не очевидный факт – постоянная замещаемость связей отношениями. В

каком-то смысле отношения исключают связи. В отношениях заключены и выражены противоположенности. Одному полагается другое как самостоятельно существующее, автономное, борющееся. В лучшем случае они мыслятся как со-присутствующие. Целостно-образующие связи далеко не исчерпываются отношениями, полагаемых нами в объектной модели мира. В «зазорах» между полнотой и универсальностью связей и этими отношениями развертывается человеческое деятельностное существование.

Таким образом, *деятельно-действенное* существование человека – действительно по результатам, каковыми являются объективированные формы его активности, включая возникающие и сопровождающие побочные явления-эффекты в ходе ее реализации. Человек в таком случае оказывается в области *фактического*. И когда он приступает к сущему, то имеет дело с уже сделанным. Из последнего он может «вывести» то, что в нем закодировано предшествующими действиями, процедурами, технологией. И здесь он далеко не свободен в выборе своих дальнейших действий.

В этом, на мой взгляд, кроется природа упомянутой выше тавтологичности как постоянной возвращаемости от сделанного к делаемому и, наоборот, от делаемого к сделанному.

На уровне абстрактно-теоретических схем отношения между продуктом и деятельностью, деятельностью и продуктом мыслятся как тождественные. В реальных процессах, однако, это не так. Возвращение потому становится таковым, что в ходе его имеет место возвышение, надстраивание, особо подчеркну, за счет «побочных эффектов». А они возможны при действительности связей «извне».

Конституирующим моментом тавтологичности является процедура разделения на внутреннее и внешнее. Другое мыслится как внешнее по отношению к определяемому. Строго говоря, Другое – проекция Его во вне – усматривание себя в чем-то, что моим не являлось, но стало или становится моим в качестве данности этого другого. В этом смысле оно уже «мое», поскольку мне дано или явлено во мне. А по содержанию же другое тождественно с моим мыслимым содержанием настолько, насколько в нем есть мое присутствие в качестве осуществившейся процедуры его получения.

Подобный ход рассуждений приводит к выводу о том, что оперировать противоположностью одного (первого) и другого (второго) в определениях малопродуктивно – здесь либо тотальная тавтология, либо «дурная бесконечность». Выход видится в том, чтобы помыслить Одно с присутствием Всего со-держающего его и со-держающегося в нем.

Возвращаясь к постановке вопроса о статусе Науки следовало бы уточнить его формулировку. «Каково основание Науки, которое было, есть и будет обеспечивающим ее существование в качестве образования, содержащего в себе и для себя все другое как свое?» Фигурируемое в этой формулировке другое, как уже подчеркивалось, трактуется (или должно быть протрактовано) не через отношение внутреннего и внешнего, а через *связь*,

которую я называю *презентативной*. Вместо отношений дискретностей, которыми мы оперируем и выражаем счетным рядом чисел или функциональными зависимостями, в данной формулировке подразумеваются связи (если их можно назвать таковыми) непрерывности¹. Презентативные связи и есть выражение непрерывности.

К пониманию своей целостности Наука шла трудным путем. Этот путь можно обозначить как преодоление ограниченности тех абстрактно-теоретических схем, которые она брала на вооружение для своей же осуществимости. Начинание ее состояло в том, что она изобрела свой специфический способ организации знания. В отличие от рецептурного характера организованных и функционирующих знаний в обществах, опирающихся на традицию, она предложила его «динамичный вариант». При этом была реализована возможность получения знаний в опоре и на основе уже имеющихся знаний – выводные знания. В качестве «машины», производящей такое знание, выступила теория. Как оказалось впоследствии, и теорий, несмотря на их одинаковую анатомию, можно построить достаточно много. Этим своим изобретением Наука определилась в качестве динамичной структуры. Здесь и задается одно из параметрических измерений Науки – ее *динамика*. Будучи протрактованной в терминах силовых полей, Наука может быть понята как син-энергийное² явление. И тогда предполагаемая ее локальность (явление наряду с другими явлениями) становится весьма сомнительной. Не будет большим преувеличением сказать, что Наука в своей истоковости – форма проявления универсальной динамики. К такому пониманию самой себя она пришла тогда, когда сама стала исследовать синергетические эффекты. А апелляция к энергийным характеристикам, а вместе с ними – и к информационным, ныне дает иную картину целостности Науки.

Здесь можно было бы сформулировать вывод-тезис «Наука – презентативно-представительна» или «Наука – презентабельна», что в определенной мере выражает ее статус в универсальной динамике Мироздания.

В продолжение формулировки антропного принципа, согласно которому «Мир устроен так, что в нем есть человек...», можно добавить: «...реализуемые возможности существования которого обеспечиваются и Наукой». Наука в этом случае фигурирует как сфера бытия человеческого Разума, эксплицирующего Возможное в формах и способах жизнеосуществления человека. Качественная сторона этой жизнеосуществляемости, на мой взгляд, – это постоянно оформляющаяся креативность. Если ее понимать как атрибут Бытия, то Бытие – из-быточно и обновляемо. Этот метафизический постулат может быть рационально расшифрован, если посмотреть на Науку в разных ее

¹ Связь как «вязь-ткань» Универсума непрерывна в том смысле, что она не метрична. Метрика, вводимая нами в процедурах сравнения дискретных структур, отсутствует там, где есть Целое.

² Под энергийностью понимается единство и целостность форм проявления активностей. Совокупность динамик, как они явлены в жизнедеятельности людей, образуют социальную реальность (социум).

измерениях – линейно-процессуальном, со-бытийном, презентативном и эволюционном.

Наука – одна из форм реализации избыточности, складывающейся в социуме. Особо отмечу, что Наука через свои же объективации участвует в создании этой избыточности. В этом смысле Наука, устремляясь в будущее, имеет шлейф, во многом определяющий не только ее направленность, но и потенциальность¹. Благодаря последней, явление обретает определенность через всю совокупность связей, удерживающих его среди множества других разнородных явлений, но образующих собой Целостность. Потенциальность является характеристикой качественной определенности. Качество (по Гегелю), «тождественная с бытием определенность»), выраженное через потенциальность, может быть представлено как энергийно-информационное образование.

Наука, какой она оформилась в античной культуре, имела своей преднамеренностью усмотрение скрытого, выявление потаенного, экспликацию наиболее совершенных форм организации Космоса. Будучи органически вписанной в эстетизированную культуру той эпохи с ее космоцентризмом, наивным онтологизмом и полисной организацией общественной жизни Наука как Science – вид знания – претендовала на выражение рационально организованного Космического Целого. Параметрически оно мыслилось как оформление и относилось к компетенции мета-физики, за которой закрепился статус «учения о последних основах бытия познания» – учения о Бытии – Онтологии². После выявления изъянов гегелевской системы всякие попытки построить универсальную онтологию оказывались безуспешными. Дело ограничивалось построением локальных картин мира, которые и играли онтологическую роль. Будучи делом теоретических изысканий, онтологическая тематика перекочевала в область контекстуальности специализированных научных и философских поисков.

В определении социального статуса Науки существенную роль играла прагматика, хотя «удельный вес» этой роли в разные эпохи был различен. В условиях современного цивилизационного способа существования социума предопределяющий характер прагматики несомненен. Потребности, возникающие в сфере производственно-деятельностного способа существования социума, настолько разрастаются, что многие из них не могут быть удовлетворены. Оценка науки только с точки зрения ее эффективности в удовлетворении потребностей, на мой взгляд, некорректна.

¹ Под потенциальностью понимается результирующая сила взаимодействия элементов некоторой целостности, удерживающая ее в стабильном состоянии в данный момент времени.

² Выяснением отношений между Метафизикой и Наукой во многом занималась философия, включая современные ее разделы под различными названиями. Монополизируя онтологическую проблематику и продолжая взаимодействовать с Наукой, философия пришла к выводу об ее онтологическом статусе в социуме. И, одновременно, обнаружила эту проблематику в ней самой, где и найдено было общее пространство их взаимодействия.

В качестве так называемого побочного эффекта Наука, конечно же, удовлетворяет потребности, возникающие в прагматике. Но, во-первых, надо уяснить природу этих потребностей, во-вторых, насколько удовлетворение их с помощью Науки необходимо и целесообразно, а в-третьих, является ли сама интенция Науки на удовлетворение потребностей доминантной в ее конституции и как социокогнитивного образования, и как сферы манифестации человеческой духовности.

Конечно, выявлять социальный статус Науки, игнорируя ее операционно-процедурную, активно-деятельную и проективно-программирующую составляющие, невозможно. Но сводить ее к решению сугубо прагматических задач и утилитарных вопросов вряд ли целесообразно. Дело, разумеется, не только в том, что этим самым мы принижаем миссию Науки в динамике жизнедеятельности Человека, универсально вписанного в Мироздание (кстати, и при участии Науки), а в том, что она участвует в обеспечении выхода за пределы наличного бытия. Здесь можно было бы подумать об ее инструментальной функции – обеспечение чего-либо. Отнюдь нет! Таковой она становится, но в истоках своих она нечто большее, чем функциональная структура. Если преодолеть стереотип, согласно которому наша жизнеосуществимость лишь «функция среди функций», а посмотреть на нашу активность как синергийный эффект присутствующего в Целом и Едином Мироздании, то, скорее, сама эта функциональность окажется производной от универсальных Связей в Нем. Тогда в содержании человеческой исполняемости Наука займет совсем иное «место». Уместность Науки в бытии Человека состоит в том, что она актуализирует духовный потенциал Человека и человечества в их эволюции, в которой прагматика является одной из вторичных форм ее реализации. Здесь акцент смещается на истоковость Науки как одного из импульсов универсального Энергийно-Информационного Действия Человека. В этом случае она попадает в разряд постоянной формы институционализированности Человека как духовного существа.

Наука, взятая в своей истоковости, исключает ее видение как продукта действующих *вне* ее сил. Отсюда тезис о со-держашей себя Науке в целостной динамике Мироздания, где она *одновременно* и ее момент, и синергийное образование, и форма реализующейся креативности. Таковой она остается и в случае своей прагматической направленности, где за сознательно поставленными и с большим или меньшим успехом достигаемыми целями скрываются, а потом и раскрываются потаенные «механизмы» организуемости энергетики человека, включенного в универсальные связи Мироздания. Стало быть, социальный статус Науки есть ее самоопределение в качестве оформляющегося и реализующегося содержания креативного потенциала совместно и одновременно живущих в данную эпоху людей.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА КАК АКТУАЛЬНАЯ ФОРМА БЫТИЯ НАУКИ, СОЦИУМА, ЧЕЛОВЕКА

Исследование *научно-исследовательской практики* выявило целый ряд проблем, связанных с ее *описанием* и *представлением* в языке современной культуры и в принципах современной цивилизации. Наличие данных проблем – симптомы тех кардинальных изменений, которые имеют место в культуuroобразующих обстоятельствах и цивилизационных факторах. Глобальный характер качественных изменений касается самих основ человеческой жизни, условий ее существования, а в современной ситуации и выживания.

Современная гносеологическая ситуация такова, что любые явления общественной жизни в наших представлениях, как продуктах познавательных усилий человека, оказываются как бы «без оснований», по крайней мере без тех из них, которые ранее мыслились, полагались, считались таковыми. Но поиск таких «оснований» – фундаментальная интенция человеческого разума. И эта разумность оправдывает себя и является таковой, когда она постоянно обосновывает себя, не покидая «почвы», на которой произрастает и которую она питает. Научный разум проявляет себя именно таким образом. Он сохраняет себя в той мере, в какой обосновывается, а вместе с тем и одновременно вливается в формы человеческой жизнедеятельности. Исследование такого рода ситуации и позволяет описать и эксплицировать науку следующим образом.

Наука – социальное, многомерное, весьма динамичное, полифункциональное, наполненное высококонцентрированной человеческой активностью социальное образование. Целостность последнего явлена и выражена его особыми состояниями, в которых имеет места *одновременность* изменений обстоятельств и человеческой деятельности. Отсюда и вытекает последующая трактовка науки как *социального феномена*. Обращение к Марксовому пониманию практики как одновременно и в одном месте осуществляющегося «совпадения изменения обстоятельств и человеческой деятельности» дало возможность связать (найти связь) научно-исследовательский *процесс* (в различных вариантах его исполнения) с *актами* его качественного содержательно-формального изменения (события в науке).

Наука в актуальной форме ее бытия, то есть как феномен, может быть эксплицирована в концептом «*научно-исследовательская практика*». В свете предложенного варианта осмысления науки в едином трехипостасном проявлении науки *производящей*, науки *открывающей*, науки *порождающей*, что, собственно и есть ее раскрытие как социального феномена, проявилась авторская новация в трактовке научной атрибутики: научно-исследовательской деятельности, исследовательского поиска, научного творчества, антропо-,

социо-, эко- логического, технического и технологического, эпистемологического, семантического, креатологического содержания человеческой активности в научной сфере. Анализ деятельностной, операционально-процедурной составляющей науки показал, что технико-технологическая, инструменталистская, теоретико-методологическая, социально-прагматическая трактовки человеческой активности, реализующейся в трех указанных модусах науки, далеко не исчерпывают единства ее содержательных моментов как целостного социального образования. Это и явилось побудительным мотивом для иного понимания науки, предполагающего уяснения единства данных модусов.

Решение этой задачи состоит в обосновании онтологического статуса научно-исследовательской практики, которое состоит в выявлении особого рода связей, присущих этому образованию. Исходным философским тезисом в обосновании онтологического статуса научно-исследовательской практики явилось положение об общественном бытии как специфическом способе жизнедеятельности человека, истоком которого (способа) выступает практика. Трактовка последней в терминах особого социального Пространственно-Временного континуума под названием «бытийно-реценсивные состояния социальной реальности¹», позволило ввести научно-исследовательскую практику в текст общественного бытия и рассмотреть ее как презентант всех актуально существующих реалий действительного мира и человека. В этом заключается следующая авторская новация в трактовке научных реалий. То, в чем для нас проявлена наука в различных сферах жизнедеятельности, составляет содержание маргинальных форм ее (науки) существования. Осмысление артефактического статуса проявленностей науки ставит вопрос об экспликации и осмыслении явлений фактичности, а далее и самого их истока. НИП и есть такое «ядро», в котором образуется все то, что в области маргинального именуется как научное. Научно-исследовательская практика, следовательно, есть то со-стояние науки, в котором «она является» в отличие от того, «чем она становится». НИП здесь выступает истоком новообразований науки, институционализация которых осуществляется в маргинальных пространствах, где она и обретает социально-функциональный, прагматически ориентированный характер.

Поскольку всякий *предметный* анализ действительности начинается с артефактической реальности, то движение к истокам ее осуществляется с помощью определенных исследовательских процедур и описательно-объяснительных схем. Посему анализ тех и других составляет необходимый

¹ Данный концепт используется автором для обозначения состояний реальности, в том числе и мысли, с «нулевым» линейным временем (мгновение, момент, настоящее), в которых сосуществующее «связано» одним временем (одновременность существования). Наряду и вместе с этим данный концепт обозначает и выражает события, имеющие место в таких состояниях – возникновение, образование, рождение нового (иного, другого). Этот концепт в определенном смысле соответствует языковым образованиям, используемым в традиционной философии: «со-стояние» - «здесь-и-сейчас-бытие»; «со-бытийность» - «здесь-и-сейчас-совершающееся-бытие».

блок исследования. Системный анализ операционно-процедурной составляющей научно-исследовательской деятельности, ее роли и месту в научно-исследовательской практике приводит к положению о единстве содержательно-формального, инструментально-презентативного характера научно-исследовательских процедур и описательно-объяснительных схем. Он раскрывается на примерах институционализации знания в качестве научного, конституирования предметностей исследовательских областей, провоцирования ситуаций новообразований, создания пространств возможного, экспликации вновь возникающего и т. д. Новизна трактовки операционно-процедурной составляющей научно-исследовательской деятельности состоит в том, что конститулируемые актами сознания операции и процедуры выступают содержательными моментами научно-исследовательской практики, в которой они суть презентанты реалий маргинальных пространств. Именно благодаря этому статусу и реализуется их «присутствие» в пространствах возможного. Это относится прежде всего к ситуациям новообразований в динамических структурах знания.

Область теоретического, в которой связываются воедино интеллектуально-мыслительная активность с состояниями эпистемологического и семантического полей, трактуется как один из самых активных центров научного творчества, в котором в буквальном смысле сотворяются принципиально иные конфигурации пространств бытия научной мысли, предопределяющие собой дальнейший ход познания. Оно понимается уже не только как процесс логического саморазвертывания мышления (теоретическая деятельность как таковая), но и как акт возникновения новой мысли. Познание получает «практическое измерение» как состояние *одно-временного и со-вместного изменения* научных когниций и собственно теоретической деятельности. НИП здесь выступает интегральным состоянием — симбиотическим образованием «мысли и действия»; «действительности, охваченной мыслью, и мысли, присутствующей в действительности»; «одухотворенной активности и активной одухотворенности». Авторская новация в этом блоке исследованных явлений – эпистемологической реальности (форм и способов существования знаний) представлена схемой симбиотической модели акта новообразований в «теории».

Прояснение «механизмов» взаимодействия, точнее сказать, соприсутствия в НИП технического, технологического, деятельностно-активного, арефактического, эпифеноменального – следующий блок исследования. Здесь представлена модель взаимопрезентации «Логии» и «Техне» как предельных реальностей, с которыми имеет дело человеческая активность. В организованных формах своей осуществимости она — «логична» и «технологична»; в своих воплощенных формах она «технична» и «завершена», а в искусстве и «совершенна». Когда же она в актах инициации вторгается в

уже существующий порядок Мира («Логия Мира») и в уже созданный человечеством мир («Техне Человека»), то в «здесь-и-сейчас» свершающемся бытии она – формообразующая инстанция возможных миров. НИП в этом случае есть своеобразный симбиоз «Логии Мира» и «Техне Человека». Рассогласованность между «Логией» и «Техне», которая инициируется активностью человека, делает всякое состояние актуально и потенциально динамическим. Такая являемая динамика демонстрируется состояниями социума как в области маргинальных пространств (многообразные взаимодействия уже существующего), так и в области возможного (вновь возникающее, порождающееся, образующееся). НИП выступает коррелятом «взаимодействия» *уже* существующего с *еще* не конституировавшимся.

НИП как *состояние совпадения* обстоятельств и человеческой деятельности в сфере науки обеспечивается *стечением* обстоятельств и вписанностью в это стечение активности человека. Рассогласованность «Логии» и «Техне» как раз и выступает условием такого стечения. Технологически реализуемая *деятельность*, обеспеченная техническим знанием, обладает «логикой процесса»; *техническое знание*, обеспечивающее деятельность в ее технологическом исполнении, обладает *функциональной структурой*; *технология*, выступающая способом существования искусственного, обладает *организованной конструктивностью*. Это все реалии маргинальных пространств. Человеческая активность, включающая в себя момент спонтанности, с одной стороны, и «хаос» обстоятельств, в который она вписывается, с другой – реалии до-определяющихся состояний «Человека-в-Мире». Будучи «полярными» в пространстве «центр – периферия» и двигаясь навстречу друг другу, они образуют в пространстве возможного как раз те состояния новообразований, которые и составляют содержание *научно-исследовательской практики*.

Сформулированные задачи исследования науки и предложенные варианты их решения показывают, что интегрально и актуально явленные в НИП реалии жизнедеятельности людей (от опредмеченной и овеществленной человеческой активности до стихии духовных интенций человека) есть одна из активных точек (средоточий) жизни социума. Состояния последнего проявляют и выявляют многообразные жизненные состояния человека и человеческие ситуации. НИП оказывается тем специфическим моментом духовной жизни, который несет в себе *место* и *время* человеческой *мысли* в качестве *научного разума*.

Научный разум, демонстрируя высокую степень концентрации духовности человека, обеспечивает ему место «центра». В нем дан человеку «вид на Мир» и одновременно предоставлено «место действия». Человек сам становится «центром» возможных перспектив Мировидения и одновременно «центром»

Миро-конструирования. Научно-исследовательская практика являет эту одно-местность и одно-временность, выражая тем самым уникальное положение человека в Универсуме.

Дальнейший поиск форм существования и проявления научного разума может состоять в том, чтобы показать, каким образом он обеспечивает (и, в принципе, может обеспечить) *достойную* жизнь человеку, а человек с *достоинством* вынесет испытания, выпавшие на его долю в условиях современной цивилизации.

О СТАТУСЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АТРИБУТИКИ В ДИНАМИКЕ МИРООБРАЗУЮЩИХ СВЯЗЕЙ

Исследовательские средства – неперенный атрибут познавательного отношения Человека к создаваемым и постигаемым мирам. В определенном смысле средства – концентрированное выражение сложившихся и оформленных связей между Человеком и уже отчасти освоенным содержанием постигаемых миров. Опыт познавательной деятельности показывает, что исследовательские средства обладают некоторой избыточностью, благодаря которой возможно продуцирование нового содержания знания сверх того, что уже расшифровано и закодировано в средствах. Приращение знания идет за счет исчерпывания их когнитивного потенциала, о чем свидетельствует жизнь «нормальной науки» (Г. Кун), когда работают одни и те же исследовательские средства и решается определенный класс задач, но при этом происходит рост научного знания.

Здесь возникает вопрос о статусе исследовательской атрибутики в состояниях Человека-и-Мира, являющей собой потенциальность их связности. Как и любые средства, исследовательские процедуры – носители действия в нерасторжимом единстве потенциально-актуального и актуально-потенциального содержания. В этом качестве они выступают энергетическим фактором в динамике Мироздания и, строго говоря, должны быть выражены через энергетические характеристики в дополнение к пространственно-временным. Последние были фундаментализированы благодаря возобладавшему в европейской культуре духовным интенциям, направленным в сферу *Techné*. Созидание искусственного носит ярко выраженную **направленность** и **процессуальность**. И то, и другое параметрически может быть задано и описано прежде всего через Пространство и Время. Греческий *Chronos* и *Toros* хотя не были формализованы до такой степени, когда можно было оперировать ими как управляющими структурами в деятельностно-технологических процессах, и тем не менее форма (в ее аристотелевской трактовке), в которую облачается любая вещь, содержала в себе пространственно-временную атрибутику. Однако было бы неверным утверждение, что Аристотель был первым физиком, который задолго до Декарта ввел Пространство и Время на правах фундаментальных характеристик по-гречески мыслимого Космоса. Скорее, наоборот, фундаментализируя Форму как активное начало в становлении вещей, Аристотель склонялся к энергетической интерпретации явлений космического порядка. Аристотелю вслед за Платоном важнее было выразить и описать процесс становления как энергийного процесса. Постаристотелевская физика отдала предпочтение пространственно-временному измерению процессов, энергетические состояния которых она описывала через метрические свойства

ньютоновских Абсолютных Пространства и Времени. Физика только в XX веке вновь возвратилась к Энергетическому способу описания и представления явлений космического порядка после того, как ньютоновские Абсолютные Пространство и Время были релятивизированы и, в конечном счете, дефундаментализированы.

Безраздельное господство¹ пространственно-временных способов описания и представления всех явлений действительности в Нововременную эпоху, культивируемых классической наукой, заслоняло и отодвигало (или подчиняло) иные способы, в частности, энергетический и информационный.

Энергетический подход – слабо разработанная тема. Ее разработка связана с пересмотром содержания самого понятия (в основном физического) энергия, ее параметрического измерения (не ограничиваясь собственно физическим ее выражением через пространство и время), соотносительности ее с Пространством, Временем, Информацией, обоснованием универсальных форм ее проявления, ее локально-нелокальных форм существования и т.д.

В переосмыслении *Energia*, на мой взгляд, весьма существенны далеко идущие следствия из новой интерпретации таких замечательных открытий физики, как квантование энергии и дефект массы. Это путь – «от физики». Другой путь – «от наук о духе».

С философской (метафизической) точки зрения, рассматривающей «Бытие-Человека-в-Мире» как со-присутствие, *Energia* в первом приближении может быть понята и определена как универсум активностей². В так мыслимой *Energia* представления о ее локальных формах существования оказываются весьма **ограниченными**. Сама эта о-граниченность есть выражение неявных предпосылок и предположений относительно особых свойств пространства и времени, принятых классической наукой (физикой, в частности). Согласно последней, любая мыслимая вещь «находиться здесь в пространстве и здесь во времени, или здесь в пространстве-времени в смысле отсутствия всякой соотносительности с другими областями пространства-времени»³.

Преодоление этой ограниченности усматривалось в предполагаемой связи, которая мыслилась как дальнодействующая (так называемая концепция дальнодействия в физический представлениях природы сил гравитации). Необходимость апелляции к особому роду связей исподволь пробивала себе путь не только в физическом познании, но и в других областях человеческого познания⁴. Специальному анализу и новой интерпретации заслуживает эффект

¹ В истории философской и научной мысли были, конечно, редкие исключения из установленных классической наукой, и прежде всего физикой, правил представимости явлений через пространство и время, например, лейбницевская «живая сила», витальность материи, «скрытые» параметры в физике, иррациональный характер интенций сознания, творческий порыв, мистические озарения и т.д. и т.п. Невозможность выразить подобные явления в метрике линейного времени и трехмерного пространства выводила их из области научного исследования.

² См. Миронов Г.Ф. *Energia* как со-в-местность активностей // Прикладная философия и социология. Труды Международной конференции КЛИН-2004. Т.1. Ульяновск: УлГТУ, 2004. С. 114-116.

³ Цит. по Киссель М.А. Судьба старой дилеммы. М. Москва, 1974. С. 215.

⁴ В биологии весьма популярной была идея существования витальных сил.

Эйнштейна-Родена-Подольского. В свете современных синергетических представлений концепция «простой локализации» уже не выдерживает критики. Парадигмальные сдвиги в научном мышлении вплотную подвели к пониманию и трактовке энергии ко со-в-местного действия. Сам термин *Sinenergia* – совместное действие – выражает универсальную связность одного со всем иным. В противоположность простой локализации выдвигается концепция «универсального энергетического взаимодействия». В ней «вещь», «явление», «процесс», «акт» мыслятся как состояния, выраженные через энергетический потенциал, а их со-от-ношение как взаимо-ношение, выраженное через распределение энергии. В этом смысле энергия носит нелокальный и не квантованный характер. А мерой ее выступает «разность потенциалов» (или на философском языке – из-быточность). Действие, акт, импульс, порыв и т.д. в этом случае должны мыслиться не как квант энергии, а как флюктуация¹ в энергетическом континууме. Последний, в свою очередь, может быть помыслен как скоординированное Единое Целое.

Возвращаясь к исходной постановке вопроса о статусе исследовательской атрибутики в динамике Мирообразующих связей, следует особо подчеркнуть:

- ее природа может быть понята на основе континуалистских представлений;
- при ее описании следует апеллировать к энергетическим параметрам;
- процедурность исследовательских средств следует понять как презентацию энергетических изменений – перераспределение энергетического потенциала в форме флюктуаций;
- в качестве флюктуаций она (исследовательская атрибутика) есть одновременно информационно-управляющая и информационно-управляемая, а, следовательно, и самоорганизуемая открытая система интенциональностей духо-со-стояний Человека, универсальным образом вписанного в Универсум.

¹ Флюктуация [лат. колебание] – термин, используемый нами здесь, обозначает и выражает значение энергетического потенциала наблюдаемого явления в его со-от-несенности с гармонизированным состоянием и ритмом универсального движения – колебательного – всех явленностей в Универсуме. В этом смысле флюктуация – колебание в вибрационной структуре Мироздания. Флюктуация может быть понята не столько как некое отклонение от некоего среднего значения, сколько как координирующий фактор, обеспечивающий взаимодействие субординационных картин в явлениях Универсума. Флюктуация есть косвенное выражение динамики как упорядочиваемости и может быть рационально понята через Информацию.

СООТНОШЕНИЕ ЛОКАЛЬНОСТИ И НЕЛОКАЛЬНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ СВЯЗЯХ СОЦИУМА

Давно отмеченное обстоятельство, что один и тот же класс явлений может быть описан различными теоретическими системами, наводит на мысль о полиморфной, многомерной природе самих явлений. Многообразии форм корреспонденции теории и ее объектов, с одной стороны, и описываемых явлений, — с другой, с моей точки зрения, скрывает за собой целый ряд обстоятельств, выявление которых составляет цель данного параграфа. Ее реализация осуществляется через раскрытие локально — нелокального характера *научного исследования* как социального явления, его взаимоотношения с другими общественными реалиями. Последние, становясь предметами, а далее и объектами исследования, несут в себе объективированную форму и его существования. Тем самым проблема локальности и не локальности общественных явлений приобретает *форму представления самого процесса исследования в структуре его предмета*, в котором одновременно присутствуют как определяющая эту предметность операционно-процедурная составляющая исследовательского процесса, так и социальная составляющая, определяющая статус этой предметности в общественной жизни.

Проблема локальности и нелокальности в конечном счете выступает как онтологическая проблема. Задача здесь состоит в выявлении представления *укорененности* любого явления в бытии. В познании такая укорененность просматривается в *радикальной рефлексии* в процессе погружения в предмет исследования, в виде переходов от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. Таким образом ориентированное на предмет и реализуемое в нем и через него познание достигает точек соприкосновения с той реальностью, на которой оно само же и произрастает. Если предмет познания — производное от исследовательских процедур, то степень его освоенности в познании — показатель зрелости самого познания в данных условиях его осуществимости. Такие условия выступают уже не внешними факторами познания, а его содержательными моментами. Динамика условий делокализует и познание, и предмет одновременно. При этом познание не описывается ни одной из существующих теоретических схематик, а предмет становится неопределенным с точки зрения полноты его описания и представления. Проблема локальности и нелокальности социальных явлений перерастает в проблему *соотношения* локальных и нелокальных связей в универсуме, которая может быть понята как проблема многомерности бытия явлений.

Аналитическое мышление и неизбежно возникающий в процессе построений абстрактно-теоретических систем *редукционизм* порождает проблему относительной самостоятельности общественных явлений. Решение ее становится тем настоятельнее, чем более абстрактной оказывается схематика процесса познания. Связь последнего с предметными областями устанавливается, в свою очередь, посредством интерпретации, объяснительно-описательный потенциал которой зависит от общих представлений познания.

Проблема локальности и нелокальности общественных явлений — это прежде всего проблема полноты представления и описания их в определенном качестве. При этом само качество (в полноте его представления и описания) становится функцией используемых методов и средств. Последние входят в определение качества на правах его функциональных характеристик. Именно в такой форме описательные и объяснительные схемы функционируют в системах знания прагматически ориентированного социального познания.

Обозначенный ракурс рассмотрения природы того или иного общественного явления позволяет выделить типы, виды, роды связей его с другими, в том числе и с инородными явлениями, что дает возможность корректно сформулировать вопрос о целостности любого явления. А это, в свою очередь, трансформирует проблему соотношения локальности и нелокальности общественных явлений в область исследовательского поиска адекватных средств выражения и описания целостностей.

Природа целостности общественных явлений, как правило, усматривается в системообразующих связях, актуализируемых способами деятельности, благодаря которым то или иное общественное явление воспроизводится в определенном качестве. Поэтому и целостность явления тождественна целостности воспроизводящей его деятельности. Именно последняя в силу своей целесообразности и целенаправленности придает явлению локальный характер.

Деятельностный подход к анализу природы общественных явлений, получивший широкое распространение со времен инструменталистской трактовки познавательного процесса и сформировавшихся способов описания и представления реальности в *форме объекта*, обозначил границы ее возможного существования в качестве познаваемой. Именно это стало базой так называемой проектной культуры, как, впрочем, и прогрессизма в целом с устремленностью в будущее. При этом локальность явлений была возведена в степень — локальность стала линейной. Абстрактно представленному явлению в форме объекта задано столь же абстрактное движение в линейном времени. Возникла видимость делокализации общественных явлений, которая усиливалась схематизмом историцистского подхода к их представлению и описанию.

Однако общественное явление всегда богаче его сущностного определения, которое дается ему через технологически понятую и выраженную в формальном языке деятельность. Эту идею К. Маркс выразил в понятии

«всеобщего труда», что и свидетельствовало о состоянии нелокальности общественных явлений. В формирующихся (возникающих, образующихся) связях и отношениях в способах общественной жизнедеятельности, К. Маркс увидел ту сферу, в которой сотворяется «закулисная драма» человеческого бытия, скрытая от рефлексии.

Проблема локальности и нелокальности общественных явлений здесь обозначилась как задача способов представления и описания вновь обнаруживаемых связей в структуре общественного бытия. Диалектико-логический метод и способ описания таких связей и отношений дал картину общественной жизни как естественноисторического процесса, в схематике которого центральное место занимало понятие общественно-исторической практики. Линейный процесс воспроизводства общественной жизни был связан с качественными изменениями в ее состояниях.

Делокализация общественных явлений в таком способе описания просматривалась в особом роде их систематики и эксплицировалась понятиями формации, базиса и надстройки, уклада общественной жизни и т. д. Объяснительные схемы и способы описания строились на выборе такой социальной реалии — *труда*, — в которой, во-первых, изначально мыслилось единство разнородного — природного и социального (технического, технологического, антропологического, экологического); во-вторых, естественное усматривалось в искусственном и, наоборот; в-третьих, были найдены родовые, видовые, типические связи и отношения; в-четвертых, выявлен ее тотальный характер; в-пятых, определены возможные формы ее исторической трансформации. На основе этих выявленных свойств труда возможным стало и систематическое представление общественной жизни как в историческом, так и в актуально-бытийном измерениях. Формационное представление исторического процесса выявило единство эволюционных и революционных состояний общества, базисное и надстроечное связывало воедино разнокачественные и разноплановые структуры общественной жизни, а общественный уклад жизни выражал единство всех сторон жизнедеятельности людей, что и явилось демонстрацией эффективности новой теории и методологии исследования социальных явлений. Теоретический способ представления весьма динамичной социальной реальности оказался достаточно эффективным средством в поисках инвариантов в общественной жизни, а вместе с тем и обнажил проблематику экзистенциальных форм существования социальной реальности.

Философско-социологическая мысль, пытаясь преодолеть ограниченность редуccionистской методологии, шла путем введения все новых и новых понятий, способов описания и представления целостности социальных образований. Критика «исторического» разума коснулась онтологических оснований исторического процесса в целом и определенных состояний общества в частности, что привело к релятивизации исторического

знания и закрепились в идее плюралистической модели исторического развития.

В перипетиях философско-социологической мысли, стремящейся к созданию удовлетворительной картины общественно-исторического процесса и состояний культурно-исторических форм бытия человечества, обращает на себя внимание то обстоятельство, что *историческое* берется либо в форме *объекта*, которая задается определенной системой логико-гносеологических и методологических процедур, либо в форме *факта* исторического знания как итога историографического исследования. И в том, и в другом случае собственно онтологическая проблематика, как правило, остается за ее пределами. В этих условиях вопрос о соотношения исторического знания и исторической реальности либо не ставится (позитивистская установка, аксиологический методологизм неокантианства, «метаисторический анализ» в рамках философии лингвистического анализа и др.), либо решается в русле историцистской ориентации, где исторический процесс отождествляется с «историей мысли» в различных формах ее выражения, например, принцип единства логического и исторического у Гегеля и Маркса. И в том, и в другом случае гносеологическая трактовка социально-исторического познания остается доминирующей. Поэтому в центре внимания оказывается именно историческое знание как таковое. Целостность исторического знания, которую удаётся достичь в той или иной форме выражения (историческое повествование, художественный образ эпохи, интерпретационные модели символов культуры и т.д.), выступала критерием целостности истории или определенных ее состояний.

В знании усматривалось особое самостоятельное культурное образование, содержащее «историю» либо в ее символах (Э. Кассирер), которые, по А. Бергсону, не более чем абстрактная функция мысли, либо в интенциональных состояниях сознания (Э. Гуссерль), где «история» явлена актами переживания жизненного мира. И в том, и в другом случае «история» заключена в поле жизни сознания, а историческое знание — суть его объективированные формы. История проживается всякий раз заново, когда исторические знания актуализируются сознанием. «Исторические знания» здесь получают новые измерения через смену состояний сознания, «духа эпох», ментальных образований культур. Философская рефлексия вновь как бы вводит шкалу времени («было — есть — будет», «прошлое — настоящее — будущее»), но с существенной поправкой — сама рефлексия уже не инвариант сознания, на основе которого и по отношению к которому строятся схемы истории, а функция состояний сознания. Тогда знание, прежде чем быть знанием об истории, должно быть знанием о состояниях сознания. В таком случае состояния сознания определяют содержание и форму исторического знания.

Введение в бытие знания нового измерения — динамики состояний сознания — обеспечивает им открытость и нелокальность, а формам и

способам применения знаний — высокую вариативность и партикулярную значимость.

Благодаря временной шкале («прошлое — настоящее — будущее») *любое общественное явление* может быть только качественно-определенным в историческом плане и тем самым *локальным* в двух смыслах: а) как отличное по своему роду и типу от всех иных социальных образований; б) как возникающее и исчезающее, то есть конкретно определенное в интервале времени и в пространстве. Вопрос же о нелокальности общественного явления перерастает в вопрос о характере его *связей* с другими явлениями, включая познавательные акты, определяющие (квалифицирующие) его «*в этом качестве*». Тогда качественная определенность его будет обеспечиваться и этими связями и этими актами. Явление может быть не только процессом, но и состоянием, которое при определенном стечении обстоятельств может обрести характер *события*. Это означает, что явление таково, каким оно представлено в познании: либо как *процесс* и далее как *факт*, либо как *акт-событие*. Предваряемая познавательными процедурами «качественная определенность» явления превращается в предметность. Если последняя выступает как *результат* познавательного процесса, то само явление — *исток*, включающий в себя и человеческую активность.

В понимании и трактовке «источникового» характера явлений и состоят принципиальные различия в понимании и трактовке *целостности*. Способ и формы экспликации так или иначе понятой целостности дает картину локальности и нелокальности явлений. Так, например, нелокален «факт», если он берется в различных теоретических системах и подвергается соответствующим интерпретациям; нелокальна деятельность, если она рассматривается как активность человека во всех ее возможных проявлениях; нелокальна область возможного как места события.

В несоизмеримости этих двух измерений социальных явлений — процессуальности и событийности — кроется большая сложность рационального разрешения вопроса о локальности и нелокальности общественных явлений. Проблема локальности и нелокальности общественных явлений выражает принципиальные установки онтологических и гносеологических ориентаций исследователя, данных ему в познавательном процессе и в актах познания через практикуемые им средства исследования и формы экспликации содержательных моментов состояний исследования. Разрешение этой проблемы вовсе не означает воссоздание формальных структур процесса познания (таковые появляются *post factum*), оно — и не констатация факта (результата) познавательного процесса, оно — даже не «хронометрическая» запись потока сознания в реализации познавательных интенций исследователя; оно — экспликативно-презентативная активность состояний исследователя, *когда* (а это — всегда «сейчас») познавательная ситуация, заключая в себе все многообразие явлений в *единстве* (а это —

образование континуального характера), являет себя в определенном качестве в акте *со-бытия* (а это — исток).

Переход от схематики социального мира, которая была разработана в классическом рационализме, к новому видению социальных явлений, был обусловлен внедрением новой методики и методологии осмысления социальной реальности. Такой переход сместил акценты с гносеологической проблематики на онтологическую, в результате чего в центре внимания оказалась природа собственно исторического и социологического знания. Уже сама история знания становилась подтверждением историчности состояний социального мира, в каждом из которых функционировало «свое» историко-социологическое знание. В процессе такого перехода было осмыслено, что не только знание носит конкретно-исторический характер, но и познавательные процедуры, с помощью которых оно производится и организуется. Это означало введение «временного параметра» в жизнь знания. Знание оценивается не только и не столько с точки зрения выражения в нем «вечного и непреходящего», сколько с точки зрения его «качества» — быть проблематизирующим, то есть быть способным эксплицировать содержательные моменты социального бытия. Пространственно-временная локализация знания, направленного на разрешение проблем, возникающих при определенном стечении обстоятельств в данный исторический момент, означает его социальную пространственно-временную содержательность.

В этом случае локальность и нелокальность явлений производны от пространственно-временных структур, в которых они определяются и интерпретируются. Причем, процедуры определения и интерпретации также должны быть поняты как содержательные моменты этих же пространственно-временных структур.

Локальность и нелокальность общественных явлений это выражение многомерности пространственно-временных структур, несомых ими и сотворяемых ими же в процессах взаимодействия. В основе редукционистской методологии, с помощью которой создаются схемы явлений как локальных, лежит одномерная, линейная метрика пространства и времени, данная нам в формах чувственного восприятия. Строго говоря, это метафизический постулат, возведенный в науке Нового времени в принцип механистического представления и описания мира и человека, мыслящего пространственно. Локализация явлений оказалась результатом применения определенной совокупности процедур, заключающих мир в рамки одной определенной *метрики*, а делокализация — совокупности операций по ее демонтажу. Эти два процесса осуществимы как в форме преобразования конфигурации одной метрики, так и в переходе к качественно иным метрикам. В первом случае имеет место установление аподиктических связей, во втором — трансцендирование, благодаря чему меняется и онтология: локальное становится нелокальным. В самом факте перехода заключена нелокальность события как реализуемой возможности «быть в ином качестве». Заметим, что

словосочетание «быть в ином качестве» выражает форму связей качественного многообразия, которую нельзя уже помыслить в рамках одной метрики пространства и времени, поскольку каждый род (качество) несет свою «мерность», в которой аподиктические связи будут явлены так называемой «качественной спецификой».

Таким образом, проблема соотношения локальности и нелокальности явлений обретает форму соотношения различных качеств при очевидном запрете процедур редукционистской методологии. Или иначе, задача, вытекающая из предлагаемой проблематизации темы «локальное — нелокальное», состоит в том, чтобы найти и выразить связь Пространственно-Временных структур качественного многообразия в его органической целостности.

Общественные явления в этом отношении демонстрируют нам факт такой целостности, но при этом связи ее остаются скрытыми за завесой абстрактноаналитической атрибутики описательных средств. Вот почему со времен Канта утвердилось правило следовать «от факта к его основаниям». Это «движение вспять» во всех гносеологических построениях классической рациональности *не учитывало* то обстоятельство, что оно, во-первых, есть «движение вперед», во-вторых, движение через события и в событиях. В таком движении изначально предполагалась неизменность оснований и условий познавательного процесса. В линейно понятом времени движение от начала к концу, а от него снова к началу, оказалось фатальным для осмысления *метаморфоз познания*. Опыт последнего, однако, свидетельствовал, что оно, будучи социальным явлением, всякий раз, когда в нем имела место какая-либо новация, выявляло иную Пространственно-Временную структуру своих метаморфоз. Это означало, что познавательный процесс, каким он мыслился по некоторым основаниям как непрерывный, *прерывается* состояниями новообразований, для характеристики которых линейные пространство и время не годятся. Познание и вся совокупность, обеспечивающих его существование обстоятельств, будучи локализованными в пространстве — «здесь» и во времени — «сейчас», получают новое измерение своей целостности. Такое измерение и есть Пространственно-Временная структура, выражающая особый род связей. В буквальном смысле это возникающе-образующе-порождающиеся связи. Они обеспечивают целостность состояний познания и условий в моментах «сейчас» и «здесь» и одновременно являет эту целостность в новом качестве. Познание здесь выступает уже не как отдельно взятый линейно протекающий процесс, но как состояние целостных образований вместе со всем социальным контекстом. Познание дополняется контекстуальностью обстоятельств, имеющих для него судьбоносное значение. Оно вместе с обстоятельствами претерпевает качественное изменение. Выделяемое новое измерение — Пространственно-Временная структура — состояний познания ведет к иному пониманию и его оснований, которые в таком измерении теряют

свою изначальную статичность, они в состояниях новообразований сами подвержены качественному изменению.

Не будет большим преувеличением сказать, что все коллизии, перипетии и метаморфозы философской мысли проистекали и проистекают из различного понимания, а, следовательно, и трактовок Пространства и Времени. Будучи фундаментальными характеристиками бытия они всегда находили концептуальное выражение и тем самым предвещали последующие построения философских систематик. Любая онтологическая схема содержала в себе пространство и время как свои исходные и предельные основания, а их модификация придавала смысловую направленность философским воззрениям.

По отношению к пространству и времени, пожалуй, в наибольшей степени срабатывает стереотип «очевидностей» сознания, подкрепляемый телесной конституцией человека и способами его действия на уровне физических форм связи с миром, что явилось основанием для их субстанциалистской трактовки. Другим основанием для такой трактовки (характерной для рационалистического типа мышления) является теоретически осмысленный опыт самого мышления в его операционно-процедурном исполнении.

Продумывание оснований научного исследования в его сущностном и экзистенциально-герменевтическом планах связано с уяснением онтологического статуса мышления. В такой постановке вопроса научное исследование оказывается «предметом» метафизических размышлений со всеми вытекающими последствиями как для конструируемой в познавательной деятельности реальности, так и для полагающих ее «средств», — абстрактно-теоретических процедур мышления. В этом смысле метафизика не предшествует «физике научного исследования», а сама становится формой существования последней. Вопрос о том, как и что открывается мышлению, охватывает собой сферу сущего в его становлении. Причем, вопрос о характере и содержании такого становления всегда открытый, благодаря чему возможными оказались и различные онтологии. Каждая из них выражает предельные основания мышления как деятельности. Для последней необходимо пространство, функцию которого как раз и выполняет та или иная онтология.

Научная рациональность и соответствующая ей онтология (упорядоченный и закономерный мир, его целостность, детерминированность и т.д.) была, следуя принципу Оккама, достаточно осторожной насчет мыслимых первоначал, чего не скажешь о философской рационалистической традиции. Ведь философия в форме метафизики расцвела именно в эпоху Нового времени. В этих условиях создание новых онтологий было делом техники мышления, поскольку привнесение трансцендентальных сущностей сводилось к расширению границ мыслимого, которое одновременно выступало и условиями существования достоверности научной или философской мысли.

В контексте смены оснований движения мысли вопрос о локальности и нелокальности явлений перерастает в вопрос о соотношении онтологий. Решение оказалось достаточно простым: любое явление — локально в заданном пространстве мышления; но оно — нелокально в отношении трансцендентальных сущностей. Мышление, удостоверяющее само себя, — локально; мышление в состояниях своей преобразуемости — нелокально, поскольку неопределенным образом связано с трансцендентным. Кантовский априоризм в этом смысле надо понимать как скрытую форму связи мира явлений с трансцендентальным миром, что и обеспечило ему долгую жизнь. С помощью него легко можно увидеть локальность в нелокальном и, наоборот, нелокальность в локальном.

Рассуждения о локальности и нелокальности явления становятся содержательными тогда, когда уже задано онтологическое пространство, а время понято как форма качественной определяемости являемого. Если время трактуется как форма существования сущего и характеризует его в определенном качестве, то оно выносится за пределы этого качества и понимается как изначальная внешняя сущность изменения этого же качества. Когда же время понято как оформляющий иное качество род связей (возникающие связи), то оно становится содержательным моментов «качества всех качеств» — быть целостным. Время, таким образом, становится мерой целостности «изнутри».

Осмысление вопроса о локальности и нелокальности общественных явлений через соотношение философских онтологий показывает движение мысли, демонстрирующей раскрытие новых Пространственно-Временной структур социального мира. Составляемая сознанием «картина социального мира» оказывается демонстрацией тех новых Пространственно-Временных структур, которые явлены движением и актом мысли.

Теперь проблема соотношения локальности и нелокальности общественных явлений перерастает в проблему связей Пространственно-Временных структур, в них заключенных. Каждая из них дает свою картину «срезов целостности». В физическом пространстве-времени механической картины мира такой срез — *многообразие*. Социальный мир и его история — многообразие следующих друг за другом явлений и событий. В Пространстве и Времени синергетических эффектов — самоорганизующихся систем — социальный мир — *единство*. Состояние социального мира мыслится как событие, «внутри» которого каждое явление носит нелокальный характер, оно связано со всеми другими явлениями, обусловлено ими и само обуславливает их.

Итак, выявленное присутствие операционно-процедурной составляющей познавательного процесса в явлениях, придающих им локальный характер, а вместе с тем и их делокализации посредством познавательных актов, дает основание поставить вопрос о механизмах конституирования познания как явления среди других явлений. С этой точки зрения познание — явление,

вписанное во все иные явления, а потому и носит нелокальный характер. Операционно-процедурная определенность исследования (например, его парадигмальный характер) дополняется неопределенностью его состояний, обеспечиваемых нелокальными связями.

В связи с этим возникает задача выяснения содержательных характеристик деятельности вообще и научно-исследовательской деятельности в частности. Решение данной задачи совершенно необходимо не только потому, что деятельность носит конститутивный характер по отношению к явлениям общественной жизни, но и потому, что она, будучи формой активности человека, создает прецеденты выхода в область трансцендентального. В связи с этим рассмотрим «механизмы» локализации и делокализации деятельности в состояниях социальной реальности.

Возникает вопрос о том, какие необходимые и достаточные условия обеспечивают не только воспроизводство социальности, но и изменения ее качественных состояний, а по отношению к деятельностно-продуктивному процессу — преодоление исторических границ его осуществимости.

Всякий способ действий задается определенными предпосылками. Являясь моментом содержания деятельности, данные предпосылки вместе с направляемой ими деятельностью ведут к результату, который выступает референтом как этих предпосылок, так и самой деятельности. Поэтому действие и результат, когда они налицо, выступают как целостное явление, в котором содержатся связи и отношения, обеспечивающие *целостность данного рода*. Благодаря наличию этих связей и отношений такая целостность выступает «элементарной единицей» анализа социальности. Элементарной в том смысле, что в ней еще не утеряна специфика социального — воспроизводство ее в определенном качестве. Дальнейшее расчленение этой «единицы» ведет к исключению необходимых и достаточных условий воспроизводства этого качества: деятельность теряет свое основание в продуктах предшествующей деятельности, а результаты предшествующей деятельности остаются не востребуемыми актуальной деятельностью. Аналитические процедуры (как и вся редукционистская методология) здесь демонстрируют свою ограниченность.

В самом общем виде единство деятельности и условий ее воспроизводства может быть выражено *переходом* деятельности в продукт-результат и *процессом актуализации* социальных свойств этого продукта-результата ассимилирующей их деятельностью.

Отмечая фундаментальный характер отношения деятельности и ее продуктов, а также подчеркивая его решающее значение для исторического развития, К. Маркс и Ф. Энгельс констатировали: «... Закрепление социальной деятельности (в условиях разделения труда происходит закрепление за отдельными людьми или группой людей определенного круга деятельности, — Г. М.), ... консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего

контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии» [1; 32].

В письме П. В. Анненкову К. Маркс выдвигает теоретическое положение о неразрывности человеческой деятельности и ее продуктов в качестве объяснительного принципа. Здесь он, отвечая на вопрос: «Что такое общество, какова бы ни была его форма?», — утверждает: «Продукт взаимодействия людей». Люди, осуществляя свою деятельность, не свободны в выборе как отношений, при которых она осуществляется, так и производительных сил, которые служат исходной основой нового производства».

В развитии теоретических областей знания степень влияния унаследованного от прошлых эпох мыслительного материала весьма значительна. Более того, содержание теоретических образований невозможно понять, не выявив их предшествующей логики развития, собственно теоретических предпосылок, исходя из которых и на основе которых они сформировались. Эту мысль Г.В. Плеханов выразил следующим образом: «...Чтобы понять «состояние умов» каждой данной критической эпохи, чтобы объяснить, почему в течение этой эпохи торжествуют именно те, а не другие учения, надо предварительно ознакомиться с «состоянием умов» в предыдущую эпоху; надо узнать, какие учения и направления тогда господствовали. Без этого мы совсем не поймем умственного состояния данной эпохи, как бы хорошо мы ни узнали ее экономию» [2; 662].

Во всех приведенных высказываниях речь идет об изображении социальных явлений в их исторической трансформации, обусловленности каждого последующего их состояния предыдущим; деятельности и хода исторического процесса; соотношения различных видов деятельности; относительной самостоятельности сфер деятельности. Во всех случаях при постановке этих вопросов и способов их решения положение о неразрывности деятельности и ее результатов берется как *описательный* и *объяснительный* принцип.

Новизна такого подхода в объяснении общественной жизни состояла в том, что, во-первых, было выделено элементарное социальное образование (деятельность — продукт), в котором в свернутой (актуально-потенциальной) форме заключены системо- и целостно-образующие связи и отношения общественных явлений; во-вторых, обозначена сфера действия законов общественной жизнедеятельности; в-третьих, выявлен преходящий характер общественной жизни; в-четвертых, обоснован бытийный статус человеческой жизнедеятельности в виде общественно-исторической практики; в-пятых, определен формационный характер общественного бытия; в-шестых, обозначен источник изменения и развития общественной жизни; в-седьмых, представлена глобальная схема общественно-исторического процесса. Этим, конечно, не исчерпывается Марксово понимание общественной жизни в целом. Но отмеченные выше характеристики *познавательных установок* и *направлений*

исследовательского поиска, которые, кстати, были блестяще реализованы в творчестве самого К. Маркса и его последователей, позволяет достаточно определенно сказать о метафизических основаниях его учения об обществе.

Положенная в основу теоретических построений человеческая активность, прежде всего в специфической для нее форме — труде — дала возможность построить картину общественной жизни в виде системы отношений. Общество, мыслимое как продукт взаимодействия людей и как система социальных отношений есть представление общественного бытия как факта, имеющего свои предпосылки и истоки. Это хорошо демонстрирует анализ труда, данный К. Марксом [1; 189]. Не останавливаясь на нем подробно, поскольку для отечественного читателя это хорошо известный материал, подчеркну следующее: 1) что предмет труда приобретает или утрачивает какие-либо естественные, природные свойства, благодаря чему у него одновременно с этим появляется новое “свойство” — социальное качество — быть потребляемым в последующих процессах труда и выполнять общественно значимые функции; 2) такое “свойство” выражает общественную форму бытия вовлекаемых в процесс труда любых явлений, в том числе и естественноприродных; 3) любая целесообразная деятельность включает в себе явление в вещно-предметной форме, которое уже препарировано той или иной формой активности человека, точно также и любая вещь включает в себе деятельность, результатом которой она является. Одновременно и деятельность, и вещь включены в определенную общественную систему отношений, которая выступает условием их бытия как социального, а не как естественно-природного; 4) средства труда, являясь продуктом предшествующего труда, выступают как условия актуально осуществляемого процесса труда, задавая последнему более или менее жесткие способы исполнения. Отсюда следует, что решающее значение для живого труда имеют *предшествующие* виды и формы труда, причем, не только как предпосылки и условия, но и как его содержательный момент.

В указанном «предшествовании» выражена историчность (линейность) производственного процесса, временная последовательность стадий его осуществимости. Когда же берется единство живого труда с его овеществленными формами существования со всеми заключенными в этом образовании связями и отношениями, историчность теряет свою значимость в качестве характеристик со-стояния, со-отношения, со-принадлежности, со-существования. *Такое* образование в *таком* со-стоянии нуждается в иных способах описания, где обычное классическое физическое представление о пространстве и времени не работает. Диалектико-логический способ описания труда как *процесса* тем не менее обходится именно этими представлениями. И это вполне правомерно, если иметь в виду, что описывается *процесс*, а не *со-стояние*.

Наконец, продукт труда есть предмет труда, соединенный с трудом. Процесс труда угас в продукции, дав ему новые свойства. В продукте

реализовалась поставленная цель. Идеальная модель продукта, которая была построена до начала процесса труда, находит свои реальное воплощение в продукте с известной степенью приближенности.

Таким образом, тезис о неразрывности деятельности и продуктов-результатов выступает как объяснительный принцип, выражающий всеобщий момент связи живого труда и овеществленного, актуальной деятельности и застывших ее форм в продуктах.

В самой деятельности содержатся структурообразующие связи и отношения, которые могут быть интерпретированы в разных онтологических схемах самым различным образом. Поэтому вопрос о «картине общественного бытия» есть вопрос исследовательских стратегий, предпосылкой которых выступают исходные постулаты и построенные на их основе интерпретационные схемы. Содержательным планом этих стратегий оказываются системы знаний как результат теоретической деятельности, у которой, в свою очередь, имеется свое методико-методологическое обеспечение.

Диалектико-логическое обеспечение Марксовой теории общества и его истории базируется на неявных (то есть неотрефлексированных), но как бы само собой подразумеваемых предпосылках, среди которых следует выделить прежде всего *социально-пространственные* и *социально-временные*.

Социальная пространственно-временная атрибутика не была предметом специального рассмотрения в Марксовом учении об обществе. Естественнонаучные представления в классической рационалистической традиции и, в частности, физическая интерпретация пространства и времени, а вместе с ней и трактовка каузальности, вполне удовлетворяли данный способ представления и описания общественных явлений. Однако, при характеристике целостности состояний социальной реальности и их смены естественнонаучные представления оказались крайне ограниченными.

В самом общем плане эта ограниченность проявилась в невозможности понять таймированный характер знаний вообще и социального знания в частности, а также форму их конституирования как социального явления внутри общественного целого. Иными словами, знание, если оно рассматривается как социальный феномен, должно быть понято не только как форма отражения и выражения вне его существующей реальности, но и как «компонент», как составляющая этой же реальности в виде являемых форм бытия интеллектуально-мыслительной (духовной) жизни.

Бытие такого знания — состояния сознания — актуальный опыт, в котором история переживается непосредственно в актах духовной жизни, в том числе и в мышлении через раскрытие смыслов и значений переживаемого или интерпретируемого содержания фактов и событий истории. «История здесь-и-сейчас» — есть не что иное как «сжатое» до определенного состояния сознание, в котором *все временное* дано в его актуальном опыте. Историческое время в этом случае может быть понято как *время духовной жизни*, через ее

акты и состояния. По своему содержанию они различны, поскольку в каждом из них имеет место уникальная форма целостно переживаемой социальной ситуации. В этом случае речь должна идти о внутренней связи ее как целостности. Особо подчеркну, что последовательность смены состояний социальной реальности при этом вовсе не исчезает, она приобретает характер потенциальных форм ее бытия как *возможного*, но отнюдь не предзаданного и в этом смысле не необходимого. Смена состояний — событие, а потому и логически не необходимое. Здесь-то и имеет место *событийное* Время как конституирующий фактор смены (акта, события, смысла). Историческое (линейное) время «включено» в событийное Время (чему соответствует «включенность» процессов в события), а событийное Время «включено» в историческое (линейное) время (чему соответствует «включенность» событий в процессы). Характер и содержание включенности времен друг в друга (как и характер взаимоотношения процессов и актов внутри целостности) в состояниях социальной реальности имеет весьма специфический «вид», демонстрирующий взаимодействие разнородных явлений в общественной жизни.

Пространственные характеристики состояний социальной реальности, нашедшие впоследствии выражение в понятии социокультурных пространств, также не были предметом осмысления в марксистской теории общества, что тоже не было случайностью. Пространственная атрибутика социальных явлений, как и общества в целом, при диалектико-логическом способе описания была представлена порядком, организованностью, наполненностью, плотностью процессов в общественном бытии, разнообразием его проявленных форм. Преобладающий в этом случае структурно-функциональный анализ социальных явлений устанавливал связь между ними по заранее заданным параметрам, в результате чего социальное пространство по своей схематике было однородным, структурированным, ограниченным. Оно мыслилось в форме параметрически организованной человеческой жизнедеятельности как изначально заданное поле самореализации человека в определенной системе отношений. Локальный характер человеческой деятельности, с одной стороны, и возрастающее влияние совокупного результата всего антропогенного воздействия на состояния общества, природы и человека, с другой, — явились стимулом для осмысления социопропространственной проблематики.

Как в естествознании, так и в обществознании переосмысление классических представлений о пространстве происходит на основе опыта поисковоисследовательской деятельности, смены познавательных парадигм, введении и внедрении новых исследовательских стратегий. Под сомнение был поставлен фундаментализм, который изначально предполагал некую иерархизированную систему принципов, шкалу ценностей, структурных образований и т.д. Критическому анализу и переосмыслению подверглось центристское мировидение и миропонимание. На фоне сменяющихся центров (познавательный опыт показывал, что каждая, вновь созданная картина мира —

это картина со своим центром и перспективой) мыслимых миров вызревала идея децентрализации. Появилась дихотомия «центр — периферия», из которой, в свою очередь, вытекало представление о маргинальных пространствах.

Внутри целостности состояний социальной реальности наряду с устойчивыми социальными структурами существуют становящиеся нелокализованные виды актуального социального опыта. Последние, будучи не укорененными в стабильных, господствующих структурах общественной жизни, носят маргинальный характер, что не означает их малозначительности, поскольку именно в этой области маргинального вызревает то новое, которое вытесняет устаревшие, неэффективные виды социальной активности и соответствующие им социальные структуры: будь то неэффективная экономика или деструктивная активность человека.

Возникновение и конституирование социальных пространств осуществляется как оформление нецентрированных, несоотнесенных новых социальных образований. Высвобождаемая при этом энергия связи из разрушающихся структур (делокализация) приобретает характер творческого поиска и созидания новых культурных феноменов. Здесь важно отметить, что социопространственная атрибутика выступает не только характеристикой дискретных образований, но и выражением *нелокальных связей* между ними, «бесформенность» которых демонстрируется присутствием одного явления в другом в качестве его презентанта.

С учетом нового понимания социальной пространственно-временной атрибутики общественное бытие, то есть единство деятельностей и продуктов-результатов, представляется как содержащее в себе особый *род связей*, постоянно воспроизводящийся актуальной деятельностью, но не исчерпывающей своим содержанием всего этого «рода». «Особость» этого рода связей состоит в том, что она носит не внешний, а внутренний характер, причем, таким образом, что в предмете имеет место представительство деятельности и условий возможности ее осуществимости в данном качестве, а в деятельности — представительство предмета и условий возможности быть им именно в этом качестве. Вот эта «особость» данного рода связей, на мой взгляд, и выражает форму и вид целостности социального деятельностно-продуктивного образования, а сам этот *род связи* в силу его особого статуса в системе общественных отношений может быть назван *презентативным*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3.
2. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. – М., 1956.

КУЛЬТУРНЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СТАТУС РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В западноевропейской культуре, тема *ratio* была и остается ведущей, поскольку проработка ее является способом раскрытия и исчерпывания созидательного потенциала самой культуры. Несмотря на давно замеченные негативы цивилизационного процесса, в который погрузилась западная культура в эпоху Нового времени, человеческая мысль непрестанно выходила на новый уровень осмысления культуры и являла собой, пожалуй, самое главное ее качество - *креативность*.

«Культура креативна» - тезис общеизвестный. Однако интерпретация креативности, как впрочем, и *введение* ее на правах атрибута или метафизического основания культуры, в классическом рационализме оставались проблематичными, а в неклассическом рационализме проблематизируется само понимание *связи* культуры и рациональности прежде всего с точки зрения ее выразительных средств, в результате чего расшифровка данного тезиса из разряда «метафизических» (философских) перешла в разряд «лингвистических».

Далеко не случайно, что превращение классического нормативного эмпиризма, требующего, как известно, прямого сопоставления значения идеи с опытом, в аналитическую процедуру описания непосредственного чувственного опыта путем преобразования содержания идей в форму, пригодную для выражения этого опыта, привело к возникновению логического анализа языка (так называемый «логический эмпиризм»), а затем и к расцвету лингвистической философии в целом. Действительно, аналитика эмпиризма в этом случае приобретает ярко выраженную лингвосемантическую окраску, которая и определяет содержание современного эмпиризма в виде и в форме языковой практики. Последняя уже не ограничивается способами анализа значений используемых идей в жизнедеятельности, а претендует на роль культуuroобразующего фактора в общественной жизни. В перипетиях логического анализа языка лингвистическая философия стала усматривать природу метаморфоз не только мышления, но и многих других духовных явлений - от языковых игр до смыслообразования. Было показано, что лингвистическая реальность, функционирующая в культуре, отнюдь не только средство отражения и выражения последней, а одно из существеннейших волокон в ткани культуры.

Используя лингвистическую терминологию, культуру не назовешь иначе как «*текст*», причем, текст – динамичный, способный к качественным изменениям, а следовательно, и порождающий внутри себя новые смыслы. Иначе говоря, культура – всегда заново создающийся текст со своей заново конституирующейся смысловой структурой. В этом следует усматривать

прежде всего тотальный характер культуры с ее ритмичной поглотившей и одновременного порождения внутри себя целостных явлений, фрагменты которых, с одной стороны, выступают непосредственной действительностью человеческого мировосприятия, а с другой – участвуют опосредованным образом в созидании семантического потенциала тех или иных состояний культуры. Этот «интервал» между непосредственностью человеческого восприятия и потенциальным характером смыслообразования составляет Пространство-Время, в котором конституируются различные формы рациональности. Последние, будучи структурно и функционально определившимися в многообразных духовных образованиях, в свою очередь, преобразуют это же Пространство-Время в формы, которые содержательно интерпретируются нами либо как культурные, либо как цивилизационные. Поэтому квалификационные критерии культуры и цивилизации следует, на наш взгляд, связывать с Пространством-Временем в их Событийном проявлении. Иначе говоря, Пространство-Время содержательно наполнено событиями (в отличие от пространства и времени как формализованного языка описания процессов и явлений, реализующихся в метрике доступной непосредственному чувственному восприятию) и в этом смысле оно *не предшествует* им и *не вытекает* из них, а составляет единый континуум **Пространство-Время-Событие**. В таком случае линейное время («предшествует» – «вытекает») теряет свой фундаментальный статус в определении состояний реальности, а как средство описания – имеет силу лишь для явлений, носящих процессуальный характер, да и только в том аспекте, в котором они последовательно даны в нашем восприятии. Фрагментарность действительности, проявляющаяся на уровне человеческого действия (поскольку действительность в него вовлекается лишь отчасти), предопределяет характерные черты мира, который строится человеком. Цивилизационный мир – мир сознательно конструируемый и, насколько это возможно, – управляемый. Но человек живет в Мире, который для него оказывается не до конца рационализируемым, в Мире, который содержит некий контекст.

Подчеркнутая выше текстуальность культуры, в динамике которой кроется прежде всего ее «живая» целостность, позволяет рассматривать и понимать любые явления ее как континуальные образования, то есть как такие состояния, которые самодостаточны для новых ее состояний-образований. В этом случае культура, – не соотносимая с чем-либо иным, кроме самой себя, – **феномен**, и в качестве такового предоставлена сама себе. А это *представление* может быть выражено не в терминах внутреннего и внешнего («внутреннее» и «внешнее» как противоположности фигурируют в классическом рационализме на правах его конституирующего момента), а быть *синописом* (если выразиться в терминах греческого языка) Единого и Целого, где всякое разделение не более, чем процедура их *пред-*ставления. *Представление* и *предоставление* выражают по сути различные меры бытия культуры. Культура

предоставленная сама собой – это ближайшие «времени» ее состояния, которые чаще всего рассматриваются в классическом рационализме как противоположности, поскольку его схематика построена на процедурах соотнесения им же произведенных противоположностей. Состояния же целостности исключают противоположности в качестве фундаментальных характеристик при синоптическом ее рассмотрении. Они появляются после акта *представления* целостных состояний, когда они уже таковыми не являются. Акт *представления* в том и состоит, что целостность разделяется на *оставленную* и соотнесенную с *поставленной* ею формами существования.

Обрисованная выше семантическая, гносеологическая, логическая и операционно-инструменталистская ситуация в способах описания и представления рациональности позволяет обозначить основания культурного и цивилизационного статуса рациональности. Если цивилизационный аспект рациональности *представлен* (в буквальном значении этого термина) способами ее функционирования на правах определяющего и регулирующего фактора жизнедеятельности общества, то культурный аспект явлен (здесь он в принципе носит являемый характер) формообразованием, конституированием новых ее типов. Сотворяющаяся в культуре рациональность и ее культуuroобразующий характер становятся единым состоянием – состоянием новообразований в духовной жизни социума. Поэтому осмысление и исследование такого рода состояний, а вместе с тем и способов экспликации являемой ими новизны имеет непосредственное отношение к пониманию метаморфоз самой рациональности.

Принципиальным моментом в понимании преобразующейся в культурно-историческом процессе рациональности оказывается вопрос об истоках культуры и человеческих представлений о них, что, в конечном счете, предопределяет как трактовку самой культуры, так и интерпретируемых в ее рамках форм рациональности. Как показывает опыт философствования в западноевропейском цивилизационном процессе установка на представленность и возможную представимость истоков культуры всецело базируется на духовных интенциях человека как субъекта – самодостаточного, самоопределяющегося, самоустанавливающего и предопределяющегося. Такая установка (некая интенция) на акт представления вводит самодеятельность субъекта, точнее сказать, его активность в содержание истока культуры. Поэтому исток следует искать в специфической форме проявляемости человеческой активности, в частности, в форме устремленной в будущее деятельности через и посредством самополагаемости человека-субъекта. Отсюда следует, что западная культура изначально была ориентирована на цивилизационную форму развития процесса, а рациональность в ней явилась производной от схем типов и видов деятельности, хотя и многообразных, но в принципе тождественных по своей *целеустремленности*. Этот факт в культурно-историческом процессе достаточно хорошо был осмыслен и эксплицирован в западноевропейском типе мышления, который и получил

название классического рационализма. Но от его внимания ускользал другой момент – многомерность человеческой активности. Ее нельзя исчерпывающим образом выразить и описать в схемах целесообразного. Осмысление необъективируемой посредством целевых установок сознания «части» человеческой активности и обнаружение неосознаваемой «части» совокупного результата человеческой деятельности неизбежно вели к негативному определению рациональности, то есть к квалификации¹ ее либо как весьма ограниченной, либо как превращающейся в свою противоположность – иррациональность. Именно на этой гносеолого-методологической основе и процветал западноевропейский иррационализм.

Возвращаясь к вопросу об истоках культуры с учетом требования в понимании и трактовке ее как целостности и одновременно динамичности, вновь обратимся к континуалистским моделям культуuroобразования. При этом еще раз подчеркнем, что всякий акт представления, всякий акт человеческой активности, как и акт актуализации некогда объективированного содержания духовных интенций человека в созданных и сотворенных произведениях культуры, составляют Единое и Целое, выраженных нами в концепте «Пространство-Время-Событие».

Континуальность как выражение *непрерывности, одновременности и целостности* может быть понята не через структурирование пространства, времени и события, взятых в отдельности и расчлененных изнутри, а через их совместную тотализацию внутри культуры. Это означает *связность* ее явлений, но уже не в форме следования рядоположенных и сменяющих друг друга состояний, а через их *взаимоприсутствие*, но опять-таки не в форме гегелевского «снятия», предшествующего последующим и низшего высшим, а через презентацию (представительство) одного в другом. В *этом* случае любое явление культуры содержит в себе все ее универсалии, и в *этом случае* будет заключена и выражена универсальность культуры.

В этой связи нам представляется наиболее интересным понимание культуры именно как текста, семиотика которого дает возможность нетривиальной трактовки явлений культуры через движение мысли от значения знака к его семантике и от нее – к смыслообразованию. Такое движение будет определяться не его физической пространственно-временной метрикой, а *нелинейностью* образующегося «Пространства-Времени-События». При этом особо подчеркнем, что *геометрический образ* Пространства, Времени, События ни в коем случае не означает редукции их к известным физическим и соответствующим им геометрическим (математическим) представлениям.

Первое, на что следует обратить внимание, состоит в понимании неоднородности (а, следовательно, и *нелинейности*) Пространства, что в предлагаемом нами геометрическом их образе будет означать различную

¹ Заметим, что сама процедура квалификации есть выражение уже работающей в определенной схеме (в схеме оппозиционных различий и определений) интенции сознания-мышления.

метрику в интервале «центр-периферия»¹. Второе, на что ориентируется наше внимание, состоит в понимании События как акта, из которого проистекает все то, что трактуется как маргинальное. В выбранном нами геометрическом образе это означает место и время проявившихся культурных явлений в Пространстве «центр-периферия». Третье, на чем концентрируется наше внимание, состоит в выборе «точки отсчета», так сказать, выборе координат в описании и представлении какого-либо культурного явления, что означает в том же геометрическом образе «точку стягивания» (за счет человеческой активности) реалий маргинальных пространств и времен, которая символизирует точку совпадения Пространства, Времени и События и именуется нами как «Настоящее». Оно уже мыслится как самодостаточное (само-стоятельное) измерение культуры, в равной степени (мере) характеризующее ее целостность во Времени (единство всех времен, которыми мы оперируем при описании фрагментарно представленной культуры), целостность Пространства (единство всех пространств, которые вводятся для описания дискретно представленной культуры), целостность актуально-потенциальных и потенциально-актуальных состояний – Событий (единство всех качественных изменений в их взаимообусловленности).

Так понятие «Настоящее» позволяет выявить порождающе-поглощающий характер динамики культуры. В предложенном нами геометрическом образе реализация порождающего потенциала культуры мыслится как качественные изменения ее состояний в определяющемся этими состояниями «Пространстве-Времени». С этим континуальным образованием мы и связываем метаморфозы рациональности.

Текстуальность культуры, в ткани которой содержатся ранее построенные рациональные схемы, обеспечивающие мыследеятельность, также пространственно ангажирована и выражена центро-периферическим пространством. Активность сознания (вообще всякая духовная активность) актуализирует сложившиеся рациональные схемы, обеспечивая тем самым их движение в этом пространстве, в результате чего они оказываются принадлежностью «Настоящего». И сколько бы они ни были фундаментальны в маргинальном пространстве и времени, их статус в «здесь-и-сейчас» меняется на «противоположный», то есть на центральный. В результате этого «противостояние» оказывается не противоположным в обычном пространстве и времени (соотношение «там и тогда» и «здесь-и-сейчас» как противоположностей теряют всякую силу), а сопresentствующим. В «Настоящем» как актуальной форме бытия ранее построенные рациональные схемы и структуры дефундаментализируются, то есть теряют приписываемую им значимость. Метаморфозы этих схем и структур есть не что иное, как «перемещение-превращение» их из маргинальных пространств и времен, где

¹ Вводимое здесь измерение культурных явлений через неоднородное Пространство – «центр-периферия» – означает их различную потенциальность к преобразованиям.

они имели статус ставших и бывших, в места центрирующей их человеческой активности, где они обретают статус актуально существующей целостности. Этот статус всецело определяется «Настоящим», а сами явления мыслятся как феномены в качестве являемых целостностей. Проявление - это превращение феномена в обычное явление с конечным набором характеристик и параметрически выраженным его состоянием. Описание явления на основе и через призму рациональных схем неизбежно превращает его в «предмет», «объект» и вытесняет в область маргинальных пространств, где он, в свою очередь и как правило, фундаментализируется. Отсюда и вытекают назойливые утверждения о Море как «мире объектов», «мире предметов», «мире вещей», «мире отношений», «мире процессов» и т. д., а целостность культуры трактуется как совокупность ее явлений. В этих условиях и креативность культуры понимается через призму маргинальных форм существования ее явлений. Задача, однако, состоит в том, чтобы понять сами эти явления в истоках их культуруобразующего центра – креативности.

Любопытно отметить, что апелляция к маргинальным формам существования культурных явлений и трактовка их в сложившейся классической рационалистической схематике приводила мыслителей к изобретению различных «критик» – от скептической античной мысли к кантовским «критикам» и от них к аналитической философии и деконструктивизму Ж. Деррида. За всеми «критиками» скрывалась идея вытеснения одних рациональных схем другими, что в определенной мере объясняет факт метаморфоз рациональности (идея К. Поппера о «науке как критике» – яркий пример констатации этого факта).

Проводя параллель между «механизмом» фальсифицируемости научных теорий у К. Поппера и «способом» смены культурно-историческим форм, можно сказать, что культура тем «эффективнее», чем полнее она «опробергает» себя в средствах своей осуществимости. Культура в этом случае получает «негативное» определение. Неслучайно поэтому идея о «европейском нигилизме», сформулированная Ф. Ницше, имела под собой солидное основание как в российской так и в западной философской мысли: от критики западной культуры у славянофилов до шпенглеровского «Заката Европы» и далее к живописаниям деструктивных начал в человеке, погруженного в рамки западной цивилизации (у Э. Фромма, например). Выявлению природы этой метаморфозы посвящено немало страниц в творчестве М. Хайдеггера, который отмечал, что неизбежность такого исхода дела была предрешена «задолго до того, как была взорвана атомная бомба».

По нашему мнению, здесь дело не только и не столько в ошибочном выборе пути или в злом умысле идеологов западноевропейской цивилизации, сколько в естественной установке человека на реалии повседневного опыта и жизненного мира, и, в частности, – на теоретическое представление маргинализированных форм существования культуры. Ведь именно они оказывались непосредственно переживаемой и воспринимаемой человеком

реальностью. Он проживает в них и через них заключительный момент того, что уже само пришло к своему концу. Философски ориентированная мысль, устремляясь к истокам (что соответствует метафизической установке на поиск оснований: первооснов, сущности, подлинного и истинного бытия, фундаментальных экзистенциалов и т.д.), вынуждена всякий раз заново переписывать историю человеческого бытия под углом зрения найденного истока-основания. Вопрос, стало быть, состоит в том, чтобы осмыслить саму эту устремленность, которая «выталкивает» человека в маргинальное пространство и время, где он и находит себя в качестве субъекта, а в качестве предметностей – маргинальные формы существования культуры.

Маргинальность культурных форм, как правило, выражена в терминах «там и тогда». Появление дистанцированных от человека таких форм – не только результат деятельности рефлексивного мышления, но и любых других способов человеческого действия через целеполагание. Основанное на рефлексивном мышлении действие объективирует свой результат. Для такого мышления и действия *ничто* существует только *после* акта рефлексии и создания артефактической реальности. Осознав ограниченность данного мышления и основанного на нем действия и заменив тезис «мышление о ...» тезисом «мышление как ...», прагматически ориентированная и инструменталистски реализуемая рациональность стала эксплуатировать другие измерения бытия «вот-бытие» (К. Ясперс), «так-бытие» (Ж.-П. Сартр), «здесь-и-сейчас-бытие» (М. Хайдеггер). В выборе этой точки отсчета в понимании и трактовке бытия состоит тот новый шаг, который позволил усматривать истоки всех изменений не в «там и тогда», а в «здесь-и-сейчас».

Несомненной заслугой экзистенциалистски ориентированной философии явилось то, что истоки стали усматриваться в «Настоящем» и не столько в детерминациях прошлого по отношению к настоящему и настоящего к будущему, сколько в «обратной связи» настоящего по отношению к прошлому и будущему одновременно.

«Источниковый» характер «Настоящего» превращает вопрос о рациональности культуры в вопрос о расшифровке *акта* сотворения человека-в-мире. Культура – одновременно сотворяемые и сотворяющиеся состояния человеческого бытия на всех его уровнях и во всех его измерениях. Актуальным в этой связи является вопрос о специфических формах связи искусственно создаваемого и естественно осуществляемого. Проблематичными, на наш взгляд, здесь являются вопросы о «месте» и «роли» *человеческой активности* в организации (или дезорганизации) складывающихся (формирующихся) связей «отехничиваемой природы» с ее состояниями. Речь идет о естественно-искусственном (искусственно-естественном) содержании и характере человеческой активности. Будучи непосредственной проявляемостью человека, она связывает актуализируемое ею же самое содержание естественного и искусственного с потенциальной структурой их симбиотических состояний. При этом сама она является

достоянием обеих реальностей. Симбиоз объективируемого с уже объективированным – ранее созданным – ставит *человеческую активность* в разряд явлений, составляющих актуально-потенциальные состояния социальной реальности и обеспечивающих последней многообразие и многомерность.

Таким образом, рационализация действительности, будучи опосредованной человеческой активностью, приобретает перманентный характер, а цивилизационный и культурный статус рациональности определяются соответственно *способами* функционирования уже рационализированной действительности и ее *новыми формообразованиями*. Поэтому и само ***понимание рациональности*** становится своеобразной функцией различных состояний континуума «Пространства-Времени-События».

РАЦИОНАЛЬНОЕ В ФИЛОСОФИИ

В европейской культуре *феномен рационального* оказался центральным в понимании и трактовке ее генезиса, становления и дальнейшей судьбы. В осмыслении и экспликации содержательных моментов данного феномена в истории западноевропейской культуры (и, в особенности, в эпоху Нового времени) пальма первенства принадлежала философии. С небольшими оговорками эту исключительную роль философия продолжает играть и в современных условиях.

Актуальность и проблематичность темы рационального в культуре, как и в самой философии, обусловлена метаморфозами социально - исторических и культурно - духовных состояний общественной жизни вообще индивидуально - личностных форм бытия человека в частности.

В нынешних условиях глобального характера изменения в состояниях общественной жизни настоятельно требуется принципиально иные ментальные ориентации человека в его жизнедеятельности. Поэтому тема рационального в многообразных формах поведения и действия, как и стремление к соучастию в сотворении новых смыслов становится одной из главных в духовной жизни человека. Задача здесь состоит не столько в том, чтобы сформулировать принципы рациональности в качестве неких образцов деятельности, сколько в том, чтобы обозначить ориентации на соразмерное человеческому существу *необходимого, должного, возможного* в отношении к самому себе, к созданному им же самим миру, ко всему тому, что обеспечивает его жизнь.

В современных условиях, видимо, речь должна идти об осмыслении предельно допустимых нагрузок в отношении человека и мира. И если перевести этот тезис в русло социальной прагматики, то речь пойдет об *оптимизации* отношений человека и мира, общетеоретического которой и будет содержательным моментом рациональности. *Рациональное - значит оптимальное.*

Осознавая всю «техническую» нагруженность данного признака рациональности, подчеркну, что трактовка последней в западноевропейском варианте, начиная с Аристотеля, связывалась с *целесообразной* деятельностью человека, составившей надежную опору для кристаллизации схем мышления. В этом аспекте даже отношение к Богу мыслилось как некое целесообразное деяние, направленное на поиск путей к Нему.

Ориентация на целесообразность остается доминирующим направлением в поисках определяющего признака рациональности. При этом степень рационального определялась опять - таки *оптимальным* соотношением элементов целостного деятельностного цикла и его результативности. В таком случае и сфера духовной жизни - не исключение. Здесь также господствует целесообразность, и оценка рода духовных интенции дается по их

результативности. Это и есть, собственно, техницистская трактовка рационального. Конкретные формы выражения рациональности, разумеется, могут быть самыми разнообразными - от установления разумом целей до разумного использования результатов достигнутых целей.

Философия в различных вариантах ее метафизических построений также не есть исключение из этого правила. И, более того, именно в ней «логика» построения рациональных схем в отношении человека и была доведена до возможного для нее предела - до достижения понятия Абсолюта как конечного, и, одновременно - начального пункта человеческой разумности, в котором целесообразное действие закреплялось в качестве одного из Его атрибутов.

Путь к понятию Абсолюта был долог и труден. Но как только человеческий разум вступил на путь абстрактно - теоретического мышления то для него неизбежным оказался такой результат. Претерпевая целый ряд метаморфоз, абстрактно - теоретическое всегда было и остается техническим по своему содержанию и технологическим по своей форме. Его техника и технологичность проста: *субстанциализация* и *релятивизация* мыслимого содержания форм существования этого содержания. Все это обеспечивается ограниченным набором процедур и операций мышления. А сам стиль мышления, который и был назван рационалистическим, конституировался в определенную духовную формацию западного образца и содержал в себе набор фундаментальных понятий и принципов.

Здесь нет необходимости подробно рассматривать ни систему понятий, ни систематику знаний, построенную на признании Абсолюта. Важнее, на мой взгляд, обратить внимание на процесс субстанциализации мыслимого содержания, который составлял как бы первый этап в формировании рационалистического стиля мышления. Путь к понятию Абсолюта в философии (в отличие от теологии, где Бог мыслится тоже как Абсолют) лежал через кристаллизацию понятия *субстанции*, в результате чего данное понятие и стало ведущим понятием рационалистического стиля мышления. Поиск первоосновы (субстанции) - это и определяло статус философии в качестве метафизики - завершился выводом (его содержание как раз и субстанциализировалось) о «факте» существования некой трансцендентной сущности. Такой «факт» носил (как это и было ему положено мышлением) постулативный характер. Постулируемая субстанция (основа и даже первооснова) наделялась целым рядом атрибутов и несла на себе ряд функций. Как ведущее понятие рационалистического стиля мышления, субстанция призвана выразить фундаментальное единство мира через определенную систему мыслимых как имманентно присущих ей типовых, видовых и родовых связей и отношений. Здесь и потребовалась релятивизация форм существования субстанции через выявление, модификацию и конструирование архитектоники видо-типовых и родо-видовых связей и отношений.

Именно качественные изменения помышляемого теоретическим способом содержания субстанции, а также изменение мыслимых типов, видов,

родов связей и отношений ее атрибутов, модусов и акциденций составляли суть метаморфоз рационалистического стиля мышления. Аналогом этих метаморфоз выступали изменения, происходящие в состояниях, явлениях и процессах общественной жизни. Неизбежное в этом случае совпадение субстанциализированного содержания мышления со структурой и формой процесса мышления нашло свое концентрированное выражение в рационалистическом принципе тождества мышления и бытия. Вот этот «двойной скачок» абстрактно-теоретического мышления от своих первичных форм - абстрактных определений - к их систематике, а от нее объективации и далее к субстанциализации своих собственных форм требовал высокоразвитых теоретических областей знания, в которых возможна была бы экспликация содержательных моментов метаморфоз мышления. К таким областям знания относились и относятся философия и математика. Именно в них наиболее ярко проявляются критические состояния формационных интеллектуально - мыслительных образований, раньше, чем в других областях знания, обнажаются содержательные моменты преобразующего мышления. Внешне это выглядело как возникновение новых систематик знания в этих областях, о чем свидетельствует многообразие философских систем и многообразное семейство математических дисциплин. Внутренним же содержанием метаморфоз мышления явилось изменение «принципа» организации знания, которое, в свою очередь, проистекало из изменений в атрибутике мышления из его синтетических способностей - как нечто объединять. Этот факт в структурах мыслительности был понят методолого-гносеологизированной философией таким образом, что вопрос о рациональности приобрел характер всегда открытого вопроса. Поэтому постоянно самоопределяющаяся рациональность в философии заранее исключает ориентацию на окончательное ее определение.

Самоопределение рационального как конституирование значимостей в жизнеобразующих структурах активности человека предполагает выявление степени вписанности человека в мирообразующие связи, причем такой постоянной вписываемости, в ходе которой возможно возникновение смысла. Связывая природу метаморфоз рациональности с возникновением смысла, я хочу подчеркнуть непредзаданность рационального никакими наперед заданными схемами, которые сами явились лишь продуктами ранее сложившихся типов рациональности. Вопрос о рациональности в философии - это вопрос о переходе как акте еще не рационализированного в рациональное при условии, что сам этот акт есть рождение нового смысла. Философия в таком случае есть область теоретического¹, внутри которой провоцируются ситуации возникновения смысла, выступающего организующим началом новой упорядоченности активности человека, критерием которой, в свою очередь, становится степень вписанности человека в мирообразующие связи.

¹ См.: Миронов Г.Ф. Философия как область теоретического. Философия в современном мире: состояние и перспективы. Ч.1. Ульяновск, 1999. С. 16-22.

Вопрос об осмыслении метаморфоз рациональности трансформируется в вопрос о поиске тех точек, в которых происходит поворот, качественное изменение духовных состояний (а соответственно изменение духовных ориентаций) человека. Как и что, собственно, происходит, когда один тип рациональности сменяется другим?¹ Каковы условия (они же и содержательные моменты) изменения рациональности?

Самый общий и абстрактный ответ на этот вопрос - дефундаментализация принятых (сложившихся, утвердившихся, канонизированных) в той или иной культуре *основ человеческого существования*. В философии, если она приобретает форму теоретизирования, такая дефундаментализация касается всеобщих и универсальных характеристик (кстати, ею же выделенных и обоснованных в качестве таковых) человеческого бытия, к которым, на мой взгляд, следует отнести:

а) **топологические** (гр. *topos* - место, местность): многообразие пространственных отношений и размерностей локально-нелокальных состояний реальности, включая социальную;

б) **хронологические** (гр. *chronos* - время): многообразие временных размерностей состояний любых родов реальности, включая многомерность самого Времени;

в) **номотические** (гр. *nomos* - закон): многообразие инвариантов в любых состояниях реальности от однозначно детерминированных до законосообразных связей в нестабильных, неравновесных и нестационарных состояниях целостностей различного рода;

г) **технические** (гр. *techné* - искусство, искусственное): многообразие связей и отношений в искусственно создаваемых системах, динамика которых определяет способы человеческой деятельности и условия его существования в искусственно созданной среде;

д) **социологические** (лат. *socialis* - общественный): многообразие форм человеческого общежития и способов существования различных социальных явлений;

е) **этические** (гр. *ethos* - обычай, характер, нрав): многообразие ментальных структур и духовных образований в общественной жизни;

ж) **футурологические** (лат. *futurum* - будущее): многообразие форм и способов устремленности человека в будущее - от открытости человека миру (и его вопрошания к нему) до построения глобальных схем будущей состояний жизни человечества.

Суть дефундаментализации указанных характеристик состоит, во-первых, в размывании границ и тем самым в сужении сферы применения в описании локальных состояний реальности, в результате чего их всеобщность и универсальность низводится до единичности и уникальности; во-вторых, в

¹ Следует иметь в виду, что существуют и функционируют в каждый период человеческой истории одновременно несколько типов рациональности. Когда речь идет о смене типов рациональности, то подразумевается либо появление нового типа рациональности, либо доминирование одной из существующих.

умножении сущностных признаков описываемых реалий через эти характеристики, в результате чего единство и целостность данных реалий становятся все более дифференцированными и локальными; в-третьих, в изменении их статуса в создаваемых теориях посредством включения иных равнозначных им характеристик.

Любой вид или тип рациональности так или иначе включает эти характеристики бытия, базируется на них и расставляет акценты в их соотношении при построении схем мироздания, включая и схемы социального мироустройства. Метаморфозы рациональности в свете переосмысления указанных характеристик бытия выглядят как десубстанциализация характеристически выраженных основ человеческого бытия и как следствие - пересмотр систем представлений о мире и человеке и их взаимодействии.

Если присмотреться к выделенным характеристикам и связать их с творчеством крупных мыслителей, то окажется, что каждый из них, пересматривая фундаментальный статус той или иной характеристики, выступил родоначальником того или иного типа рациональности. Сравнительный анализ их философских воззрений и систем с базовыми понятиями позволяет выстроить некую логику в становлении философской рациональности. Скажем, пифагорейско-платоновская философская традиция рационализировала одновременно мир идей и мир становления тогда как платоно-аристотелевская традиция сместила акценты на рационализацию интеллектуально-мыслительной активности человека, которая усилиями Р. Декарта была канонизирована в качестве научно-теоретического мышления, в результате чего сформировалась научная рациональность. Другая «логика» становления философской рациональности была связана с построением систем мышления и знания: от метафизики Аристотеля через сумму технологии Ф. Аквинского до системы Гегеля с понятием Абсолюта, где основополагающим критерием рациональности выступила логика в различных ее вариантах. В рамках этих традиций любопытным является тот факт, что инструменталистская парадигма мышления хотя и работала в режиме чистой теории, но все же находила прочное основание в социальной прагматике.

Десубстанциализация человеческого разума через многообразные формы теоретического мышления и его релятивизации в свете метаморфоз общественной жизни привели к представлениям о социокультурной обусловленности рациональности, истоком, способом существования и критерием оценки которой выступила общественно-историческая практика. Последняя мыслилась как форма социального бытия человека и одновременно служила истоком всех вновь являемых феноменов общественной жизни, включая и саму рациональность. Рациональность стала мыслиться как функция сотворяемой социальной реальности на основе ранее сложившихся форм и типов рациональности. А поскольку фактором инициирующим различные состояния общественной жизни (от стабильных до неравновесных) выступает прогрессирующая человеческая активность в форме преобразующе-

проекирующей деятельности, то и рациональность оказалась преимущественно технической, а мысль – по словам Г. Башляра – программой экспериментов, подлежащих реализации¹.

Новые веяния в философской мысли связаны с комплексом вопросов, именуемых ныне экологическим, разрешение которых, по всей вероятности, будут иметь в качестве следствия - формирование эколого-этической рациональности. Идея о возможном переходе техногенной в антропогенную через критическую точку, понимаемую как кризисное состояние, включает в себе идею пересмотра всех вышеуказанных базисных характеристик бытия под углом зрения их человеческой соразмерности. Достижение этой соразмерности - акт качественного изменения ментальности человека, содержательным моментом которого выступает смена форм рациональности. Рациональность, таким образом, - вечно живой атрибут человеческого разума, выражающий особое его «качество» - превосходить себя и сотворять новые смыслы.

¹ . см.: Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. С.67.

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В «ПЕРВОМ ШАГЕ»

Феномен «первого шага» уникален во многих отношениях, поскольку он — выступление из области наличного бытия: из «присутствия» и из «настоящего времени». Единственность этого шага (он — первый!) состоит в том, что он оставляет после себя все, что становится бывшим. «Первый шаг» придает начальным координатам (пространству и времени) нулевое значение и вместе с этим «означивает» конечные координаты. Однако, в метрике однородного пространства и времени «первый шаг» — это сдвиг, начальные и конечные координаты которого в линейном времени неразличимы. Поэтому реализованное время и образованное пространство наполняются содержанием за счет изменения связей начальных и конечных координат (место-и-время пребывания) свершающего «первый шаг» с контекстом его осуществимости. Контекст гетерогенен. Именно гетерогенный характер обеспечивает шагу различимость его начальных и конечных координат. Это, в свою очередь, ставит под сомнение однородность пространства для одновременно сосуществующего и изохронность времени в пространстве «первого шага». В качестве со-существующего он — со-бытиен, со-образователен и тем самым со-образен ситуации. Он же — сдвиг в архитектонике миро образующих связей.

Иначе говоря, статус «первого шага» определяется соотносимостью и связностью с близлежащим, носящим гетерогенный характер. «Первый шаг» — со-образен ситуации, возникающей в ходе сдвига, и менее всего целесообразен. В этом смысле «первый шаг» *из-начален*, для него цель не выступает конституирующим фактором. Цель не предшествует его осуществлению. Поэтому он не определим в термина процессуальности.

Отсутствие цели в «первом шаге» означает неопределенность ситуации, возникающей в ходе сдвига существовавшего положения вещей. «Первый шаг» — провоцирование ситуации, носящей неопределенный характер. Формой и способом внесения определенности выступает целесообразное действие, которое формируется и реализуется позднее и которое со-образно возникающей ситуации. Поэтому цель — вторичная форма существования и одновременно идеальная форма выражения сообразности «первого шага» с теми условиями, в которых он реализуется. Целесообразность действия не является содержанием изначальности «первого шага», но со-образно с целостностью ситуации» вступление в которую для него возможно. Целесообразность имеет место там, где появляются следующие шаги и где необходима их координация, упорядоченность и связность в линейном изохронном времени. А возникновение цели сопряжено с установлением связи второго шага с первым и одновременно со связью этих шагов с контекстом их

осуществимости. Полагание цели (а не возникновение ее прообраза) в свете второго шага получило в классическом рационализме и в линейно трактуемом мышлении название рефлексии. Последняя «работает» без учета контекста. Возникновение прообраза цели, целеполагание и реализующая ее деятельность имеют свои, генетические корни. Здесь мы имеем дело с явлениями, которые проистекают из различных источников; их связь имеет нелинейный характер, а, следовательно, каждое из них будет обретать свой смысл.

Суть идеи «первого шага» — прояснение связей текста и контекста, процессов и события, событий и процесса, определенности и неопределенности, локальности и нелокальности. «Первый шаг» может быть осмыслен как контекстуальное явление при характеристике которого все «до» и «после» лишают его статуса «первого».

Трактовка «первого шага» в качестве изначального с метафизической точки зрения означает его онтологизацию. Такой статус определяется следующими его свойствами-характеристиками:

- негативностью;
- алогичностью;
- нелокальностью;
- необъектностью;
- допредикативностью;
- событийностью;
- креативностью.

Под эту рубрику «первого шага» подпадает и способ его представления и описания, то есть того, что имеет основание в самом себе — в акте представления и о-писания. Что касается о-«писания» как некоторой повествовательности, оказывания и речения о нем, то это уровень рефлексии. Правомерность такой процедуры для «первого шага» как его содержательного момента весьма сомнительна; это — компетенция следующих шагов и шагов иного уровня. Акт же представления, который был положен в основу нововременного мышления, удовлетворяет критерию изначальности «первого шага». В мышлении акт представления и есть первый шаг, и он же — сдвиг — вы-ставление, вы-движение, дистанцирование. Нечто поставленное мышлением перед собой — удвоение ставящего. «Первый шаг» имеет своим непосредственным следствием дуальность: Я — Я-другой, субъект — объект, бывшее — ставшее, одно — все иное и т- д. В подчеркиваемой мной изначальности «первого шага» следствия такого рода исключаются как его характеристики, что означает необходимость поиска иного языка его о-«писания», а точнее, форм его демонстрации, поскольку мышление, построенное на связной последовательности актов, такую изначальность отрицает. За актом следует следующий акт, а это уже процесс, и он лишает «первый шаг» его статуса изначального. Однако это не помешало западноевропейскому мышлению

разыгрывать многочисленные вариации «первого шага» (в форме принимаемых основоположений в актах представления), но с одним неизменным условием — его рационализации в свете следующих шагов.

Все вышеперечисленные характеристики, выражающие общую черту «первого шага» — *негативность*, — получало, как правило, позитивную интерпретацию. В этом зазоре между негативностью «первого шага» и позитивностью его интерпретации и содержалась вся западноевропейская история мышления: от логической упорядоченности истории таким мышлением (и от исторической упорядоченности мышления так трактуемой истории) до стихии спонтанности как в мышлении, так и исторических событиях. Это то пространство, внутри которого может произойти что угодно. Мы наблюдаем то, что случилось в комбинации первых шагов, не осознавая в полной мере, что они уже свершены и имели различную природу.

В негативности «первого шага» и усматривалась его иррациональность, которая при ближайшем рассмотрении оказывалась обратной стороной рациональности, точнее, того, что полагалось в качестве рационального.

Насколько правомерна в той или другой системе представлений оппозиция рационального и иррационального — вопрос отдельного рассмотрения. В свете же «первого шага» этот вопрос лишен смысла, ибо последний возможен как уникальная форма организации множества первых шагов, одновременно осуществляющихся. Смысл множественно и многомерно укоренен в едином целом. И тем не менее вопрос о «единстве» рационального и иррационального не снимается, поскольку само «единство» здесь понимается не как синтез определений (это означало бы дискретную структуру данного образования), а как континуальность с присущей ей презентативной связью. Это означает презентабельность «первого шага». Статус «первого» он не теряет в одном случае — если нет «второго», но есть все другие в данное время. Первый среди первых не может быть вторым, поскольку нет паузы, нет зазора и нет дистанции. «Здесь-и-сейчас» есть только со-существование. В свою очередь, со-существование — это содержательность существующего. Одно удерживает другое, держится в нем, присутствует в нем независимо от того, получает или не получает оно свое выражение. Поэтому рациональное и иррациональное — это форма дуального способа выражения и всего лишь наша, весьма условная *квалификация* различных родов связей «первого шага» со всем иным ему сопутствующим. Но и она возможна на уровне рефлексии, то есть в свете последующих шагов, где он и получает свое «идейное» выражение.

В «идеологии первого шага» статус *идеи* не определен. Предшествование идеи «первому шагу» — метафизический постулат. Если природу идеи усматривать вне самого этого шага, а где-то за его пределами, то это и будет означать признание ее предшествования. С учетом встроенности «первого шага» в контекст его осуществимости, где он презентативно связан, с другими одновременно с ним осуществляющимися шагами, следует понять

«идеологическое содержание» как форму его личностной бытийности. Такой личностной формой бытийности является смысл, принадлежащей данной ситуации, в сплавленности которой «первый шаг», «человек, свершающий его», и «контекст» — континуальное образование. Всякое иное понимание «первого шага» превращает во второй, третий и т.д.

Изначальность «первого шага», его, так сказать, нулевой статус в системе представлений (в силу его до-словности, до-рефлексивности, до-определяемости, до-предикативности, но ... демонстративности, являемости, высвечиваемости) вытесняет всякие квалификации в следующие за ним шаги. Экзистенциальный характер «первого шага» придает ему статус непосредственной данности в актах его свершения-переживания. Ответ на вопрос о том, начинает ли он самим собой новый порядок, также будет носить характер метафизического постулата, поскольку «первый шаг» может быть и последним.

Во временном зазоре между первым и вторым шагом кроется тайна истории. Она может раскрываться всякий раз заново в свете следующих шагов. Поэтому идея историзма не появляется раньше, чем не осмыслена связь последующих шагов с первым. Поэтому всякий новый «первый шаг» вынуждает переписывать историю всякий раз заново. Попытки двинуться вспять — к истокам, — как правило, бывают неудачными, не только в силу невозможности воспроизвести полноту предшествующих ситуаций, но и потому, что история умирает в местах «там» и в моментах «тогда» и одновременно рождается «здесь» и «сейчас». Невозможность определить шаг в качестве первого — камень преткновения исторического исследования. Первый — всегда сейчас. Первый в прошлом — всегда уже второй, третий и т.д.

«Первый шаг» как со-бытие — контекстуален и нелокален, он — дополнителен к тому, что есть в существующем порядке, в со-ответствии с которым он и сам имеет место. Он — место-именный и в этом смысле персонифицированный. Индивидуально-личностный статус «первого шага» накладывает запрет на процедуру трансцендирования и содержит в себе самом смысловой горизонт контекстов, что, в свою очередь, накладывает запрет на дуальность наблюдателя и наблюдаемого. Смыслы нельзя наблюдать, их можно порождать своим активным присутствием в ситуации, актом, в данном случае — «первым шагом».

CHRONOS И ЕГО ТОПО-МЕТРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ¹

Зашифрованные Связи в состояниях любой реальности подлежат декодировке. Такая установка в исследовательской деятельности остается доминирующей до тех пор, пока не удастся разложить реальность до элементарных единиц, с которыми можно производить те или иные операции. Операционно-процедурная составляющая исследовательского процесса предопределяет его направленность, конструктивность, проективность, продуктивность, эффективность. Реализующийся поисково-исследовательский процесс, приобретающий явно выраженный технологический характер, достаточно полно описывается и выражается постоянной метрикой трехмерного пространства и линейного времени. Классическая наука, оперирующая таким пространством и временем, создала прочный базис для различных типов и видов технологически реализуемых активностей человека и вывела его на уровень созидателя-производителя реальностей, каждая из которых носит гомогенный характер. Основу этой гомогенности составляет подразумеваемая неизменная метрика пространства и времени (изотропность и изохронность соответственно).

Себетождественная структура реальности, как и структура абстрактно-теоретического мышления, в котором она задана, представлена, описана и выражена, вполне удовлетворительно согласуются между собой, что и предопределяет проектно-реализуемый характер производственной деятельности.

Проблемы, однако, начинают возникать, когда появляются в принципе несогласуемые между собой динамические структуры на уровне деятельности и производимой ею реальности. Такая несогласованность становится очевидной и настойчиво себя проявляемой, когда удельный вес побочных эффектов деятельности превосходит программируемый и получаемый в ходе ее результат.

При решении подобного рода проблем в классическом образе мышления сформировалась схема, в которой достижение необходимого соответствия мыслится как уточнение и *добавление дополнительных и достаточных условий*, нейтрализующих возникающий зазор. За этой своеобразной адаптацией кроется банальная процедура редукции вновь возникающего к ранее сложившимся пространственно-временным структурам реальности. Редукция (< лат. reduction сведение) в этом случае и зиждится на изначально мыслимой неизменной метрике пространства и времени. Как оказалось, правомерность такой

¹ Данная статья является продолжением статьи «Топос и его хроно-метрические измерения» // Наука в различных измерениях: социально-философский аспект исследования – КЛИН-2007. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – Том 1. – с. 69-72.

процедуры весьма и весьма ограничена, хотя в прагматическом плане эффективна. Присмотримся к предпосылкам и следствиям данной процедуры.

В качестве собственно теоретической процедуры, редукция есть приведение к «общему знаменателю» разнородностей, качественного многообразия. Совместно существующие гетерогенные явления образуют собой *Toros*¹, которому приписывается сохраняющееся «свойство» включать и вмещать в себя любые другие разнородные явления. Такое «свойство» и выступает фундаментальной характеристикой *Toros(a)*, выражающей его *распространение*: у-длиннение, рас-ширение, у-глубление. *Toros* под эгидой этого свойства исподволь превращается в пространство, а вводимые для него измерения количественные величины (напомню, при неизменности «свойства» – вмещать) позволяют манипулировать его структурой. Пространственная структура – это уже сконфигурированный *toros*. Таково следствие, вытекающее из этого предполагаемо-мыслимого «свойства».

Редукция *Toros(a)* к пространству как одному из его проявлений имела и другое следствие – неизбежно мыслимую нейтральность времени по отношению к его направленности, расширению и углублению. Изменение конфигурации *Toros(a)* фиксируется промежутками, интервалами, длительностью процесса, для выражения стадий которого также вводится величина другого неизменного свойства, под которым мыслится *вмещаемость* множества процессов. Трактовка времени через вмещаемость, со-вместимость, длительности процессов, во-первых, превращает его в разновидность пространства – опространственное время, – которое получило название линейного, а во-вторых, делает его «безмерным», признавая только одну его метрику².

Здесь важно подчеркнуть, что постулируемые неизменные «свойства» – вмещать и иметь одну метрику – относится к дискретностям (множество разнородностей – гетерогенность) и к процессам (множество параллельно протекающих, сосуществующих процессов – гетерохронность). Античный *Toros* и *Chronos* учитывал эту гетерогенность, полагая, что все протекает в организованных множествах. Одна организация ответственна за Космос, другая

¹ Используемый здесь термин *Toros* греческого происхождения означает «место», «местность». В греческой ментальности они содержательно мыслятся как единство, целостность и гармоничность сопresentствующего, как средо-точие разнородного «в-здесь». Понимаемый и трактуемый в расширяющемся горизонте человеческого постижения Мира *Toros* и учение о нем (в связке «*Toros-Logos*») могут иметь достаточно широкий спектр значений. Так, например, первоначальной формой описания его была геометрия как раздел математики. Для описания и выражения геометрия вводит целый ряд характеристик: границы, фигуры, позиции, композиции, а затем сформировалась математическая дисциплина – топология, – исследующая наиболее общие свойства геометрических фигур, неизменяющихся при любых непрерывных их преобразованиях.

² Метрика в буквальном значении – учение о раз-мерах (стихотворном, музыкальном, геометрическом, хронометрическом), в которых наличествуют инварианты. Вне последних процедура измерения невозможна. Поэтому *метрическое* является выражением возможности зафиксировать в изменяющемся повторяющееся, инвариантное, через вводимые константы. В физике это условие нашло свое выражение в понятии изохронности. О раз-мерности Времени можно говорить, соотнося различные времена в *Toros(e)*, каждое из которых выступает своей мерой рода, вида и типа связей в динамической целостности Мироздания.

– за исчезновение – Хронос, а сама организуемость находится в ведомстве Логоса. Алхимическая практика Средних веков показала, что со-в-мещаемость субстанций ведет к появлению новых субстанций, а социальный опыт в период становления науки Нового времени продемонстрировал, что процессы в социуме носят силовой характер, а их совмещаемая множественность чревата изменением его качественных состояний¹. Таким образом, постулируемые неизменные «свойства» пространства и времени в гетерогенных структурах, в динамике процессов и во множестве форм их организации уже тогда могли быть поставлены под сомнение. Субстанциалистский подход, подпитываемый традиционной аристотелевской метафизикой, однако, такие сомнения проигнорировал. К пересмотру данных «свойств» наука приступила много позже.

Утвердившееся в естествознании Нового времени ньютоновское представление о времени и пространстве как абсолютных вместилищах материальных процессов было поколеблено самой же наукой в ее неклассическом варианте. Любопытно отметить, что воинствующий аналитизм в классической науке составлял свои представления о явлениях и процессах на неограниченном и бесконечном делении пространства и времени. При делении пространства достигается некий предел, за которым вещество (материальная субстанция) теряет свои свойства, то есть становится другим веществом, тогда как деление времени не вызывает его качественных изменений. Признавалось, что если вещество существует в некотором интервале времени в определенном качестве, то оно продолжает существовать и в течение любой части делимого времени. Получалось, что вещество протяженно, но не-временно. Процесс – протяжен во времени, но не локализован в пространстве. Дискретная единица в определенном качестве – вещь – ограничена в пространстве, но не локализована во времени. Нетрудно понять, что времени приписывается свойство пространства, но пространство лишалось свойства, присущего времени. Здесь сыграл свою роль так называемый субстанциалистский подход. Он предполагал укорененность любого свойства в субстанции. А это означало, что свойство всецело определяется ее носительницей-субстанцией. Картезианская «протяженная вещь» есть не что иное, как субстанционализированное пространство. Оно, хотя и есть атрибут субстанции, но и само носит субстанциальный характер. В последствии оказалось, что свойство «при-» и «над-» лежат вещи. А это означает, то природа свойств кроется не только в субстанциально мыслимой вещи, но и в связях ее с другими вещами. Но такие связи в силу субстанциального характера пространства могут быть только пространственными. Отсюда и проистекает тотальность пространственной атрибутики исследовательско-познавательной деятельности и, в частности,

¹ Имеются в виду размышления и наставления итальянского мыслителя, политического деятеля, историка и военного теоретика Н. Макиавелли по поводу социального (политического) устройства западноевропейского общества начала XVI века, а также размышления другого итальянского мыслителя Дж. Вико, начала XVIII века по философии истории в «Основаниях Новой Науки об Общей природе Наций» (1725 г.).

абстрактно-теоретической. Таким образом, перенос характеристик субстанции на пространство и время в качестве вместилищ оказался непропорциональной процедурой.

По сути дела субстанциализировалась абстракция как продукт аналитической деятельности мышления. С позиции наивного антологизма, ответ на вопрос, как «устроен мир» может быть получен в результате аналитико-синтетической деятельности абстрактно-теоретического мышления в виде «картины мира». Немецкая классическая философия показала, что это далеко не так. Вопрос в значительной мере сводился к тому, как мир дан нам в процедурах, из которых складывается деятельность, в том числе и мыследеятельность, в основе которой ведущее место занимает абстрагирование. Пожалуй, абстрагирование как процедура своей изначальностью действительности (отсюда концепт действительности) и инструмента мыследеятельности легла в основу субстанциалистского мира представления в целом и определения атрибутивно-функционального статуса способов постижения мира, в частности. Субстанциализация Бытия возможна в случае осознания предельности самой деятельности, складывающейся из процедур и оформляющейся с их помощью.

Субстанциализация пространства и времени в нововременной истории лишь внешнее проявление субстанциально мыслимого Бытия.

Пространство, превратившись в инструмент конфигурируемого с помощью него *Topos(a)* выражало связи дискретностей в нем. Если таковыми являлись процессы, то дискретность в них выражалась через стадиальность их протекания и в силу вступало опространствованное время. Но такое время дискретным не было. Свою дискретность оно, если и может проявить, то через смену качественных состояний процессов, где каждый вновь возникающий процесс кладет начало новой конфигурации пространств в *Topos(e)*. Время в этом случае становится не только неопространственным, но и само определяет пространства. *Topos* как сумма пространств оказывается *свое*-временным. Временность *Topos(a)* обнаруживается в моменты качественных изменений в нем. Тогда и вводится временная мера этих изменений под названием «событийное время» (о нем мы знаем через личный опыт переживания событий, участниками и носителями которых мы являемся).

Время в этом случае выступает мерой («скоростью») исчезновения многообразия. Или его возобновления и возрастания в *Topos(e)*. исчезающая в данном месте гетерогенность превращает его в пространство, точки которого тождественны, а, стало быть, такое пространство становится однородным. Таким образом, вырожденный *topos* – это пространство, а «скорость» вырождения или возобновления и умножения многообразия в *topos(e)* – событийное время.

Событийное время может быть содержательно протрактовано и выражено через динамику появления-исчезновения многообразия в данном

месте, в чем и будет просматриваться связь событийного времени с накоплением-расходом энергийного потенциала *Topos(a)*. Быстрота («скорость») умножения (или уничтожения) многообразия в *Topos(e)* имеет двумерную направленность: возрастание многообразия и его уменьшение. С увеличением такого рода «скорости» возрастает вероятность события. Если насыщение *Topos(a)* разнородным и возрастание скорости изменения этого разнородия ведут к возникновению события, то последнее получает не только временное измерение, но и энергийное. *Energieia* мыслится как со-в-мещение активностей всех агентов *Topos(a)*, а их концентрация – как количественная характеристика этих совпадающих, пересекающихся, субординационно проявляющихся активностей. Известные в физике и технике резонансные эффекты – яркий пример подобного рода явлений.

В неклассической рациональности, истоки которой можно найти в мистической и магической практиках человечества, пространство и время носят нелокализованный характер. Открытость того и другого означают как бы над-временное и вне-пространственное бытие явлений, по отношению к которым нельзя сказать, что они существуют «здесь в пространстве» или «здесь во времени», как нельзя и указать на соотношенность их с явлениями других областей пространства-времени. Об этом же свидетельствует и неклассическая наука Новейшего времени. Отход от ньютоновской физики и космологии был связан именно с пересмотром представлений о пространстве и времени. Нелокальность электромагнитного поля, а затем и выяснение зависимости свойств пространства и времени от распределения плотности вещества и действующих сил привели к пониманию и трактовке их как форм организации реальностей любых порядков в их единстве и целостности. Формы порядка при этом мыслились уже не только и не столько как пространственные или линейно-временные, сколько как энергийные, информационные, спонтанно возникающие.

Дискретная структура Времени однако не исчерпывается двумя выделенными временами – линейным и событийным. *Наряду и вместе* (обратите внимание – это термины, содержащие пространственные характеристики) с ними *следует* (а этот термин означает опространствленное время) признать существование и иных времен. Таковыми являются презентативное, эволюционное, ментальное, смысловое¹.

Торо-метричность *Chronos(a)* – со-в-местимость времен в *Topos(e)* с вовлекаемой в него деятельностью. Последняя актуализирует не только содержащуюся в мышлении сеть связей, но и участвует в создании потенциально возможных в нем конфигураций пространств. Иногда употребляемое выражение – «дело времени» – можно понять именно в том смысле, что при наличии существующих способов деятельности невозможно

¹ Вопрос о содержательной трактовке и статусе этих времен в Универсуме здесь не обсуждается.

актуализировать потенциально возможную конфигурацию пространств в том виде, в каком она оформилась в топике мыследеятельности. Опыт современного познания свидетельствует о том, что на смену опространствованного времени приходит и укореняется представление о *своевременности* *Топос(а)*. *Хроно-метричность* последнего – совпадение времен в одном месте.

Присутствие разных времен – это своеобразные коды субординации деятельностей, каждая из которых «ответственна» за свою организацию своего пространства в *Топос(е)*. Выражение «времена здесь» означает потенциальность *Топос(а)*. Дешифровка времен – дело самого времени, но уже взятого со стороны застывших (овеществленных) способов деятельности. Имевшие свое начало и свой конец, данные способы фиксировали события в *Топос(е)*, нагружая его своей временностью. События не воспроизводятся, а свершаются как новые конфигурации пространств в *Топос(е)*. Необратимость времени надо понимать как невозможность воспроизвести события, но не как невозможность воспроизвести тот или иной способ деятельности.

Организуемые пространства в *Топос(е)*, таким образом, хроно-метричны, а со-в-местимость времен имеет в качестве своей организации топометричность. Поэтому в реализуемых способах деятельности как технологических процессах важны в первую очередь пространства, тогда как смена способов, носящая событийный характер, всегда требует временного параметра.

Организация пространств, как и организация времен, является содержанием человеческой активности, во многом определяющие ее направленность и полноту реализуемости. Активность в конечном счете есть постоянно изменяющаяся форма у-держиваемости ее агента в Универсальных Связях Мироздания. Технологичность такой активности в том и состоит, что в ней топометрические характеристики приведены в соответствие с хронометрическими. А это означает, что Деятельность, в которой реализуется активность, имеют своими параметрами порядка свое-временность и топометричность. Первая из них отвечает за реализуемую возможность быть открытым пространствам *Топос(а)*, второй – за актуализацию в нем новых конфигураций пространств через со-в-мещаемость в нем же времен.

В этом, вроде бы банальном выводе о единстве пространства и времени, кроется, на мой взгляд, тонкий и деликатный механизм взаимодействия многомерности Пространства и многомерности Времени, несводимых ни к одной из метрик, какую мы задаем либо реализуемыми способами деятельности, либо проектно-конструктивной мыследеятельностью. И наоборот, какую бы изощренную технику мыследеятельности мы не реализовали, организованная на ее основе другая деятельность (например целереализующая), будет содержать только одну из метрик. Другое дело, когда

мы переходим к универсуму деятельностей, где взаимодействие локально организуемых деятельностей вызывает совокупные эффекты, у которых метрика будет иной. Но даже в этом случае в целом Деятельностное Бытие человека будет измеряться вмещаемыми в себя пространством и временем. Поэтому поиск параметров порядка в деятельности и ее результатах следует осуществлять не на уровне соответствия схем деятельности и предваряющей ее мыследеятельности (или наоборот, вытекающей из этих схем!), а на *меж-уровневых* структурах любых способов деятельности, где неоприходованными оказываются возникающие пространства и времена, вызываемые сопровождающими ее эффектами образовательного характера.

ГЕОМЕТРИЯ ЯЗЫКА И ЕГО ДИНАМИКА

Инструменталистская трактовка языка превращает его в дискретно-дискретизирующую реальность. Язык в этом качестве пространственен, поскольку там, где есть дискретности, есть и пространство, конфигурация которого явлена связями дискретностей. В этом же качестве язык – презентант множественностей. Язык возникает тогда, когда Слово распадается на слова, слова – на термины, термины – на знаки, знаки – на геометрические фигуры, фигуры – на числа. Выстроенный таким образом ряд и последовательность его элементов выражают *уровни языковых образований*, а вместе с тем и направленность возможных их трансформаций. Проявляемость языка в качестве множественно-множительной реальности дает основание рассматривать его как множество с подмножествами.

Суть вопроса, который возникает при выяснении связей и отношений между множествами, сводится к выявлению и содержательной интерпретации переходов от множества к Единству и от Единства к множеству. Иначе говоря, как язык, который дискретизирует реальность и сам дискретизируется, является единым? В данном случае речь идет об особом *рода* Единстве, в котором каждая дискретная единица является одновременно презентантом целостности всего образования, мыслимого как Единое. Обеспечение и существование такого рода Единства возможно, на мой взгляд, при действительности всей совокупности связей и отношений между дискретными единицами, включая возникающие, образующиеся и вновь рождающиеся связи (именно они определяют кодовой статус Единства). Иными словами, речь идет о «живом Единстве», в котором рождение и умирание выступают формами и способами обновления, выживания, утверждения той или иной реальности в Универсуме.

При характеристике и описании единств таких родов я буду использовать выработанный в западноевропейском языке концепт «*континуальное образование*».

Вопрос о динамике языка в задаваемом мною пространстве возможного (т.е. того, что в нем может возникать) сводится к экспликации условий рождения смысла. Язык как континуальное образование есть презентант рождающегося в нем смысла - вот суть вопроса, подлежащая рассмотрению.

В предлагаемом здесь варианте это означает раскрытие того, как в динамике языка представлен переход от дискретности к континуальности и наоборот. Позитивное решение так сформулированного тезиса мне видится в расшифровке динамики связей множеств, которые (связи) созидаются языком и преобразуются им.

Задача поэтому состоит в выявлении *связей* между дискретными единицами и формами их трансформации с одного уровня языковых образований на другие. В качестве предмета укажем связи чисел, организованных в ряды, и соотнесем их с элементами геометрических

образований, что позволит продемонстрировать «геометричность языка» в языке геометрии. Последний, разумеется, не исчерпывает всей геометричности языка, поэтому наряду с применением понятий «язык геометрии» и «геометричность языка» целесообразно использование концепта «пространственность языка», который в общем случае предпочтительней указанных понятий. Содержание данного концепта может раскрываться при описании, изучении, исследовании отношений между любыми дискретностями.

В предложенном выше ряду *число* есть дискретное образование, подкрепленное отношениями и связями с иными числами, обозначающими и выражающими другие дискретные образования. На первый взгляд, дискретнее числа вряд ли что-нибудь можно придумать, а их отношения можно рассматривать как отношения целостностей, носящих атомарный характер. Неделимость как основную характеристику «атома» (в буквальном значении данного термина) можно и нужно понимать в двояком смысле: простые числа не делятся кроме как на самих себя, получая при этом единицу; каждое из них означает только себя, то есть выражает свою самость, самостоятельность, свое имя.* Имя как предоставленность себя (числа) всему другому (числам). Именно это отношение носит геометрический характер.

«Овнешвление» числа (имени) через предоставленность другому выводит нас в мир пространственных отношений, которые могут быть выражены сначала отношениями целых чисел, а потом и отношениями числовых рядов. Геометрия и арифметика, в равной степени выступающие языком, выражают «одно и то же», но по-разному. В различении их как *средств* выражения «одного и того же» кроется наша инструменталистская трактовка языка. Но выявление тождества (и даже совпадения) геометрии и арифметики означает континуалистскую трактовку языка или, по крайней мере, предпосылку такой трактовки. Здесь процедура различения теряет свою значимость, в результате чего они становятся «одним и тем же» «одного и того же». Поскольку континуалистская трактовка языка связывается с пониманием его как смыслообразующей реальности, постольку совпадение и тождество двух языков (арифметики и геометрии) в отношении «одного и того же» может рассматриваться как содержательный момент смыслообразования. А само это «одно и то же» в качестве рода реальности может быть понято как *смысл*.

Такое совпадение имеет место, если мы целым числам «отдадим» *точки* на окружности, отношениям чисел – *линии и отрезки*, соединяющие эти точки, а отношениям числовых рядов – *геометрические фигуры*. Чтобы показать динамику геометрии языка, представленного числовыми отношениями (или, в нашем случае, одно и то же – динамику числового содержания языка, представленного отношениями элементов в геометрии), достаточно указать условия перехода одной геометрической фигуры в другую (или – указать

* Вспомним при этом, что ранние варианты философии языка представлены так называемой философией имени, центральным предметом которой выступает феномен номинации и «имени» как синкретический комплекс, заданный нерасчлененностью в архаичной культуре понятия и выражающего его слова.

внутреннюю связь чисел в обратном значении целого числа). Поскольку такие фигуры строятся либо на основе *линий* (в них задаются отношения точек и их последовательности), либо на *плоскости* (вариации отношений и их комбинации), либо в *объеме* (конфигурации отношений), то задача сводится к тому, чтобы показать переходы линий в плоскость, плоскости – в объем, а также проинтерпретировать содержательность таких переходов. В данном случае это и будет означать и выражать динамику геометрии языка, которая в конечном счете связывается с его смыслообразующим потенциалом. Само смыслообразование может рассматриваться как наиболее сложная и совершенная динамика.

В методике математического познания есть такое мнемоническое (оно же и эвристическое) правило, позволяющее корректно сформулировать вопрос-ответ относительно такого перехода. Оно звучит так: «точка, вышедшая из себя, дает линию; линия, вышедшая из себя, дает плоскость; а плоскость, вышедшая из себя, дает объем»^{*}.

Спрашивается, а как представлены такие переходы в числах и их отношениях? Несут ли они в себе единство имени? Чем и как явлена в них динамика? Корректно ответить на эти вопросы можно, если обратиться к «внутреннему содержанию числа», которое обнаруживается при соотнесении его с Единицей. Это то, что получило название в арифметике обратного значения числа, выраженного в алгебраической форме как единица, деленная на x ($1/x$). Вот в движении *внутри* числа, в рассмотрении его содержания и интерпретации связей порядка чисел внутри целого числа и есть расшифровка законов динамики целых чисел натурального ряда, который, кстати, является одним из многих. Здесь мы имеем дело с многообразием числовых рядов. Что касается их переходов друг в друга, то они имеют место в результатах арифметических операций взаимного деления и умножения. Динамика здесь представлена сменой порядка числовых рядов обратного значения числа, полученного после очередной арифметической операции. Любопытно заметить, что в этой динамике «не все дозволено», существуют определенные запреты^{**}.

Итак, какова же эта динамика? При определении последней необходимо выявить последовательность распределения энергии в линейном времени, а сам переход от одного ряда к другому требует включения событийного времени, поскольку переход – это качественное изменение, переход от одного качества, выраженного одним числовым рядом, к другому качеству, которому будет соответствовать другой ряд.

В современной науке нет сколько-нибудь удовлетворительной теории, устанавливающей законы *естественного распределения* энергетического

^{*} В качестве тестового задания часто формулируется вопрос: «что будет означать вышедший из себя объем?».

^{**} Это особый вопрос, который я здесь рассматривать не буду. Ограничусь лишь замечанием, что любое произвольное изменение порядка чисел в обратном значении целого числа нарушает его целостность.

потенциала в пространстве и времени для открытых систем, какими являются природные явления. Все, что касается энергетических характеристик систем, с которыми имеет дело, человек, создавая и эксплуатируя их (искусственные системы), определяется правилом: эти характеристики задаются им в соответствии с целесообразностью деятельности с учетом только некоторых естественных законов, которые выполняют, скорее, ограничительные функции («что в принципе нельзя» или «что в принципе можно»). Энергетические эффекты, которые получаются в результате комбинации естественных процессов, подчиняются уже иным законам и, как мне представляется, в принципе отличным от законов естественных распределений энергетического потенциала природных явлений в их универсальной связи как Единого целого. Сосуществование этих двух рядов процессов (естественных и искусственных) и их взаимодействие посредством перераспределения энергетических ресурсов входят в состав того, что называется ныне экологическими проблемами. Естественно-научный аспект решения этих проблем состоит в выявлении энергетического баланса между естественным и искусственным.

Более тонкие механизмы взаимодействия энергетики человека как биологического существа и космо-социо-техносреды, безусловно, представляют большой интерес для антропологически ориентированной науки. Однако в настоящее время значительных успехов в этом направлении пока нет. Это не означает, что в опыте человечества нет ярких примеров достижения гармонии человека с природой, социумом, культурой как в практическом, так и «теоретическом» планах. Достаточно обратиться к восточной философии (ее можно рассматривать как совокупность систем духовных практик), пифагореизму и неопифагореизму, к средневековой практике герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии, чтобы убедиться в наличии такого опыта. Конечно, данный опыт слабо согласуется со стандартами современной научной рациональности и требует критического осмысления. Тем не менее, не принимать его во внимание было бы большой ошибкой и самой науки, тем более что ее ранее разработанные рациональные схемы описания и объяснения явлений действительности (не говоря уже о феноменах данного опыта) подвергаются сомнениям, особенно в свете неклассической и постнеклассической рациональности.

Среди множества числовых рядов в принципе можно найти такой ряд, в последовательности чисел которого заключены законы распределения энергетического потенциала в пространстве и времени. Например, на роль такого ряда, по мнению Г.И. Гурджиева, может претендовать порядок чисел в обратном значении целого числа 7 ($1/7 - 0,142857...$) [1] или комбинации таких порядков. Сама идея выражать законы макро- и микрокосма через числовые отношения восходит к Пифагору и далее – к эзотерическому знанию египетских жрецов. Установленные законы гармонии, например, в музыке (соотношение звуков по высоте с их одновременным звучанием – аккорды, а

также возрастающие-нисходящие последовательности звуков – лады); золотое сечение в архитектуре, теорема Пифагора, соотношение геометрических фигур, в частности, построение правильных многоугольников, и т.д. и т.п. Эти законы выражают статику и динамику макро- и микрокосма. Современные представления о динамике Мироздания, которая включает качественные изменения в состояниях систем, в значительной мере опирается на достижения складывающейся ныне синергетической парадигмы в науке. Следует ожидать существенных изменений в установлении, понимании, трактовке и применении законов динамики Мироздания. Наука вплотную подошла к исследованию «механизмов» качественного изменения состояния систем «изнутри», и это связано прежде всего с изучением законов естественной энергетике в структурах и процессах Природы и Человека как Единого целого.

Если к этой онтологической схеме добавить информацию, которую я связываю со степенью упорядоченности *многообразия* и *разнородия*, то мы получим четыре фундаментальных характеристики Бытия: ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЭНЕРГИЯ, ИНФОРМАЦИЯ.

Язык в этой онтологической схеме выступает как форма самопредоставленности бытия. Но поскольку мы (люди) не только «наблюдатели», но и активные участники универсального действия Естества, то есть те, кто воспринимает и переживает бытие-в-себе-и-для-себя, то язык выступает не только, а в ряде случаев и не столько в его инструментально-функциональной ипостаси означивающего, но и в качестве с-казывающего(ся) бытия, что и обеспечивает ему высокую информационную нагруженность. Но к языку мы относимся как к уже проявленному и выраженному в Слове, словах, терминах, знаках, геометрических фигурах и числах. (Кстати, к ним можно добавить много других форм его являемости и предоставленности: пантомима, жест, возглас, пауза, молчание и др.) В первом случае язык, выступая в качестве означающего, приобретает ярко выраженный инструментально-функциональный характер; во втором — в качестве меры предоставленности и демонстрируемости бытия.

Полнота и глубина описания и представления его в языке зависит от включенности последнего в качестве сказывающегося бытия, т.е. сообщающего себе о своих собственных состояниях. В этом смысле любое состояние бытийствующих реалий «знает» о всех других состояниях. Язык из инструмента, провоцирующего акт понимания, превращается в содержательный момент акта понимания как организованного узнавания «одного и того же», узревания в одном всего другого. В акте понимания актуализируются и выстраиваются такие связи, которые в своей новой организации вы-являют ранее не-про-явленные и, таким образом, еще не организованные связи.

Выделенные выше четыре фундаментальных характеристики бытия, обозначающие и выражающие в понятийном языке его ипостаси, сами в свою очередь подлежат языковому содержательному оформлению, что означает обработку языка языком. На этой стадии язык всецело превращается в

инструмент, обрабатывающий сам себя. Поэтому без особой натяжки и допущений можно утверждать, что подавляющее большинство концепций языка строится, выражает и выражается связями и отношениями между указанными фундаментальными характеристиками бытия.

Отсюда ядром философской проблематики языка выступают:

- проблема возможности и меры предоставленности бытия в языке; проблема онтологического статуса языковых значений («слова» и «вещи»); проблема соотношения языка и мышления; проблема функционирования языка в социокультурном контексте и др. Данная проблематика откристаллизована в рамках традиционной классической философии;

- проблема языкового формализма и его интерпретации; проблема языковой структуры; проблема соотношения естественных и искусственных языков; проблема статуса языка в онтологии человеческого существования и др. Данная проблематика оформлялась в рамках неклассической философии;

- проблема текста и интертекстуальности; проблема нарративной референции; проблема означивания языковых игр и др. Данная проблематика разрабатывается в рамках современной постмодернистской философии.

При изложении своего видения философской проблематики языка я исхожу:

а) из выделения языковых образований атомарного типа; б) из трактовки их как континуальных образований;

в) из динамической целостности любого языкового образования;

г) из признания существования особого рода связей — презентативных, которые, на мой взгляд, обеспечивают динамическую целостность и служат необходимой предпосылкой и содержательным моментом смыслопорождения.

В свете предложенных базисных тезисов, выражающих онтологический, методологический, праксиологический и креатологический статус языка, а также в свете реализуемых и возможных методик работы над ним, с ним и в нем, небезынтересно сопоставить их с некоторыми моментами языковой практики, которую реализует современная постмодернистская философская мысль. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — это пристрастие подавляющего большинства представителей постмодернистской мысли к работе на «верхних этажах» языковой реальности. Язык берется и рассматривается: а) в его реальном функционировании как нечто уже ставшее и унаследованное; б) как речевая практика; в) как форма власти; г) как бытие бессознательного; д) как потенциальность и возможность его смысловой инаковости. За исключением, пожалуй, двух последних пунктов осмысление языковой реальности ведется, на мой взгляд, в ее маргинальном пространстве, т.е. той области, где язык вырождается в функционирующую систему, отвечающую формальным и в этой связи общепринятым признакам, что и обеспечивает ему реализуемую возможность — быть коммуникативным средством.

Имея дело с текстом в дерридаринском толковании (именно это

обстоятельство определяет упомянутую «этажность языка»), язык можно трактовать в самых широких пределах, точнее было бы сказать, без таковых. Именно это обеспечивает высокий потенциал критичности постмодернистской мысли. Любые построения (объяснительные схемы, модельные представления тех или иных фрагментов действительности, тексты любого жанра и смысловой направленности и т.д.), которые так или иначе оформляются и выражаются языком, могут быть либо поставлены под сомнение (и в этом смысле могут быть отвергнуты), либо квалифицироваться как равно сосуществующие (в таком случае могут быть приняты в качестве сомнения). Первый вариант реализует линейность в преобразовании систематик знания, созданных в языке с его линейной геометрией. Второй – континуалистскую модель языка, в которой акцентируется внимание на презентативных свойствах языковой реальности. Динамика последней представлена и выражена уже не линейной геометрией, а *нелинейностью* самой геометрии, что и обозначено в принятой мною терминологии концептом «пространственность языка». Подобное различие этих двух динамик языка, к сожалению, не всегда проводится, что означает, на мой взгляд, смешение уровней языковой реальности.

Децентрированность языка, о которой много говорится в постмодернистском варианте его понимания и трактовки, означает возможность бесконечных интерпретаций «одного и того же», а это, в свою очередь, – потенциальность рождения смысла во внутриязыковой реальности. Что же касается провоцирования самого акта рождения смысла, то оно обеспечивается конечным набором языковых образований. Если бы этого не было, то люди никогда ничего не понимали и смыслы не рождали. В этой связи в «текстовом анализе» Р. Барта, мне кажется, верно трактуется ситуация, когда утверждается, что две взаимоисключающие идеи (идея структуры и идея комбинаторной бесконечности) должны сопрягаться. Первая из них определяет *онтологический статус языка*, а вторая – *методику работы* с языковыми образованиями. Если понять «сопряжение» данных идей как необходимое и достаточное условие смыслообразования, то онтологический статус языка в качестве порождающейся в смыслах реальности обеспечивается и тем самым всякий раз самоопределяется конечным набором методических процедур (комбинаторностью), осуществляемых (-ой) сказывающимся человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Успенский П.Д. В поисках чудесного. – СПб, 1992.

О ПОДХОДАХ К МОДЕЛЬНЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ТВОРЧЕСТВА

Вне процессуально-деятельностных форм существования человека всякое представление как предо-ставление являемых состояний, образующих его реальную жизнь, невозможно. Отсюда, всякое со-стояние мыслиться либо как результат осуществленных деятельностей, либо как причина иных форм деятельностей. К тому же и сам акт представления мыслиться и описывается как процесс. Иначе говоря, мы имеем дело с универсумом действий, деятельностей, а в более общем случае – с универсумом активностей. Правда, в последнем случае активность может быть помыслена не столько в персонифицированном виде, а понята как энергийная ипостась Универсума как Единого и Целого.

Но здесь, как и всегда в случае представляющего мышления, возникает извечная проблема со-от-ношений Единого и Многого, в механизмах взаимодействия которых в данном образе мышления остается **много** непроясненного. Изобретаемые со времен Парменида объяснительные схемы (включая гегелевскую) со-от-ношения Единого и Многого вряд ли могут удовлетворить требованиям строгости и научной корректности, если учесть все разнообразие явленностей Универсума во все большей мере несовпадающего с примитивной схематикой абстрактно-теоретического мышления. Кстати, и сама наука в ее нынешнем состоянии, базой которой является это самое абстрактно-теоретическое мышление, в определенной мере провоцирует указанное несовпадение. Как мне представляется, нужен иной подход, который бы не исключал реалий **механико-технологического способа** существования человека, базирующегося на абстрактно-теоретическом мышлении, но в то же время вписывал его в универсум активностей, обеспечивающих Единое и Целое Мироздания.

Речь идет об «энергийном» подходе, в котором в качестве характеристик любых состояний, любых реалий, выступает *Energia*, понята в ее греческом смысле, а именно, как *Sinergia* – со-в-местность активностей. Это значение, которое нас приближает к смысловой нагруженности данного концепта, несводимого к физикалистской трактовке, мы и хотим использовать для построения объяснительных схем соотношения наблюдаемых (воспринимаемых) реалий (они для нас выступают как множественности) с Единым и Целым, проявлением которого и явлением которых Они (эти множественности) выступают. При этом нужно помыслить, что принятая метафизическая картина мира, фокусирующая дуальность «Единое-Многое» допускает рассеивание данного фокуса вплоть до упразднения этой дуальности. Избежать ее на первоначальных стадиях невозможно в силу того **факта**, что воспринимаемое (и даже постигаемое) задается «интервалом» между тем, **как**

воспринимается и постигается и в **каком качестве**¹. Фиксируемое здесь отношение словосочетанием «как – в каком качестве» налагает запрет на редуцирование его к форме, которая выражалась бы словосочетанием «как – что», поскольку оно, правда, в несколько скрытой форме выражает другую оппозицию – субъектно-объектную. Сформулированный Декартом принцип *cogito* и выступил концентрированным выражением именно этой оппозиции. При этом Декарт в метафизической форме выразил один из важнейших императивов техногенной цивилизации – самодеятельность человека, опирающуюся на абстрактно-теоретическое мышление. Самодовлеющий характер подобного рода активности, которая в существенной мере обретает технико-технологическую форму организации и исполнения, привел, в конечном счете, к возникновению особой динамики внутри универсума активностей. Такая динамика суть не что иное как энергетика деятельностей, упрощенной формой которой является концентрация и распределение в технологических закрытых циклах. Последние и составляют **тело** техногенной цивилизации, которое по праву именуется «второй природой».

Будучи жестко нормативной в средствах и способах своей осуществимости, техногенная цивилизация нашла нишу в универсуме активностей, сделав ставку на **творчество**. Хотя последнее и мыслится как некая функциональная единица в структуре цивилизационных процессов, таковым оно в своей целостности не является. В первом приближении творчество – динамическая структура, обеспечивающая связь энергетики деятельности в ее технико-технологическом исполнении с энергией Универсума. При этом нелокально мыслимая энергетика Универсума включает в себя на правах частного случая энергетику деятельности, тяготеющей к закрытым, замкнутым, локальным формам ее существования и осуществимости. Поэтому творчество можно понять как состояние, которое обеспечивает симбиоз активностей, локализованных в пространстве и времени (и то, и другое мыслится с определенной метрикой), обладая при этом статусом универсума активностей. Поэтому «проблема творчества» в предполагаемом подходе сводится к такой форме организации человеческой активности (в самых различных ее видах – ментально-физико-прагматических), в которой локализуемые ею продукты деятельности приобретают актуально-потенциальные способы существования на правах презентантов универсальной энергетики мирообразующих связей. Творчество в универсуме активностей само является презентантом этих связей, но посредством и через объективированные формы человеческой деятельности.

Центральным вопросом в понимании и трактовке творчества (а на основе этого и построения локальных моделей его) является вопрос (точнее сказать,

¹ Здесь сознательно не употребляется словосочетание «как?» и «что?», поскольку это усилило бы акцент на дуальности и ее трактовки через противоречие.

комплекс вопросов) со-в-местимости активностей различного рода, в которой явлена универсальная динамика Мироздания. В практически ориентированном мышлении этот вопрос трансформируется в вопрос об организации человеческой деятельности в ее технико-технологическом исполнении, которая (организация) удовлетворяет требованиям со-в-местимости энергетики деятельности с универсальной энергетикой Мироздания. В собственно научно-теоретическом аспекте этот вопрос, в свою очередь, может быть сформулирован в виде задачи поиска фундаментальных законов распределения энергетического потенциала Универсума, в реализации которого человеческая активность (и одна из ее организованных форм – технико-технологическая) выступает одной из ипостасей Универсума – со-творяемости иного в нем.

Проблематичным в связи с этим оказывается вопрос о природе **эффектов**, вызываемых собственно человеческой деятельностью, выраженной через энергетические характеристики, и приводящих в содержание со-творяемого. В одном из аспектов рассмотрения и возможного решения этот вопрос можно свести к вопросу о последствиях, вызываемых деятельностью, и так называемым «побочным эффектом», сопровождающим ее. И это, пожалуй, один из путей описания места и роли деятельности в универсальной динамике Мироздания. При этом фундаментализируется линейное время, через которое выражается последовательность реализуемых действий и вызываемых ими эффектов, включая и непосредственный продукт. Поскольку целесообразность деятельности определяется и оценивается именно этим продуктом, то все иные эффекты остаются «в тени». Высвечиваться они начинают потом, так сказать, «задним числом». Это и есть ахиллесова пята техногенной цивилизации. Будучи ориентированной «на завтра», она всегда имеет дело с эффектами, которые имели место «вчера» и ассимилирует их «сегодня» для «завтра». Короче говоря, техногенная цивилизация плохо знает «сегодня». Она смотрит на него как на такое состояние самой себя, которое нужно непременно изменить в соответствии с у-стремлениями, о природе которых она мало что знает. Опираясь на мощь современной науки, которая, кроме прочих разных в ней явлений, достаточно уверенно может сказать, что в принципе возможно в течение процессов, выраженных через линейное время¹, техногенная цивилизация делает ставку на овладение будущим. Но это «дистиллированное будущее», на деле оно оказывается во многом «утопичным»². Апелляция к будущему означает фундаментализацию линейного времени (по Ясперсу, – осевое время, которое составляет метафизическую основу всей западноевропейской цивилизации). Сформировавшаяся наука Нового времени выразила этот временной императив в формулировке своих законов в

¹ Наука проявляет себя как инструмент поиска в сфере возможного.

² «Утопия» – в буквальном значении этого термина – «места, которого нет». В данном случае он может выразить – «время, которого не будет».

геометрическом языке, в котором «пространство» и «время» во многом совпадают. Здесь время опространствлено, а пространство овремененно¹.

Наука в своих фундаментальных разделах только в XX веке пришла к выводу о том, что Время далеко не исчерпывается линейным временем. В области гуманитарного знания этот вопрос затрагивался еще в XIX веке, но, к сожалению, больших позитивных сдвигов в освоении Времени не было. Любопытно заметить, что его осмысление и переосмысление было связано с изучением явлений, которые носили креативный характер (Дж. Вико, К. Маркс, А. Дильтей, А. Бергсон, Л. Шестов, Н. Бердяев, А. Уайтхед, Т. де Шарден, И. Пригожин и др.). Если обобщить эти осмысления и переосмысления Времени, то оказывается справедливым утверждение, что все эти мыслители апеллировали к динамике особого рода – креативности – выраженной через энергетические характеристики, несводимые к пространственно-временным.

Вне учета достижений современной науки в ее фундаментальных разделах (физики, космологии и космогонии, биологии, синергетики, системологии, информатики и др.) и современной гуманитарной мысли (истории, антропологии, психологии, социологии и др.) строить какие-либо модели творческо-созидательной деятельности (и всех проявлений человеческой активности) вряд ли возможно. И дело здесь не только в том, что выработанные исследовательские средства и способы описания реалий современной жизни обогатили когнитивный потенциал человечества, но и в том, что вся артефактическая реальность, вписанная в универсальную динамику Мироздания, явила новый об-лик последнего.

По сути дела, построение моделей творчества – это описание состояний открытых систем с динамикой **особого рода**. Под «родом» здесь понимается все то, что рождается в буквальном смысле, включая последний как рождающуюся реальность. В описаниях состояний, являющих новое (иное), есть большие затруднения. Формализованный аппарат, столь характерный для современной науки, эффективен в описании и представлении того класса явлений, которые либо могут быть воспроизведены (наука в ее служебной функции – прагматической – долгое время специализировалась именно в этом направлении), либо могут быть использованы в качестве составляющей различных видов деятельности, исчерпывая их содержание по мере необходимости и возможности их осуществления.

За пределами формализованного мира остается огромная сфера неявленного в содержании явлений. Будучи со-присутствующими в мире деятельностного бытия, но не охваченного им в качестве осознаваемых реалий, они дают о себе знать через так называемые побочные эффекты² деятельности.

¹ Имеется в виду их одна и та же метрика – неизменная, – которая допускает бесконечное деление пространства и времени.

² Побочные эффекты следует помыслить не только как следствия, хотя они и могут выступать в качестве таковых, но и как сопутствующе-присутствующие деятельности и в деятельности.

Описанию и представлению подлежат они. В деятельностной парадигме само творчество может быть понято и протрактовано как побочный эффект.

К нему, однако, следует присмотреться особенно внимательно. Эффект как со-присутствующее явление никак не может быть сведен к следствиям деятельности, поскольку наряду и вместе с линейновременными связями (причинно-следственные, функциональные, структурные) здесь участвуют (присутствуют) одно-временно связи (координационные, субординационные, совместнодействующие, презентативные). В сложившихся стереотипах мышления задача их описания и представления формулируется как выявление и учет как можно большего количества факторов, извне влияющих на исследуемый процесс. Конечно, такой подход вполне правомерен. Но в ходе его реализации неизбежно появляется эффект неполноты в описании и представлении факторов. «Угадать», какой из факторов имеет решающее значение в изменении состояния исследуемого процесса, тоже весьма проблематично. К тому же есть опасность (лучше сказать, соблазн) подменить вторую группу связей первой, или, по крайней мере, протрактовать их в терминах, содержащих линейное время.

Подойти к осмыслению данного рода связей и их отношения (кстати, тоже связей, но уже иного порядка) со связями линейно-временными необходимо иначе. Предположить и признать самостоятельный статус данного рода связей, проистекающий из иной ипостаси Времени – На-стоящего. И это, во-первых; во-вторых, признать дискретный характер линейного времени, а саму дискретность понять не столько в терминах разделяемости пространства, сколько через смену качественных состояний и, что еще важнее, через **избыточность** любого состояния, понятой и выраженной через энергетические характеристики. И это – в-третьих.

Принятая «система координат» - «Время – Пространство – Энергия – Информация» - диктует иную трактовку традиционно используемых для описания ситуаций понятий: система, структура, изменение состояний, начальные и конечные условия в поведении ситуации, функциональная зависимость, неопределенность состояний, возможность и вероятность достижения наперед заданного состояния ситуации и др. В каждом из этих понятий фиксируется тот или иной тип связей, организация которых и соответствующая ей форма параметрического выражения и дает нам «картину ситуации». С прагматической точки зрения это означает степень освоения ее и возможность ею управлять. Такая доминирующая в техногенной цивилизации установка кажется мне в определенной мере ограниченной и даже ущербной. «Все дело» (в буквальном значении этих слов) в том, «что» (здесь фундаментализируется так называемый «чтойный мир») ситуация в ее содержательной части сводиться к содержательным моментам деятельности, точнее, к исчерпыванию того ее содержания, которое у-держивает дело, не

давая ему прекратиться. «Дело» подпитывается ситуацией настолько, насколько оно **требует** для себя, для своей осуществимости. Дело всегда носит потребительский характер. В этом случае «дела» нуждаются в резервах, которые извлекаются из ситуаций. При этом подразумевается, что такие резервы неисчерпаемы. Здесь нужно только изыскать каналы поступления ресурсов. Такая потребительская установка (любопытно заметить, что она трансформируется на различные уровни ментальной жизни «деловых людей» и превращается, в конечном счете, в потребительскую психологию, граничащую с паразитизмом) имеет целый ряд следствий, если она систематически реализуется.

Главным ресурсом потребления в системе общественного производства является **энергия**. Индивидуально-личностная форма ее проявления и выражения – труд. Последний рассматривается как технологическая структура. К. Марксу принадлежит заслуга в рассмотрении его как субстанции социума, благодаря чему и была создана им оригинальная концепция социально-исторических трансформаций. Меня здесь интересует труд с энергетической точки зрения. Причем труд понимается в самом широком значении этого термина, обозначающего и выражающего любые формы целесообразной деятельности, вызывающий изменения в состояниях ситуаций за счет перераспределения в ней энергии с помощью посредников – объективированных форм его (труда) существования – продуктов.

Труд – огромная созидательно-разрушительная сила. Сила – энергетическая характеристика и выражает **воз-действие** одних факторов на другие. Воз-действие нужно понять в буквальном значении – как сверх-действие, то есть как содержание и характер вызываемых изменений в ситуации, когда действие как таковое имеет место. Если действие представлено как локально-направленное, то воз-действие – как нелокально-синоптическое. Здесь следует особо подчеркнуть нелокальный характер энергетики ситуации. С выражением и описанием нелокальностей существует много проблем. Одна из них (и, пожалуй, самая главная) – язык, с помощью которого возможно было бы такое выражение. Абстрактно-теоретический язык мало пригоден. Он – абстрактен, геометричен, а стало быть и ограничен, по крайней мере, в двух смыслах: он задает пределы, а после построения теоретических моделей (картины мира, миры теоретических объектов, структурно-функциональные системы с ограниченным набором параметров и т.д.) дает картины объектов с начальными и конечными параметрами их состояний. К тому же изначально задаваемые онтологические схемы, начиная от допускаемых метафизических оснований, до воспроизводимых в теории следствий, базируются на дискретных структурах, каждая из которых мыслится как относительно самостоятельная.

Преодолеть выраженную в таком языке локальность можно, признав существование нелокальных связей, а для их описания найти язык непараметрического образца. О существовании нелокальных связей физики говорят давно, не считая многочисленных мистиков, которые строят свои очень неубедительные (весьма расплывчатые) объяснительно-описательные схемы апеллируя к особому рода связям, существо которых в их нелокальности. Любопытно заметить, что «языком», фиксирующим их наличие, выступает «чувственность» как сверх-чувственность. Можно было бы сказать о их презентабельном характере существования, т.е. они всегда являемы в сверхчувственном состоянии человека, свидетельствуя одновременно о «факте» и форме своего существования в содержании чувственности. Представить и описать чувственные со-стояния в виде объектов нельзя, поскольку сама процедура представления уничтожает актуальную форму существования чувственности, хотя фиксируемость со-стояний возможна, на чем собственно и специализируются психологи, отслеживая те или иные инвариантные ментальные со-стояния человека. Какие выводы и схемы (объяснительно-описательные) они делают и строят – это уже другой вопрос. Здесь важен сам факт апелляции к актуальным формам существования чувственности как презентабельности особого рода связей в Универсуме.

Чувственность (в какой бы форме и виде она не проявлялась) в структуру моделей «не вставишь». Поэтому возникает вопрос: Какую модель следовало бы предложить, в которой бы чувственность присутствовала на правах реально осуществляющейся динамики (или входила в нее) ситуации в целом? В поисках ответа на так поставленный вопрос, сразу же возникает другой вопрос, в частности, вопрос о статусе моделей в структуре Мироздания. Для рассматриваемого нами случая, данный вопрос мог бы быть сформулирован несколько иначе. Какая модель должна быть построена, чтобы в ней была бы явлена динамика ситуации с присутствующим в ней агентом, а в последней чувственность являла бы себя как одна из энергетических содержательных характеристик ситуации в целом, модель которой строится. Такая модель в «объектной форме» не может быть построена. Она должна удовлетворять требованию включенности чувственности, объектное представление которой, как указывалось выше, невозможно.

Поэтому (и это следует особо подчеркнуть!) модель должна строиться как энергетический континуум. Универсальной характеристикой выступает *Energia*, а сама модель есть выражение ее распределения и перераспределения. Под эту характеристику чувственность попадает как и любая другая составляющая ситуации, а последняя, в свою очередь, сама является составляющей (точнее было бы сказать **со-держательной**) энергетического континуума.

С научной точки зрения вопрос сводится к выявлению и установлению законов распределения энергетического потенциала в любых подлежащих исследованию ситуациях. При этом должна быть уверенность в том, что существуют **различные** уровни организации энергетического потенциала ситуаций **различного** рода, но в месте с тем подчиняющимся «законам»¹ Универсального порядка. Здесь неизбежна апелляция к континуалистским представлениям Мироздания.

Предполагаемое нами направление осмысления Универсального и наш подход, который мы именуем «Энергийный», выводит нас на построение «Новой онтологии» и проработке (а также к кардинальному пересмотру) традиционно формулируемых вопросов и задач.

¹ Здесь речь идет о всех формах Упорядоченности Универсума, частной формой выражения и представления которой выступает уже установленные наукой законы. Однако они не охватывают всего спектра упорядоченностей. И это, - во-первых. А во-вторых, геометрическая форма их представления, апеллирующая к неизменной метрике пространства (избранность пространства), свидетельствует о наличии только определенного класса законов.

ОТ ЦЕЛЕРЕАЛИЗАЦИИ К ЦЕЛЕПОЛАГАНИЮ

Нововременная Западноевропейская философская мысль потратила много энергии на идеологическое обеспечение многообразных форм *целесообразной деятельности*. Платоно-аристотелевская традиция философствования, выступив в качестве модели решения прагматических вопросов, трансформировалась на пороге Нововременной истории в идеологию техногенной цивилизации.

Последняя, будучи вторичным продуктом самоуверяющего себя субъекта, проявила ту *скрытую в деятельности пред-посылку*, которая стала определяющей само существо бытия западноевропейского человека. Что касается характеристики техногенной цивилизации в целом, то это особый вопрос. Сущностная ее характеристика общеизвестна, несмотря на возможные различия в интерпретации и приоритетах, которые возникают в ходе «горячих дискуссий» на тему «современная цивилизация» и к которым склоняются спорящие «горячие головы».

Суть вопроса, на мой взгляд, в другом. «... В новом и небывалом размахе своей деятельности современный человек...» (М. Хайдеггер), который как раз ею и подпитывается во все возрастающих масштабах действие гигантского механизма техногенной цивилизации, руководствуется отнюдь не только идеей самодостаточности, в силу которой он достигает не всегда оправдывающих себя целей. Речь должна идти о скрытых предпосылках самой целеполагающей деятельности. В оборванной мной цитате из Хайдеггера есть продолжение: «... тоже всего лишь отвечает на неслышимый зов бытия». Стало быть, суть вопроса следует усматривать в том, какого рода «неслышимые вызовы бытия» становятся участниками того действия человека, которое неизбежно толкает его к иному исходному моменту самообновляющегося бытия. Или иначе, предпосылкой и посылкой **какого бытия** выступает и становится современное состояние человека? Какого рода и качества есть его избыточность?

В принципе (принципах) ответы на эти вопросы уже есть или по крайней мере содержатся в этих принципах, но насколько они удовлетворительны, насколько они корректно соотношены с неслышимыми вызовами бытия? «А мы все ставим каверзный ответ и не находим нужного вопроса» (В. Высоцкий). Какой же вопрос мы должны найти, ответом на который были бы каверзные вопросы – они уже есть и одновременно были бы некаверзными – их еще нет. Если бы в последней формулировке вопроса не было бы слова «**одно-временно**», то он был бы слишком банален, потому что вся западноевропейская мысль сосредотачивалась на проработке вопроса о проекте бытия и, кстати сказать, преуспела в этом, создав современную науку и технику в качестве определяющей силы современности.

«Одновременно» нужно понять в буквальном смысле – присутствующее в одно и то же время, со-существующее, **пре-**бывающее сейчас, но не как не при-бывающее. Смена одного состояния другим здесь исключена. Фундаментальный статус линейного времени, на котором базируется идея проекта, здесь ставится под сомнение, хотя, разумеется, не исключается в качестве «рядовой» характеристики любых про-явленностей. Наряду и вместе вступает в силу «на-стоящее», в котором и следует разыскивать все как со-присутствующее.

Со-стояние – со-держит в себе все, что может быть помыслено как разновременное и разноместное. Исключение линейного времени и пространства, какими они подразумевались в классической традиции философской и научной мысли, подводит нас к пониманию не-до-разумения иного измерения такой ипостаси бытия, как со-стояние. На роль таких измеряющих характеристик, на мой взгляд, могут претендовать энергия и информация. Первая характеризует потенциальность со-стояния – его избыточность, вторая – упорядоченность со-существующего – со-гласованность, со-звучие, со-из-меримость.

Естественно, возникает вопрос о том, как будет выглядеть со-ставляющие деятельности (элементы деятельностного цикла) как процесса в свете вводимых нами характеристик и, в частности, ее главный структурообразующий «элемент» – цель, благодаря которой она и становится целе-со-образной.

Первой посылкой при построении объяснительной схемы может выступить утверждение, что деятельность – это организованная тем или иным образом активность. Вот об этой акт-ивности как со-стоянии и должна идти речь. Именно в нем – акте – мы и должны разыскивать присутствие того, что именуется нами как цель в структуре деятельности, трактуемой как процесс вписывания и выражения пространственно-временных характеристик.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЯВЛЯЮЩАЯСЯ КУЛЬТУРА

Предисловие

Статья «Образование как являющаяся культура» – последняя работа моего отца, профессора философии Георгия Федоровича Миронова.

В ней в той или мере прозвучат главные идеи его философского творчества, активно развиваемые в последние годы: Образования (как перехода к новым состояниям бытия социума и личности), Креативности (как раскрытия личностного потенциала), Презентативности (как взаимо-присутствия одного и другого), Превосходства (над ситуацией и собой), Событийного времени (в отличие от линейного времени), Информации и Энергии (как измерений бытия наряду с пространством и временем).

В контекст этих идей в статье вписан актуальный в постмодернистском дискурсе концепт трансгрессии, в котором проясняется переход за пределы обыденного существования. Это творческий порыв личности к запредельному, провозглашающий невозможность, ненужность, да и вредность замыкания и удерживания в мире ограниченного, освоенного, упорядоченного, обыденного.

Мы увидим, как образование будет проинтерпретировано в терминах трансгрессии – как устремленность к запредельному и как открытость ему. Эта интерпретация коррелируется с мыслью о превосходстве как воле и желании личности перейти к новым состояниям бытия, преодолеть «себя-в-нынешнем-состоянии». Чтобы образоваться, надо превзойти опыт. Осмысление образования, как и культуры, совершенно непродуктивно в терминах опыта. Опыт, однако, ценен тем, что в нем заложен потенциал превосходства, а цель образования – актуализировать его через практику и воплотить в реальность.

Также отметим, что в статье изменилось отношение к цивилизации (взятой в ее соотношении с культурой) – к западноевропейской цивилизации, в частности, – в сторону признания ее потенциала к жизнеспособности и росту через несвойственные (теперь уже можно говорить – трансгрессивные) ей состояния.

*«Может быть, наступит день,
и этот опыт трансгрессии покажется
столь же решающим для нашей культуры,
как это было в диалектической мысли
с опытом противоречия...»*

М. Фуко

Западноевропейской цивилизации принадлежит особая роль в расшифровке феномена под названием «культура». И как это ни парадоксально, выполнить такую роль ей удалось посредством обнаружения в

самой себе культуuroобразующего потенциала. Будучи весьма динамичной формой существования социума, цивилизация воспроизводила и постоянно воспроизводит массу эффектов, которые «несвойственны» ее нормативной базе. Апелируя к Необходимому, которое уже содержится в этой нормативной базе, и обеспечивая его реализуемость на всех уровнях общественной жизнедеятельности, цивилизационный способ существования социума неизбежно сопровождался кризисами, революциями, катаклизмами, катастрофами, трансформациями и прочими из ряда вон выходящими состояниями. В опыте западноевропейской ментальности осмысление подобного рода состояний социума сначала в иррациональной форме, а потом и в различных теориях (типа революционных учений, теорий катастроф, синергетики) откристаллизовалось в *идею трансгрессивности*, фиксирующей естественность и неизбежность «смены состояний», «событийности», «превосходства реальности над собой».

Таким образом, цивилизационный способ существования социума продемонстрировал в себе и собой ту потенциальность, которая всегда присутствовала в культуре как форме человеческой жизнедеятельности, являющей «превосходство над собой». Видимо, так и следует понимать и трактовать термин «культура» – воз-дельвание – как нечто возвышающееся над делом, появляющееся и возникающее над совокупной деятельностью человеческих сообществ.

Нельзя сказать, что опыт трансгрессии как специфических состояний социума и человеческого существования является чем-то исторически новым. Однако повышение динамики социума выводит трансгрессию из разряда необычных явлений в разряд явлений наблюдаемых, частотных и определяющих жизнь современного социума и личности.

Опыт современного социального бытия человека настойчиво свидетельствует о возрастающей (и во многом непредсказуемой) динамике явлений внутри-бытийного содержания. Это опыт – обнажающий все то, что для человека в свернутой форме и скрытом виде присутствовало в универсальной динамике Мироздания. В опыте дано свершенное, проявленное, реализованное и реализуемое. Но опыт остается неполным, если в нем не отмечен момент его собственной динамики, в которой явлено его расширение и углубление вплоть до истоков собственного превосходства над ним же самим.

Опыт, о котором говорил М. Фуко, – это и есть опыт превосходства над самим собой с подчеркнутой мыслью о том, что он не просто расширяется и углубляется, продолжая существовать в качестве накапливающегося, но и принципиально меняется по содержанию. В содержании опыта присутствует момент – «механизм» превосходства над самим собой, в результате чего он становится трансгрессивным или, что одно и то же, – опытом трансгрессии. Трансгрессивность характеризует опыт, взятый с разных сторон его видения: и как выходящий за свои пределы, и как включающий в себя запредельность. Содержательно данная связка «выход – включение» («включение – выход»)

могут быть рационально поняты как *Образование*. К определению бытийного статуса последнего и обратимся.

В цивилизационной трактовке культуры при всей ее прагматической привлекательности и идеологической направленности¹ выпадает из поля зрения огромный пласт спонтанно возникающих явлений, которые оказываются судьбоносными для последующих состояний общественной жизни, вплоть до того, что она начинается как бы заново. Поэтому не случайно философская и культурологическая мысль с большим или меньшим успехом отслеживала подобного рода явления, но делала она это «задним числом» – ретроспективно. Сама эта ретроспекция (если ее рассматривать как процедуру) вовлекает в орбиту исследовательского процесса Время, которое становится отнюдь не «отрезком», разъединяющим и (или) соединяющим отстоящие в некотором временном интервале друг от друга значимые реалии общественной жизни, а той сплошной временной средой (временностью), которая образуется сцепленностью и связанностью прошлого (но не прошедшего и исчезнувшего навсегда) всегда актуализируемого в «здесь-и-сейчас» с непрерывно длящейся энергетикой людей, подпитывающей воспроизводство социальной реальности. Вот это «вос»-производство и составляет ту «часть» социального бытия, которое и подпадает под рубрику «Образование» (возникающего, образующегося, рождающегося).

В современном словаре терминов, понятий, концептов вряд ли найдется более емкая когнитивная категория образование для обобщенной и вместе с тем уникальной характеристики состояний социума, чем *культура*. Всякие формирующиеся представления, воззрения, понимания (и вытекающие из них следствия!) о социальном бытии людей без апелляции к этой интегральной когнитивной категории лишены содержательности, динамичности, информативности, во времени демонстрирующему себя человечеству в самых различных формах и способах своего проявления. Представления о культуре, будучи параметрически заданными по некоторым основаниям, приобретают вид «картин» – объективированных и определенным образом организованных ментальных реалий. Эти картины есть всего лишь форма, в которой выражен один из способов объективации мышления, реализуемого в качестве представляющего. Избежать объектного («картинного») миропредставления в таком мышлении невозможно, поскольку оно содержательно изначально осуществляется как объективация. Отсюда и следует так называемая «объектная» трактовка культуры, где она – нечто сделанное, произведенное, созданное, воплощенное (воплотившееся), организованное по образу и подобию структур представляющего мышления.

Смещение акцента на деятельную составляющую в бытии человеческих сообществ (чему, к сожалению, не всегда уделяется должного внимания)

¹ Под *идеологией* здесь понимается «учение» о функционирующей системе идей в социуме, обеспечивающей ему более или менее стабильную форму существования через набор теоретически выраженных ценностных установок и ориентаций, сознательно внедряемых в ментальную жизнь того или иного сообщества.

высвечивает актуально бытийную сторону культуры, где она уже есть в качестве «себя-реализующей социальной реальности». В достаточно банальном выводе-утверждении, что культура есть единство по определенным схемам актуально осуществляемой деятельности с вовлекаемыми в нее ситуативно организованными факторами кроется, на наш взгляд, заслуживающее особого внимания обстоятельство (в буквальном значении, об-стоять) – *нечто сопровождающее* (а, стало быть, и со-присутствующее) процесс актуализации потенциального и потенциализации актуального, который имеет место в указанном динамическом единстве – деятельности и обстоятельств ее осуществимости. Особо подчеркнем, что речь идет не только и не столько о локально мыслимых деятельности преимущественно уже predetermined их целесообразностью, с одной стороны, и не о наборе обстоятельств непосредственно включаемых в деятельность, – с другой (в этом случае мы имели бы две самостоятельных реальности, воздействующих друг на друга внешним образом), сколько о вызываемых и сопровождающих эффектах в той среде, в которой имеет место это динамическое единство. Иначе говоря, речь идет о той содержательной составляющей в изменяющейся социальной ситуации, которая в себя включает нечто, превосходящее саму ситуацию. Такая составляющая, как правило, «неоприходована» нашими представлениями и в лучшем случае принимается во внимание на правах «побочных эффектов», а по отношению к реализуемой деятельности не несет конституитивного характера. Вот по этим «побочным эффектам» и можно судить о проявлении трансгрессивных «механизмов» в опыте, столь ценных для образовательной практики.

С учетом отмеченного обстоятельства, а также с осознанием того, что культура не может быть редуцирована ни к одному из ее проявлений, следует сформулировать базовый тезис, фиксирующий единство всех возможных ипостасных проявлений и ее истокообразующий «центр». Навязчивая метафизическая установка на поиск «последних оснований бытия и познания» (в рассматриваемом случае – культуры) в предлагаемом ниже тезисе теряет свой «сокровенный» смысл признанием, во-первых, сменяемости таких оснований, во-вторых, непредзаданности содержательной интерпретации вновь появляющейся (и, в конечном счете, оформленной) установки, и в-третьих, несостоятельности установки как таковой, в-четвертых, неинституционализируемости любой установки, когда речь идет об образовании, в состоянии которого еще только возникает и оформляется содержание, которое в каких-то устойчивых формах только еще может быть институционализировано.

Отмеченная выше тавтологичность во взаимоотношениях Культуры и Социума устраняется только в одном случае, если есть та «третья реальность», которая включает в себя и выдает из себя все формы осуществимости соотносимых реальностей (формы их проявления), при этом остается лишь «точкой» в их одновременной совмещаемости. Поэтому исходящей и сводящей «точкой» их может быть «со-стоящая реальность», проекциями которой и выступают эти представленные реальности в виде культурного

содержания Социума и социального содержания Культуры. А вот то, что обеспечивает это у-держание, со-держание, при-держание, само-держание, наконец, вы-держанность, – есть динамика особого рода, которая имеет прямое отношение к Образованию. Здесь подчеркнем еще один важный момент: данная трактовка состояния Культуры-Социума (Социума-Культуры) смещает акценты с их пространственно-временных характеристик на Энергичные, то есть они могут быть поняты в свете универсальных динамико-энергичных явлений Мироздания, а, в конечном счете, как свершающееся бытие.

Насколько выразимы они в языке абстрактного мышления, которое само пространственно ангажировано, вопрос особый. Культура-Социум обретают пространственно-временную логику, которая слабо корреспондируется с «логикой» их трансгрессивных состояний. Превосходящая сама себя реальность может быть выражена либо в по-иному понятых Пространстве и Времени, либо в по-новому протрактованных Энергии и Информации.

Социально-антропологический взгляд на структурно-функциональное содержание Образования, будучи прагматически истолкованным, сводится к выполняемым им в социуме функциям. Оказавшись «структурной единицей» в структуре социума, Образование уже не может фигурировать в качестве характеристики его изменяющегося, трансформирующегося и трансгрессирующегося содержания. Удерживающий себя социум в определенном состоянии еще как-то представим через набор функций (уже действующих или проектно задаваемых). Но когда возникает необходимость описать, выразить и представить в явном виде преобразующееся содержание социума, архитектоника связей которого являет иное качественное состояние социума, структурно-функциональный подход оказывается неспособным охватить всю гамму образующих эти состояния Связей.

Об Образовании как структурно-функциональной единице социума начинают всерьез размышлять в моменты его кризисных состояний.

Полисемантичность фигурирующих здесь слов, взятых в такой конфигурации, отсылает нас к Пространству (назовем его смысловым, а потому и – потенциально-актуальным), существование и одновременно содержание которого определяется привносимой нами значимостью языковых единиц и их экспликативными возможностями. Последние и есть разветвляющаяся сеть связей в конфигурируемых словах, обеспечивающих доступный уровень восприятия, а далее – и понимания.

Полисемантичность слова «образование» провоцирует в смысловом Пространстве ситуацию, которую можно обозначить как динамическое со-присутствие «многого в Одном». Полисемантичность слова «Культура» организует смысловое Пространство в иной форме. Оно явлено «постоянно оформляющейся динамикой со-присутствующего в социуме».

Всякий раз привносимые значимости языковых единиц задают и фиксируют такие связи, которые обеспечивают необходимую и достаточную определенность утверждений, базирующихся на них. Об этом можно было бы

лишний раз не напоминать, если бы в часто встречающихся формулировках не имели место досадные недоразумения типа «первичного-вторичного», «тавтологий», «оксюморонов», «парадоксов» и т.д.

В рассматриваемом случае связь «Культура – Образование», «Образование – Культура» носит статус взаимо-ношения, а потому процедура задавания – определяемость – лишена смысла. Во-первых, такой род Связей не задается в Образовательных явлениях и не привносится в них. Такая Связь может быть только возникающей. Во-вторых, взаимо-ношение не предполагает временной последовательности и пространственной рядорасположенности, что также исключает процедурность в качестве со-держательности Образующегося.

В выявлении, описании, трактовке и понимании содержания Образования имеет принципиальное значение введение параметров и метрик, через которые оно представимо демонстрируемо в качестве фактического. Последнее свидетельствует о наличии феномена Образования, но ничего, кроме его демонстрируемости, не сказывает. Статус Образования как свершающегося бытия фактичен в смысле констатации, но не как его со-держательности. Используемые параметры при изменяющейся метрике свершения, скорее ограничивают пространство последнего, чем приоткрывают его. Поэтому мы вынуждены всякий раз исходить из предположения, что в свершающемся метрика и соответствующие ей параметры либо одни и те же (инвариантны), либо набор их различен, а закон их изменения известен. Поскольку ни то, ни другое в наших представлениях и предположениях не обладает достоверностью, то мы, будучи уже принужденными предполагать, оказываемся еще и принужденными менять свои предположения.

Принципиальным для нас становится вопрос о статусе параметрического измерения Образования. Тут можно было бы подумать об ограниченности (или даже несостоятельности) такого подхода к описанию Образования. Но другого способа и нет. Выход, как представляется, в том, чтобы помыслить *процедуру задавания мерности* образующегося как содержательный момент этого образующегося. Иначе говоря, не только образование – становящееся, раскрывающееся, свершающееся, – но и метрика его обладает такими же свойствами, и чтобы задать ее, нужно находиться «в», «внутри» образовательных ситуаций. В этом случае мы не относимся к нему, но включаемся на правах агентов (буквально говоря – «действующих»), провоцируя акты возникновения и, одновременно, пере-задание мерностей.

В том же духе следует высказаться о возможностях описания образовательных актов. Ведь состояния личности «здесь и сейчас», не говоря уже о предшествующем опыте, не позволяют высказываться непосредственно о практике превосходства. Тем самым имеющийся арсенал средств освоения и описания мира (мышление, язык, технологии) в каждом образовательном акте вновь и вновь выявляет свою непригодность, неэффективность и неадекватность. Нечто сказанное об образовании с позиций опыта может быть ценным лишь как вступление, предварение, а никак не претендовать на роль

полноценного описания. Тем самым характер обновления в образовательных актах становится всеохватывающим.

Становится очевидным то, что включаемость, обладая статусом реализуемой активности, сама обеспечена условиями своей осуществимости, а это обеспечение зиждется на допустимости существования родовых связей. Они и есть образующиеся и образующие связи. Это связи различных уровней и порядков. Те связи, которые организуют нашу активность по вписыванию в ситуацию, располагаются на уровне технологического среза ситуации, то есть того, что мы в ней делаем, а другие связи, которые обеспечивают принятие вносимых нами изменений в ситуацию (неважно, стабилизируя ее или разрушая) и которые могут быть отнесены к симбиотическим, располагаются на стыках уровней, обеспечивая их единство.

Межуровневой статус этих «других связей» (связей иного порядка) дает основание говорить об их особой миссии – они демонстрируют нам то, чем мы являемся в качестве уже сотворяемых – в отличие от делающих. Культура, стало быть, мыслится как воз-можность нам явиться в ином качестве наряду и вместе с тем, как и что мы делаем. Культура не может быть артефактом нашего бытия, культура – это всегда превосходство над уже сделанным.

Может ли быть прояснен «механизм» этого превосходства? В определенной Мере! То есть в той (точнее, в тех мерах), которая нами параметрически задается. То есть ограничивает Пространство и Время настолько, насколько возможен их прорыв энергетикой «масс».

Поскольку всякая Мера – это ограничение, совершенно необходимое для организации активности, то такое ограничение может быть преодолено самой активностью. Иначе говоря, потенциальность и есть то содержание, которое является образующимся.

Онтология Образования – «логия Креативности», а она, в свою очередь, Порядок свернутой потенциальности, который расшифровывается актуально проявляемой энергичностью в формах, обеспечивающих новые, иные потенциальности. Образование есть та «третья реальность», заключающая в себе потенциальное в актуальном и актуальное в потенциальном. Тут можно было бы подумать о соотношении актуального и потенциального, к чему может спровоцировать наше дуальное мышление, оперирующее противоположностями. Решительно не так! Актуальное и потенциальное не относятся друг к другу, а присутствуют друг в друге, причем таким образом, что потенциальность актуального одновременно является актуальностью потенциального, – они могут быть выражены презентативной связью, а сама оформляющаяся их соприсутвуемость совместности и одновременности – как Образование.

Тезис-утверждение, который расшифровывается в предложенном названии статьи, вербально может быть выражен так: «Являющая себя Культура и есть Образование».

ОБ ОНТОЛОГИЯХ, НА КОТОРЫХ СТРОЯТСЯ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ, СОЗИДАНИЯ, ТВОРЧЕСТВА

I. Самой, пожалуй, почтенной онтологией, на базе которой строятся методики обучения-адаптации человека, привходящего в Мир (прежде всего в социальный мир), является так называемая **при-меро-чная**. Вкратце суть ее состоит в том, чтобы «взять пример» с существующих способов поведения и действия в сложившихся условиях и обстоятельствах жизне-деятельности. При более глубоком рассмотрении существо данной онтологической схемы заключено в реализации нормативов деятельности, в которых, как правило, в неявном виде содержится **мера**, задающая образцы поведения и действия. В этом смысле мы живем и действуем исходя из меры. (Отсюда часто употребляемый термин из-мерение. Здесь он берется не в качестве обозначающего процедуру измерения, а как термин, обозначающий и выражающий онтологическую характеристику человеческого со-существования в качестве со-раз-мерного, исходящего из меры, обусловленного мерой, опирающегося на меру, со-от-носящегося со всем иным в определенных пропорциях). При-мерность – степень полноты вписанности человека в ситуацию своим поведением и действием. Исторически сложившимися формами и способами являются традиции, обычаи, нрав (этос), образец, норма, стандарт, инструкция, наставление.

«Человек примерного поведения» – человек, соответствующий принятому в обществе «образцу» и одновременно служащий образцом для других людей.

Особо следует подчеркнуть мысль о содержании, роли, функции человеческой активности в таком «мерном» бытии человека. Таким содержанием, на мой взгляд, является со-чувственная ориентационная активность, направленная на достижение гармонии с тем, что есть. Здесь нет поиска иного, но есть адаптационный процесс, у-держивающий и со-держажий человека в динамике обстоятельств жизнесуществования. Это со-чувственная форма вписываемости в Мироздание, поскольку критерием оценки степени и полноты этой вписанности оказывается **чувство** комфортности, со-звучности, со-размерности, гармоничности.

Апелляция к чувственности здесь далеко не случайна. Чувственность – индикатор со-стояния ситуации и принадлежит «на-стоящему». Она являет непосредственную данность бытия человека и сама является этим бытием. Это, пожалуй, наименьшая дистанцированность человеческой самости от условий и обстоятельств человеческого существования. Возможно, достигаемая степень полноты – эмпатия – это такое состояние слитности, сопровождаемое явлениями симбиотического характера, когда условия и обстоятельства становятся содержательными моментами человеческого существования, но не

на уровне восприятия, созерцания, переживания (и уж тем более не отражения), а на уровне презентации, как особой формы связи человека с Миром, с присутствием последнего в человеке и одновременно с являемостью человека в Мире.

Представленная выше онтология и возможные, построенные на ней методики, весьма эффективны (при использовании ее «принципов») в деле воспитания: от формирования чувственной сферы человека (развитости чувств) до глубочайшего взаимопонимания через со-чувствие, со-страдание, со-весть, со-переживание и т.д.

II. Другая онтология, на базе которой строятся методики самоутверждения человека, встраивания его в Мироздание, наведения иного порядка в нем с претензией на покорение и подчинение Природы, является так называемая «Субъект-объектная». Вкратце суть ее состоит в том, чтобы создать надежное обеспечение всякому заранее заданному сами же человеком мероприятию с максимально возможным его эффектом. Методика в буквальном смысле здесь способ организации деятельности (целесообразной) в целях повышения ее эффективности. В более широком контексте в данной онтологии речь идет об исчерпывании возможностей **встраивания** человека в Мироздание на основе деятельностного способа существования, а в построенных на ее «принципах» методиках речь идет о формировании ЗУН¹ов, обеспечивающих ориентацию человека в созданном искусственном мире и направленных на их приумножение в опоре на изобретение все новых и новых алгоритмов деятельности.

Фундаментальной связью в данной онтологии и содержанием создаваемых на ее основе методик, а вместе с тем и их применением в структурах технологически реализуемых активностей человека, выступает связь между актуальной деятельностью и ее овеществленными, объективированными, воплощенными формами существования, т.е. продуктами, начиная от их вещественных видов и кончая сформировавшимися идеальными схемами ее осуществяемости.

Техногенная по своей природе онтология и технико-технологический способ реализации всего спектра интенций сознания ориентируют человека на исчерпывание возможных вариантов целесообразного действия человека при созданных (и постоянно создаваемых) условиях и обстоятельствах его жизнеосуществления. Целеполагание в этом случае оказывается основной задачей, а пути и способы достижения целей основным содержанием человеческой жизне-деятельности.

¹ Системы знаний, умений, навыков. – Ред.

**ДУХОВНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ,
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СВЕТЕ
ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ**

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ГУМАНИЗМ» И «МИРОВОЗЗРЕНИЕ» В СВЕТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА*

И. В. ДЕМИН

Самара, Самарский национальный исследовательский университет им.
академика С.П. Королева

THE CORRELATION BETWEEN CONCEPTS “HUMANISM” AND “WORLD OUTLOOK” IN HEIDEGGER’S FUNDAMENTAL ONTOLOGY I.V. DEMIN

Samara, Samara national research University named by academic S.P. Korolev

Проясняется соотношение понятий «гуманизм» и «мировоззрение» в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Делается вывод о том, что гуманизм, понятый как антропоцентризм и субъективизм, является не просто одним из типов мировоззрения наряду с другими, но составляет неотъемлемую характеристику мировоззрения как такового.

Ключевые слова: гуманизм, антигуманизм, гуманность, мировоззрение, антропоцентризм, религия, Хайдеггер, метафизика, философия.

Вопрос о соотношении понятий «гуманизм» и «мировоззрение», на первый взгляд, не вызывает особых трудностей. На уровне обыденного сознания под гуманизмом принято понимать определённый *тип мировоззрения*, теоретическую и практическую установку в отношении человека («человеколюбие»).

В основании такого понимания гуманизма лежит негласно принимаемое допущение о том, что мировоззрение представляет собой *изначальный* феномен человеческого бытия, некую универсалию. Исторически конкретные типы и формы мировоззрения при таком подходе могут меняться и трансформироваться, но мировоззрение *как таковое* выступает в качестве одной из *констант* человеческого бытия. В этой связи на первый план выходит вопрос о мировоззренческих основаниях и предпосылках гуманизма как идейного течения и идеологии.

Ставшее общепринятым понимание гуманизма как определённого, содержательно конкретного мировоззрения (идеологии) является по-своему верным. Однако абсолютизация такого понимания гуманизма, признание его в качестве самоочевидного, заслоняет возможность аутентичного осмысления природы данного феномена.

* Впервые материал был опубликован в коллективной монографии: Свобода совести и диктатура мирозерцания: история взаимоотношений и современные реалии: коллективная монография / отв. ред. В.Н. Финогентов. Орёл: Картуш, 2016. С. 88-101. Статья публикуется в новой редакции.

Если формальное определение гуманизма как типа мировоззрения не вызывает особых возражений, то относительно содержания этого понятия ведутся оживлённые дискуссии. Как правило, споры о гуманизме актуализируются в ситуации «кризиса гуманизма». О кризисе гуманизма, гуманистического мировоззрения в европейской философии говорят как минимум на протяжении последних ста лет (гуманизм является одним из тех понятий, которые перманентно находятся в состоянии кризиса). «Идеал гуманизма, – пишет В. А. Лекторский, – выработанный и взлелеянный в европейской культуре на протяжении столетий, идеал, который разделяли и обосновывали крупнейшие философы, писатели, социальные мыслители и который казался неотъемлемым от самого понимания человека, оказался в наши дни перед лицом серьёзного вызова» [10, с. 24]. Как отмечает В. М. Межуев, «практически все крупнейшие мыслители современности сходятся в признании “кризиса гуманизма” в нынешнем обществе» [12, с. 43], расходятся они лишь в объяснении причин этого кризиса.

Содержательно определяя понятие «гуманизм», следует различать *обыденное* и *философское, философско-культурологическое* значения этого термина.

Обыденное сознание сводит гуманизм к «гуманности» и «человеколюбию». Такое понимание гуманизма не ограничивается, однако, сферой обыденного опыта, но характерно и для некоторых философских концептуализаций этого феномена. Так, В. А. Кувакин определяет гуманизм как «осознанную гуманность». «Естественность гуманизма объясняется естественностью тех человеческих качеств, которые его порождают и на которые он опирается. Главное среди них – *человечность, гуманность*» [1, с. 74] (курсив Кувакина – И. Д.). «Гуманизм также естественен и неустрашим, как величие звездного неба и как жизнелюбие земного человека» [7, с. 26-217]. Примечательно стремление представить гуманизм как нечто *естественное*, изначально присущее человеку, составляющее неотъемлемую характеристику «природы человека» как таковой. Трактовка гуманизма как изначально и «естественно присущей» человеку характеристики позволяет избежать многих неудобных вопросов, связанных с признанием историчности и социокультурной обусловленности данного феномена.

Приведённые характеристики гуманизма опираются на непрояснённые обыденные представления о человеке и «человечности». Путаница в дискуссиях о гуманизме проистекает из смешения *обыденного* и *научного* (философского, теоретического) значений данного термина.

В современной философской и культурологической литературе под гуманизмом понимается по преимуществу *антропоцентризм*. В. М. Межуев определяет *гуманизм* как «особый тип философского мировоззрения, в центре которого – человек с его земными делами и свершениями, с присущими его природе способностями и влечениями, с характерными для него нормами поведения и отношениями» [14, с. 567]. «В отличие от античного

космоцентризма и средневекового теоцентризма новоевропейский гуманизм отстаивает антропоцентрическую картину мира, в которой человек занимает самостоятельное (“срединное”) место между Богом и природой, небом и землей [14, с. 567]. В энциклопедии «История философии» гуманизм также определяется как «мировоззрение антропоцентризма» [6, с. 271].

В качестве квинтэссенции гуманистического (антропоцентристского) мировоззрения следует рассматривать кантовский призыв *относиться к человеку как к цели*. Этот призыв следует понимать не только как этическую максиму, но в качестве онтологического постулата, который составляет основание всех версий современного секулярного гуманизма.

Сторонники секулярного гуманизма предлагают рассматривать гуманизм и антигуманизм как *различные* парадигмы в понимании человека. А. А. Кудишина пишет: «Оппозиция гуманизма и антигуманизма, действуя в современной культуре, оказывает несомненное влияние на её развитие, что переводит гуманизм и антигуманизм в статус общекультурных и общечеловеческих парадигм» [8, с. 411]. Такая трактовка, на наш взгляд, является следствием необоснованного смешения *аксиологического* и *философско-методологического* аспектов феномена мировоззрения. Гуманизм и антигуманизм, будучи аксиологически противоположными установками, принадлежат, тем не менее, к *общей* культурной парадигме: гуманизм и антигуманизм базируются на *одних и тех же* представлениях о человеке, на одной и той же – антропоцентристской – картине мира [3]. Неверно, следовательно, было бы интерпретировать как «антигуманизм» различные негуманистические, неантропоцентристские трактовки человека.

Пожалуй, впервые на это обратил внимание русский философ и историк культуры А. Ф. Лосев. «Антигуманизм» эпохи Возрождения исследователь рассматривал как *изнанку, оборотную сторону* её «гуманизма». «Возрождение, - писал А. Ф. Лосев, – прославилось своими бытовыми типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей <...>. Здесь, несомненно, сказался стихийный индивидуализм эпохи, эта уже обнаженная от всяких теорий человеческая личность, в основе своей аморальная, но зато в своем бесконечном самоутверждении и в своей ничем не сдерживаемой стихийности любых страстей, любых аффектов и любых капризов доходившая до какого-то самолюбования и до какой-то дикой и звериной эстетики» [11, с. 120]. Обратной стороной возвеличивания человека становится аморализм самоутверждающейся личности. Гуманизм и антигуманизм, будучи противоположностями, *неотделимы* друг от друга. Они в равной степени являются порождением *антропоцентризма* как центрального мировоззренческого принципа эпохи. Эпоха европейского средневековья не знала гуманизма, но она не знала и антигуманизма в указанном смысле этого слова.

Человек в рамках гуманистического мировоззрения мыслится как самодостаточная самоутверждающаяся личность (индивидуальность). Индивидуальность человека признаётся самоценностью. «Одна из важных характеристик того гуманистического идеала, который сложился в современной культуре и философии, связана с признанием самоценности человеческой индивидуальности» [9, с. 23]. «Я думаю, – пишет далее В. А. Лекторский, – что характеристика эта настолько существенна, что отказ от нее означал бы отказ от самого гуманизма» [9, с. 23]. Онтологический статус человеческого существа в контексте ренессансного гуманистического мировоззрения принципиально иной, нежели в традиционной культуре христианского средневековья. Новое понимание (самопонимание) человека как «самоценности» является определяющим для гуманистического мировоззрения в целом.

Гуманистическое понимание человека с самого начала имело ярко выраженный *антитрадиционный* характер. Если в контексте традиционной культуры человек не осознаёт себя как самостоятельное бытийного начала, то в рамках гуманистического миропонимания человек полагает себя в качестве «меры всех вещей» [16, с. 56]. В этой связи необходимо чётко различить *гуманизм (гуманистическое, антропоцентристское мировоззрение)* и *религию*.

Несовместимость христианской и гуманистической трактовок человека в русской религиозно-философской традиции подчёркивал С. Л. Франк: «Под гуманизмом (в широком смысле слова <...>) мы разумеем ту общую форму веры в человека, которая есть *порождение* и характерная черта новой истории, начиная с Ренессанса. Ее существенным моментом является вера в человека как такового – в человека как бы предоставленного самому себе и взятого в отрыве от всего остального и в противопоставлении всему остальному – в отличие от того христианского понимания человека, в котором человек воспринимается в его отношении к Богу и в его связи с Богом» [15, с. 392]. Человек в гуманистическом мировоззрении предоставлен сам себе, человек *не знает* и (что намного важнее) *не желает знать* ничего, что в онтологическом отношении могло бы его превзойти.

Вопрос о соотношении религиозного (в частности, христианского) и гуманистического типов мировоззрения нуждается в специальном рассмотрении. Однако заранее уже можно сказать, что религиозное миропонимание *по самой своей сути* не может быть *антропоцентристским* и «гуманистическим», из чего следует также, что оно не может быть и *антигуманистическим*, ибо антигуманизм – это всего лишь обратная сторона гуманистической «веры в человека». И если отдельные течения в современном христианстве позиционируют себя как «христианский гуманизм», то это только подчёркивает, насколько мало в этих религиозных течениях осталось собственно традиционного и религиозного, насколько они отделились от своих истоков.

Правда, некоторые религиозные мыслители отмечали глубокий и исконный *гуманизм самого христианства*, однако, под «гуманизмом» они понимали не ренессансный антропоцентризм, не мировоззрение, ставящее человека в центр мироздания, но способность «во всяком, даже падшем и низменном человеке видит человека как образ Божий» [15, с. 392]. Франк писал в 1931 году: «В наше жестокое время, когда образ человека начинает меркнуть и презрение к человеку грозит пошатнуть самые основы общежития, вера в человека может найти свою единственную опору только в том отношении к человеку, которое обрел Достоевский. Гуманизм должен либо окончательно погибнуть, либо воскреснуть в новой – и вместе с тем исконной и древней – форме – в форме христианского гуманизма, которую для современного человека открыл Достоевский» [15, с. 397]. Употребление термина *христианский гуманизм* в данном контексте вполне оправдано. Говоря о христианском гуманизме Достоевского, Франк стремился показать, что христианское понимание человека вовсе не принижает его онтологического статуса, а, напротив, поднимает образ человека на недостижимую высоту. Антропоцентризм по сути своей есть *онтологический эгоцентризм* человеческой личности, и отказ от него ничуть не умаляет человеческое достоинство.

Эту же мысль (правда, в совершенно ином контексте) высказывает и Мартин Хайдеггер в знаменитом «Письме о гуманизме»: «Поскольку что-то говорится против “гуманизма”, люди пугаются апологии антигуманного и прославления варварской жестокости. Ведь что может быть “логичнее” вывода, что тому, кто отрицает гуманизм, остается лишь утверждать бесчеловечность?» [17, с. 201]. Иронизируя по поводу образа мысли, который во всякой *критике гуманизма* усматривает *апологию антигуманности*, Хайдеггер утверждает, что «противоположность “гуманизму” ничуть не предполагает апологии бесчеловечности, но открывает другие перспективы» [17, с. 201]. В этой связи примечательно такое высказывание Хайдеггера: «Гёльдерлин <...> не принадлежит к “гуманизму”, а именно потому, что мыслит судьбу человеческого существа самобытнее, чем это доступно “гуманизму”» [17, с. 203]. Сторонники секулярного гуманизма не желают признавать, что альтернативой «гуманизму» может быть не *антигуманизм*, но более исходное и глубокое истолкование сущности человека.

Наиболее оживлённый характер дискуссии о гуманизме приобрели в послевоенный период. В какой-то степени эти дискуссии были инспирированы докладом Жана Поля Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» (1945), который получил широкий резонанс в послевоенной Европе. Радикальное переосмысление сущности гуманизма началось, однако, не с Сартра, но с Хайдеггера, который в «Письме о гуманизме» поставил под вопрос самоочевидность традиционного гуманистического понимания и определения сущности человека.

Является ли гуманизм необходимой предпосылкой постановки вопроса о сущности человека, или же, наоборот, гуманизм заслоняет собой более исходное понимание человеческой природы, закрывает возможность более аутентичного философского осмысления человеческого существа? Может ли мы обрести адекватное понимание человека *за пределами гуманизма*, не впадая при этом в крайность антигуманизма? Может ли осмысление человека не быть *антропоцентристским*? Ответ Хайдеггера таков: не только может, но и должен.

Отмечая множественность трактовок гуманизма в истории европейской метафизики, Хайдеггер стремился привести их к некоему общему знаменателю. В качестве такового выступает метафизическое понимание человека как *animal rationale*. «Как бы ни были различны <...> виды гуманизма по цели и обоснованию, по способу и средствам осуществления, по форме своего учения, они все сходятся на том, что *humanitas* искомого *homo humanus* определяется на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы, истории, мира, мироосновы, т. е. сущего в целом» [17, с. 197].

Всякий гуманизм *метафизичен* – таков ключевой тезис Хайдеггера. «Всякий гуманизм или основан на определенной метафизике, или сам себя делает основой для таковой» [17, с. 197]. Под «метафизикой» в данном случае понимается истолкование сущего в обход вопроса о бытии этого сущего (подробнее см.: [5]). Забвение вопроса о бытии – конститутивный признак метафизики как таковой. Вопрос о «человечности» человека в контексте различных гуманистических учений решается *метафизически*, через постулирование некоей изначальной *сущности* человека. В этом Хайдеггер усматривает *врождённый изъян* всякого гуманизма. В гуманизме сущность человека полагается как нечто самопонятное и заранее известное.

Метафизика, согласно Хайдеггеру, «гуманистична» не потому, что она превозносит человека над всем прочим сущим, но потому, что в основании её лежит определённое истолкование *сущности* человека, которое даётся *в обход вопроса о его бытии*. В истории европейской метафизики содержатся различные ответы на вопрос о сущности человека, однако сам *способ вопрошания* во всех случаях остаётся *одним и тем же*. В метафизической традиции, согласно Хайдеггеру, выработалось конвенционально-усреднённое понимание сущности человека: «человек считается “разумным живым существом”, *animal rationale*» [17, с. 197]. Хайдеггер подчёркивает, что такое определение человеческого существа не является ошибочным, но оно заслоняет возможность более глубокого осмысления вопроса о человеке.

Обратимся теперь к понятию *мировоззрения*.

Категория «мировоззрение» принадлежит к числу наиболее часто используемых и, в то же время, наименее определённых и однозначных. Термин «мировоззрение» (*Weltanschauung*) впервые появляется у немецких романтиков в начале XVIII в. Широкое распространение этот термин получает в конце XIX – начале XX вв. благодаря работам Г. Риккерта, В. Дильтея,

М. Шелера, К. Ясперса и некоторых других философов. В таких направлениях, как неокантианство, философия жизни, экзистенциализм, «мировоззрение» становится одной из центральных категорий и приоритетной темой философских изысканий. Содержание этой категории, однако, до сих пор остаётся расплывчатым и часто зависит от контекста. Ситуация существенно осложняется наличием множества различных подходов к исследованию феномена мировоззрения в философском и социально-гуманитарном познании. Можно, тем не менее, эксплицировать некое *конвенционально-усреднённое* понятие мировоззрения.

В самом общем смысле под мировоззрением понимается совокупность «человеческих знаний о мире и о месте человека в мире, выраженная в аксиологических установках личности и социальной группы, в убеждениях относительно сущности природного и социального мира» [4, с. 578]. Содержание понятия «мировоззрение» обычно проясняется через выделение основных исторических *типов мировоззрения* (научного, религиозного, мифологического и др.) и их сопоставление.

«Усреднённое» понимание мировоззрения является отправной точкой для всякого философского осмысления данного феномена. Философская рефлексия, однако, никогда не ограничивается простой *констатацией* тех смыслов, которые сложились в наличной практике словоупотребления. Философия *проблематизирует* эти смыслы, проясняет их генезис и их место в системе культурных универсалий. В философии XX в. наиболее радикальный разрыв с конвенционально-усреднённым пониманием базовых универсалий культуры был осуществлён в фундаментальной онтологии Хайдеггера.

Специфика и оригинальность хайдеггеровского философского проекта во многом связана с последовательным различением *философии* и *мировоззрения*, философских и мировоззренческих вопросов. Это различение, согласно Хайдеггеру, является решающим для самопонимания феноменологической философии.

Представление о философии как о мировоззрении или, точнее, *типе мировоззрения* утвердилось в контексте неокантианской философской традиции. Явная и скрытая полемика с неокантианством, как известно, является важным мотивом хайдеггеровских философских исканий второй половины 10-х и 20-х гг. (подробнее см.: [13]).

В «Основных проблемах феноменологии» Хайдеггер противопоставляет два понятия философии: «научную философию» и «мировоззренческую философию». Выражение «научная философия» (*wissenschaftlichen Philosophie*), как отмечает Хайдеггер, хотя и представляет собой плеоназм («научная философия» – это «*научная абсолютная наука*» [18, с. 4]), всё же представляется необходимым для того, чтобы отмежеваться от господствующего понимания философии как мировоззрения (*Weltanschauung*).

Мировоззрение, согласно расхожему и усреднённому пониманию, даёт человеку систему представлений о сущем в целом (о «мире») и отвечает на

вопрос о месте человека в мире. «Всякое мировоззрение и жизненное воззрение, – отмечает Хайдеггер, – полагающе, т. е. суще соотносится с сущим. Оно полагает сущее, оно позитивно» [18, с. 11]. Философия же ничего не говорит о сущем в аспекте его позитивного *содержания*, но лишь в аспекте его *бытия*. Собственной темой философии как феноменологической онтологии выступает не *сущее*, но *бытие сущего*. Означает ли это, что философия вообще ничего не может сказать о мировоззрении? Нет, не означает. Поскольку «мировоззрение есть нечто такое, что всегда исторически существует из фактического Dasein, вместе с ним и для него» [18, с. 11], а философия (онтология) возможна лишь как *экзистенциальная аналитика Dasein*, мировоззрение оказывается в поле зрения философии в качестве характеристики человеческого существования, *в качестве одного из «экзистенциалов» Dasein*.

Философия, будучи экзистенциальной аналитикой Dasein, должна ответить на вопрос, что такое мировоззрение вообще и почему оно с необходимостью принадлежит человеческому бытию, но философия непосредственно не занимается решением мировоззренческих вопросов, ничего не говорит ни за, ни против того или иного *исторически конкретного мировоззрения*, того или иного *типа мировоззрения*. Философия как наука о бытии не занимается формированием мировоззрения и не может выполнять никаких мировоззренческих «функций». «Философия может и, вероятно, должна *в числе прочего* показать, что сущности Dasein принадлежит нечто такое, как мировоззрение. Философия может и должна очертить то, что составляет структуру мировоззрения вообще. Но она никогда не может образовать и учредить то или иное определенное мировоззрение» [18, с. 11-12] (курсив мой – И.Д.).

Философия, согласно Хайдеггеру, может задаваться вопросами *о мировоззрении*, но она непосредственно не имеет дела с самими *мировоззренческими вопросами*, поскольку последние всегда спрашивают о *сущем* (о сущем в целом или о том или ином типе сущего – природе, человеку, Боге, обществе, истории). Мировоззрение не является ни единственной, ни даже приоритетной темой философской рефлексии. Феномен мировоззрения интересует философию лишь в той степени, в которой *вопрошание о мире в целом* составляет неотъемлемый факт и сущностную характеристику человеческого бытия-в-мире.

В контексте экзистенциальной аналитики Dasein значение имеет лишь *сам факт* того, что человеческому бытию принадлежит нечто такое, как «мировоззрение». Конкретные же *источники* мировоззрения (религия, наука, повседневный опыт) и его содержательная *специфика* не имеют для философии значения и не представляют философской проблемы. «Определяется ли мировоззрение суевериями и предрассудками, или же опирается на чисто научное познание и опыт, или, как это обычно и бывает, сплетается из суеверий

и знаний, предрассудков и попыток осознания, – не имеет значения и ничего не меняет в его сути» [18, с. 5-7].

Правомерно ли, однако, рассматривать мировоззрение в качестве *экзистенциала* Dasein? Если под экзистенциалом понимается сущностный аспект человеческого способа бытия, то, очевидно, что *мировоззрение* экзистенциалом не является. Мировоззрение в контексте фундаментальной онтологии Хайдеггера следует рассматривать, скорее, в качестве определенной *исторической формы* самопонимания и самоистолкования человека.

Хайдеггер использует термин «мировоззрение» в более узком и специальном смысле, нежели представители таких философских направлений, как неокантианство и философия жизни. Мировоззрение у него есть способ понимания мира и самопонимания человека, утвердившийся в метафизике нового времени. «Новое время», определяемое Хайдеггером как «время картины мира», является также и временем *мировоззрения*, эпохой господства мировоззрения. Немецкие термины «Weltanschauung» (мировоззрение) и «Weltbild» (картина мира, образ мира) фактически являются синонимами. Речь идёт не о господстве какого-то определённого мировоззрения, типа мировоззрения, которое приходит на смену другому мировоззрению (например, «научного мировоззрения», которое «вытесняет» мировоззрение религиозное), но о том, что *мировоззрение как таковое* в новое время становится господствующим способом самопонимания человека и понимания мира (подробнее об этом см.: [4]).

Хайдеггер отмечает, что выражение «картина мира» может иметь два смысла: 1) картина как изображение чего-то, в данном случае «мира в целом»; 2) картина как *нечто представляющее перед нами*; в данном случае *сам мир оказывается картиной*, которую мы (как субъекты) способны себе «составить». Хайдеггер, не отрицая за выражением «картина мира» первого значения, основное внимание уделяет второму. Именно оно признаётся базовым и исходным. «Картина означает здесь не срисованное, а то, что слышится в обороте речи: мы составили себе картину чего-либо. Имеется в виду: сама вещь стоит перед нами так, как с ней для нас обстоит дело. Составить себе картину чего-то значит: поставить перед собой само сущее так, как с ним обстоит дело, и постоянно иметь его так поставленным перед собой» [17, с. 49]. «Картина мира» у Хайдеггера означает не картину, *изображающую мир*, а *мир, понятый в смысле картины*, мир как *представление* субъекта. «Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком» [17, с. 49]. *Быть* теперь – значит *быть представленным*, бытие сущего определяется его представленностью и предметной противопоставленностью (*Gegenständlichkeit*) субъекту.

«Картина мира» у Хайдеггера – это не «система представлений о мире и его устройстве», это *сам мир*, каким он «становится» в новое время. Картина мира определяется Хайдеггером как «конструкт опредмечивающего

представления» [17, с. 52]. Картина мира не просто *опосредует* доступ человека (субъекта) к миру, она полностью *замещает* мир, *вытесняет* его. Мерой бытия сущего в метафизике нового времени становится «предметная противопоставленность», то есть, опять-таки, *включённость в картину, в мировоззрение*. Существующим признаётся только то, что может быть «принято в расчёт», а принимается в расчёт лишь то, о чём мы в состоянии составить себе какое-либо представление, то, что мы можем включить в «картину мира», сделать частью «мировоззрения».

Выражения «мировоззрение» и «картина мира» привычно используются для характеристики *любой* исторической эпохи. Так, говорят об «античном мировоззрении», «мировоззрении средневекового человека», «средневековой картине мира». Хайдеггер, возражая против такого словоупотребления, отмечает, что «не картина мира превращается из прежней средневековой в новоевропейскую, а мир вообще становится картиной, и этим отличается существо Нового времени» [17, с. 49]. Средневековой картины мира (средневекового мировоззрения) не может быть не потому, что человек этой эпохи не имел понятия о мире в целом и о себе самом, а потому, что бытие сущего в эту эпоху не *определялось* предметностью, предметной противопоставленностью и уж тем более не *исчерывалось* ею. «Для Средневековья сущее есть *ens creatum*, творение личного Бога-творца как высшей причины. Быть сущим здесь значит принадлежать к определенной иерархической ступени сотворенного бытия и в таком подчинении отвечать творящей первопричине» [17, с. 49]. Средневековый мир не был картиной, а средневековый человек – субъектом. «Превращение мира в картину есть тот же самый процесс, что превращение человека внутри сущего в *subiectum*» [17, с. 51].

В работе «Время картины мира» Хайдеггер связывает феномен мировоззрения с *гуманизмом*, который в широком смысле означает такое «философское истолкование человека, когда сущее в целом интерпретируется и оценивается от человека и по человеку» [17, с. 51]. Гуманизм как *антропоцентризм* («человек есть мера всех вещей») выводит на первый план *антропологию*, науку о человеке. «Все более исключительная укорененность мироистолкования в антропологии, обозначившаяся с конца 18 века, находит себе выражение в том, что принципиальное отношение человека к сущему в целом формируется как мировоззрение. С того времени это слово проникает в язык. Коль скоро мир становится картиной, позиция человека понимает себя как мировоззрение» [17, с. 51].

Итак, термином «мировоззрение» у Хайдеггера обозначается позиция человека (субъекта) по отношению к сущему в целом в эпоху, когда мир редуцируется к «картине мира». В этом смысле исторична не только та или иная конкретная форма мировоззрения, исторично *мировоззрение как таковое*. Корни феномена мировоззрения усматриваются Хайдеггером в истории европейской метафизики. Мировоззрение представляет собой не универсалию

человеческого бытия, но способ понимания человека и мира, характерный для метафизики Нового времени. Так понятое мировоззрение оказывается неразрывно связанным с *гуманизмом*, сущность которого заключается в антропоцентризме и субъективизме. Понятия «мировоззрение» и «субъект» у Хайдеггера строго коррелятивны: субъект является «носителем» *мировоззрения*, а мировоззрение понимается как «система представлений и ценностей» *субъекта*.

Таким образом, Хайдеггер ставит под вопрос общепринятую трактовку соотношения понятий «гуманизм» и «мировоззрения». Вместо того чтобы вопрошать о мировоззренческих предпосылках гуманизма, Хайдеггер ставит вопрос об историчности мировоззрения *как такового* и о его гуманистической (антропоцентристской и субъективистской) природе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Основы современного гуманизма. / И.М. Борзенко – М.: Российское гуманистическое общество, 2002. – 350 с.
2. Гуревич П. С. Парадоксы современного гуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / отв. ред. Г. Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 127-147.
3. Дёмин И. В. Гуманизм и трансгуманизм: проблема соотношения // ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д. И. Дубровского. – М.: Издательство МБА, 2013. – С. 193-202.
4. Дёмин И. В. Соотношение науки и мировоззрения в свете фундаментальной онтологии М. Хайдеггера // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королёва (национального исследовательского университета). – 2015. – Т. 14. – № 1. – С. 225-234.
5. Дёмин И. В. Принцип «онтологической дифференции» в феноменологии М. Хайдеггера и в метафизике интегрального традиционализма Р. Генона // Философская мысль. – 2015. – № 7. – С. 1-19.
6. История философии: Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. – 1376 с.
7. Кувакин В. А. Перспективы нового гуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / отв. ред. Г. Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 214-220.
8. Кудишина А. А. Гуманизм – феномен современной культуры. / А.А. Кудишина – М.: Академический Проект, 2005. – 504 с.
9. Лекторский В. А. Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 22-28.

10. Лекторский В. А. Имеет ли гуманизм смысл сегодня? // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / отв. ред. Г. Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 24-35.
11. Лосев А. Ф. Эстетика возрождения. / А.Ф. Лосев – М.: Наука, 1978. – 623 с.
12. Межуев В. М. Гуманизм и современная цивилизация // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / Отв. ред. Г. Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 35-58.
13. Михайлов И. А. Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. / И.А. Михайлов – М.: Прогресс-Традиция, 1999. – 284 с.
14. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. 2-е изд., испр. и допол. Т. 1, 2. – М.: Мысль, 2010.
15. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма (к 50-летию дня смерти Достоевского) // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. – М.: Книга, 1990. – С. 391-397.
16. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме. / И.Т. Фролов - М.: Издательство политической литературы, 1989. - 560 с.
17. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. / М. Хайдеггер – М.: Республика 1993. – 447 с.
18. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А. Г. Чернякова. / М. Хайдеггер – СПб.: Изд-во Высшей религиозно-философской школы, 2001. – 446 с.

МЕТАФИЗИКА Л. ЛЕОНОВА КАК ТВОРЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

(к 120-летию со дня рождения писателя)

А.А. ДЫРДИН

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

METAPHYSICS OF L. LEONOV AS A CREATIVE PHENOMENON

A.A. DYRDIN

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Рассматривается метафизика Леонида Леонова и её связь с онтологией писателя на материале его малой прозы и романов.

Ключевые слова: образно-мыслительная онтология Л. Леонова, философия, метафизика, взаимодействие между литературой и онтологией.

*Все вещи вокруг: снег и вон та звезда,
поступки наши и сами мы – только
следствия, логические кончики каких-то
бесконечно длинных и дальних явлений и бурь...*

Л. Леонов. «Вор».

Современное литературоведение последовательно демонстрирует исследовательский подход, представители которого погружены в метафизику художественного произведения и литературного процесса в целом [см.: 1–15; 19]. О метафизическом начале как опыте мышления русских писателей XIX–XX вв. пишется много. Однако в большей части книг и статей понятия «онтология», «метафизика» и «философия» не различаются. Метафизическая сфера творчества при таком воззрении ограничена. Интеллектуальное пространство текста с этой позиции – это осознание и переработка автором существующих мировоззренческих идей, архетипов и символов, их персонификация. Работы на эту тему, как правило, перерастают в реконструкцию образной системы, которая создана художниками в русле известных духовно-культурных традиций (платонизм, христианство, мистические учения Востока и Запада и т. п.). Картина мироздания, развернутая писателем, окрашивается в тона близкой ему антропологической или космогонической теории. При ближайшем рассмотрении принципиальная новизна исследовательского взгляда заключается здесь в умении поставить диагноз совпадения/несовпадения авторской философии с традиционными концепциями, с культурными смыслами, уже вошедшими в мировоззренческий запас человечества.

На самом деле упомянутый аспект является второстепенным. Постановка его на первый план уводит критика и читателя в сторону аналогий и повторений, в сферу пресловутой интертекстуальности. То глубокое, что составляет первичный уровень духовного зрения художника, его личную «кодую систему» (Ю. М. Лотман), остается непознанным. В этом случае исследователь проходит мимо способности творческой личности проникать под внешние покровы жизни, игнорирует энергию, вводящую художника в ткань инобытия. Между тем, именно суверенная мысль, сокрытая в писательской образно-символической системе, понуждает задуматься о взаимодействии между литературой и метафизикой. Особенно существенен тот момент контакта, когда метафизическое чувство прочно входит в творческое сознание, получает самостоятельную жизнь внутри текста.

Этот уровень познаний о литературном мышлении – отыскание линий перевода метафизического начала в творчество или возможного влияния на него художественных законов – развит менее всего. Метафизика – это не только учение о причинах бытия, нечто среднее между философией и богословием], но и особая эстетическая реальность, порожденная способностью образа продлевать существование вещей и явлений. Пришедшие к писателю откровения делают возможным переход сознания за границу видимой жизни.

События и характеры, обретя свою эстетическую завершенность, перемещаются в символический, ассоциативный ряд. В эти моменты художественное чувство срастается с духовным созерцанием, с тем просветленным ощущением и видением бытия, о котором рассуждает герой леоновского «Вора» Федор Фирсов – собрат автора по литературному ремеслу: «<...> человеческая душа <...> желает с а м о л и ч н о (здесь и далее выделено Л. Леоновым. – А.Д.) созерцать все, из чего составлено бытие, то есть вечность, борьбу света с тьмой, начала и концы, а также все прочее, в чем требуется строгий, однажды в жизни выбор и раздумье <...>» [7, с. 461].

К метафизическому, образно-философскому «ядру» творчества Леонова нас ведет интуиция, сближающая реальное с идеальным, повседневное с нерушимыми бытийными установлениями. Писатель рефлексивного склада, он совмещает в своем художественном сознании три типа мышления: литературное, философское, религиозно-символическое. Данное триединство – причина согласного сочетания в творениях Леонова художественной силы и личного метафизического опыта, определяющего черты писательской образной онтологии.

Реальность для Леонова – многозвучная вселенная, не бездушный механизм, а живой организм – целостное мироздание. Его творческая идеология ориентирована на традицию русской метафизики, идущую от славянофилов, от Пушкина, Гоголя и Достоевского, опирается на их глубинное мышление, на обостренное созерцание жизни человека. Леоновский мир трансцендентных смыслов возникает из той же духовной материи, перенимая ее свойства и формы.

Общая метафизическая картина, сообщаясь с духовной средой автора, обладает дополнительными измерениями. Эта сокровенная сфера художественного сознания является предметом изображения, «раскрывается не в плане системы (философской, научной), а в плане человеческого *события*» [6, с.]. Сквозь сложную сеть меняющихся точек зрения проступает целостный взгляд художника, который, если сравнивать литературную профессию и столярное мастерство, как это делает Леонов, не слишком отличен от способа миропостижения у Пчхова – всезнающего героя романа «Вор»: «<...> виток за витком снимать древесные слои, раскрывать спрятанную под ними красоту, а сквозь нее – мысленно и безотрывно глядеть на объятый пламенем мир» [7, с. 132].

«Отрешенность от действительности, возмещаемая <...> прозрением вещей» [8, с. 10], станет отправной точкой развития сети метафизических смыслов в ранней прозе Леонова. Так, уже в рассказе «Деяния Азлазивона», написанном в 1921 году, можно обнаружить ключевые знаки леоновской метафизики. Для пересказа событий, имеющих религиозно-нравственную основу, избрана традиционная для христианства концепция трагического оптимизма. Бывшие разбойники, преображаясь, ищут спасения в построенном собственными руками скиту, но будут сокрушены в поединке с дьяволом.

Художественная ткань в этом рассказе сплетается из стилевых «нитей» древнерусской литературы, соткана из образов религиозного фольклора, в которых отразились надмирные основы человеческих поступков и судеб. Житийное начало пересекается здесь с легендарно-религиозным, создавая ситуацию *покаяния*. Борьба света и тьмы в душах бывших разбойников, становящихся монахами и, в значительной мере, метафизическими фигурами, заканчивается формально победой зла (гибелью многих покаявшихся). В сверхъестественном плане происходит обратное: сатана терпит поражение, трагедия преодолена духовной силой отшельников (ощущением Бога), что приближает их воскресение и спасение [6].

Метафизический образ человека и мира складывается у раннего Леонова из сказочно-фантазийных созданий сотворенной природы в «Бурыге», из символики карточной («Бубновый валет») и шахматной («Деревянная королева») игры; вырастает в духовно-национальном срезе жизни северной России («Гибель Егорушки»). Метафизика пореволюционной реальности отражена в библейских эпизодах «Ухода Хама», а символическая небесно-земная гравитация – «березовой рощи голубая тишина» – «определяет бытие и сущность Пигункова Якова» [9, с. 115].

В романистике 1920-х годов метафизическое мышление Леонова упрочится, перейдет в новое качество. Тексты «Барсуков» и «Вора», сохраняющие тесную связь с современностью, включают в себя еще один уровень, который станет самым существенным. Здесь представлены в особой духовной интенсивности проблемы смертного бытия человека. В этом внутреннем сюжете они уплотняются до конкретных образов-характеров. Выстраивая от произведения к произведению звенья своей художественной диалектики, Леонов отдает первенство четырем основным онтологическим идеям, актуализированным русской метафизической мыслью рубежа XX–XXI веков: Природы, Космоса, Истории и Бога.

Выделить форму мысли Леонова с стороны ее метафизики – значит установить в его текстах общую точку движения сознания, сопрягающую художественную и умозрительную сферы. Это и есть переходный момент в диалектике литературного слова и духовной концентрации, в осознании писателем своего отношения к миру, что мы и наблюдаем во всех леоновских произведениях. Однако путь к раскрытию метафизической стратегии Леонова непрост. Здесь многое зависит от способности войти в поток мысли писателя, ведущий к миру сверхчувственного, непознанного, трансцендентного. Здесь о многом говорят подробности, «подсмотренные сердцем», «навык проникать в хаос первоначального сочинительского замысла» [7, с. 498].

Обратимся к изначальным позициям понимания этого пласта творчества Леонова, представив, в силу необходимости, лишь некоторые оценки критиков.

Подступы к заявленной теме были сделаны достаточно давно. Аргументы в пользу мысли, что без рассмотрения основных принципов

метафизики Леонова невозможна интерпретация его художественного мира, выдвинуты в работах многих литературоведов, изучающих мировоззрение писателя-философа.

Нельзя не упомянуть в этой связи доклад Н. А. Грозновой «Грани леоновской метафизики», прозвучавший в год 95-летия художника, за несколько месяцев до его смерти. Н. А. Грознова обозначила присутствие в творчестве Леонова особой метафизической конструкции. Значимым в этом выступлении стал тезис о глубоком видении жизни, на которое опирается авторское «восприятие метафизической парадигмы мира» [20, с. 263]. А. И. Павловский находил истоки леоновского философского мышления в русском духовно-религиозном Ренессансе начала прошлого столетия. «Леонов, на мой взгляд, возник – как художник-философ – из культурно-философской, метафизической субстанции так называемого Серебряного века и пронес эту изначальную духовную энергию через всю свою долгую жизнь, пока она, эта энергия, не дала мощнейший и исключительный по силе свечения выплеск в романе “Пирамида”» [13, с. 4], – писал в одной из своих последних работ известный леоновед.

По наблюдениям А. Г. Лысова, метафизика Леонова проявляется в «сверхобразной структуре» писательского мышления. Она есть «“самодвижущаяся”, “самотворящаяся” духовная реальность, «воссоздающая внутри себя библейские сюжеты» [10, с. 18]. А «всемирная отзывчивость» как выражение «мирового оркестра» культурного творчества, многоголосицы людского духовного бытия послужила основой полифонии произведений писателя, в чем Леонов, по мнению исследователя, «конституционно родственен Достоевскому» [10, 15], его методу метафизического реализма.

Исследуя модель мира и человека у Леонова, А. Дуров обнаруживает ее сходство с выявленной М. М. Бахтиным онтологией неофициальной народной культуры в ее национальном, трагическом изводе [см.: 4]. Созвучие образных открытий Леонова с содержанием народного православия и с метафизикой личности у Достоевского становится основной идеей в работах В. С. Федорова [см.: 16; 17]. О метафизичности чисел и архитектоники романа «Пирамида» размышляет А. И. Ванюков [см.: 2].

Созревающая тенденция – видеть и изучать метафизическую подоснову образной системы Л. Леонова – путь к преодолению односторонних взглядов на его творчество. Даже те исследователи, которые колебались в оценках леоновской условности, сопряженности живописуемых им земных реалий с высшими сферами, ныне говорят о его стремлении « <...> подняться над стихией жизни, взглянуть на мир с некоей всеохватывающей высоты, позволяющей увидеть единство всего сущего, таинство бытия и человека» [18, с. 35].

Само метафизическое содержание образа трудно вычленишь из разного рода состояний души, духовных озарений. Метафизически полноценная мысль – это мысль, которая удерживает в сознании автора предельные

горизонты жизни и, одновременно, захватывает его собственное существо.

Такой мыслительный момент можно назвать, вслед за самим Леоновым – писателем философского склада – интуицией, прозрением, «качественным скачком сознания и чувства, обусловленным накоплением знаний и творческим напряжением» [18, с. 73].

Все наши дальнейшие рассуждения – это попытка охарактеризовать метафизические интуиции Л. Леонова и метафизическую проблематику романа «Вор». Роман занимает в наследии писателя особое место, поскольку его созданием завершается период поиска «своего голоса».

«Вор» – первая книга Леонова с отчетливо проявившейся метафизической структурой. Роман, посвященный доказательству «святости одного почтеннейшего табу – “не убий!”» [7, с. 592], вырастает в произведение, решающее проблемы греха-святости, бытия-небытия, лжи-истины. В нем особенно значителен подъем «человека без всякого орнамента» [7, с. 39] с прозаического, житейского уровня на уровень внутренних прозрений, а также переход личности от метафизического отчаяния к способности различать добро и зло.

В первое десятилетие своего творчества Леонову удалось выстроить философски-мировоззренческую систему, в которой не затушевывался ум героя, мыслящего о самом себе. Поэтому так часто леоновские персонажи задают вопросы, показывающие своей замысловатой конструкцией неизбывные противоречия человеческой души: «<...> еще не известно – что именно выше, священнее – люди или отвлеченная идея о благе людском, потому что если их просто так, без идеи и плана любить, то ничего не выйдет <...>» [7, с. 471]. Леоновские герои – это не только те люди, что «с маху ударяют по святыньке» [7, с.445], но и духовно-глубокие личности, тяготеющие «к пограничным с жизнью местам и мыслям» [7, с.344–345]. Поэтому, заглядывая за последнюю черту, они нередко встают над самой бездной: «<...> соблазнительней было оступиться туда, чем разбираться в хаосе скользких сомнений и пугающих открытий» [7, с.345]. Образы-персонажи Леонова выстраиваются в определенную систему, на острие которой – один или несколько искателей истины, жаждущих бытийной полноты. Остальные характеры, необходимые для обрамления центральных героев, как правило, становятся сколками первых. Так организована иерархия персонажей в «Воре». Подобная иерархия сохраняется и в последующих романах, что доказывает главенство центрирующих образов в леоновской полифонии человеческих характеров. Как в начальный период, так и на этапе зрелого творчества сознание автора концентрируется вокруг национально- значимых проблем. Во всех произведениях Леонова происходит перерастание событий и человеческих действий из плана реального в план духовно-ценностный.

Метафизическая проблематика становится в «Воре» всеобъемлющей. У Леонова почти каждый персонаж наделен способностью мыслить метафизически. «Не путай человека и его временную оболочку!» [7, с. 111], –

изрекает Митька Векшин, решающий по ходу повествования проблему греха/безгрешности.

Изучив персональную речевую партитуру, состоящую из словечек, из эмоций и воспоминаний леоновских героев, мы обнаружим множество мысленных шагов – фрагментов мироощущения, говорящих о метафизическом характере используемых словообразов. «Видимо, самым существованием вещи оправдывается ее назначение и смысл [7, с.41], – философствует самый, казалось бы, метафизически недостаточный герой «Вора». Векшин наделен «<...> недетской оглядкой на изнанку жизни», ощущением «<...> что мир – не просто игра голубых теней, что свет сплетается с тьмой, которая ему всегдашняя сообщница и соперница, а постоянное детище их – жизнь» [7, с. 69]. В таких суждениях, как и в своеобразных философско-метафизических понятиях: «человек без орнамента», «вещество и движение жизни», «на краешке бытия», «Бога в себе увидеть»; в притчеобразной символике отца Агафадора и в староверческой легенде о противоборстве Люципира и Бользыуба содержатся необратимые простые истины и высокая жизненная онтология. Сюда входит и та «наиважнейшая ценность бытия», та «искорка», «блестинка», в которой растворена память о прошлом: «пыль от развалин знаменитейших храмов или зов путника, заблудившегося на пике высочайшей мыслительной горы, а – для приправы – гнилая горечь повисшей в водной бездне грабительской бригадины, и христианского мученика кровинка, и пепла малая щепотка из еретицкого костра...» [5, с. 129].

Уже в прологе романа звучит возвышающая «сынов земли» мелодия, которая объединяет собой все метафизические уровни текста:

«”Вот лежат просторы незастроенной земли, чтоб на них родился, и, отстрадав свою меру, окончился человек <...>. Наполняя собой, подвигом своим и страданьем мир, ты, человек, заново творишь его...»

И только человеческим бытием все связано воедино в прочный и умный узел. Не было бы человека на ступеньке, в задумчивости следящего за ходом вещей, – не облетали бы с деревьев последние листья, не гонял бы их незримым прутиком по голому полю ветер – ибо не надо происходить чему-нибудь в мире, если не для кого!”» [7, с.9]. Здесь властвуют ментальные представления, окрашенные метафизикой православного человека – будь то категории бытия и небытия, времени и пространства, греха и искупления, Страшного Суда и все другие компоненты народно-религиозной картины мира.

Леонов разворачивает в романе структуру сакрального земного круга, используя метафизику календарного года. В «Воре» отсчет единого бытийного времени Леонов начинает со снегопада. Смыкается жизненный круг Векшина в заключительной главе романа, когда его приютят лесорубы в своем зимнем стане, а «всеведущий сочинитель» Фирсов будет наблюдать за детьми и воробьями, галдящими на мартовском снегу.

С помощью архетипических значений православных праздников и святых дней житейские эпизоды романа соотнесены с ритмами духовной жизни человека, а также – с небесным центром. Символическая аналогия двух миров устанавливает хронологию сюжетных событий. Временной цикл «Вора» – круговращение от зимнего Максима (21 января ст. ст.), со светлого праздника Пасхи (фатальная поездка Заварихина с Таней на беговой *качалке*) и Петрова дня в центре дуги, соединяющей начало и конец повествования, до Николая Угодника (6 декабря ст. ст.). В финале романа, когда Векшин находит на дне сундучка Доньки «благословение матери» «медный, старинного литья, с эмалью, образок угодника Николая Мирликийского, по народной примете – покровителя сбившихся с пути, заблудших и проливающих кровь» [7, с.555] ставится последняя точка и во внутреннем – трансцендентном – действии: участь Векшина безблагодатна, но и для него возможно прощение по ту сторону жизни.

В «Воре» метафизика бытия-небытия, временного и вечного наполняет заветным смыслом слова неграмотного ямщика – деда Николки Заварихина: «Окромя звезд в небе, настоящего-то почти и не видим мы мира, все больше видим руками сделанный, а чего они ни коснуться, людские жадные руки, то и обречено бывает несытому и смертному беспокойю. Берегися временного, внучек, а, напротив того, устремляйся к вечному!» [7, с.13]. Немало метафизических истин (горьких и светлых, радостных) в речах заварихинского дяди Емельяна, который побывал и солдатом, и иноком, повредил ногу в монастыре, прежде чем превратиться из Пухова в Пчхова, вследствие того, что, собственноручно расписывая вывеску для своей мастерской, позабыл он «в какую сторону обращена рогулька буквы У» [7, с. 14].

Значимая для Леонова метафизика народной жизни и русской истории получает отражение в человеческих образах и судьбах. Она прослеживается и в размышлениях Сергея Аммоныча Манюкина, на первый взгляд, столь антипатичного автору по мировоззрению: «Россия есть прежде всего живой народ, обитающий некое обжитое дедами географическое пространство» [7, с.445]. Авторский голос здесь явственно вторгается в повествование.

В одном из своих писем Леонов как бы ненароком обронил фразу: «Меня не покидает евангельское ощущение, что я не от мира сего» [14, с. 477]. Как метафизически одаренный писатель, автор «Вора» сосредоточен на выражении бытийных разрывов, на моментах перехода от расплывчатых очертаний будущих образов к их художественной полноте. Это и есть эмпирическое основание метафизики. Творческая метафизика основывается на духовном опыте автора, на его внутренних психологических состояниях. С ним соединен литературный, изобразительный, эстетический опыт. Подтверждением этому может служить характеристика процесса рождения образно-философской плоти у сочинителя Фирсова: «Начиналась мучительная пора, когда только что проступившие из небытия еще зыбкие герои, в чужой пока, перепутанной одежде, с неустоявшейся речью, занимают

отведенные им места, и требуется ужасное напряжение воли, какое-то почти магическое слово – заставить эти клочья ожившего тумана вступить в правдоподобную игру, смеяться и плакать – так, чтоб над ними прослезились современники» [7, с. 125].

Такое глубинное, почти мистическое чувство стало плодом выхода творческой личности за пределы своего сознания. Фокус художественной интуиции, связывающий Леонова с импульсами и началами метафизики выработан благодаря «внутреннему состоянию мыслящего духа» (И. В. Киреевский), в котором возникает особенное художественное зрение.

Целый ряд принципов, организующих метафизические основания художественного произведения, демонстрирует Леонов в «Воре». Таковы принципы множественности человеческих сознаний, зеркального отражения высших ценностей – веры, духовно-жизненной неделимости мысли и дела, любви к мирозданию – в «двоемирном» (земля – небо) пространстве. К художественно-философскому «ядру» творчества Леонова нас ведут метафизические формулы, сближающие реальное с идеальным, повседневное с нерушимыми законами вечности.

В символической зеркальности появляется сравнение творчества писателя с воровской профессией: «Собственно, я ведь тоже вор, секретно брожу по жизни, тащу к себе в суму, что глянется: мечтаныще из девичьего тайничка, объятишко в чужом окне... конечно, если закаташ-ко подходящий навернется либо затоптанное в грязь перо жар-птицы, и их туда же» [7, с.125].

Книги Леонова наполнены рефлексией, сконцентрированной на незримых процессах постижения закономерностей бытия. Изображая рождение мысли из чувственных глубин человека, он обнаруживает драматические мыслительные пласты в каждой из реальностей: и в жизненной, материальной, и в уходящей в метафизические глубины. Произведения Леонова – переживание в себе «более земных», состояний добра или негативных, «дефектных» движений человеческой души в качестве мысли о них. Это всегда сопряжение собственного внутреннего опыта с символическим опытом национальной культуры, переход от поверхностных смыслов к скрытому метафизическому содержанию значимых событий и фактов. В этом стремлении художника найти связку сознания с действительностью, продемонстрировать ее духовные измерения, приоткрываются метафизические основы жизни.

Попробуйте изъять эти «блестинки» из идейно-образной структуры леоновской малой прозы, из романов и пьес, из его эссеистики и, наконец, романа-откровения «Пирамида». Без акцента на леоновской метафизике невозможна трактовка его творческой личности как писателя- диалектика. Он соединил в своих произведениях философию персонализма (наличие в человеке духовно-смыслового центра, обращенного к нравственным заветам христианства) с представлением о духовно- реальном единстве людей, некогда живших и ныне существующих в пространстве Руси-России, чья

загадка в том и заключается, «что даже в пору благополучия никогда не обольщалась настоящим, а всегда добивалась в жизни высшей чистоты, жила смутной надеждой на лучшее впереди...» [7, с.293].

«Бог и я – несоизмеримое. Представление о Боге – показатель интеллекта автора. Бог нужен; это – единственное окно, через которое можно разглядеть большие масштабы», – заметил как-то Леонов» [20, с. 263]. Главная черта леоновской метафизики – это воссоздание в образах скрытого, «потаенного» единства вселенной, выход за границу реального мира через обрисовку его многоликости, драмы индивидуального человеческого сознания. Место человека внутри окружающей реальности, его отношение к миру и попытки преодоления им своей обособленности, своего неверия, его личностное укоренение в жизни, составляют центральные идеи метафизики Леонова. Истоки ее – в чувстве причастности абсолютным сферам, в умении художественно воплощать всю сложность, многомерность и богатство «сокровенной прелести мироздания» [7, с.515]. В этой причастности писатель непрестанно уверяет читателя, создавая контекст, объективирующий авторское миропонимание: « <...> любое на свете – дождевая лужа или отразившаяся в ней галактическая туманность – одинаково являются высшими примерами инженерного равновесия, то есть математической гармонии и в конце концов неповторимым чудом; удел художника в том и состоит, чтобы раскрыть тончайшую механику сил, образующих это явление» [7, с.216].

Рассмотренная эстетическая стратегия демонстрирует еще одну закономерность художественно-философской мысли Леонова: в познании жизни он не проводит строгих границ между событийным, психологическим и рефлексивным пластами повествования. И все же, на наш взгляд, есть у художника та творческая установка, которая связывает воедино все его творения, которая лежит в их начале. По мнению В.С. Воронина, творчество Леонова оптимистично даже в самом чёрном пессимизме, когда, казалось бы. изменяют все опоры самостояния человека». В онтологическом пространстве леоновских произведений «наблюдается скрытая игра противоположностей, реализованных или только ещё намечающихся возможностей, расщепление единого на части, на детали, сквозь каждую из которых просвечивает целое и сверхцелое» [3, с. 163].

Неверно отождествлять метафизику писателя исключительно с онтологической проблематикой его творчества. Вопрос о Бытии – самый существенный для писателя-философа, ставящего перед собой задачу проникнуть в сущность окружающего мира. Духовное начало, которое пронизывает мир Леонова, делает возможной изображение тесной связи вещей и явлений, человеческой истории и личности в особом ракурсе. Мысль художника, основываясь на сверхчувственных принципах бытия [см. об этом: 20], сопрягается с авторским онтологическим взглядом.

Это осознанная, выношенная метафизическая «догадка о бытии»,

объясняющая все противоречия российской цивилизации и русского характера. Она позволяет относить Леонова к ряду писателей с ярко выраженным духовно-национальным типом творчества. Только уяснив принципы леоновской метафизики, выраженной не в загодя припасенных философских теориях, а в поисках живой истины, в стихиях самой жизни, можно понять его место и роль в контексте мировой и отечественной литературы. Собственно, метафизическая субстанция эстетики и скрепляет Леонова с метафизикой русской литературы, с её творческой аксиологией и гносеологией – с метафизикой национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском [Текст] / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Ванюков А. И. «Пирамида» Л. Леонова: пирамида романной структуры [Текст] / А.И. Ванюков // Духовное завещание Леонида Леонова. Роман Пирамида с разных точек зрения. – Ульяновск: УлГТУ, 2005. - С. 197–208.
3. Воронин В.С. Миражи истории и метафизический образ мышления в прозе раннего Л. М. Леонова //Своеобразие и мировое значение русской классической литературы (XIX — первая половина XX столетия). Идеалы, культурно-философский синтез, рецепция: кол. монография /сост., отв. ред. А.А. Дырдин. – М.: ООО ИПЦ "Маска", 2017. - С. 163-182.
4. Дуров А. А. Народно-трагическое в леоновской модели мира и человека / А. А. Дуров // Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке. – СПб.: Наука, 2002. - С. 93–100.
5. Гумбрехт Х.-У. Чтение для «настроения»? Об онтологии литературы сегодня, пер. с англ. Н. Мовниной //Новое литературное обозрение : Теория и история литературы, критика и библиография. - 2008. - №94. - С. 22-28.
6. Дырдин А. А. «Вера познает мир». Духовное и природное в рассказе Л. Леонова «Деяния Азлазивона» // Духовное завещание Леонида Леонова. Роман «Пирамида» с разных точек зрения. – Ульяновск: УлГТУ, 2005. С. 249–258. См. также: Дырдин А.А. Проза Л.М. Леонова: метафизика мысли. Монография. / А.А. Дырдин – М.: Издательский Дом «СИНЕРГИЯ», 2012. – 294с.
7. Леонов Л. М. Вор. // Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. / Л.М. Леонов – М.: «Художественная литература», 1982. – 614 с.
8. Леонов Л. М. Пирамида. Роман. / Л.М. Леонов – М.: «Голос», 1994. Т. I. – 736 с.
9. Леонов Л. М. Случай с Яковом Пигунком / Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. Т.– М.: «Художественная литература», 1981. – 502 с.
10. Лысов А. Г. «После Леонова»: десять лет// Духовное завещание Леонида Леонова. Роман «Пирамида» с разных точек зрения. – Ульяновск: УлГТУ, 2005. – 315 с.
11. Ноговицын О. М. Поэтика русской прозы. Метафизическое исследование. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1999. – 162 с.
12. «Надо искать философский, религиозный ключ, переводить происходящее в высший регистр...» Из бесед Л. М. Леонова с Н. А.

Грозной (публ. Т. М. Вахитовой) // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб.: Наука, 2004. – С. 5-27.

13. Павловский А. И. Звено разорванной цепи (Феномен Леонова) // Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке. – СПб.: Наука, 2002. – 167 с.

14. Письма Леонида Леонова В. А. Ковалеву (1948–1993) // Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов – А. Платонов – Л. Леонов. 1995. – СПб: «Наука» - 500 с.

15. Семенова С. Г. Метафизика русской литературы: В 2 т. – М.: Издательский дом «ПоРог», 2004. Т. 1. – 524 с. Т 2. – 512 с.

16. Федоров В. С. По мудрым заветам предков: Религиозно-философский феномен романа Л. Леонова «Пирамида». // Русская литература. 2000. – № 4. – С. 46–58.

17. Федоров В. С. Роман Л. Леонова «Пирамида» и традиции Достоевского [Текст]// Духовное завещание Леонида Леонова. Роман «Пирамида» с разных точек зрения. – Ульяновск: УлГТУ, 2005. - С. 83–89.

18. Хрулев В. И. Художественное мышление Леонида Леонова. / В.И. Хрулев – Уфа: Гилем, 2005. – С. 35. См. также: Хрулев В.И. Художественное мышление Леонида Леонова: Монография. 2-е изд., испр. и доп. Часть 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 320 с. Часть 2. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 326 с.

19. Эпштейн М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. / М. Н. Эпштейн – М.: Высшая школа, 2006. – 559с.

20. Юбилейная конференция, посвященная 95-летию Леонида Максимовича Леонова // Русская литература -1995 - № 3. - С. 261-266.

**КАКАЯ ФИЛОСОФИЯ НУЖНА ИНЖЕНЕРУ?
(к вопросу о специфике предмета, задач и функций
философии науки и техники)**

Е.Ш.ТАШЛИНСКАЯ

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

**WHAT PHILOSOPHY DOES AN ENGINEER NEED?
(To the question of the specifics of the subject, tasks and functions of the
philosophy of science and technology)**

E.SH. TASHLINSKAYA

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Раскрывается место и роль современной философии в системе высшей школы, обосновывается методологический статус и аксиологический потенциал философии науки и техники. Показана ведущая роль философии в

формировании профессиональной культуры будущего инженера, возможности ее идейной, категориальной и ценностной сущности в разрешении кризиса цивилизационного развития.

Ключевые слова: философия науки и техники, профессиональная культура, инженер, образование.

Сегодня в рамках проекта цивилизационного развития, поставленного на повестку дня для обсуждения академическим сообществом и профессиональным сообществом философов, актуальным становится переосмысление вопроса о месте и роли философии и как феномена культуры, и как типа мировоззрения и, что не менее (а, вероятно, даже еще более) важно, ее статуса в системе высшего образования.

В преодолении кризиса современного общества особое место по-прежнему принадлежит науке и технике, поскольку изменение общественных отношений непосредственно зависит от производственно-технологических факторов и условий. Не абсолютизируя их роль, все же хотелось бы отметить, что сциентистские, позитивистские, техницистские установки (точно также как и антисциентистские, антитехницистские) оказываются сегодня либо недостаточными, либо не отвечающими запросам современного общества и не способны давать конструктивной развертки научного дискурса в русле идеалов и норм постнеклассической стадии в развитии научного познания.

Непрекращающийся спор о завершенности (либо продолжении) просвещенческого проекта (эпохи модернити) обеспечивает поворот философии в сторону прикладных проблем, что обусловлено социокультурной динамикой и необходимостью решать вновь возникающие проблемы и противоречия совместными усилиями специалистов естественнонаучного, научно-технического и гуманитарного профиля.

Ввиду произошедших перемен в отечественном образовании студентам нефилософских специальностей в высшей школе сегодня преподают не только систематический курс философии, но также для магистров и аспирантов читаются курсы по философским проблемам науки и техники, методологии научного творчества, разрабатываются курсы по философско-методологическим аспектам научно-исследовательской и проектной деятельности. В свое время (90-е гг. прошлого века) пристальное внимание философии к гносеолого-эпистемологическим аспектам, проблемам аналитической философии, прикладным проблемам науки и техники вызвало широкую дискуссию в среде научной общественности; в газете «Поиск» шло бурное обсуждение вопроса о необходимости внедрения новых программ в образовательную сферу. Объективная логика социальной действительности и процессов, происходящих внутри самой философии и шире – познания – таковы, что возобладали позиции, которым неуклонно (и справедливости ради

стоит отметить – честно) следовали представители философии и методологии науки.

Решение вопроса о том, что собой представляет философия, каково ее объектно-предметное содержание, структура и функции, какие основные проблемы она разрабатывает, остается во многом открытым, что не исключает вполне конкретных (но не раз и навсегда данных и всех удовлетворяющих) ответов. Поливариативность, многоаспектность философской тематики, следование принципу свободомыслия и методологического плюрализма, оценочный характер и наличие субъективных интерпретаций при сохранении принципа объективности, парадоксальность ответов, эвристичность и принцип критицизма – вот те ключевые особенности философского мышления, которые не только являются специфическими признаками данной области, но и способствуют формированию творческого подхода и мировоззренческих позиций у будущих специалистов.

Особенно актуальным представляется преподавание философии науки и техники для студентов, обучающихся на инженерных специальностях. Основными задачами данного курса считаем следующие: а) гуманизация инженерной деятельности и гуманитаризация инженерного образования; б) осмысление техники как социокультурного феномена, раскрытие ее сущности, этапов исторического развития; в) составление социальных проектов с разработкой идеалов и норм научно-технической деятельности, идеальной модели личности инженера как профессионала-гуманиста.

Под философией науки и техники мы понимаем раздел философии, исследовательский «срез», предметом которого является осмысление общей структуры, закономерностей возникновения и развития науки и техники. Важнейшая задача философии науки и техники – изучение механизма взаимоотношения философии и науки, науки и техники, их философских оснований, а также смежных, «пограничных» проблем философии, науки и техники, взаимодействия техники и других сфер культуры, науки и других форм общественного сознания, человека и общества, техники и природы, возникновения междисциплинарных связей и др. (в этом же ракурсе философию науки трактует, в частности, С.А. Лебедев [3]).

Основными вопросами философии науки и техники являются ее традиционные предметные интересы, а именно: онтологические, гносеолого-эпистемологические, логико-методологические, аксиологические, праксеологические, идеологические вопросы развития науки и техники.

Из задач философии науки и техники можно вывести ключевые функции, которые данная предметная область реализует:

- аналитическая, позволяющая давать анализ исторических форм осуществления технической и инженерной деятельности, исследовать сущность техники в единстве различных позиций, учений, философских

систем, выявлять проблемы, осуществлять их актуализацию и решение на определенном социально-историческом этапе развития, устанавливать объективные законы и закономерности технического развития. Техника проходит ряд этапов в своем становлении и развитии, при этом важно понять эволюционные и революционные формы ее трансформации, качественные сдвиги. Философия науки и техники изучает особенности научно-технологической революции и научно-технического прогресса, их влияние на изменение характера общественных отношений;

- осуществление методологической рефлексии, ведущее к поиску и выработке, обоснованию способов, методов, средств и принципов познавательной деятельности, а также разработке особых понятийных структур, категориального аппарата (в том числе таких, которые становятся универсалиями культуры [4], и служат культурными кодами, «матрицей»); особое место при этом занимает системный подход и структурно-функциональная методология, исходным пунктом для раскрытия которых служит диалектико-материалистическая традиция с богатым эвристическим значением и гуманистическим потенциалом;

- аксиологическая, состоящая в выяснении ценностей, норм человеческой жизни, связанной с техникой, смысла существования и воздействия техники, ее влияния на перспективы жизнеосуществления человека и общества; в этом ракурсе рассматриваются и обосновываются проблемы долга, справедливости, идеала, красоты, блага, что находит отражение в разработке таких понятий и категорий, как «профессиональное мышление», или стиль мышления, техническая эстетика, профессиональная этика, кодекс инженера, этос ученого, идеалы и нормы научного исследования, проблема личности инженера как система качеств, необходимых для профессионала, этика речевой коммуникации, деловое общение, предназначение и статус специалиста, место и роль профессии в обществе (в данном контексте – ученого и инженера);

- прогностическая, выражающаяся в осмыслении сценариев будущего, возможных форм бытия человека и предметных взаимодействий в условиях, когда техническая реальность, технологические решения стали неотъемлемым условием существования общества, пронизывают не только производственные отношения, трудовую деятельность, но также вторгаются в сферу идеального бытия, творчество и духовный мир человека, пропитывают разного рода иные социальные практики – бытовую сферу, сферу услуг, образование, художественный мир с его изысканиями, вносят изменения в природные условия; это попытка обосновать новые способы взаимодействия в системе «человек - техника», «техника - природа», «наука-производство» и т.п. Это также решение вопроса о воздействии научно-технического прогресса на нравственность человека, о границах/безграничности познания;

- праксеологическая, реализующаяся через решение вопросов осуществления практической деятельности, обсуждение актуальных проблем социальной действительности, методики и методологии технического творчества.

Таким образом, из постановки и решения обозначенного круга проблем и задач, стоящих перед философией науки и техники, следует, что данная область имеет интегративный характер, выявляет и устанавливает междисциплинарные связи и подходы, поскольку вынуждена обращаться к фундаментальным законам естественных и технических наук, формулировать философские вопросы по важным аспектам, интересующим различные стороны, обращаться и к социогуманитарным дисциплинам.

Одна из фундаментальных задач философии науки и техники – разработка основ профессиональной инженерной культуры. В рамках осмысления сущности профессиональной культуры инженера теория коррелирует с практической деятельностью, а оценка эффективности практической деятельности осуществляется в зависимости от социокультурных последствий ее результатов (профессиональной этике как прикладной уделяют особое внимание отечественные исследователи Согомонов Ю.В., Бакштановский В.И.[1], Гусейнов А.А.[2]).

Здесь возникают всевозможные коннотации, проблема меры социальной ответственности. Профессиональные действия, трактуемые как «дополнение» к элементарным биологическим потребностям и экономической мотивировке, приобретательству и «квалифицированному» потребительству, сегодня обретают более широкую культурную перспективу, особенно в сочетании с этическими смыслами и значениями. Речь идет о необходимости углубленной разработки норм и принципов профессиональной этики [5]. Философия науки и техники уделяет должное внимание нормативно-ценностным аспектам, проблемам гуманитарной оценки (социально-этической, экологической экспертиз научно-технических проектов), воспитанию чувства меры, этической ответственности [6]. Философия науки и техники также учитывает общественную ситуацию, осмысливает основания возникновения проблем науки и техники, обозначает и актуализирует их в качестве неотложных, открытых проблем.

Техника в ее разработке и использовании не может ограничиваться ориентированностью только на представления о полезности, успехе, карьере, удовольствии, поскольку эти ценности и принципы имеют относительный характер. При этом из общественного сознания вымываются и нивелируются идеи и ценности солидарности, долга, чести, справедливости, репутации, корпоративного духа, предназначения и призвания, служения и миссии, - одним словом, все то, что организует пространство профессиональной культуры в единстве с гуманистическими ценностями и идеалами. Решение этических проблем позволяет развивать нравственную компоненту личности

будущего специалиста (инженера в данном контексте) и менять мораль общества как ценностно-смысловое ядро мировоззрения, что создает предпосылки для самоопределения и конституирования образа будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок // В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов - Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. – 378 с.
2. Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике // Ведомости Научно-исследовательского Института прикладной этики. Вып. 25: Профессиональная этика / А.А. Гусейнов. - Тюмень: НИИПЭ, 2004. - С. 148-159.
3. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). / С.А. Лебедев — М.: Академический проект, 2008. — 692 с.
4. Степин В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин - М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.
5. Ташлинская Е.Ш. Ответственность инженера: метафизический и социальный контекст // Наука, теория, практика авиационно-промышленного кластера современной России. Материалы III Международной научно-производственной конференции, приуроченной ко Дню Российской науки и 95-летию гражданской авиации России. (г. Ульяновск, 8 февраля 2018 г.) : сборник научных трудов / Е.Ш. Ташлинская – Ульяновск: УлГТУ, 2018. – С.254-266
6. Tashlinskaya E. Sh. Professional culture and professional ethics: view from Russia // Dialogue and Universalism. Journal of the International society for universal dialogue. 2018.-№2. -149-159 pp.

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ГЕНЕЗИСА НАУКИ: ФАКТОР ВАРВАРСКОГО МИРА

М.П. ВОЛКОВ

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

THE PROBLEM OF SOCIOCULTURAL DETERMINATION OF SCIENCE GENESIS: THE FACTOR OF BARBARIAN WORLD

M.P. VOLKOV

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Рассматривается процесс генезиса науки в античной культуре, выявляется детерминация этого процесса со стороны варварского мира, реализующаяся в создании такого ответа на вызовы времени, как наука.

Ключевые слова: генезис науки, античная цивилизация, варварский мир, религия.

Превращение науки в мощный фактор цивилизационного развития привело к появлению ряда негативных явлений, связанных с ее бытием в качестве ядра культуры техногенной цивилизации (утрата единства научного знания, неспособность дать ответы на ценностно-мировоззренческие вопросы бытия человека, опасность антигуманного использования результатов научных исследований и т. п.).

Складывающаяся современная информационная цивилизация формирует отношение к знанию как к информации, которая способна устранять неопределенность в ситуациях принятия решений. «Научно-техническое знание становится инструментом власти и используется для манипулирования природными и социальными процессами» [5, с. 43]. Так, наука исследует психику человека не для того, чтобы помочь ему отыскать ответы на смысложизненные вопросы его бытия, а чтобы посредством использования полученных знаний в PR-технологиях добиться ожидаемого, а нередко и попросту заказанного результата. За подобной циничной формой применения информации скрывается отрыв знаний от жизненных, этических ценностей.

Итогом сложившейся ситуации явилась переориентация массового сознания в его оценках науки: естественное для сциентизма, уходящего своими корнями в идеологию Просвещения, восторженное восхваление науки сменяется потоком разоблачений и развенчаний, исходящих из антисциентистски ориентированного лагеря. Наука подвергается критике за несопоставимость затрат и получаемых результатов; за неспособность решить смысложизненные вопросы бытия человека, что расценивается как проявление ее духовного бессилия; за ее превращение в подобие некоего элитарного клуба, в котором только собравшиеся за одним столиком по профессиональному признаку способны понять друг друга (и то не всегда), не говоря о профанной публике; за опасности, связанные с возможными последствиями применения достижений науки и затрагивающими сферу частной жизни, традиционную культуру, психику и телесность человека; за неспособность просчитать отдаленные последствия направляемой «чистой любознательностью» маниакальной страсти к экспериментированию с процессами и эффектами фундаментального характера; за замену человеческих способов решения человеческих проблем обоснованными наукой технологиями: порождаемые верой в их эффективность надежды в случаях крушения оборачиваются массовым разочарованием и сокрушением идолов.

Осознание комплекса проблем, связанных с бытием науки как мощного цивилизационного фактора в системе современной культуры, вылилось в

движение мысли по нескольким векторам, среди которых одним из постоянно привлекающих к себе внимание исследователей предстает разработка проблем генезиса науки, интерес к которым значительно усиливается в кризисные периоды, переживаемые ею. Именно в такие моменты мысль упорно возвращается к истокам всякой социально значимой формы жизнедеятельности человека, его самоорганизации – брак и семья, политика и власть, религия и церковь и т. п., для того чтобы ответить на главный вопрос: является ли кризис результатом «первородного греха» того или иного социального явления, находящегося в неблагоприятном состоянии, или следствием ошибок, которые могут быть устранены и процессам будет придано соответствующее их природе направление.

Обращение философии к проблеме генезиса науки представляется, в контексте сказанного, явлением естественным и необходимым. Оно выступает предпосылкой ответа на фундаментальные вопросы, связанные с бытием науки: было ли возникновение науки необходимым итогом эволюции культуры или случайным – своеобразной мутацией, сбоем ее (культуры) развития? насколько адекватны сущности науки сформировавшиеся уже в античной научно-рационалистической парадигме идеалы и нормы научного исследования? – вопрос не праздный, принимая во внимание, что наука в своей истории переживала трансформации, заставлявшие усомниться в принадлежности существующей формы познания к науке; необходима ли для науки подпитка со стороны других форм постижения мира – мифа, религии, искусства, философии, или она способна развиваться, опираясь на свойственные мышлению импульсы любознательности, простоты, систематизации и т. п.? наука в культуре античной цивилизации – это норма для ее истории или уникальное явление? и т.п.

Возникновение феномена науки как специфической формы мыследеятельности в горизонте социокультурной парадигмы ее (науки) исследования предстает естественным итогом взаимодействия таких детерминант, как *логика эволюции культуры, уникальный комплекс социокультурных факторов, сложившихся в античной Греции и наличие на границах греческой ойкумены варварского мира, от которого исходят Вызовы, требующие поиска Ответов.*

Не обращаясь специально к анализу механизма действия первых двух детерминант, обстоятельно раскрытых в наших работах [1;2], перейдем к рассмотрению третьей.

С Вызовами, исходящими от варварского мира греческая цивилизация сталкивается, встречаясь с варварским миром в открытых военных столкновениях и в ходе этно-культурных контактов в процессе колонизации новых территорий. В обоих случаях для греческого мира речь идет об опасности утраты своей культурной идентичности, причем опасность во

втором случае более страшна, так как не несет непосредственной угрозы и не требует постоянной этнокультурной дисциплины.

Колонии как компонент экономической и политической жизни общества основывались во все эпохи. Причинами их появления были вытеснение старых родов новыми; изгнание обедневших старых родов нарождающимися нуворишами; желание правящих элит избавиться от переизбытка безземельного населения, представляющего собой источник смут и потрясений; потребность в постоянных стоянках и портах для растущей морской торговли, во ввозе сырья для развивающихся ремесел. Результатом действия комплекса названных причин было появление пояса греческих колоний, простирающегося от областей донских казаков – на севере до оазисов Сахары – на юге и от побережья Черного и Эгейского морей – на востоке до берегов Испании – на западе. Колонии были тем местом, где история «ставила» опыты взаимодействия и смешения народов – в данном случае греческих народностей с негреческими. В этом этнокультурном тигле формировалось сознание, свободное от прежних родовых предрассудков и национального эгоизма, способное принять новые обычаи и культурные формы как норму жизни. В этом историей поставленном эксперименте выковывалась личность, полагающаяся на себя, свои способности и дарования. «Колонии, – отмечает Т. Гомперц, – были как бы огромными ”опытными полями” эллинского духа, на которых он мог испытать свои способности при наибольшем разнообразии условий и развить все дремлющие в нем задатки» [3, с.11].

Колонии были тем местом, где история «ставила» опыты взаимодействия и смешения народов — в данном случае греческих народностей с негреческими. Обосновывающиеся на новых местах греческие колонисты сталкивались с необходимостью решения сложной двуединой проблемы: с одной стороны, наладить контакт с другими народами — носителями иных цивилизационных принципов и культурных ценностей, с другой — сохранить собственную идентичность.

С особой остротой проблема поиска Ответов на Вызовы времени встала перед «творческим меньшинством» античного мира в IV в. до н.э. – в связи с образованием империи Александра Македонского. В результате завоевательных походов в орбиту античной цивилизации был включен мир, разительно отличающийся от греческого способом хозяйственной деятельности, принципами организации политической жизни, религией, менталитетом, ценностями, обычаями. Культура ведет стихийный поиск единого основания, способного обеспечить обоснование ценностей культуры и стратегий жизнедеятельности, общих для столь разнородных частей мировой империи.

Могла ли этим основанием стать античная религия – религия страны-победителя? Нет, не могла в силу разительного контраста религиям Востока.

Во-первых, боги античного пантеона антропоморфны, что свидетельствует о развитости общественных отношений, о разрыве пуповины, связывающей человека с природой, о его доверии своему разуму и нравственному чувству. Боги восточных религий нередко зооморфны (покровитель умерших у египтян Анубис изображается как шакал или человек с головой шакала, Сет – древнеегипетский бог грома и хаоса предстает наполовину свиньей, наполовину ослом, Себек, которого в Древнем Египте во втором тысячелетии до н.э. почитали как верховное божество, изображается в виде крокодила, бог мудрости Тот изображается в виде бабуина, богиня войны Сехмет – с головой львицы и др.; древнеиндийский бог мудрости Ганеша изображается с головой слона, имеющим четыре руки и один бивень, Шива, один из верховных богов индуизма, изображается с четырьмя руками и третьим глазом, расположенными посреди лба, на его шее висит змея, вторая обвивает талию, другие змеи – руки и т.п.), что говорит о слитности человека с природой, о ее обоготворении.

Во-вторых, античная религия, продолжая сформировавшееся еще в мифе отношения к миру как космосу, несет в себе мощный заряд оптимизма. Если древнего грека постигала в делах неудача, то винил он в этом не богов, охраняющих гармонию космоса от прорыва в него хтонических сил, хаоса, а себя за действия и поступки, разрушающие гармонию.

С иной картиной сталкиваемся на Востоке. Вавилонская религиозная традиция породила страшную по своей безысходности теорию «соответствия». Согласно этой теории – впоследствии стоицизмом был создан ее европеизированный вариант – небеса и земля дублируют друг друга, и то, что происходит на небесах, воспроизводится и на земле. Постоянство движения земной сферы по теории «соответствия» приводит к предопределению всех земных событий, не исключая и действий человека, ибо он является микрокосмом, а его душа – отблеск небесного огня, горящего в звездах. Все действия человека оказываются определяемыми вселенской по своим масштабам аморальной силой, не знающей ни любви, ни ненависти, но слепо следующей ходу вещей.* Эта чудовищная по своему воздействию тотальная сила лишала человека исторической перспективы и могла породить у него мысли только о собственном ничтожестве и стремление растворить свое «я» в одной из социальных тотальностей, найдя под ее сенью защиту от ужасов, творимых игрой небесных сил.

Во-третьих, античная религия как социетальный тип мировоззрения, сформировавшийся в пространстве рациональной культуры, хранит в себе

* Стоическая судьба, несмотря на кажущееся сходство с вавилонским роком, ближе к моральному провидению, изначально обремененному заботой о людях. Мораль была незримым судьей на ринге, помогая человеку сносить удары противника, находящего в другой «весовой» категории.

пиетет перед разумом. Она есть по преимуществу религия света, порядка, логоса. Уже в гомеровскую эпоху разум считается единственным средством спасения мира от распада. Ищущий спасения от титанов Зевс обращается за советом к Ночи:

О мать, высочайшая из богинь, священная Ночь! Как, скажи мне,
Как сделать постоянным владычество над богами?
Как все должно стать для меня единым и однако ж каждое
остаться особым?

На это Ночь отвечает:

Кругом охвати вселенную бесконечным Эфиром и прими внутри
себя

Небо, а в нем – могучую землю вместе с морем

И всеми чудесами, украшающими небо.

Так на всю вселенную положишь неразрывную связь,

И из Эфира готова золотая цепь

Тем самым признается, что «только Нус, Интеллект (Эфир) сможет удержать вселенную от распада в результате господства меона»[4, с.80-81].

Разумное начало, присутствующее в античной религии, с одной стороны, ориентирует людей на расширение сферы гармонии в земной жизни, с другой, - делает ясными, поддающимися разумному толкованию отношения между богами и между богами и людьми.

Статус восточных религий являет собой разительный контраст статусу греческой религии в качестве одной из испостасей рациональной культуры.

«Начиная с Геродота, – пишет Б.А. Тураев, – египтян называют самым «благочестивым» народом, и это верно с точки зрения того значения, какое имела в их жизни религия и ее предписания» [6,с.12]. Контрасты, свойственные всем без исключения религиям, в египетской оказываются наиболее разительными. Борьба монотеистических и политеистических тенденций, разнообразие местных кланов божеств (причем одно и то же божество в разных регионах выполняло различные функции), чрезвычайно запутанный характер их субординации, меняющийся в зависимости от места обитания богов, развитый фетишизм, – все эти характеристики отвергали саму возможность внесения логики в область религиозных феноменов. Это же создавало богатейшие возможности для религиозных спекуляций жрецов, сопоставлявших богов разных номов и объединявших их под одним именем. Так, объединение фиванского бога Амона и гелиопольского бога Ра привело к появлению Амона-Ра. Амон сопоставлялся и с другими богами: Атумом, Хепри, Ра-Хараhti, Минном, Пта, Хнумом, Себеком, Шу, Хапи, Монту.

Крайняя запутанность отношений богов друг с другом имела своим следствием монополию жрецов на толкование природы богов и их отношений с людьми.

Влияние религии Озириса, бога семейного и общинного уклада жизни, прообраза любящего супруга, было умело использовано верховной властью в качестве средства освящения и консервации существующей организации общественной жизни, области семейно-нравственных отношений. Люди и боги древнего Египта в равной мере были заинтересованы друг в друге: «египтянин любил жизнь всем существом своим и не мог помириться с мыслью о смерти, это он тысячу раз подчеркивал в надписях на гробницах, это же заставляло его всегда думать о смерти, о способах преодоления ее» [6, с.22]. В своих мистических иллюзорных представлениях он побеждал ее, превращаясь в ритуале погребения в ожившего Осириса, но, в свою очередь, «и боги для поддержания своего бессмертия нуждаются в сложном культе, представляющим в значительной степени подобие заупокойного» [6, с.29]. Бог получает из рук жреца ток жизни, как больной или одержимый, он пользуется благами жертвоприношений и даров, благодаря магическим свойствам голоса жреца, совершающего богослужение. Стремление продлить жизнь за границы земного бытия и разрешить вечную загадку смерти связывает в единый узел судьбы людей и богов.

Борьба за существование на земле и безумная жажда пережить себя после смерти – вот что овладевает всеми умами. И озирийный ритуал, вошедший во всеобщее употребление к концу третьей династии, дал египтянам великую иллюзию вечной жизни. Отныне Озирис становится образцом, которому подражает все живущее на небе и на земле, и все, обреченное на смерть. Всякий смертный человек мог надеяться стать богом: в день похорон старший сын заявлял, что он Гор и Тот, и повторял над своим отцом обряд великой мистерии, уподоблявшей последнего Озирису.

Культ богов и мертвых был до того пропитан магией, что невозможно провести разграничительную линию между молением и жертвоприношением богу и колдовством и магическим святотатством. Магические формулы относятся к самой отдаленной древности и являются одной из самых существенных частей египетской религии. Для древнего египтянина вся вселенная была населена сознательными силами: человек находился под угрозой действия его могучих противников – это заставляло его искать оружие против них. Только тот имеет власть над существами и предметами, одаренными гением, кто применяет способы симпатической магии. Маг искушен и в предвидении, заклиная судьбу прорицаниями и выведывая ее тайны гороскопами, для чего ему приходится прибегать к помощи астрономии. Магу ведом удел, предначертанный смертному богинями-феями, ибо каждый год, каждый месяц, каждый день и час находятся под влиянием какого-нибудь бога или светила.

Магия подменяет собой или подчиняет себе познание мира, превращая его из самоценной сущности, какой оно предстает в горизонте греческой античности, в прикладной инструмент прорицания. Ложность основной установки магии, состоящая в замене поиска закономерностей, которым подчиняются явления, внешней группировкой фактов, основанной лишь на отдаленном сходстве и подражании, превращалась в тормоз объективного познания. То обстоятельство, что религия в Египте была доминирующей формой идеологии, объясняет отсутствие здесь философии как первой формы рационального познания.

В-четвертых, античная религия чужда эротизму и сексуальности, распространенным в религиях и культах Востока как в форме религиозной проституции, так и в форме религиозного скопчества; религиозный эротизм проникает на античную почву через эллинизированные восточные культы.

А не могла ли основой налаживания социокультурного диалога и обоснования ценностных ориентаций в пространстве империи Александра стать созданная в горизонте античной цивилизации философия?

Ответ будет вновь отрицательным, принимая во внимание принципиально не философский характер культуры варварского мира.

Античная культура эпохи эллинизма, пребывая в состоянии кризиса, но сохраняя творческие потенции, создает на излете своего существования принципиально иной способ обоснования социально-экономических, политических, культурных программ и проектов, базирующийся на безличном разуме с его имперской логикой – науку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков М.П. Античная наука как социокультурное явление. Проблема генезиса / М.П. Волков. – Ульяновск: УлГТУ, 2008. – 136 с.
2. Волков М.П. Проблема социокультурной детерминации генезиса науки // In memorem: Владимир Ильич Белозерцев. – Ульяновск: УлГТУ, 2015. – С.183-193.
3. Гомперц Г. Греческие мыслители / Г. Гомперц. – Минск: Харвест, 1999. – 752 с.
4. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф., Бытие. Имя. Космос. / А.Ф. Лосев – М.: Мысль, 1993. – С. 61-612.
5. Марков Б.М. Научное познание и процесс цивилизации // Наука в культуре. – М.: Эдиториал УРСС, 1988. – С.34-65.
6. Тураев Б.А. Древний Египет / Б.А. Тураев. – Пг.: Огни, 1922. – 178 с.

О МЕРИТОКРАТИИ И ДОМИНИРОВАНИИ В НАУКЕ

Н.Г. БАРАНЕЦ, А.Б. ВЕРЁВКИН

Ульяновск, Ульяновский государственный университет

MERITOCRACY AND DOMINANCE IN SCIENCE

N.G. BARANETZ, A.B. VEREVKIN

Ulyanovsk, Ulyanovsk State University

Подвергаются анализу формы конвертации символической власти «научных авторитетов» во власть подлинную и механизмы ее влияния на выбор тем научных исследований, организации научной работы и коммуникации; показывается как меритократия, под которой понимается власть полезных сообществу лиц, правящих благодаря признанию их идейных или организационных заслуг, способна переродиться в криптократию.

Ключевые слова: меритократия, научное сообщество, научная репутация, криптократия.

Жизнь научного сообщества изучают многие дисциплины, но прежде всего – эпистемология и социология науки. Глубоко исследованы идеалы и правила жизни абстрактного научного союза, а также некоторых реальных дисциплинарных групп, погружённых в историко-культурную среду. Описаны мотивы и стимулы научной деятельности, конкуренция отдельных учёных и научных объединений и формы их коммуникации. В меньшей степени понятен феномен научных авторитетов или репутаций, хотя концептуально эта тема была обозначена в работе П. Бурдье «Поле науки» (1975). Он определил научный авторитет как символическую власть. Бурдье полагал, что учёные стремятся к признанию их научной репутации, ведь тогда приобретённый «научный капитал» позволяет учёному самому оценивать свой продукт. Заслуженное влияние позволяет эффективнее продвигать проблемы, методы и теории, которые примут в данной дисциплинарной группе.

Но как символическая власть конвертируется во власть подлинную, каким образом она влияет на выбор тем научных исследований, организацию научной работы и коммуникации? О том, что данное влияние наличествует, сообщают сами учёные. Изучение такого воздействия, на наш взгляд, более результативно, если очертить в дисциплинарных сообществах консолидированные группы учёных с высокой научной репутацией – меритократов.

Термин «меритократия» предложил английский социолог *Майкл Янг* в 1958 г., употребив его в книге «The Rise of the Meritocracy, 1870–2033: An Essay on Education and Equality» (1961). Мы применяем его в таком смысле: меритократия – власть полезных сообществу лиц, правящих благодаря признанию их идейных или организационных заслуг. Изучать данный феномен

в жизни научного сообщества непросто, ведь любая власть скрывает свои истинные инструменты. Некоторые универсальные секреты власти раскрыты в книге М.Л. Хазина и С.И. Щеглова «Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите» (2016). Для выяснения настоящего научного статуса учёного не достаточно присутствовать в его дисциплинарном сообществе. Надо приблизиться к группе, контролирующей это сообщество. Для постороннего исследователя основным источником сведений могут служить откровенные записки учёных о жизни близких коллег и своего научного круга.

Как научный авторитет используется в научной повседневности? Полномочия экспертов, редакторов журналов и руководителей институтов первоначально определялись правилами представительной демократии, унаследованными университетской корпорацией от средневекового цехового строя. Меритократы распоряжаются ресурсами общества, поскольку их престиж настолько велик, что они могут получить средства от государства или частных лиц для работы журналов, институтов и лабораторий. Занимая руководящие посты, они способны вдохновлять рядовых исследователей на решение своих научных или организационных задач.

Пример того, как решения лидеров групп, доминирующих в отдельной дисциплине, влияют на её развитие и деформируют правила нормального научного поиска, описан Л. Смолиным в книге «Неприятности с физикой: взлёт теории струн, упадок науки и что за этим следует» (2006)[1]. Преобладание единственной научной программы приводит к тому, что поиски вне её грозят отступникам репутационными потерями и утратой профессиональной позиции: «Занятие физикой уровня Нобелевской премии – или даже выигрыш самой премии – очевидно, не защищает вас, когда вы подвергаете сомнению общепринятые предположения, такие как СТО и ОТО. Я был шокирован, когда Лафлин сказал мне, что на него давит его департамент и финансирующее агентство, чтобы он занимался нормальной наукой в области, в которой он работал, вместо того, чтобы тратить время на его новые идеи о пространстве, времени и гравитации. Если такой личности после всех её свершений, включая Нобелевскую премию, нельзя доверить охотиться за своими глубочайшими идеями, что же тогда означает академическая свобода?» [1, с.342-343]. По мнению Смолина, немногие крупные учёные сознательно отказались от потенциала пирамиды власти научного мира ради свободного научного поиска. Он пишет о нетипичном поведении Герарда т'Хоофта, который с 1980–х годов пошёл своим путём: «Он сделал это, когда был в зените своей карьеры и в то время, когда никто не был сильнее технически. Однако в момент, когда он отклонился от генерального направления, он стал высмеиваться своими приятелями-физиками, занимающимися частицами. Он не казался озабоченным или даже обращающим на это внимание, но, я уверен, это уязвляло. Тем не менее, он почти во всем сомневался и изобретал свой собственный путь в фундаментальной физике. Его основная уверенность, развиваемая на протяжении десятилетий, заключается в том, что квантовая теория неверна» [1,

с. 344-345]. Другой замечательный пример, – Роджер Пенроуз, один из наиболее оригинальных мыслителей современности, внесший фундаментальный вклад и в математику, и в физику. Последние 25 лет многие его труды мотивированы уверенностью в неполноценности квантовой механики: «Пенроуз доказывал в течение лет, что включение гравитации в квантовую теорию делает эту теорию нелинейной. Это приводит к разрешению проблемы измерения, в которой квантово-гравитационные эффекты заставляют квантовое состояние коллапсировать динамически. Предложения Пенроуза хорошо описаны в его книгах, хотя они до сегодняшнего дня не реализованы в детальной теории. Тем не менее, он и другие смогли использовать их, чтобы делать предсказания для выполнимых экспериментов, некоторые из которых в настоящее время проводятся. Немногие из нас принимают аргументацию Пенроуза всерьез; и даже еще меньшее число убеждено в их обоснованности. Но большинство струнных теоретиков – и, определенно, все струнные теоретики генерального направления – не показывают признаков того, что они вообще о них слышали. Если даже большинство уважаемых провидцев не принимаются всерьез, как только они начинают подвергать сомнению базовые предположения, вы можете представить, насколько хорошо люди обходятся с теми, кто является пророком, но не был достаточно удачлив, чтобы сделать сначала значительные вклады» [1, с. 346].

Научные авторитеты часто пользуются властью для усиления своих позиций в обществе во всех мыслимых аспектах. Но естественное свойство власти – старение и утрата полезности даже для себя. Злоупотребление влиянием ведёт к ослаблению репутации. Так, без сомнения яркие санкт-петербургские математики пренебрегали идеями Н.И. Лобачевского, С.В. Ковалевской, И.М. Первушина, П.А. Некрасова и других соотечественников, услужливо совершая методы европейских профессоров. В итоге их школа надолго утратила первенство в российском математическом сообществе. Меритократия сначала перерождается в олигархию – власть немногих, обретших лидерство в наследство от своих ушедших из дел патронов или сородичей. Олигархи правят ради эгоистичной эксплуатации ресурсов сообщества и становятся на пути развития науки. Они не обладают харизмой и талантами настоящих меритократов. Неизбежно рядом с ними возникают «эффективные управленцы» без научного имени и признанных достижений. На предыдущем этапе они не поднялись бы выше секретарей, но теперь они становятся негласными руководителями сообщества при праздных и недалёких «аристократах». Цеховая демократия вырождается в тайновластие. Криптократы раздают гранты, премии и почётные звания своим приспешникам. И делают это небескорыстно. Выдающийся отечественный математик, академик В.И. Арнольд непримиримо воевал с проявлениями такой власти. Он разоблачал неприглядные поступки криптократов, отмечая, что даже известные учёные с крепкой научной репутацией опасаются вступать с ними в борьбу. Так, сложившиеся нарушения научной этики он называл «беззастенчивым

воровством, особенно у наивных русских авторов, способных рассказывать о своих идеях, не публикуя доказательств или публикуя их в русских журналах... если я взял за правило не замалчивать подобные преступления (как это делают остальные русские математики из естественного чувства самосохранения и вследствие финансовой зависимости от западного математического сообщества), то это не только по своей всегдашней склонности, но и во исполнение заветов Рохлина, считавшего, что такая ситуация создаётся только потому, что преступники знают, что останутся безнаказанными» [2, с. 102-103].

Эгоизм криптократов ведёт к распаду научного сообщества. Ведь способные учёные идут в науку не за грантами, а ради нового знания. Но в коррумпированной системе научное знание не имеет никакой ценности. Идеальная анархия продолжится до появления нового харизматичного лидера.

Вырождение власти «полезных» проявляется в подлоге экспертных функций, когда нерадивые арбитры не хотят справляться с порученными обязанностями. Конфликты из-за отказа от обязательств нередки в научной среде. Есть несколько известных историй о конфликтах в науке, которые приобретают иное измерение, если учесть меритократическую составляющую в них. Например, осуждаемое выступление учеников Н.Н. Лузина против него. Объективной причиной выступления учеников против прежде почитаемого учителя и желания передела власти в его школе было возмущение от невыполнения долга руководителя, ставшее моральным оправданием архетипического проявления эдипова комплекса в науке.

Яркий пример сознательной и последовательной борьбы с меритократией показал один из самых крупных математиков XX века – Александр Гротендик (1928–2014). Его научная карьера складывалась успешно: под началом Ж. Дьедонне и Л. Шварца он защитил диссертацию по функциональному анализу и поступил в Национальный центр научных исследований. В 1950-е годы он работал в зарубежных университетах, занимаясь гомологической алгеброй и алгебраической геометрией. В 1956 году Гротендик вернулся во Францию в Национальный центр научных исследований и вошёл в группу Бурбаки.

Политические и этические проблемы общества всегда волновали Гротендика. Он был убеждённым пацифистом и осуждал любой государственный гнёт. Наука – это область интеллектуальной свободы, честности и товарищества, в ней нет места меркантильности. В 1969 году Гротендик ушёл из Института высших научных исследований из-за разногласий с руководством. Он возмутился открывшимся фактом скрытого финансирования Института натовскими милитаристами.

Атмосфера группы Бурбаки, представленная Гротендиком как «элементарная этика математического ремесла», опиралась на негласные условия – не присваивать намеренно чужие идеи; оценивать учёных не по репутациям, а по научному вкладу. Но в начале 1970-х годов он увидел перерождение морали бывших друзей. Да и сам он иногда забывал о

беспристрастности, поддавшись тщеславию. Справедливость для немногих и выгода для себя стала правилом жизни избранных, – огорчался Гротендик.

Идеология меритократов отбрасывает требования универсализма, интеллектуального равноправия учёных и объективности. Уважения достойны лишь «свои» и «равные». Власть научных репутаций препятствует объективности, проявляясь в повседневности научного сообщества. Входящий в научную элиту может произвольно «облагодетельствовать» молодого учёного или закрыть ему дорогу. Выбор определяется субъективными суждениями. «Не так давно один из моих прежних друзей и товарищей любезно объяснил мне, что в наше время, при столь невероятном наплыве математических статей, ожидающих публикации, «человек» просто обязан (увы!) подвергнуть самому суровому отбору присылаемые ему на суд результаты; неважно, хочет он того или нет. Он произнёс это с такой непритворной печалью, как если бы он сам, отчасти, оказался жертвой неотвратимой судьбы. С той же ноткой искреннего огорчения в голосе он продолжал о том, что он сам (как это ни прискорбно!) входит в число тех «шести-семи человек во всей Франции», которые и решают, какие работы заслуживают публикации, а какие – нет. ... Никто, кроме моего прежнего друга и коллеги, не может заглянуть к нему в душу и разгадать причины, побудившие его тогда закрыть дорогу статье молодого автора – так же, как за свои чувства и побуждения отвечаю я сам, и никто другой. Впрочем, в одном я уверен: “невероятный наплыв” математических результатов, скудость общественных фондов или, скажем, забота о том, чтобы сберечь время воображаемого неизвестного читателя CR (Докладов Академии наук), – не более чем пустые предлоги» [3, с. 186-187].

Извращение научных ценностей идеологией меритократии ведёт к тому, что стимулом научных занятий вместо поиска истины становятся статус и власть: «математиков охватывает синдром одержимости идеей своего духовного превосходства и тщеславия, стремления накопить побольше заслуг». Такие люди убеждены в своей избранности, в умственном превосходстве и праве быть выше других. Эти взгляды способствуют распространению в науке плагиата, имитации и подлогов.

В 1970–88 годы Гротендик менял кафедры, работал в провинции, интересовался политикой и экологией. В 1988 году он бросил вызов меритократическим порядкам в математическом кругу и отказался от премии Крафорда. В 1990-м году он укрылся в Пиренейской деревне, отгородившись от современной жизни.

Достоинным преемником Гротендика в борьбе с меритократическим и коммерческим искажением целей науки стал замечательный петербургский математик Григорий Яковлевич Перельман. В августе 2006 года Перельману присудили Филдсовскую премию «за вклад в геометрию и революционные достижения в понимании аналитической и геометрической структуры потока Риччи». В марте 2010 года математический институт американского миллиардера Л. Клэя объявил о присуждении Перельману \$1 млн за его

доказательство гипотезы Пуанкаре. Это была первая премия Клея за решение «Проблем тысячелетия». Перельман отказался от наград. В сентябре 2011 года Учёный совет Санкт-Петербургского отделения института математики им. Стеклова выдвинул кандидата физико-математических наук Перельмана на звание академика РАН, но тот не ответил на инициативу и в список кандидатов не попал. Его игнорирование научных наград объясняется желанием привлечь внимание к моральному распаду научного сообщества и монетаристскому искажению ценностей и целей науки. Он заявил: «Пока я оставался незаметным, у меня был выбор: либо сделать нечто непотребное – создать шумиху по поводу потери моральной целостности научного сообщества, либо промолчать и позволить относиться ко мне как к домашнему животному. Сейчас, когда я стал заметной персоной, я не могу больше молчать. Вот почему я был вынужден уйти» [4].

Неизбежная трансформация меритократии приводит к появлению криптократических анонимных групп, которые при выполнении своих экспертных обязательств в редакциях и советах фондов уходят от публичной ответственности за выдаваемые заключения. Им понятна историческая персональная ответственность в случае пренебрежения этическими правилами и халатного исполнения своих обязанностей.

Так, первая работа Лобачевского по неевклидовой геометрии «О началах геометрии» опубликована в «Казанском вестнике» в 1829–30 годах. Из-за недостатка места многие доказательства были опущены или изложены сжато. Работу дали на рецензию академику М.В. Остроградскому, который поленился её внимательно прочесть и 7 ноября 1832 года сообщил Академии наук отрицательный отзыв. В 1944 году профессор МГУ В.Ф. Каган доказал, что Остроградский ошибся. Его предвзятое отношение к работам Лобачевского предопределило отторжение ведущими отечественными математиками оригинальной и принципиально новой научной теории.

В историю науки вошёл ещё один пример трагических стечений обстоятельств помноженных на халатность меритократов. Эвариста Галуа (1811–1832) сегодня считают основателем современной высшей алгебры. В 1829 году он написал работу, посвященную некоторым вопросам будущей теории групп, и послал её на рецензию Огюсту Коши, который её одобрил, но вскоре потерял текст, и статья не попала на конкурс Парижской Академии. В 1830 году Галуа послал другую статью Жану Фурье для участия в конкурсе на приз Академии. Спустя несколько дней после получения труда Фурье неожиданно скончался, и бумаги опять потерялись. Симон Пуассон, которому была отправлена одна из статей Галуа, отверг её со следующей резолюцией: «Во всяком случае, мы сделали всё от нас зависящее, чтобы понять доказательство г-на Галуа. Его рассуждения не обладают ни достаточной ясностью, ни достаточной полнотой для того, чтобы мы могли судить об их точности, поэтому мы не в состоянии дать о них представление в этом докладе». 30 мая 1832 года Галуа был ранен на дуэли и через сутки умер.

Написанные накануне записки с изложением его математических идей сохранил его друг О. Шевалье. В 1847 году он показал текст Галуа редактору «Журнала чистой и прикладной математики» академику Жозефу Лиувиллю, который под впечатлением изящества работы напечатал её.

Контролируя коммуникацию и распространение идей, распределяя ресурсы, нынешние криптократические группировки предпочитают оставаться в тени. Рецензии на статьи и исследовательские проекты не подписываются, порождая моральную безответственность экспертов. В итоге утрачивается один из важнейших элементов проверки научных результатов – публичность и состязательность*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смолин Л.С. Неприятности с физикой: взлет теории струн, упадок науки и что за этим следует. Перевод Ю.А. Артамонова / Л.С. Смолин. Режим доступа: <http://www.rondon.org/sl/nsfvtsunichzes/> (дата обращения: 15.05.2019).

2. Арнольд В.И. К восьмидесятилетию. / В.И. Арнольд - М.: МЦНМО, 2018. – 496 с.

3. Гротендик А. Урожай и посевы. Размышление о прошлом математика. / А. Гротендик - Ижевск: Удмуртский университет, 1999. - С. 186–187.

4. Nasar S., Gruber D. Manifold Destiny. A legendary problem and the battle over who solved it / Annals of mathematics // The New Yorker, August 28, 2006. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2006/08/28/manifold-destiny>.

5. Новиков С.П. О редакционной политике журнала “Успехи математических наук” / Russian Mathematical Surveys (УМН/RMS) в период существенных изменений // Успехи математических наук. - 2009. - Т. 64. - Вып. 5. (389). - С. 189–191.

К ВОПРОСУ О РИЗОМАТИЧНОСТИ ИНТЕРНЕТА

Н.А. ГИЛЬМУТДИНОВА

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

ON THE ISSUE OF RHIZOMATISM OF THE INTERNET

N.A. Gilmutdinova

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Делается попытка понять и интерпретировать онтологию Интернета, иллюстрируя приложимость идей постструктурализма о ризоматическом характере мира и культуры. Показана проявление таких оснований ризомы

* О глубине такого процесса свидетельствуют иногда прорывающиеся научные скандалы. Памятен спор о редакционной политике первого класса математического журнала «Успехи математических наук» между старыми друзьями, академиками С.П. Новиковым и В.И. Арнольдом. Арнольд возмущался, что его статью отклонили с рецензией «статья выражает мнение автора». Главный редактор журнала Новиков утверждал, что такого эпизода не было [5, с. 190-191].

(Делез, Гваттари), как множественность, гетерогенность, связность, картографичность, «несущественность разрыва» в качестве фундаментальных свойств Интернета.

Ключевые слова: Интернет, карта, калька, киберпространство, ризома, связь, сеть, номада, незначащий разрыв.

Современная философия явственно демонстрирует завершение эпохи постмодерности, свидетельствуя о становлении социокультурной реальности нового рода. Этот процесс выражается, прежде всего, в разработке разнообразных концепций сетевого общества, также – в генезисе и развитии сетевого подхода, и, наконец, на уровне понятийно-категориальном - в сопоставлении понятий «ризома» и «сеть», в очевидном смещении от первого ко второму.

Все перечисленное свидетельствует о серьезных сдвигах и понятийных метаморфозах, анализ которых последует ниже. Нельзя не отметить активное использование термина «сеть»/«сети» в таких областях исследования, которые далеки от сетевой проблематики. К примеру, В.С. Степин использовал данное понятие, ссылаясь К. Поппера, так: «теоретическая схема есть «сеть абстрактных объектов», определяющая специфику той или иной теории» [3, с. 310]; «теория - это сеть, которую мы забрасываем в мир... то, что мы получаем в качестве объективного знания, определено характером теоретической сети. В другой сети (с иной конфигурацией ячеек) мы выловим в океане мира новые объекты, и это приведет к изменениям представлений об устройстве мира» [3, с. 73]. В сетевом дискурсе популярен заимствованный из кибернетики конструкт «петля обратной связи» (Г. Бейтсон). Так, Э. Агацци в работе "Эпистемология и социальное: петля обратной связи" [1] выявляет положительные и отрицательные «петли» во взаимовлиянии естествознания и социальных наук, в осмыслении данных социологии современной науки. Эти и многие другие примеры подтверждают использование терминов сетевого подхода в логико-эпистемологических и социально-философских исследованиях.

Сетевая природа информационно-коммуникационного социума не подлежит сомнению. Не замахиваясь на анализ столь сложного и всеохватного феномена, остановимся на частной, но, думается, изначальной экспликации сети как Интернет-сети, как сети сетей. Интернет как сеть сегодня не просто метафора, представляющая посттехногенный социальный хронотоп. «Петля обратной связи» срабатывает и здесь, завязывая воедино потоки социальных связей и отношений, волны информации и геоэкологии, языковые и спортивные игры, интеллектуальные и художественные практики, технические новации и фундаментальные штудии.

Современный Интернет, определяющий базовые характеристики нашей цивилизации, за исторически краткий промежуток времени стал неотъемлемым фактором экономической, политической и социальной жизни, преодолев рамки технического, узкоспециализированного, инструментального средства коммуникации. Место и роль Интернета радикально изменялись по мере того, как данная технология (и идеология) становилась все более общепризнанной и

необходимой для большинства обыденных действий, коммуникативных процессов и социальных практик. Повседневный деятель, технический специалист, политик и гуманитарий, ученый и школьник сегодня, все более рутинно погружаясь в сеть сетей, не всегда осознанно замечают количественное и качественное значение подобных изменений в собственной жизни. Интернет становится универсальным и повсеместно распространенным медиумом, основанием и формой для воплощения и реализации иных технологий. Можно констатировать: сегодня сформировались на основе интернет-коммуникации новые, относительно самостоятельные и уникальные формы индивидуальной и массовой коммуникации – блогосфера, социальные сети, интернет-радио и интернет-телевидение, интернет-журналистика, интернет-коммерция и интернет-торговля и т.д.

Интернет-технологии, будучи действенным дополнением и эффективным инструментом бытования всевозможных практик социальности и интимно-личностной реальности повседневности, сами трансформируются и незаметно и постепенно видоизменяют индивидуально-социальный мир, внедряя все новые способы действия, а затем и смыслы. Так формируется новая социальная морфология – сетевое общество, новая культура – культура «дополненной реальности и реальной виртуальности», новая экономика – глобальная «информационная» (М. Кастельс) экономика.

Философский анализ глобальной сети Интернет может быть проведен с использованием весьма популярного в постструктуралистском дискурсе понятия «*ризомы*» [2]. Это понятие было взято в 1970-80-х годах Жилем Делезом и Феликсом Гваттари из текстов по ботанике; с его помощью представлялась особая корневая система с отсутствующим стержневым (центральным) корнем, состоящая из хаотического множества переплетенных побегов, непредсказуемо отмирающих и регенерирующих.

Ризома в самом широком смысле ныне является метафорой и образом мира постмодерности, который лишен упорядоченности, симметрии и централизации. Я постараюсь с помощью этого понятия эксплицировать, раскрыть устройство и функционирование Интернета – всемирной информационно-коммуникационной паутины. Думается, это понятие современного философского дискурса дает возможность достаточно точно выразить сетевую и технологическую природу Интернета, продемонстрировав при этом неразрывную связь нового социального феномена с культурно-мировоззренческими горизонтами постмодернистской культуры.

В «Тысяче поверхностей/плато» Делез и Гваттари анализируют основы существования корневища-ризомы, выявляя их во всех сферах жизни социума. Используя этот прием, попытаемся выяснить, насколько каждое из выделенных оснований применимо к бытованию Интернета и адекватно при ее описании.

Основой устройства ризомы, по мнению Делеза и Гваттари, является принцип «**множественности**». Французские философы используют яркий и запоминающийся пример, иллюстрирующий действие этого основания, –

манипуляции кукловода с марионеткой. Очевидно, показывают они, что на зрителя производит эффект ловкость и продуманность движений куклы, создается впечатление «руководящей воли и желаний кукловода». На самом же деле все действие определяется «множественностью нервных волокон», и кукловод вместе с его куклой являются марионетками этой множественности. Последняя, в свою (первую) очередь, существует вне субъект-объектной связи, сама по себе, и должна быть так понята и истолкована. Следовательно, в свете ризоматического подхода главная роль отводится не точечным контактам рук кукловодчика с марионеточной рамкой, несущей все управляющие нити, и не точкам контакта куклы с нитями, – это лишь видимые следствия; главное здесь – связки, линии, соединяющие точки, основное значение имеют именно они.

Та же множественность предстает как основа глобальной сети Интернет. И, аналогично марионетке и кукловоду, отнюдь не клавиатура и не пальцы пользователя, порхающие над ней, управляют работой компьютера. Она определяется «множественностью нервных волокон» пользователя, которая выражается в огромном множестве посылаемых сигналов, кодов и их комбинаций, во фрактальной дисперсности каналов их передачи, и, конечно, в мерцании множества пикселей компьютерного монитора, запечатлевающих информационные потоки. В Интернете, как и в ризоме, определяющая роль принадлежит не узлам связи, а линиям их соединения, как это бы ни выглядело странным: на первый взгляд, кажется очевидным, что сами сетевые соединения обеспечиваются переходами от одних компьютеров к другим. Для нас важно подчеркнуть, что навигация и маршрутизация в сети не являются телеологическими (и, собственно, имеет ли место вообще «движение», если пользователь остается сидеть на том же самом месте перед компьютером, физически не изменив своей пространственной топологии?). Используя выражение основателя киберпанка У. Гиббсона, глобальная сеть Интернет – это особое место пребывания, «киберпространство и коллективная галлюцинация», в котором реально нет виртуально посещаемых нами городов, музеев, библиотек и иных точек, а существуют каналы связи – линии, что соединяют требуемые нам веб-страницы. Глобальное пространство сети определяется не разрозненными группами компьютеров, а именно каналами, линиями связи и перекрестными ссылками.

Другой, не менее важной основой устройства ризомы являются **«связь и гетерогенность»**. Согласно этим принципам, каждое корневище во всех своих точках может быть соединено с любым другим, – у ризомы нет центра, исходного базового направления развития, она по своей природе антииерархична и децентрирована. То есть ни одна из ее точек не имеет особых преимуществ перед другими, так же как нет особых, выделенных связей, соединяющих разные точки; множество точек ризомы необходимо связаны друг с другом вне зависимости от особенностей их положения и функционала. Отмечу, что каждый отдельный компьютер, представляющий собой автономный гаджет (если он находится вне связи с другими), не будет

системой ризоматического типа, поскольку являет собой спроектированную иерархическую структуру, в которой вся архитектоника определяется специальным устройством памяти и центрального блока, поэтому рассредоточенность связей основных блоков компьютера и/или нарушение централизованности обязательно вызовут поломку всего технического устройства. Ризоматические множества, анализируемые Гваттари и Делезом, принципиально отличны от централизованных и закрытых систем (их пример – персональный компьютер) своей децентрированностью и открытостью. Такого рода ризомы французские постструктуралисты представляют, в частности, как ограниченные сети автоматов, связывающие одних субъектов с любыми другими, маршруты в этих сетях не определены и не заданы, все коммуниканты не выделены и взаимно заменяемы, поэтому для синхронизации общего конечного итога и координирования локусов центральный орган не нужен. Этот образ сетевых структур ризоматического типа, представленный мыслителями в 80-х годах XX века, в значительной степени воплощен сегодня в Интернете, всемирной глобальной паутине.

Если вспомнить историю создания Интернета, то она начинается в эпоху холодной войны, когда американские военные привлекли университетских ученых к проекту сохранения и обеспечения жизнеспособности систем управления в условиях ядерных ударов. Главная идея состояла в дублировании информации и рассредоточении данных на множестве удаленных компьютеров, соединенных друг с другом. Перекрестное подключение предполагало информационный взаимообмен как напрямую с отдельными компьютерами, так и построение опосредованных цепочек с множеством удаленных точек. Тем самым, решалась проблема сохранения управленческих систем в случае нападения: хотя бы один из компьютеров образованной сети сохранял данные, что позволяло оперативно нанести ответный удар. Очевидно, что уже на стадии проектирования и разработки Интернета предполагалась его принципиально антииерархическая и децентрированная структура, а это, конечно же, коррелирует с гетерогенностью связей в ризоморфических системах.

В своей современной ипостаси глобальная сеть Интернет включает в себя миллионы компьютеров, их количество постоянно растет. Сегодня это уже не закрытая от публики и контролируемая военным комплексом структура; она глобально открыта, и любой пользователь обладает потенциальными и реальными возможностями расширить ее горизонты. Со времен своего раннего предшественника сеть Интернет сохраняет его главную идею – антииерархию и децентрирование. Отсутствует главенствующий и контролирующий информационные потоки и работу рассеянных компьютеров центральный пункт. Связь индивидуальных и корпоративных пользователей выстраивается напрямую, и при этом информационные маршруты жестко не заданы, они варьируются и видоизменяются достаточно парадоксально в зависимости от разнообразия адресатов и адресантов, загруженности линий, серверов и т.п. Виртуальный мир Интернета формирует свою топологию и топонимику (к

примеру, свои домашние страницы можно размещать на разных континентах); маршрутизация инфокоммуникационных потоков для пользователей значения не имеет, для субъектов Интернета определяющей является оперативно реализуемая возможность контакта всех со всеми, а также непосредственный и прямой доступ к любому информационному источнику безотносительно к тому, в каком месте глобальной сети он расположен.

Все вышеописанное дает неоспоримую возможность для применения в характеристике современной глобальной сети таких оснований ризоматической морфологии, как «гетерогенность и связь».

Следующим основанием ризомы, согласно Делезу и Гваттари, являются **«декалькомания и картография»**. Ризома суть не калька, но карта; ризоматический феномен – это не просто механическое копирование, не несущее творческих элементов модификации и трансформации (такова природа кальки), он подобен карте, которая, в отличие от кальки, подвижна и изменяема, имеет множество входов и выходов, открыта и неокончательна. Если калька определяется отражаемым референтом как откопированный с него слепок, то карта достаточно суверенна в своем существовании относительно презентуемых ею референтов. По идее постструктуралистов Делеза и Гваттари, структура подобна кальке, воспроизводя всегда саму себя, а вот «карта, в противоположность кальке, не репродуцирует реальность, а экспериментирует, вступает с ней "в схватку"» [2, с. 12], все время продолжая формироваться. Тем самым, ризоматический феномен, сопоставляемый авторами с картой, которую постоянно нужно читать и перечитывать, принципиально нельзя калькировать.

Здесь уместно вспомнить постструктуралистскую модель культуры-ризомы, а шире – и всего мира, воплощенную в образах лабиринта-библиотеки в романе У. Эко «Имя розы» или сада расходящихся тропок Х. Борхеса, явленного множеством тупиков, выходов и входов, взаимопересекающихся тропинок и коридоров.

Можно ли обнаружить рассмотренные выше основания ризомы в существовании и функционировании Интернета? Безусловно. Глобальная сеть является динамично развивающейся системой, принципиально незаконченной, открытой и неиерархичной. В сетевом киберпространстве нет четко зафиксированных маршрутов, расписаний и графиков движения, здесь нет магистральных проторенных путей. Интернет, скорее, не машина, а организм, постоянно изменяющий свою морфологию и конфигурацию, и для его экспликации больше подойдет метафора степных и полевых дорог: вместо и рядом с заросшими или размытыми дорогами прокладываются новые, более удобные, и эти пути также просуществуют недолго. В связи с постоянными трансформациями сеть обречена на бесконечное приближение к самотождественности и некоторой определенности; Интернет номадичен, это пространство кочевников (номад), что предполагает невозможность его калькирования.

Немаловажным обстоятельством, способствующим метаморфозам «рисунка» сети Интернет, является не столько ее трансформации в «физическом» отношении (подключение все новых гаджетов, их маршрутизация, прокладка оптоволоконных линий и пр.), сколько свободная активность пользователей, постоянно изменяющих алгоритмы движения, открывающих и осваивающих все новые, а часто и альтернативные направления траекторий. Поэтому Интернет, конечно, не калька, а карта с множественностью выходов и входов, каждый из которых потенциально становится отправной точкой. Любой узел гарантирует пользователю начало уникального маршрута путешествия по сети (либо со страницы твоей любимой библиотеки, либо с домашней страницы, либо со страниц университета или провайдера). Каждый новый шаг в фрактальных структурах киберпространства с множеством окон и ссылок внешне детерминирован минимально, больше он зависит от целеполагания пользователя, его фантазии и настойчивости. Так, «кочевники-пользователи» мигрируют в номадическом киберпространстве, хаотически или целенаправленно перемещаются в «степях» Интернета, пренебрегая известными и старыми магистральными путями и подтверждая, тем самым, соответствие картографической основы ризомы («декалькомания») самой сути бытования глобальной сети Интернет.

Наконец, последним, выделенным Делезом и Гваттари имманентным основанием ризомы, является **«незначущий разрыв»**. Этот принцип означает, что корневое переплетение в любом месте может быть разорвано, но это его не разрушит, рост продолжится в любом направлении.

Военные разработчики, создавая прообраз современного Интернета, руководствовались прежде всего этим принципом: при возможных разрушениях в случае ядерного конфликта сети управления армией и социумом сохранить в уцелевших узлах необходимую информацию и обеспечить неотвратимость «удара возмездия». Благодаря несущественности разрывов в сети Интернет сегодня являет собой «декалькированную и детерриториализованную зону» свободы. Многоканальная разветвленность мировой паутины обеспечивает невозможность перекрыть доступ к какому-либо ее сегменту, нежелательному для власти, делая практические и идеологические попытки вмешательства безрезультатными: всегда остаются обходные альтернативные маршруты. Собственно, принцип незначущего разрыва, лежащий в основе киберпространства, делает самым неуязвимым из средств массовой коммуникации именно Интернет. Можно также утверждать, что американские политики и военные, заложив и реализовав этот принцип в устройстве сети Интернет, получили парадоксальный эффект – незначущий разрыв означает фактическую и практическую неосуществимость цензурирования Интернет-контента, изоляционизма и тактик блокады всемирной паутины.

Подводя итоги проделанному анализу оснований устройства ризоматических систем, можно утверждать, что они могут быть использованы

при философской экспликации сети Интернет. Но резонно возникает вопрос: что дает подобная интерпретация? Только ли она необходима для констатации того, что **Интернет есть ризома**? Или для восхищения тем, как философские идеи постструктурализма осуществились в высоких информационно-коммуникационных технологиях? Конечно, пример Интернета успешно демонстрирует «неожиданную материализацию» в социотехносфере оторванных от жизни философских конструктов, а категория «ризомы» помогает раскрытию философско-онтологических аспектов бытования глобальной сети.

Представленный анализ и выводы, следующие из него, не должны ограничиваться только этим. В дальнейшем необходимо исследовать влияние ризоматической Интернет-конструкции на систему социальных отношений, выстраиваемую внутри и вокруг сети сетей, выявить ризоматические основания специфической формы культуры информационного общества (киберкультуры).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агацци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. — 2010. — № 7. — С. 58–66.
2. Делз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
3. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура и историческая эволюция / В.С. Степин. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ФОРМ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА*

ЛЕУШКИН Р.В.

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF VIRTUAL FORMS OF POWER IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION OF MODERN SOCIETY

Leushkin R.V.

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Рассматривается специфика социального пространства интернет-коммуникации и формирующиеся в нем новые социальные и политические

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, в рамках проекта № 18-411-730007 р_а «Субъект власти в современную эпоху: социально-онтологический, информационно-коммуникационный, праксеологический аспекты исследования».

структуры, выявляются новые формы организации и самоорганизации социальных систем, процесс становление виртуальных, сетевых форм власти, главными особенностями которых являются: детерриториальность, ризоматичность, кибернетизация.

Ключевые слова: социальная коммуникация, информационное общество, социальная система, виртуальность, гиперреальность, власть, информация, великий разрыв, информационная война, информационный экстремизм.

Проблематика данного исследования связана с тенденцией массового распространения электронных средств коммуникации, прежде всего интернет-коммуникации и мобильной связи. В той или иной мере электронная социальная коммуникация охватывает большую часть населения развитых стран и продолжает экстенсивно и интенсивно развиваться, что приводит к существенным изменениям в формах и способах не только общения между людьми, но и в организации экономического, социального и политического устройства современного общества. Данные тенденции представляют собой виртуализацию и информатизацию общества, что должно привести в перспективе к становлению нового – «информационного» общества.

В ходе становления основ информационного общества происходят значительные изменения в общественной жизни. Именно в связи с этим возникает необходимость в изучении, оценке и прогнозировании путей информатизации и виртуализации общества, в выявлении кризисов и вызовов, которые могут возникнуть или уже возникают в ходе развития информационного общества. К данным кризисным явлениям можно отнести следующие феномены: кибертерроризм, информационное загрязнение, медиазаражение, кибервойна и некоторые другие. Последовательное научное и философское исследование характеристик и закономерностей информатизации социально-коммуникативного пространства и становления структур информационного общества становится важной задачей, возникающей сегодня перед научным сообществом.

Главную особенность информатизации и виртуализации общества мы обнаруживаем в том, что сегодня происходит сращивание привычных социальных систем с информационно-коммуникационными технологиями, что в итоге приводит к возникновению гибридных систем [1]. Происходит становление виртуального сетевого общества. Генезис виртуального сетевого общества в ходе информатизации и виртуализации тесно связан со становлением нового социального субъекта.

Современный человек неизбежно подстраивается к условиям информатизации, осуществляется как коммуникант в цифровом пространстве. Однако, сегодня, не только и не столько измененное сознание человека выступает причиной возникновения новых (виртуальных) форм коммуникативных и властных отношений, сколько новый актер,

формирующийся в системе этих отношений. Данным актором выступает искусственный коммуникант, или искусственный интеллект.

В ходе развития средств ИКТ человек с каждым годом все больше делегирует часть своих возможностей, связанных с принятием решений средствам ИКТ. На данный момент выделяются такие направления, как: диагностика пациентов, системы целевого маркетинга, управление сухопутным, воздушным и водным транспортом, электронные версии настольных игр, компьютерные игры, редактирование и написание текста, сложные математические расчеты, распознавание образов, банковские системы, сборочные конвейеры, голосовые помощники и многое другое. Кибернетизация становится неотъемлемой частью глобального виртуального сетевого общества. Виртуализация его означает следующее: элемент системы коммуникации утрачивает полноту своего реального существования, естественность происхождения, в то время как необходимые ее компоненты искусственно симулируются [2]. Виртуализация неизбежно затрагивает и область политических и властных отношений.

Субъект информационного общества, оказывается включенным в политическое пространство произвольно; так он устроен – свобода выбора, самоопределения, самовыражения являются условиями его существования. В иных условиях его существование невозможно. Вполне закономерным является то, что именно в условиях интернет-коммуникации наблюдаются различные формы политической самоорганизации ранее политически инертных масс. Ф. Фукуяма отмечает: «Общество, базирующееся на информации, все в большей степени способствует возрастанию свободы и равенства – двух вещей, которые люди в современной демократии ценят больше всего. Свобода выбора приобретает все более неограниченный характер. Иерархии всех видов, и политические, и корпоративные, подвергаются давлению и начинают распадаться. Власть больших, негибких бюрократических образований, которые стремились посредством правил, предписаний и принуждения контролировать все и вся в пределах своей сферы влияния, была подорвана переходом к экономике, основанной на знании; это способствует росту самостоятельности индивида, обретаемой благодаря доступу к информации» [3, с. 12]. По мнению Фукуямы, общественный порядок способен возникать в результате самоорганизации социальных систем, а не только под действием внешнего контроля. «Представление о том, что социальный порядок должен возникать благодаря централизованной, рациональной, бюрократической иерархии, тесно связано с индустриальным веком» [3, с. 16]. Дж. Нейсбит считает, что в ходе развития общества, в результате столкновения старых систем администрирования и управления с новыми реалиями информационного общества старые системы неизбежно уступают и перестраиваются [4]. Происходит изменение структуры социальных систем на пути к их новым состояниям, возникают новые формы власти – сетевые.

Привычный субъект социальных и властных отношений растворяется в масштабной самоорганизующейся системе.

Активное формирование основ информационного общества создает условия, при которых «политически мы сейчас находимся в процессе массового перехода от представительной демократии к демократии участия» [4, с. 229]. Формирование и развитие информационного общества предполагает тенденцию децентрализации управления, формирование политической системы с распределенным ресурсом власти. «Ведущий принцип этой партисипативной демократии состоит в том, что люди должны участвовать в принятии решений, затрагивающих их жизнь» [4, с. 228]. Партисипативная демократия, по Д. Нейсбиту и Э. Тоффлеру, является закономерной формой реализации демократических принципов в условиях информатизации общества. Современная представительная демократия, сформировавшаяся более двухсот лет назад, была единственной ее возможной формой в условиях печатных средств связи. В наше время формы связи значительно развились, и переход к децентрализованной форме управления, с этой точки зрения, уже должен произойти.

Несмотря на прогнозы демократизации сети, сегодня в пространстве виртуальной коммуникации находят признаки иерархической структуры социально-коммуникативных связей [5; 6]. Ю. Г. Рыков, изучая неравенство в системах виртуальной социальной коммуникации, замечает, что, несмотря на условия равенства между коммуникантами, в данной среде возникают подобные традиционным иерархические структуры. «... на основе результатов проведенного исследования можно сделать вывод: коммуникативный капитал играет ключевую роль в неравномерном распределении власти в социальном поле виртуального сообщества «Лепрозорий». Отсюда, форма социального неравенства, возникающего в виртуальном сообществе, принципиально отличается от прежних форм неравенства, существующих в «физической» реальности общества, где определяющую роль играют «классические» виды капитала, и прежде всего, экономический. Отличие виртуальной формы социального неравенства состоит в доминировании коммуникативного капитала: ключевым ресурсом становится внимание и возможность продолжения интеракции» [7, с. 57-58]. Возникает предположение, что неравномерность в распределении символических форм капитала может служить условием формирования иерархических систем властных отношений в структуре виртуального социально-коммуникативного пространства, подобных традиционным. Естественно возникает вопрос: возможно ли существование в условиях виртуального социального пространства собственных, уникальных структур власти?

Здесь мы обратимся к работам наиболее авторитетного представителя теории сетевого общества и концепции сетевых структур власти М. Кастельса. Кастельс противопоставляет два типа систем власти: 1) иерархические, предполагающие наличие вертикали отношений власти и подчинения, а также

массовый и трансляционный способ коммуникации; 2) сетевые системы власти, в которых отношения власти и подчинения носят децентрализованный способ существования, коммуникация интерактивна, развиты механизмы обратной связи, преобладает диалог [8]. Постепенное становление сетевой экономической структуры информационного общества, по Кастельсу, формирует условия становления соответствующих политических структур, способов регуляции экономических и общественных процессов. Повышение значимости информации, средств ее получения, обработки, хранения и передачи тесно связано с формированием в социальном пространстве систем, способных эффективно осуществлять данные функции. В информационном обществе формируется как бы новый «базис», предполагающий адекватные ему формы управления – сетевые. Данные формы власти и управления постепенно вытесняют старые властные образования, которые сформировались еще до возникновения информационного общества.

Почему же в системе сетевого общества происходит вытеснение старых отношений власти? Связанно это с особой системой коммуницирования в условиях распространяющейся гиперреальности (Ж. Бодрийяр) [9]: сетевое общество гиперкоммуникативно. Это означает следующее – в нем нет и не может быть единого центра, источника коммуникации и власти, связь распределяется по всем узлам сети, «... в Сети есть только коллективный разум» [10]. Данные формы власти, существуя в гиперреальности, принципиально не локализируются, виртуальны в смысле нарушения пространственной и временной представленности. Децентрализованный способ управления, на данный момент, является важнейшим условием существования и «выживания» сетевого общества. Сегодня децентрализованные сети широко используются для обеспечения безопасности в области криптовалют, электронной торговли, интернет-банкинга, цифровых реестров.

Сетевое общество в своей основе напоминает «ризому» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), структуру, отличную от древовидной, иерархической. В ризоме вместо явного центра на передний план выходят множество равнозначных «плато». Сетевые, ризоматические структуры зарождающегося информационного общества являются достаточно жизнестойкими. Участки плато информационного общества копируют свой код, и размножаются в условиях сети в гетерогенную, дифференцированную структуру, в которой формируются сетевые отношения власти и подчинения. Структура власти не имеет четкого, единого центра, также она не имеет однозначной периферии – участков, удаленных от центра. Сетевые формы власти детерриторизированы и кибернетизированы, имеют распределенный способ существования. В связи с этим в них сложно выявить уязвимые для атаки звенья.

Таким образом, мы можем выделить главные особенности зарождающихся сетевых форм власти, их роль в развитии информационного общества. Для сетевых форм власти информационного общества характерны: кибернетизация, ризоматичность, детерриториальность, виртуальность.

Сложившиеся же ранее структуры власти, характерные для традиционного и индустриального общества, не могут напрямую переноситься на «базис» информационного общества и вынуждены либо перестраиваться в нем, либо перестраивать его структуру под себя. Сетевые структуры власти информационного общества реагируют на внешнее воздействие, иногда в форме противостояния. Таким образом, возникают предпосылки столкновения структур старого и нового общества, что может выражаться в таких феноменах, как: кибертерроризм, информационная война и другие киберугрозы.

Сеть не является демократичной или авторитарной сама по себе, она обладает своей уникальной структурой и логикой развития. Постепенно стало очевидно, что становление информационного общества не приносит с собой исключительно лишь благо; оно порождает новые опасности для общества, часто неожиданные. Данные опасности проявляются уже сейчас и набирают актуальность с каждым годом. Глубокое, бытийное понимание зарождающихся сетевых и виртуальных форм власти на данный момент отсутствует, однако оно очень значимо для профилактики и предупреждения возможных потрясений, вызываемых столкновением систем старого и нового общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леушкин Р.В. Трансгуманистическое измерение виртуальной социальной коммуникации. // *Философия и культура*. — 2017. - № 5. - С.78-88.
2. Леушкин Р. В. Структура виртуального социального пространства. Коммуникации, конструкты, капитал / Леушкин Р.В. – Ульяновск: УлГТУ, 2017. – 157 с.
3. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма – М.: ООО «Издательство АСТ». – 2003. – 474 с.
4. Нейсбит Д. Мегатренды / Д. Нейсбит – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак». – 2003. – 380 с.
5. Попков Ю. С., Тищенко В. И. Виртуальные сообщества в структуре власти (методологические аспекты) / Ю.С. Попков, В.И. Тищенко – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 184 с.
6. Пестов П.А. Социально-философский анализ проблем самоорганизации общества в интернете // *Исторические, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – № 12-1 (62). – 2015. – С. 155-158.
7. Рыков Ю.Г. Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – № 4 (16). – 2013. – С. 44-60.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс – М.: ГУ ВШЭ. 2000, – 608 с.
9. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр – М: Добросвет, 2000. – 387 с.

10. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест / Дж. Ланир – М.: Астель,Corpus. 2011. –219 с. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coollib.com/b/169783>. (дата обращения 09.01.2019).

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ИНФОРМАЦИОННОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ И МЕДИАЗАРАЖЕНИЕ*

ЛЕУШКИН Р.В., БАЛАКЛЕЕЦ Н.А.

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE INFORMATION SOCIETY: INFORMATION POLLUTION AND MEDIA EXPOSURE

Leushkin R.V., Balakleets N.A.

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Рассматриваются нарастающие угрозы информатизации и виртуализации общества, такие как информационное загрязнение и медиазаражение, поднимается вопрос о феноменах информационного загрязнения и медиазаражения в ходе возникновения и развития основ информационного общества, осуществляется поиск признаков информационного загрязнения в современном виртуальном социально- коммуникативном пространстве, определяются его возможные причины, прослеживаются направления генезиса, намечаются пути преодоления.

Ключевые слова: информационное общество, информационное загрязнение, медиазаражение, виртуальная коммуникация, информатизация, медиавирус, мем, угрозы для общества, информационная гигиена.

Проблема информатизации общества

Проблематика данного исследования связана с массовым распространением электронных средств коммуникации. В той или иной мере электронная социальная коммуникация охватывает большую часть населения развитых стран и продолжает экстенсивно и интенсивно развиваться, приводя к существенным изменениям в формах и способах не только общения между людьми, но и в организации экономического, социального и политического устройства современного общества. Изменение форм социальной коммуникации, обеспечивающей социальную связь, неизбежно ведет к

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований: «Проблемы информатизации и виртуализации общества: социально- онтологические аспекты», проект № 18-411-730006 p_a.

изменению формы организации общества. Связь между людьми, поддерживаемая определенным каналом коммуникации, формирует собой базовый элемент общественного устройства, основу и скелет социума. Именно в связи с этим возникает необходимость в изучении, оценке и прогнозировании путей и результатов развития каналов, средств и форм социальной коммуникации; в выявлении кризисов и вызовов, которые могут возникнуть или уже возникают в ходе перехода к новым формам социальной коммуникации.

Распространение электронных форм коммуникации должно привести в перспективе к становлению нового - «информационного» общества [9]. Информационное общество (ИО) является собой бурно развивающуюся форму социального устройства, представляется нами как социально-коммуникативная система, опирающаяся на совершенствующиеся средства и методы производства, обработки и передачи информации. Все базовые связи и отношения (социальные, политические, экономические) в данной системе опосредованы информационно-коммуникационными технологиями. По прогнозам ряда социологов и футурологов (И. Масуда, Ф. Махлуп, Дж. Нейсбитт, Д. Белл), ИО должно стать основной формой существования общества. В связи с этим, за последние несколько десятилетий, сформировался повышенный интерес к проблемам информационного общества, как в российской науке, так и в зарубежной. Сформировалось несколько направлений в понимании его формалистических, статистических и динамических характеристик, однако, многие проблемные стороны его существования изучены, на наш взгляд, недостаточно.

Вопреки сложившимся оптимистичным прогнозам относительно информатизации общества с каждым годом такие явления, как кибервойна, информационное заражение, киберпреступность, медиавирусы, интернет-аддикция, социальное отчуждение, распад нуклеарной семьи, закат книжной культуры и многие другие охватывают все большие слои мирового населения. Алексеев А.А. отмечает: «Судьбе угодно было распорядиться таким образом, что ни многообещающие совместные заявления лидеров мировой политики, ни успехи, достигнутые на пути реализации соответствующих программ, не привели к созданию мирного и процветающего глобального информационного общества. Напротив, сегодня мы живем в условиях мировой информационной войны ... » [1]. Кризисы ИО являются одной из сторон ощутимых изменений и трансформаций, происходящих в общественном бытии в результате его виртуализации и информатизации [8; 15], и, вероятно, являются продуктом закономерностей развития ИО.

Исследовательский интерес к проблемам информационного общества нарастает с каждым годом, при этом повышается значение фундаментальных исследований в данной области. В данной статье поднимается вопрос о феномене информационного загрязнения в ходе возникновения и развития основ информационного общества. Перед нами встают задачи: найти признаки

информационного загрязнения в современном виртуальном социально-коммуникативном пространстве; определить его базовые свойства; проследить направление генезиса; наметить пути преодоления.

Загрязнение информационно-коммуникационного пространства

В наши дни восторженные ожидания от века информации все чаще наталкиваются на разочаровывающие реалии. Развивающееся киберпространство и формирующееся информационное общество все меньше напоминает утопию и вызывает все больше тревоги. Такие философы, как Дж. Ваттимо и Ж. Бодрийяр становление грядущего, информационного общества связывают с массой негативных последствий дереализации и виртуализации общества [2; 3]. Первое, с чем столкнулось человечество на заре новой эры, это не процветание и прогресс, связанный с неисчерпаемым доступом к информации, а риск в этой информации утонуть.

Системы социальной коммуникации, образующие современное социально-коммуникативное пространство, по сути своей и назначению работают с производством, хранением и распространением информации. Содержание данного пространства, подобно привычному всем физическому пространству наполнено объектами, однако, особыми – информационными. Данные объекты, как и физические, вовсе не равноценны, их ценность и значимость может значительно колебаться.

Можно было бы предположить, что с развитием информационно-коммуникационных технологий качество и ценность информации должны возрасти, однако, это не так. По некоторым причинам, вместе с увеличением общего объема информации в коммуникативном пространстве происходит распространение ее некачественных разновидностей. Этот процесс не просто неизбежен, но и невероятно масштабен. И этому есть вполне естественное объяснение, к которому мы обратимся позже.

Массовое распространение в информационном пространстве информации с низкой ценностью, ошибочных и заведомо ложных сведений, непроверенных данных, избыточных, бессмысленных сообщений, рекламы формирует ситуацию информационного загрязнения.

Сегодня почти каждый пользователь сети интернет сталкивается с информационным мусором. По данным лаборатории Е.В. Касперского (в открытом отчете за 2016 год), в 2016 году доля спама в мировом почтовом трафике составила 58,3 % [11]. Сюда также относится вирусная рассылка, вымогательства, хакерские атаки через почтовую рассылку. Можно утверждать, что доля нежелательной и даже вредоносной информации в коммуникативном пространстве составляет более половины от его общего объема. Несмотря на все меры, направленные на борьбу с данными явлениями, ситуация не спешит меняться в лучшую сторону.

По какой-то причине информационный мусор не исчезает из киберпространства, а только умножается. Это связано с особым качеством

информационных объектов – возможностью полного и неограниченного копирования. Физический объект не может быть полностью скопирован, информационный же может не только копироваться с абсолютной точностью, но и бесконечное множество раз. Как отмечает Р. Докинз: «Для данных на дискете компьютер – такой же рай, как ядро клетки для ДНК ... Компьютеры так хорошо приспособлены для копирования битов и так добросовестно повинуются инструкциям, содержащимся в этих битах, что представляют собой легкую мишень для самореплицирующихся программ ... В нынешней эпидемии компьютерных вирусов удивительно только то, что она началась сравнительно поздно» [17]. И тут возникает предположение, что некоторые информационные объекты способны к паразитическому и вирусному способу существования, а также, возможно, этот способ является вполне нормальным для значительной доли информационных объектов коммуникативного пространства. И речь здесь идет не столько даже о компьютерных вирусах, сколько о «медиавирусах». Другими словами причиной масштабного информационного загрязнения может выступать другое, пока еще скрытое и не понятое как следует явление – «информационное заражение».

Информационное заражение

Одним из первых концепцию информационного заражения описал профессор Нью-Йоркского университета Д. Рашкофф. Рашкофф во многом строит свою концепцию в соответствии с теорией мемов Р. Докинза, отсюда она получает понятие «медиавируса». «Если мы хотим понять инфосферу как расширение планетарной экосистемы или хотя бы как питательную среду, в которой развиваются новые идеи нашей культуры, тогда мы должны признать тот факт, что медиа-события, вызывающие подлинные социальные перемены — это не просто троянские кони. Это медиа-вирусы. Данный термин не является метафорой. Нельзя сказать, что эти медиа-события «похожи» на вирусы. Они и есть вирусы» [12, с. 15]. Данный подход в последние годы набирает популярность, так как хорошо иллюстрирует «поведение» множества информационных объектов.

При описании медиавируса Рашкофф проводит прямую аналогию с биологическими вирусами и находит механизм их действия полностью идентичным. «Большинству из нас знакомы биологические вирусы, например, те, что вызывают грипп, обычную простуду, а может, даже и СПИД. В понимании нынешнего медицинского сообщества, вирусы в корне отличаются от бактерий и микробов, потому что они — не живые существа; они просто протеиновые капсулы, содержащие генетический материал. Атакующий вирус использует свою защитную липкую протеиновую оболочку, чтобы прилипнуть к здоровой клетке, после чего вводит ей внутрь свой собственный генетический код (в сущности, свои гены). Генетический код вируса сражается за контроль с генами самой клетки и в случае победы навсегда меняет способ ее

функционирования и воспроизводства. Особо вирулентные разновидности превращают клетку-хозяина в фабрику, которая штампует копии вируса.

Медиа-вирусы распространяются в инфосфере точно так же, как биологические вирусы распространяются в организме-хозяине или в целом сообществе организмов ... «медиа-вирусные» оболочки ищут любые способные принять их щели и лазейки поп-культуры и прилепляются в любом месте, где их смогут заметить. Прикрепившись, медиа-вирус вводит в инфосферу скрытые в нем концепции в форме идеологического кода — это не гены, но их концептуальный эквивалент, который мы сейчас называем «мемами» [12, с. 6]. Далее постараемся разобраться в структуре медиавируса.

Медиавирус, таким образом, не является реальным биологическим вирусом, он представляет собой разновидность социального конструкта, образования, имеющего конструктивную природу, и воплощается в виде различных коммуникативных форм (текстовые, графические, аудиовизуальные сообщения). Медиавирус является источником медиазаражения и обладает определенной структурой – оболочкой и ядром. Оболочка медиавируса – внешнее его проявление – яркая и привлекающая внимание форма, необходима для контакта с потенциальным носителем, направлена на привлечение его внимания и последующую передачу содержащейся внутри медиавируса информации. Ядром медиавируса является скрытое за оболочкой содержание – это аффективная, эмоционально-окрашенная конструкция, вызывающая сильный психоэмоциональный отклик у реципиента. Таким способом медиавирус проникает в сознание (либо в бессознательное) реципиента и при возможности распространяется как слух или сплетня, то есть через доступные реципиенту каналы коммуникации. Объектом медиазаражения являются элементы социально-коммуникативного пространства. Механизм медиазаражения заключается в его экстенсивном распространении через доступные каналы социальной коммуникации.

Медиавирусы, по способу возникновения, делятся на три основных разновидности: сконструированные – созданные искусственно; мутированные – возникшие в результате изменения искусственного медиавируса; самопорожденные – медиавирусы, возникшие спонтанно, без целенаправленного вмешательства. Медиавирус может быть целенаправленно сконструирован и применяться в интересах определенных лиц; может сформироваться из ранее сконструированного вируса; также, зачастую, он возникает спонтанно. Во всех трех случаях распространяется медиавирус самостоятельно, с помощью того набора инструментов, из которых он состоит.

Таким образом, с развитием ИКТ вспышки медиазаражения становятся все более распространенным явлением. В том случае, если концепции мемов Р. Докинза и медиавируса Д. Рашкоффа верны, то из того следует, что победить окончательно медиазаражение и информационное загрязнение невозможно, остается только приспособливаться к ним. «Мы согласны с Д. Рашкоффом, что медиа способны ускорить эволюцию человечества, однако для этого человеку

необходимо выработать внутренние механизмы противодействия неизбежным отрицательным влияниям части СМК» [5, с. 20]. Для преодоления их негативных последствий нужно принять дополнительные меры [10]. К подобным мерам можно отнести распространение принципов личной кибербезопасности и информационной гигиены.

А.Л. Еремин, в ходе изучения информационного воздействия на психику человека, приходит к выводу о необходимости мер введения информационной гигиены [6]. Сам процесс получения и обработки информации должен подвергаться индивидом внутреннему контролю и самоанализу. Реципиент должен подвергать критичной оценке источник, содержание и канал получения сообщений и информации. Повышение общей компьютерной грамотности, выработка принципов оценки источников информации, методов работы с информацией, способов противодействия медиавирусам и правил информационной безопасности становятся необходимыми условиями существования человека в качестве субъекта виртуального социального пространства.

Соблюдение коммуникаторами основ кибербезопасности и информационной гигиены должно предотвратить негативные последствия информационного загрязнения и медиазаражения. Однако, данные меры могут оказаться недостаточными при столкновении человека с таким явлением информационной эры, как кибервойна. Современный человек, сам того не подозревая, может стать объектом мощного когнитивного и идеологического воздействия, изменяющего не только его поведение, но даже сознание. Требуется дальнейшее исследование различных угроз и кризисов, связанных со становлением информационного общества, а также выработка основ кибербезопасности и информационной гигиены в условиях информационного загрязнения и медиазаражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.П., Алексеева, И.Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. – 2016. – № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1531&Itemid=52. (Дата обращения: 17.08.2017.).
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. / Ж. Бодрийяр. – М: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. / Дж. Ваттимо. – М.: «Логос», 2002. – 128 с.
4. Верховская С.Б. Медиакультура как фактор трансформации сознания // Вестник угроведения. - 2011. - № 2. - С. 93-99.
5. Гура В.В. Медиакультура как когнитивный фильтр для медиавирусов. // Медиобразование. - 2006. - № 2. - С. 16-20.

6. Еремин А.Л. Информационная гигиена, гигиенически значимые параметры и благополучие интеллекта // Материалы межвузовской научно-практической конференции посвященной 125-летию кафедры общей гигиены Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова «История становления и развития отечественной гигиенической науки и практики» / А.Л. Еремин. - М.: Издательский дом «Русский врач», 2009. – С. 82-85.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. - 685 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
9. Леушкин Р. В. Структура виртуального социального пространства. Коммуникации, конструкторы, капитал / Р.В. Леушкин – Ульяновск: УлГТУ, 2017. – 157 с.
10. Маслова Л. Ф. Проблемы воздействия на человека информационного загрязнения // Экономические и информационные аспекты управления бизнес-процессами. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции / Л.Ф. Маслова. - Ставрополь: Издательство "АГРУС" 2017. С. 154-157.
11. Отчет лаборатории Касперского // [Электронный ресурс] Лаборатория Касперского. Режим доступа: <https://securelist.ru/kaspersky-security-bulletin-spm-and-phishing-in-2016/30205/> (дата обращения: 20.09.2017).
12. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. – М.: Ультра.Культура, 2003. – 368 с.
13. Седых Н.С. Информационно-психологические способы вовлечения молодежи в терроризм NV: Национальная безопасность. 2014. № 3.- С. 93-131.
14. Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством интернета // Социальная психология и общество. - 2013. - № 2. - С. 137-147.
15. Соловьев А. В. Социокультурная среда информационного общества: трансформация культурных форм // Вопросы культурологии – 2008. – №4. – С. 41-44.
16. Чернавский А.С., Касуканова К.Е. Роль социальных сетей в организации «Арабской весны» // Национальная Ассоциация Ученых. – 2015- № 9-4 (14). - С. 19-22.
17. Dawkins R., Viruses of the Mind / R. Dawkins // «Skeptically» [электронный ресурс], режим доступа: <http://www.skeptically.org/againstreligion/id7.html> (дата обращения 3.08.2016).

**ТВОРЧЕСТВО КАК ДУХОВНЫЙ
ФЕНОМЕН. ОБРАЗОВАНИЕ КАК
ПРОСТРАНСТВО САМОРАЗВИТИЯ**

ПСИХОТИПЫ ЛИЧНОСТИ И АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА В ФИЛОСОФИИ

(К ВОПРОСУ О МАРГИНАЛЬНОСТИ Ф. НИЦШЕ)*

В. Т. ФАРИТОВ

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

PSYCHOTYPES OF PERSONALITY AND ACCENTUATION OF CHARACTER IN PHILOSOPHY

(TO THE QUESTION ABOUT THE MARGINALITY OF F. NITZSCHE)

V.T. FARITOV

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Выявляются особенности основных психотипов профессиональной философской деятельности. В рамках сопоставительного анализа шизоидного и истероидного типов характера рассматриваются содержание философии, преобладающий тип деятельности, особенности стиля письма и речи, манера преподавания и круг чтения. Материалом исследования выступают как биографические факты из жизни известных мыслителей (Сократа, Гегеля, Ницше), так и их философские учения. В статье используется метод сравнительного анализа, биографический метод, метод исследования продуктов творчества. Применяются принципы характерологических и патографических исследований.

Ключевые слова: шизоид, истероид, характер, философия, акцентуация, Сократ, Гегель, Ницше, профессиональная деятельность, характерология

Основной тезис, который мы попытаемся раскрыть в настоящей статье, состоит в том, что профессиональное занятие философией предполагает определенный склад характера. Специфика философской деятельности характеризуется, во-первых, значительной степенью вовлеченности субъекта в объект, а во-вторых – занятием индивидом особой позиции по отношению к фундаментальным вопросам существования мира и человека. Как правило, мировоззренческая позиция субъекта в рамках философского дискурса в той или иной степени расходится с общепринятыми в среде установками. Философия – это «удовольствие мыслить иначе» [3]. На этом основании мы высказываем предположение, что для занятий философией в наибольшей степени подходит акцентуированный характер. Основное внимание в статье

* Первый вариант опубликован: Фаритов В.Т. Шизоидный и истероидный полюс философии. Характерология профессиональной деятельности // Психология и Психотехника. — 2016. - № 1. - С.82-87. DOI: 10.7256/2070-8955.2016.1.17936. Для настоящего издания исправлено и дополнено.

уделяется рассмотрению вопроса о маргинальности личности и стиля философствования Ф. Ницше.

В клинической психологии основные типы акцентуаций были выделены и описаны Э. Кречмером [8]. Как отмечает А.Е. Личко [9], акцентуация представляет собой не патологию, но «крайний вариант нормы» – постольку, поскольку не приводит индивида к социальной дезадаптации, но служит специфическим механизмом регулирования его взаимоотношений с внешним миром. То есть речь идет не о психических отклонениях и расстройствах, но о существовании различных типов характера, каждый из которых является приемлемым и допустимым с точки зрения существующих в социуме норм. В основе подобных типов характеров лежит специфический способ выстраивания взаимоотношений внутреннего и внешнего. «Стержень любого характера, как бы он не назывался, обуславливает – куда человек направлен, какие у него взаимоотношения с внешним миром, как они строятся, в какой степени они выражены внешне, какими способами осуществляется связь между человеком и внешним миром, включая характеристики биологической почвы – нервной возбудимости, темперамента, работы подсознания» [6]. Акцентуацию можно рассматривать как механизм приспособления или как механизм защиты: «между конкретным Я (с присущим ему характером) и реальностью встает основной свойственный этому характеру механизм защиты, который, искажая реальность, тем самым приспособливает ее к воспринимающей ее личности. Следы этих искажений и приспособлений обнаруживаются как в бытовом поведении, так и в художественных текстах, в стилистической ткани которых можно найти соответствующие характерологические сигналы» [11, С. 4].

Под профессиональным занятием философией мы подразумеваем все те случаи, когда философия составляет основное занятие всей жизни человека, а не выступает в качестве дополнительного рода деятельности (например, как хобби, увлечение). Так, Сократ и Платон для нас – профессиональные философы, хотя в более узком смысле их деятельность не является профессией. В профессиональной среде философов можно встретить различные типы характеров. Однако наиболее распространенным типом, как неоднократно отмечалось в исследовательской литературе, является шизоид. Так, А.П. Егидес пишет: «Философия и шизоид – «близнецы-братья», почти как в свое время «Ленин и партия». Это паранойяльного человека не очень интересует, материя порождает дух или дух материи... А шизоиду важно именно это. Для истероида важна не сама философия, а все, что вокруг нее, общение по ее поводу. Для паранойяльного философия – основа и оправдание его опасной или полезной для общества деятельности. А сама по себе философия, сложная, непонятная, трудоемкая и для обывательского большинства «никчемная тень», эпифеномен, по-настоящему овладевает лишь умами шизоидов» [7]. Шизоидный акцентуированный тип личности составляет целый

самостоятельный полюс философской профессиональной среды. Другим крайним полюсом является истероид. Различия между этими типами состоит в диаметрально противоположной направленности характера связи внутреннего и внешнего. Для шизоида безусловный приоритет составляет внутреннее, внешнее обладает крайне малой степенью значимости. Для истероида, напротив, конститутивным является преобладание внешнего над внутренним. Данная типология согласуется с предложенным К.Г. Юнгом разграничением интровертного и экстравертного типов [15]. Шизоид – интроверт, истероид – экстраверт.

Таким образом, мы будем говорить о существовании двух полюсов философской профессиональной деятельности – шизоидном и истероидном. В клинической психологии выделяют также комбинированные, двухполюсные типы: шизо-истероидный и истеро-шизоидный [6]. Данные разновидности представляют собой не переходные, промежуточные стадии, но самостоятельные типы, сочетающие противонаправленные установки в различных пропорциях. У шизо-истероида доминирует шизоидный «радикал» [6], у истеро-шизоидов – соответственно, истероидный. В философской среде оба этих типа также встречаются достаточно часто.

Приступим к рассмотрению специфических характеристик психологических полюсов философской деятельности.

1. Специфика философствования

Для философа-шизоида область интересов лежит в сфере фундаментальных вопросов бытия. Творцы великих философских систем – И. Кант, Г.В.Ф. Гегель – чистые шизоиды. Актуальность рассматриваемых ими вопросов для современности, их практическая значимость, как правило, мало беспокоит шизоидов – они работают для вечности. Теоретические построения шизоидов оказывают наиболее значимое влияние на последующее развитие философии: на основе их концептуальных разработок формируются школы, направления и течения.

Для истероидов наибольшую значимость имеют темы и вопросы, вызывающие наибольший интерес в настоящее время. Чистая онтология их не интересует, зато привлекают злободневные проблемы современной социальной и культурной жизни.

Исследователь, специализирующийся в какой-то отдельной области философских наук (социальной философии, философии науки и техники и т.п.) – это явно не шизоид. Последний стремится разработать целостную систему, охватывающую все разделы философского знания. Так, у Гегеля его диалектическая система представлена и в философии права, и в философии истории, в философии религии, в эстетике. Создается впечатление, что все эти разделы он разрабатывал лишь затем, чтобы еще и еще раз подтвердить

справедливость онтологических принципов, сформулированных им в «Науке логики». Зато у истероида (хотя и не только у него) мы можем найти весьма подробно разработанную отдельную область философских наук, в то время как собственной онтологии, собственного целостного философского мировоззрения у него нет. Примером здесь могут выступать концепции науки постпозитивистов. Т. Кун тщательно исследует актуальную для его времени проблему научных революций. Решения фундаментальных вопросов онтологии мы у него не обнаружим. В то время как типичный шизоид М. Хайдеггер в пике своему времени поднимает вопрос о бытии – вопрос, преданный, по его убежденности, тотальному забвению во всей европейской философии.

Для шизоида история философии имеет первостепенное значение: он выстраивает свою систему с опорой на достижения великих мыслителей прошлого (которых знает намного лучше, чем своих коллег-современников), в своих трудах постоянно на них ссылается. Так, трактаты Хайдеггера изобилуют экскурсами в философию Парменида и Гераклита, Фомы Аквинского и У. Оккама, Р. Декарта, И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. История философии – взятая как единое целое – для шизоида и есть сама философия. Истероид, как правило, равнодушен к истории философии, нередко имеет о ней весьма поверхностное представление. Он редко цитирует великих, а если и делает это, то может сослаться на популярный сборник афоризмов. Зато наиболее часто истероид приводит ссылки на работы современников – синхронический пласт философской мысли для него имеет преобладающее значение. Если истероид и занимается историей философии, то, обычно, становится специалистом в отдельной эпохе, отдельном направлении, отдельном учении. Само обращение к историко-философским штудиям уже должно сигнализировать, что перед нами не истероид, но, скорее всего, шизоид-истероид.

2. Преобладающий тип деятельности

Для шизоида наиболее характерный тип деятельности в философии – это письмо. Как правило, шизоид – автор толстых книг, в которых тщательно и последовательно разрабатывается его философская система. Если шизоид пишет статьи, то рассматривает их как подготовительные материалы к параграфам и главам будущих монографий. Письмо идеально соответствует психической конституции шизоида, который предпочитает работать в одиночестве, в полной изоляции от присутствия окружающих людей и внешнего мира. Подобно Б. Спинозе, шизоид ночью, запершись в своем кабинете, усердно пишет страницу за страницей, том за томом своего будущего собрания сочинений.

Для истероида самым адекватным типом деятельности является устная речь. Он больше всего любит выступать на публике – всевозможные

конференции, семинары, конгрессы являются его родной стихией. Именно здесь он может реализовать свою психическую установку в полной мере: произвести впечатление на окружающих, заинтересовать своими «оригинальными» идеями, установить новые контакты. Письму истероид не придает столь существенного значения, так как непосредственный контакт с внешним миром здесь отсутствует. Работы истероида – это преимущественно тезисы докладов и выступлений, статьи в сборниках конференций. Устная речь для него первичный способ философствования, письмо – вторичный. Истероид пишет что-то в расчете на публичное выступление, являющееся для него основной целью. Он пишет для слушателей, в то время как шизоид пишет для читателей. Истероид очень редко является автором большого количества больших книг.

В свете вышесказанного следует еще раз поставить вопрос о психологическом типе Сократа. Обычно его относят к шизоидному типу [6], следуя сложившемуся стереотипу «все философы – шизоиды». Однако Сократ ничего не писал – вся его философия разворачивалась в форме живого диалога, публичных выступлений и диспутов. Создается впечатление, что он не мог вообще мыслить без публики, без непосредственного контакта с живыми людьми. Даже свою смерть Сократ превратил в своеобразный философский театр: он умирал на публике, в присутствии слушателей и зрителей. Следует также учитывать, что смерть Сократа представляет собой самоубийство с очевидным расчетом произвести неизгладимое впечатление на окружающих. Ведь он мог выбрать изгнание, но такой ход явно не привел бы к желаемому результату. Демонстративный суицид – одна из черт истероидного типа. Правда, чистым истероидом Сократа, скорее всего, также нельзя назвать: его характеру были присущи и шизоидные черты, проявляющиеся в содержании его философского мировоззрения (а именно, явное и безапелляционное предпочтение внутреннего внешнему). Кроме того, Сократ, вероятно, страдал и какой-то формой шизофренического расстройства: известно, что он слышал некий голос, а по временам мог застыть в определенной позе и простоять так всю ночь, невзирая на холод [2, С. 300-301]. Однако обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящего исследования. Возвращаясь к нашему предмету, можно отметить что Сократ, скорее всего, относится к шизо-истероидному типу.

3. Особенности стиля письма и речи

Письмо шизоида характеризуется обилием сложных конструкций, специальной терминологии и неологизмов. Неподготовленный читатель обычно с большим трудом продирается сквозь подобные писания. Таков специфический, «фирменный» стиль трактатов Канта и Гегеля. Устная речь философов-шизоидов является не чем иным, как их письмом, произносимым вслух. Их выступления и лекции по стилю мало чем отличаются от их

письменных работ. Так, Гегель прославился своей несносной манерой читать лекции – особенно в начале своей профессорской карьеры: «Приват-доцент Гегель как лектор успехом не пользовался. На кафедре он держался, будто сидел дома за письменным столом: то и дело перелистывал свои тетради, отыскивая нужное место, нюхал табак, чихал и покашливал. Говорил негромко, с трудом подыскивал слова, особенно когда речь шла о вещах простых и понятных, которые, казалось, тяготили его своей очевидностью» [4, С. 46]. И письмо и речь шизоида характеризуются неэмоциональностью, отсутствием юмора, ярких примеров. Как правило, шизоиды никогда (или совсем редко и в порядке исключения) не ссылаются на свой личный жизненный опыт. Для них важно само содержание предмета, а не собственная персона. Нередко шизоиды плохие преподаватели: хотя в теоретическом плане они намного превосходят остальных, но способность передать материал другим людям у них не очень развита. Правда, зная за собой такой недостаток, шизоид может постараться скорректировать свои устные выступления. Например, он может разбавить свою сложную, монотонную и сухую речь юмором. Но одни и те же шутки будут повторяться у него из года в год по строго установленному графику – так что студенты нередко уже заранее знают от старшекурсников, какой анекдот расскажет их профессор на очередной лекции по античной философии.

Письмо и речь истероидов в философии представляет полный контраст манере шизоидов. Сложные термины и конструкции в их стиле, как правило, отсутствуют. Они предпочитают изъясняться ясно и доступно – ведь так легче добиться главной цели – произвести воздействие на окружающих. Шизоид же как бы отгораживается ото всех и вся непроницаемой стеной из нагроможденных друг на друга понятий. За этой стеной он может оставаться в полном одиночестве – наедине со своими мыслями: «Гегель напугал меня своим языком, вымученным и претенциозным. Я не испытывал к нему никакого доверия, он показался мне человеком, который заключен в тюрьму из собственных слов и который с важным видом прохаживается по камере» [14, С. 91]. Истероид очень часто в своих текстах и выступлениях обращается к примерам из собственной жизни. «Я вчера кого-то встретил...; я что-то увидел...» – типичный метод аргументации истероидного философа. В действительности подобные ссылки на единичные случаи из своей жизни совершенно ничего не аргументируют, но служат еще одним средством самопрезентации. В качестве преподавателей истероиды обыкновенно производят яркое впечатление: их лекции эмоциональны, полны интересных примеров и живого, спонтанного юмора. Но нередко бывают случаи, когда содержание едва-ли не полностью растворяется в потоке шуток и рассказов о своей жизни, и студенты сетуют на отсутствие необходимой для сдачи экзамена информации.

В связи с рассматриваемым вопросом следует обратиться к проблеме стиля Ф. Ницше. Если изучать биографию [13] и письма [10] мыслителя, то не останется никаких сомнений, что перед нами шизоидный акцентуированный тип. Уже в детские годы Ницше обнаруживает шизоидные черты характера, которые с возрастом только усиливаются. Взрослый философ ведет крайне уединенный образ жизни, его контакты с внешним миром сведены к минимуму. С небольшим кругом друзей и родных (к которым относились мать и сестра) он предпочитает общаться посредством переписки. И даже с ними он не чувствует никакого духовного родства, но наоборот, очень резко ощущает свою психологическую и интеллектуальную отчужденность. Однако стиль ницшевского письма не характерен для шизоидного типа. Письмо Ницше афористично, экспрессивно, личностно. Такой стиль характерен для истероидов. Вместе с тем содержание его философии соответствует шизоидному типу. Ницше занимается фундаментальными проблемами онтологии и метафизики, вступая в диалог с Кантом и Гегелем. Хотя у него и отсутствует система, в XX столетии его учение оказало определяющее влияние именно на теоретическую философскую мысль: ему посвящали тома исследований такие философы, как К. Ясперс, М. Хайдеггер, его последователями объявляли себя Ж. Делез и М. Фуко. Указанное противоречие между образом жизни, содержанием философского учения, с одной стороны, и стилем письма, с другой стороны, позволяет сделать вывод о принадлежности Ницше к типу шизо-истероидов. Шизоидная установка была у него доминирующей, истероидная – подчиненной. Хотя окончательная и фиксированная диспозиция психологических установок, по-видимому, не достигалась им никогда. Этим обстоятельством объясняется двойственный характер одаренности Ницше, на который указывал П. Слотердаик [12]. Ницше тяготел одновременно к науке и к искусству. Он был в одно и то же время вьедливым ученым-филологом и поэтом и музыкантом, восторженным почитателем Р. Вагнера. Последний представляет собой ярко выраженный истероидный характер. Взять хотя бы поведение большинства персонажей его опер: истошные рыдания, истерические вопли и стоны. (Для сравнения: персонажи итальянского современника Вагнера Дж. Верди не ведут себя так даже в самых критических жизненных ситуациях). В Вагнере Ницше сознательно или бессознательно находил воплощение своей второй психической установки. Попыткой реализовать сразу обе составляющие своей психической конституции – шизоидной и истероидной, теоретической и артистической – и стала его философия.

4. Чтение

Шизоид отдает предпочтение монографическим работам – он с большим интересом читает фундаментальные труды, нежели статьи в журналах. Статьи

не дают ему возможности достаточного глубокого проникновения в суть проблемы. Именно шизоид способен с удовольствием прочитать до конца «Науку логики» и «Бытие и ничто». Истероид может сделать подобное только через насилие над собой. Как правило, он не любит крупные и сложные работы и редко к ним обращается. Он предпочитает чтение статей: здесь для него открыта возможность быстро получить необходимые сведения о направлениях современных исследований, об актуальных проблемах и методах. Если шизоид для изучения Хайдеггера обратится, прежде всего, к «Бытию и времени», то истероид предпочтет ознакомиться с идеями мыслителя, прочитав его статьи и доклады. Истероид часто работает со всевозможными словарями, энциклопедиями и даже учебниками. Шизоид прибегает к литературе подобного рода достаточно редко. Как отмечает Личко, у истероидов «увлечение философией ограничивается самым поверхностным знакомством с модными философскими течениями и предназначено опять же, чтобы своими познаниями произвести впечатление на соответствующее окружение» [9]. Подобная поверхностность осведомленности истероидов встречается и в профессиональной философской среде (что, однако, может не служить препятствием к получению степеней и званий).

5. Выводы

Результатом проведенного рассмотрения не должно стать навешивание ярлыков на всех, кто занимается философией. В сфере философской профессиональной деятельности могут встречаться и другие психотипы. Кроме того, характеры могут быть и не акцентированными, или же черты той или иной акцентуации могут быть сглажены до полной неразличимости с течением времени. Шизоидный и истероидный, а также шизо-истероидный и истеро-шизоидный типы составляют крайние полюса философской профессии. Большинство великих философов относятся либо к шизоидам (Кант, Гегель, Хайдеггер), либо к шизо-истероидам (Сократ, Эмпедокл, Ницше, Сартр). К истеро-шизоидам, возможно, следует отнести Цицерона, получившего известность в качестве теоретического и практического оратора, в то время как его собственно философские воззрения не оказали сколь-либо существенного влияния на дальнейшее развитие теоретической философии. Собственно истероидов в истории философии найти сложно. Связано это с тем, что истероиды в области философии, как правило, не оставляют существенных следов в виду достаточно поверхностного характера их занятий. Они способны производить впечатление на современников при жизни (что, в сущности, и является их главной целью). В сфере философии истероиды встречаются в преподавании. Философ-шизоид преподает потому, что должен это делать, будучи сотрудником образовательного учреждения. Для истероида в преподавании может заключаться весь смысл его занятий философией. Кроме

того, в современном мире, по крайней мере, в Европе, получает активное распространение такая форма презентации философских учений, как философский слэм [1, С. 184-182]. Данное направление предполагает демонстрацию философских идей на сцене. Здесь обширное поле деятельности для истероида – прирожденного актера. Истероиды могут выступить в качестве успешных популяризаторов сложных и труднодоступных философских систем. Нередко они склонны к эпатажным заявлениям, благодаря чему оказываются в центре внимания современников (мы могли бы назвать имена известных благодаря такой тактике современных философов, но не делаем этого их этических соображений).

Определенные трудности проводимого нами исследования заключаются в многоуровневой направленности анализа. Мы рассматриваем не только философов в аспекте психологического исследования фактов их биографий, но философов как авторов систем и учений и философов как авторов текстов. На всех трех уровнях могут обнаруживаться черты различных типов характера. Так, в жизни философ может проявлять ярко выраженную шизоидность, граничащую с патологией (Ницше). Или же шизоидные черты в личности мыслителя могут быть представлены достаточно гладко: Гегель, в отличие от Ницше, вполне благополучно женился, получил общественное признание и должности. Содержание философских учений может носить шизоидный, истероидный или какой-либо другой характер. Ж. Делез выделяет три типа философа в зависимости от направленности содержания их учений: маниакально-депрессивный, шизофренический и извращенческий [5, С. 170-177]. Однако это уже другой подход.

На уровне же текста может иметь место как шизоидный, так и истероидный стиль письма. Причем последний, как было показано нами на примере стиля Ницше, может вполне сочетаться с шизоидным содержанием системы. В жизни Ницше был шизоидом без каких-либо компенсаций. Отчужденность и уединение достигли у него крайних пределов. Заканчивает он психозом. Истероидный стиль у Ницше вырабатывается в качестве компенсации шизоидности. Отсюда столь значимая для Ницше тема маски, шутовства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балаклеец Н.А. Использование опыта научного слэма и перформативной философии в организации философских олимпиад // Электронное обучение в непрерывном образовании. – 2015. – Т. 2. – № 1 (2). – С. 184-192.
2. Гаспаров М.Л. Занимательная Греция / М.Л. Гаспаров. – М.: Эксмо, 2012. – 624 с.

3. Гиренок Ф. И. Удовольствие мыслить иначе / Ф.И. Гиренок. – М.: Академический проект, 2010. – 235 с.
4. Гулыга А.В. Гегель / А.В. Гулыга. – М.: Молодая гвардия, 2008. – С . 46.
5. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с.
6. Дукаревич М.З. Характерология [Электронный ресурс]: Электронная библиотека RoyalLib.com.
URL: http://royallib.com/book/dukarevich_mayuua/harakterologiya.html (дата обращения: 10.02.2016).
7. Егидес А.П. Как научиться разбираться в людях [Электронный ресурс]: lib.ru. URL: http://www.lib.ru/DPEOPLE/EGIDES/egides.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 10.02.2016).
8. Кречмер Э. Строение тела и характер / Э. Кречмер. – М.: Академический проект, 2015. – 327 с.
9. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков [Электронный ресурс]: drlev.ru. URL: <http://drlev.ru/book/lichko2.pdf> (дата обращения: 10.02.2016).
10. Ницше Ф. Письма / Сост. И.А. Эбаноидзе. / Ф. Ницше – М.: Культурная революция, 2007. – 400 с.
11. Руднев В.П. Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. / В.П. Руднев - М.: Независимая фирма «Класс», 2002. – 272 с.
12. Слотердаек П. Мыслитель на сцене. Материализм Ницше // Ф. Ницше Рождение трагедии – М.: Ad Marginem, 2001. – С. 547-724.
13. Холлингдейл Р. Дж. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души / Р. Дж. Холлингдейл. – М.: Центрполиграф, 2004. – 383 с.
14. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К.Г. Юнг. – М.: АСТ-ЛТД, Львов: Инициатива, 1998. – 480 с.
15. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. – М.: Олимп; АСТ, 1998. – 720 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00910

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И КРЕАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ

И.Л.ЗУБОВА

Ульяновск, Ульяновский государственный университет

CRITICAL THINKING: TECHNOLOGICAL, CREATIVE APPROACHES

I. L. ZUBOVA

Ulyanovsk, Ulyanovsk State University

Рассматривается содержание и способы преодоления доминирующего в современной высшей школе технико-технологического подхода, связывающего критичность с рефлексивным (аналитическим) мышлением. Критическое мышление представлено автором с позиций креативного подхода как мышление творческое, являющее себя в ситуациях порождения новых смыслов.

Ключевые слова: критическое мышление, творческое мышление, образование, технико-технологический подход к образованию, креативный подход к образованию.

Сегодня неотъемлемой частью профессиональной компетентности студентов вуза становится формирование и развитие у них критического мышления. Только при достаточно высоком уровне развитости критического мышления выпускник вуза способен стать самостоятельно, критически и творчески мыслящим профессионалом, владеющим умениями и навыками делового взаимодействия и сотрудничества, способного находить нестандартные подходы к решению производственных задач. Студентов высшей профессиональной школы необходимо поощрять и готовить к постоянному саморазвитию, инновациям, разнообразию способов достижения целей, к самостоятельному принятию решений.

Согласно современным подходам к образованию должны учитываться потребности, интересы, стремления, склонности студентов. Формирование критического мышления считается перспективной образовательной технологией, способной осуществить полноценное личностное развитие студентов, раскрыть их творческий потенциал, а также реализовать индивидуальные ресурсы [2, с. 81].

Изучение критического мышления как основы образовательных технологий XXI века называют одним из самых приоритетных направлений, зародившимся на стыке психологии, педагогики, философии и ряда других областей научного знания. В числе исследователей, занимающихся проблемами критического мышления, необходимо назвать Дж. Дьюи, Д. Халперн, Д.

Кластера, Р.Х. Джонсона, В.А. Попкова, А.В. Коржуева, Г.Б. Сорину, А.Б. Бутенко и др.

Согласно работам современных педагогов и психологов, критическое мышление определяется как «разумное, рефлексивное» мышление, которое позволяет объективно рассуждать, логично поступать в соответствии со здравым смыслом, дает возможность посмотреть на вещи с разных точек зрения и отказаться от собственных предубеждений, прийти к новым возможностям решения проблем [1]. Думать критически означает проявлять любознательность и использовать исследовательские методы: ставить перед собой вопросы и осуществлять планомерный поиск ответов [3, с.5-13]. Критичность понимается производной от рефлексивности. Рефлексия обязана «проводить ревизию ума и производить сборки смыслов», что является функцией критического мышления. Базовую модель занятий с использованием технологии развития критического мышления в общем виде представляют как последовательную реализацию трех стадий (вызов, осмысление, рефлексия), каждая из которых включает методы и приемы, способствующие оптимальной организации деятельности студентов при формировании компетенций. В преподавательской практике для формирования компетенции работы с информацией успешно используются следующие приемы технологии критического мышления: «Инсерт», «Кластер», «Квант» и другие [5]. Они делают акцент на соединении рефлексивного мышления с процессом мыследеятельности, осуществляемой по правилам и нормативам. Работу по развитию критического мышления целесообразно дополнить внесением изменений в содержание образования и новыми методиками исходя из его понимания как мышления кризисного, имеющего место в состояниях возможного и в креативных состояниях познания. В этих случаях речь идет об образовании в широком смысле слова, то есть как о креативном явлении социума. Разработка проблем образования/креативности в онтологии социального бытия стала одним из направлений работы кафедры философии УлГТУ. Теоретические и практические наработки автора статьи опираются на положения, сформулированные Г.Ф. Мироновым и Т.Н. Брысиной, позволяющие иначе представить развитие критического мышления [4; 6].

В современном обществе и в системе образования сохраняется доминирование технико-технологического содержания человеческой жизнедеятельности. Образование подразделяется на обучение и воспитание и мыслится как процесс технологически организованной деятельности субъектов и объектов. Между тем всякое образование, возникновение, рождение всегда есть актуальное состояние или состояние на-стоящего. Последнее – самостоятельное измерение реальности, в котором сбывается человек не в качестве изначально спроектированного, а сбывается в новом качестве, благодаря своей творческой активности. До сих пор игнорируется феноменальная природа человека как существа смыслообразующего, включенного в универсальные связи социального и естественного миров.

Отсюда – преобладание в прагматике обучения и воспитания методик формирования ментальности человека как исполнителя определенных социальных ролей, носителя соответствующих функций, обладателя компетенций.

Укоренена иллюзия относительно того, что разумная сознательная деятельность человека осуществляется исключительно благодаря рефлексии (аналитическому мышлению), а сознание всегда находится под ее контролем. В этом случае преобладает тенденция прогнозирования и моделирования образования, его технологизации и нормативации, в ущерб творческой – свободной, спонтанной, самоорганизующейся активности личности. Порождение нового – акт, содержательным моментом которого является симбиоз человеческой активности со всеми обстоятельствами ее реализуемости. Остается неосмысленной природа образования, несводимая к обучению и воспитанию. Образование – это состояния, в которых нечто находится при-родах. Рождение человека в новом качестве – это есть его образование через являемую им новизну в актах-событиях, свершающихся «здесь - и - сейчас».

Понимание и трактовка критического мышления ограничивается его сведением к мышлению аналитическому, и даже творческое мышление определяется как деятельность по конструированию нового, «сборке смыслов». Несмотря на признание взаимообусловленности и наличие синтетичности мышления допускается разделение мышления на критическое и творческое, с выделением их специфических характеристик. Разделять критическое и творческое мышление можно разве что на этапах познания, предшествующих возникновению креативной ситуации или следующих за ее разрешением, когда познавательная активность мышления осуществляется в своей строго организованной форме, когда не происходит рождение нового смысла. Человеческая активность (в любых формах проявления) не сводится к процессуально организуемой деятельности, не исчерпывается деятельностной формой, детерминируемой какими-либо отдельными факторами. Такое понимание деятельности скрывает другие ее проявления и измерения, что прекрасно иллюстрирует расхождение между целями и результатами деятельности. Нерефлексируемые обстоятельства активности человека дают девиацию, т.е. отклонение от принятой нормативности деятельности, содержат ее скрытые параметры и позволяют получать новые результаты.

Критическое мышление есть творческое мышление в состояниях (не процессах), когда возникает пространство возможного и в креативном пространстве рождения Мысли, новизна или креативность которой состоит в наивысшей степени полноты и реализации возможного в конкретной ситуации. Новизна являет себя на до-прагматическом уровне, и здесь она ни с чем не сопоставима и не сравнима. Только потом мысль воплощается в различных формах организующегося (конституирующегося) знания и становится основанием, выступает в качестве идеи для логического

конструирования, моделирования и использования в социальной прагматике. Но это уже вторичные формы существования знания! Сводить к конструированию нового или выведению следствия из порожденного нового сущность критического мышления в творческом измерении и оценивать только по ним результаты мышления некорректно и неправомерно. В абстрактно-теоретическом мышлении доминирует логическая схематика методологически-нормативно и процедурно определяющая его последовательность. Полученные и организованные преимущественно технико-технологическим способом знания приобретают форму алгоритмичности, позволяющую создавать на их основе всевозможные технологии для решения утилитарных задач во всех сферах жизнедеятельности общества. Техницизм демонстрирует свою эффективность в деятельности, в том числе в процессе мышления, дедуцирующего знание на основе последовательной актуализации вторичных или объективированных форм бытия Мысли. В то же время он блокирует критическое мышление в креативном измерении, результатом которого является творческий акт порождения Мысли, являющей новое осмысление и понимание человеком себя и мира. В уже представленном и объективированном виде. Мысль задает пространство возможного и выступает основанием для дискурсивного мышления. Акт Мысли неподвластен методологическому и технологическому порядку и не приносит немедленной практической выгоды, но зато именно он несет новизну и первичен по отношению к процессу критического мышления в технико-технологическом исполнении.

Слова «критический» и «кризис» производны от греческого слова – *kritikos*, которое употреблялось в различных значениях. Критическое мышление в технико-технологическом измерении актуализирует его в значении – относящийся к критике; способный или склонный к разбору и разносторонней оценке какого-либо явления, произведения, деятельности и т. д. Критическое мышление в креативном измерении относится к кризису – решающему, переломному, затруднительному, опасному моменту; развязке; опасному, безвыходному положению. Кризис – это открытое, актуально-потенциальное состояние обновляющейся сложной самоорганизующейся системы. Это состояние, когда возникает пространство возможного как необходимое условие события – возникновения новизны, а достаточное условие для превращения пространства возможного в креативное пространство и связывается с человеческой активностью, с критическим мышлением. Событие – происходит в кризисной точке. Познание событийно и событийность возможна в кризисной ситуации, где сконцентрирована человеческая активность, подпитываемая всеми обстоятельствами имеющимися на данный момент.

Событийность как акт рождения новизны в состояниях участников образования можно понять через признание наличия в состояниях образования «субъективности», или индивидуально-личностной компоненты. Природа

события состоит в творческой активности человека в совокупности со всеми обстоятельствами в настоящем. Поэтому раскрыть креативное содержание человеческой активности можно только «изнутри», через измерение «здесь-и-сейчас». В данном измерении имманентная включенность сознания в жизненный контекст настоящего делает его открытым. Открытость сознания является одним факторов из того, что агенты образования в своей деятельности не только воспроизводят усвоенные технологии деятельности, схемы поведения, но и выходят за их пределы, нарушая ясность и понятность своих действий.

Открытость сознания участников образования осмысливается в качестве необходимого условия, характеристики и содержательного момента образующегося пространства возможного. Открытость – необходимое условие для критического мышления в креативном или смыслопорождающем измерении. Мышление становится открытым в особых актуальных экзистенциальных состояниях, когда проблематизируются основания человеческого бытия и происходит разупорядочивание связей, организующих мышление и знания. Ситуация переживается как многомерная, а критическое мышление в пространстве возможного характеризуется неопределенностью, неизвестностью, неуверенностью, неравновесностью, неустойчивостью, бифуркационной креативной потенциальностью. Мыслительная активность в открытом режиме обеспечивается нелокальными многомерными связями. Ими устанавливается связь мышления человека с другими системами, представляющими реальность, образуя тем самым новую, характеризующуюся целостность многообразием и разнородием в его состоянии.

Открытость ситуации предполагает соответствующие формы организации и иного параметрического измерения мышления, к которым относятся: вариативность, альтернативность, нетехнологичность и др., существенно отличающиеся от параметров, характеризующих организацию мышления в технико-технологической деятельности. Актуальные открытые состояния сознания возможны в презентативном времени, т. е. в настоящем времени, вбирающем в себя и прошлое, и будущее. Презентативное время содержит в себе линейное время, фиксирующее процессуально-последовательные изменения духовных состояний, и событийное, фиксирующее акт рождения нового духовного состояния. Сочетание линейного и событийного времени обеспечивает нелинейную динамику духовной состояний агентов образования в их целостности.

Наряду с рефлекслируемыми параметрами активность участников образования содержит и скрытые параметры, которые могут случайно актуализироваться и инициировать рождение мысли, т. е. спровоцировать переструктурирование (самоорганизацию) системы – духовного состояния человека и его знаний.

Пространство возможного насыщается за счет актуализируемых познавательных приемов и процедур и различного рода когнитивных

образований (в том числе междисциплинарных знаний, личного опыта, опыта других). Поиск в пространстве возможного – это особое экзистенциальное состояние, представленное сомнениями, потерей покоя и равновесия. В сознании всплывают различные ходы, повороты, столкновения, встречи, препятствия, их преодоление, отказ от прежних ходов, обращение к самому себе, погружение в глубины самосознания.

Человек творит и сотворяется в ходе поиска, который при ближайшем рассмотрении оказывается способом со-прикосновения с чуждым, явлениями иного рода.

Вне- и до- определенные состояния сознания и мышления не означают утрату целостности. Целостность понимается как открытая, разнородная, децентрированная и ацентрированная и рассматривается не только как характеристика состояния мышления, но и как достаточное условие рождения новой мысли, превращающей пространство возможного в креативное пространство. Поэтому целостность оценивается и в качестве еще одного принципа создания креативных ситуаций, к тому же она является и содержательным моментом смыслообразования.

Смыслообразующая целостность обеспечивается презентативными связями, которые выражают наличие в одном всего остального, а также пространственно-временную совмещенность в одном месте и в одно время «всего и сразу». Знание здесь становится синкретичным, неразделённым на предметные области, на теоретический и эмпирический уровни, на абстрактное и образное, на фундаментальное и прикладное.

В результате свободного критического мышления пространство возможного превращается в креативное пространство, где происходит спонтанно-интуитивное порождение смысла. Смысл или новая мысль выступают как презентанты ситуации, в которую включен человек вместе со всеми обстоятельствами реализуемой активности. Если в пространстве возможного ситуативность подчёркивает открытость знания в актах экзистенциального переживания актуального опыта и внимание сосредоточено на необходимости осознать себя погружёнными в ситуацию, то в критической ситуации она переносит акцент на непосредственные условия, обстоятельства и содержание возникающих новых смыслов. Новая мысль является истинной по факту своего происхождения. Так как любой участник образования переживает смыслопорождающую ситуацию по-своему, исходя из своего уникального опыта, то и результатом является множество смыслов и истин в разрешении проблемной ситуации.

Смыслопорождение является показателем наивысшей степени полноты раскрытия возможного в состояниях человека и мира, если созданы необходимые и достаточные условия, одновременно являющиеся и содержанием креативной ситуации:

1. Преодоление субъект - объектной образовательной парадигмы. Готовность участников образовательного процесса к совместному поиску

решений, уважение и принятие чужого мнения, способность отстаивания собственного мнения и др.

2. Разнородность (гетерогенность) пространства возможного. Она проявляется в насыщенности учебной дисциплины или ситуации образовательным материалом по предмету и смежным дисциплинам научного, философского, общекультурного развивающего характера, а также разного уровня сложности, включение в ситуацию различных точек зрения и подходов, а также различных исследовательских методов и приёмов и т. п.

3. Интерактивность как диалоговая и полилоговая форма взаимодействия участников образования (различные формы диалога – диалог с текстом, диалог культур и т.д.), создание атмосферы включённости каждого ученика в поиск.

4. Самостоятельность участников креативной ситуации: предоставление им возможности самим создавать пространство возможности, осуществлять выбор, высказывать и отстаивать любое мнение, поощрение риска, нестандартных, экстравагантных ответов и т.д.

5. Психологическая комфортность как основа ситуации успеха, позитивное толкование любых проявлений и результатов активности агентов креативной ситуации, понимание других на основе интроспекции, эмпатия по отношению друг к другу, взаимопомощь и эмоциональная поддержка, отсутствие боязни проявить свои эмоции, быть воспринятым в качестве «белой вороны», человека со странностями.

6. Гуманитарность как возможность проявить себя в качестве многомерного феномена «здесь-и-сейчас», включающую в себя:

1. Запрет на аналитические процедуры, технологичность, методологичность мышления и т. д.

2. Переход с языка понятий на язык концептов, непредикатный языка метафор, образов и т.д.

3. Синкретичность, симбиотичность, презентативная связанность как совмещенность в одно время и в одном месте «всего и сразу» (знаний образований по различным предметам, личного опыта, различных времён, знаний о различных методах, приёмах, процедурах и т. д.

4. Наличие множества истин, относящихся к одной и той же реалии.

5. Особенности приёмов, методов и организационных форм, учебно-образовательных материалов, необходимых в организации и активизации творчества студентов на занятиях и в самостоятельной работе

Участники образования, разделяющие установку открытости, не ограничиваются обновлением содержания знаний по своему предмету и смежным дисциплинам.

Акцент в работе преподавателя делается на актуализации и интенсификации интеллектуальной самодеятельности студентов, когда разрабатываются подходы и приёмы, позволяющие провоцировать ситуации

для проявления критического мышления в креативном варианте, или использовать спонтанно возникающие.

В качестве исходного материала для самостоятельной работы, требующей высокой интеллектуально-мыслительной активности, Г.Ф. Мионов практиковал нетрадиционные вопросы, задания, парадоксы, головоломки, антиномии, апории. В ходе выяснения существа того или иного задания кроме существующих алгоритмов его решения, совершенно необходимо привлечение дополнительных ресурсов: активизации и включения интуиции, критического переосмысления традиционных подходов к оценке и пониманию проблемных ситуаций, создания диалоговых и полилоговых пространств, активного участия в их организации и постоянного преобразования, разрушения сложившихся стереотипов мышления.

Вся работа направлена на формирование открытости мышления в противоположность мышлению стереотипизированному, клишированному, алгоритмизированному, замкнутому на свои уже сложившиеся схемы. Открытость, точнее, открываемость мышления достигается в результате «насыщения» пространства его осуществимости посредством включения в него инородных образований: например, постановку неожиданного вопроса, алогичного суждения, метафоры, нерешённой задачи, парадокса, редко встречающегося языкового образования, эмоционального состояния (удивления, смущения, чувства безысходности, чувства уверенности и просветлённости).

Значительное место отводится коллективному интеллектуальному тренингу в режимах диалога и полилога, позволяющим формировать культуру общения, корректно соотносить различные точки зрения, преодолевать стереотипы и штампы в мышлении («мозговой штурм», брейнсторминг). Методическое обеспечение данной формы работы состоит в корректировке диалогово-полилогового пространства с тем, чтобы поддержать определённый уровень взаимодействия участников общения. Сама корректировка состоит в расстановке «логико-семантических акцентов» в осмысливаемом материале, который, в свою очередь, сам постоянно обогащается за счёт привнесения каждым участником своего осмысливаемого материала. Синкритизация этого материала в единое, открытое, разнородное, децентрированное целое и поддержание такой целостности, в которой возможно установление новых связей между её «элементами», даёт возможность работы в режиме коллективного интеллектуального интерфейса.

Язык, будучи непосредственной реальностью в процессе общения (именно в такой форме осуществляется на семинаре), проявляет себя как самостоятельная сфера состояния интеллекта, в которой представлены различные языковые единицы различных типов. Виды и роды языка образуют постоянно конструируемые и переструктурируемые семантические пространства. Они-актуально-потенциальные поля интеллекта, проявленность и явленность которого тем интенсивнее и продуктивнее, чем больше в этих

пространствах задействовано языковых единиц. Создание таких семантических пространств и актуализация возможных смыслов в них – такова общая ориентация всей работы преподавателя. В качестве предмета осмысления, а затем и применения в интеллектуально-мыслительной деятельности возможно привлечение таких языковых систем и языковых образований, как пространственно-геометрических, арифметико-алгебраических, музыкально-гармонических, теоретико-множественных, словесно-символических, мимико-жестовых, свето-цветовых и др.

Выделяемые из этих языков исходные «языковые единицы» выступают в качестве средства созидания семантического пространства с последующим выявлением связи между его элементами. Любое осмысливаемое явление в таком случае оформляется и выражается в различных языковых образованиях и, наоборот, в языковых единицах одного языка оформляются и выражаются различные явления. Во взаимодействии различных языковых образований, которые возникают при проявлении интеллектуальной активности, порождаются креативные ситуации, ситуации возникновения смыслов.

Интеллектуально-мыслительная деятельность, осуществляемая в различных семантических пространствах и использующая язык в качестве провоцирующего креативную ситуацию фактора, превращают её в творчество. Сотворение возможных пространств с возможными в них смыслами – одна из важнейших задач креативной ситуации в образовании. Методически это задаётся исходной постановкой задачи (вопроса) и предварительными условиями поиска возможного решения (ответа). При этом сохраняется право студента на самостоятельную деятельность в перекодировке заданий и указаний предпосылок их решений в любом из избранных языков с тем, разумеется условием, что и то и другое будет иметь соответствующее обоснование.

Работа над созданием и разрешением креативных ситуаций, хотя и опирается на выявленные инварианты человеческой активности, сформулированные в качестве условий необходимых и достаточных для проявления критического мышления в креативной форме, все же является принципиально нетехнологизируемой. Идея всеобщей технологизации сферы образования, которая чаще всего воспринимается в качестве очередной панацеи в решении проблем образования является не только утопической, но, пожалуй, даже вредной, ибо оборачивается забвением тех уникальных и нетехнологизируемых моментов рождения нового в состоянии личности «здесь и сейчас». Хотя сторонники технологизации образования признают, что даже традиционный педагогический процесс с трудом поддается технологизации, так как в нем большую роль играет случайность, незапланированные неожиданности: преподавателю необходимо быстро реагировать на них, быть готовым к импровизации, ситуативным действиям». Но, по их мнению, выход из данного затруднения заключается в технологизации возможных спонтанных ситуаций, поэтому «педагогическая технология должна быть достаточно

гибкой, предусматривающей различные варианты возникающих педагогических ситуаций и адекватные им способы реагирования». Отчасти с этим следует согласиться если речь идет о научении, но уникальные акты-события не могут быть предусмотрены заранее и не могут возникать в результате применения технологий.

Сохранение прежних парадигмальных установок во многом обусловлено тем обстоятельством, что разрешить проблемы гуманизации образования пытались преимущественно на основе технологизации педагогического процесса, хотя для них нужны другие основания, которые и предлагают современная философия и наука.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Н.В. Реализация технологии развития критического мышления в высшем образовании // Научный форум: Педагогика и психология. Сборник статей по материалам XII международной научно-практической конференции №10(12) М, 2017. – 156 с.

2. Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление. Технология развития. Спб.: Альянс «Дельта», 2002. – 192 с.

3. Клустер Д. Что такое критическое мышление? // Критическое мышление и новые виды грамотности. М.: ЦГЛ [и др.], 2005. – 77 с.

4. Лазырина О.М. Приемы технологии критического мышления в педагогической практике // Теория и практика общественного развития (2015, № 5) – С.156-157 - <http://teoria-practica.ru/vipusk-5-2015/>

5. См. Креатология в действии. // Методические материалы по спецкурсам кафедры философии. - Ульяновск: УлГТУ, 1999 ; Наука – Творчество – Образование: сборник научных трудов Международной теоретико-практической конференции, посвященной памяти профессора Г.Ф. Миронова, г. Ульяновск, 14-15 мая 2009 г./ под ред. Т.Н. Брысиной.- Ульяновск: УлГТУ, 2009. – 404 с.

К ПРОБЛЕМЕ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

В.А. МАКСИМОВИЧ

Минск, Институт философии Национальной академии наук Республики Беларусь

TO THE PROBLEM OF THE SUBJECTIVE FACTOR IN ART

V.A. Maksimovich

Minsk, Institute of philosophy of National academy of science of Belarus Republic

Рассматривается роль личностно-субъективного фактора в художественном творчестве. Автор делает попытку установить смыслодержательные и мотивирующие составляющие творческого процесса, выявить внутренние предпосылки, факторы и условия, влияющие на степень постижения множественных форм жизни, реализации личностно-антропологической многомерности. Затрагиваются вопросы психологии художественного творчества, принципы действия механизма стимулирования творческих интенций, специфика развития поэтического чувства. Коммуникативно-творческие интенции отнесены к наиболее значимым стимулирующим основаниям, расширяющим границы культурно-созидающего пространства.

Ключевые слова: художественное творчество, субъективный фактор, любовь, коммуникация, межличностная коммуникация.

Давно и правильно замечено, что процесс творчества обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. Последние связаны с личностью самого художника, его мировоззренческими и эмоционально-психологическими предрасположенностями и предпочтениями. Именно личностный аспект, а не перипетии внешнего мира, целесообразно отнести к более важному мотивационному фактору, участвующему в формировании художественного ценностно-смыслового ядра. Своеобразное «овнутрение» окружающего мира, подчеркивание эгоцентричности, если можно так сказать, субъективистичности позволяет предельно оголить «нерв» переживаемого момента, достигнуть высокой степени исповедальности, откровенности, непосредственности в выявлении чувств и переживаний. Достаточно сложно описать сам процесс объективации художественной мысли, особенно в том случае, когда доминирующим выступает лирическое переживание, эмоциональный накал. Художник руководствуется желанием нарисовать эстетически совершенную и, по преимуществу, будоражащую чувства картину (образ, систему образов), способную вызвать сопереживание, внутреннее соучастие и дать возможность получать то же эстетическое, в первую очередь, удовлетворение от прочитанного, суггестивно воздействуя на реципиента. Важно в процессе творчества отразить собственное видение и чувство, собственный почерк, – особенный, отличительный, позволяющий видеть привычное в неожиданных, нестандартных сочетаниях, пропорциях, ракурсах.

Именно в зоне красоты, прекрасного, гармоничного рождается ощущение полноты бытия, всплеск мгновений необычайной внутренней эйфории, окрылённости чутко настроенных струн души, потаенных чувств. В такие моменты так важно обнаруживать присутствие вечности в мгновениях бытия, во временном потоке жизни, осознавать свою сопричастность с миром. Упоительное переживание полноты и значимости бытия, непреходящей новизны и ценности каждой встречи с прекрасным, вдохновляющее слияние с Целым, сакральное переживание момента Абсолютности, открытие самодостаточности того мгновения, в которое погружён человек, по

убеждению В.Ф. Мартынова, и есть момент эманации истинной красоты. «Чем глубже индивид способен осознать значимость явленного, абсолютность мгновения, тем ближе он к красоте, добру, творческому отношению к жизни. Ибо приобщение к красоте есть ни что иное, как максимальное расширение локального сознания и формирование в личности всеохватывающего менталитета, прорастание в ограниченном существе космической одухотворённости, делающего каждого гражданином не только своего государства, но и Мироздания. <...> И в этом смысле красота – это гармоническое воплощение уникальных проявлений всеобщей одухотворённости. Без глубокого осознания Вселенской всечувствительности бытия невозможно постигнуть сущность прекрасного как феномена свечения этой всепроникающей одушевлённой энергии, наиболее ярко и полно преломляющейся в человеке» [1, с. 80], – констатирует автор.

Одним из проявлений этой всепроникающей одухотворённости является любовь. Благодаря любви (влюблённости, увлечению) художник как бы стремится обезопасить себя от выхолащивающего однообразия, творческого застоя. Это ещё (а может – прежде всего) и действенный стимулятор, способный вызывать и усиливать творческие интенции, прогнозировать вероятностные, возможные сценарии развития чувства, подталкивать к рефлексии, к извлечению, продуцированию более обобщённых художественных смыслов, значений, идей. Такая влюблённость имеет, по сути, экзистенциально-онтологический, творчески-стимулирующий характер, напрямую связанный со стремлением к реализации личностно-антропологической многомерности, к постижению множественных форм бытия. И совершенно закономерно, что, в итоге, подобная внутренняя настроенность подчинена задаче моделирования «лирического сюжета», в котором духовный мир поэта, не теряя своей автобиографичности, получает обобщённое выражение. Очень кстати привести здесь замечания Сергея Колчигина, непосредственно касающиеся сути наших размышлений: «Он (в данном случае поэт. – *В.М.*) осознанно или интуитивно – удерживает известную дистанцию между собой и тем, кого любит. Он любит “на расстоянии” и, может быть потому, как никто, умеет обожествлять любимое существо. Эта идеализация, в свою очередь, вызывает необходимость сохранения некоторой отстранённости от предмета симпатии. И, следовательно, такая любовь, – прежде всего (а, пожалуй, и единственно) чувство, то есть созерцательное, а не деятельное участие в жизни любимого» [2, с.14]. В данном изречении определённо присутствует интроспективный срез, в котором посредством «внутреннего восприятия» представлен фрагмент собственных размышлений, касающийся психологии художественного творчества. Автор, кстати сказать, философ и поэт, старается в этой связи докопаться до первопричины действия механизма стимулирования творческих интенций, глубоко рефлексировать над смоделированной ситуацией, стремиться найти оптимальный путь, который смог бы помочь обрести себя, упорядочить

своё существование: «Но что означает жить «правильно»? Может быть, в соответствии с правилами общежития? Что ж, в таком случае я жил неправильно, так как не принимал их внутренне. Но в то же время – правильно, поскольку почти не нарушал этих правил, как нарушают их преступник или сумасшедший. Значит, я жил в разладе с собой, в разладе мечты и реальности: мнил себя бог весть кем, а жил серо, как робкая мышь. Даже когда, натерпевшись, я бунтовал, то вёл себя не по-людски, я отнюдь не утверждал себя в созидательном плане. Я не был естественным ни в одном своём состоянии; я впадал в крайности; я жил либо правильно внешне и неправильно внутренне, либо наоборот.

Выходит, если я жил «неправильно», то в самом глубоком смысле этого слова: я жил *неистинно*, я не жил в истине и не был истинным. Я не умел править себя и править собой.

Что же выбрать в жизни теперь? <...>

Значит, нужны радикальные перемены» [2, с.16-17].

Я привёл столь обширную цитату, дабы читатель убедился, насколько сложен, неоднозначен, противоречив мир творческой личности, какие в нём происходят метаморфозы, как извилист и ухабист путь поиска смысла жизни, смысла своих собственных исканий, собственного деяния, жизнетворчества.

Чувственное, личностно переживаемое нельзя вложить в схему, дать ему одно единственно правильное толкование. У каждого есть свой опыт взаимоотношений, своё понимание долга, ответственности, нравственного и безнравственного, совестливого и бессовестного. Но главное, без чего нельзя обойтись ни одному человеку на земле, – это человеческие отношения, человеческое общение, это те слова, рукопожатия, улыбки, свет открытых глаз, без чего нельзя, невозможно ощутить дарованное чувство радости и полноты существования на земле. Нельзя не согласиться в этой связи с утверждением В.Ф. Мартынова, что «искусство является единственным, адекватным человеческой неповторимости средством, величайшим изобретением, позволяющим остановить уникальность мгновения, сохраняя его первозданный аромат, его текучесть, трепетность и значимость. Искусство воскрешает прошлое в его многообразной полноте. Оно раздвигает временные рамки, погружая индивида в открытость уникальных душевных проявлений, тепло человеческих эмоций, красочность впечатлений, экзистенциальный смысл» [1, с. 17]. «Мы, живущие мгновение на земле, хотим как можно дольше продлить это мгновение, развернуть его в перспективу пережитого, – это наша память. Память останавливает время, создаёт историю. Если бы мы могли так развить память, чтобы все ощущения оставляли след на ней, – мы жили бы вечность. Искусство выполняет работу памяти: оно выбирает из потока времени наиболее яркое, волнующее, значительное и запечатлевает его в кристаллах книг, – писал А.Н. Толстой. – Поэтому время существования личности измеряется не количеством прожитых лет, а внутренней событийностью, интенсивностью,

яркостью, глубиной переживаний, их смысловой направленностью, порождающих творческое отношение к бытию»[3].

Поэтические откровения имеют безусловный диалогический, коммуникативно-адресный характер. Как правило, у них всех имеется свой реальный, жизненный прототип, своя «история», своя «биография». Они содержат в себе какую-то невидимую, сокровенную часть присутствия самого творца в окружающем мире. Красноречивым подтверждением тому могут служить слова М. Бахтина: «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – *значит общаться*... Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому и глазами другого... *Жить – значит участвовать в диалоге*: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п.» [4, с. 285, 312]. Исходным для исследователя является убеждение в том, что личностное бытие человека раскрывается лишь в диалогических отношениях – «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и «человек в человеке» как для других, так и для себя самого» [5, с. 294]. Таким образом, «диалог для М. Бахтина является подлинным “событием бытия” и выступает как изначально-фундаментальная экзистенциально-онтологическая категория» [3].

Свою неоспоримую действенность межличностная коммуникация проявляет в художественном творчестве, природа которого подразумевает, прежде всего, внутреннее, «сердечное» осмысление процесса коммуникации, пропускание его через себя, конструирование образа и смыслообраза посредством рефлексии, сопереживания, вчувствования. Благодаря субъективированию и субъективности акта коммуникации, который выходит за рамки простого речевого диалогизирования, появляется возможность не только для коннотативного приращения смысла, но и для его субъектного (авторского) расширения и контекстуального изменения. Именно творческая интенция, эксклюзивное восприятие предметов, слов, действий, зримых артефактов, установка на извлечение нестандартного, нетривиального смысла из любой коммуникативной ситуации, широта собственного внутреннего диапазона обогащает художественный замысел, ведет к уникальной образной перекодировке смысла предметно-визуализированных картин и образов. В данном случае не так важно номинативное, первичное значение слов, фраз, изречений, сколько их иносказательный, символический смысл, глубинное постижение «лица необщего выраженья» (по Е. Баратынскому).

Творчество как наивысшее проявление созидательной природы сознания определяется способностью субъекта целостно постигать сущность явления путем личностного, эмоционально насыщенного освоения форм культуры. Все разнообразие жизни воспринимается творческим реципиентом прежде всего с позиции аксиологической природы субъект-объектного как непреложного феномена культуры. Творческая личность, по мнению С. П. Иванова, «не только вовлекается в общий культурный контекст развития человеческой

деятельности, но и активно творит духовное пространство своего бытия» [9, с. 331]. Если отталкиваться от признания целостности объективного мира, единства Вселенной и человека, лежащего в основе философии космизма, то собственно становление духовного мира активно и творчески действующего субъекта следует признать центральным звеном всего процесса раскрытия и постижения сущности бытия.

Согласимся с тем, что художник склонен к преувеличению, к многократному усилению, приукрашиванию переживаемого момента. Отсюда – и та особенная поэтическая интонация, и особый тембр звучания, и выделяющееся из тривиального ряда художественное постижение жизни. Тяготение к лирическому самовыражению предопределяет и монологизированную форму высказывания. Хотя, с другой стороны, в данном случае лирический монолог можно воспринимать и как диалог с частью самого себя, с другим воображаемым лирическим персонажем и даже со всем миром, призванным в свидетели. В любом случае, стихотворная миниатюра, где, как правило, наблюдается чрезмерная концентрация эмоций, чувств, их динамика, и призвана вызвать ответное действие, ответную читательскую реакцию, живой отклик, помочь соотнести прочитанное с собственным жизненным или психологическим опытом. Вот почему многие стихотворные формы отдалённо напоминают мини-спектакль, в основе которого – скрытый внутренний конфликт, состояние души, требующее своего катарсического разрешения. Задача любого творения искусства, как известно, – умение зацепить за живое, вызвать чувство сопричастности, сострадания, сопереживания, помочь стать чище, добрее, отзывчивее. Ибо главная направленность художественного творчества, по утверждению В.Ф. Мартынова, не в умилении красивым, а в умении потрясать души, приводить в движение внутреннюю энергию личности во имя подлинной красоты, во имя вневременного единства и единого Вечного.

Здесь снова позволю себе обратиться к философским откровениям уже упомянутого ранее С. Колчигина, которые в данном случае полностью созвучны моим мировоззренческим установкам: «Если мир воплощён во мне, то он воплощён и в каждом из нас; и если я связан с миром, то я связан и с человечеством, со всеми и каждым, и тогда любое моё деяние отражается на всех людях, сказывается на всех мирах; и, следовательно, если я хочу полноты бытия, гармонии и совершенства, я должен делать то, что сохраняет, поддерживает, укрепляет и облагораживает эту всеобщую связь, эту живую целостность Мира. Моё творчество должно подняться на новый уровень и принять иную форму: его следует направить не в сторону общественной конъюнктуры, не на создание «произведений» самих по себе, а на изменение к лучшему характера самой жизни, на очеловечивание Мира и боголепие Человека.

Сознавая себя ансамблем вселенских отношений, я почти физически ощущаю своё родство со всеми людьми; неся в себе искру Божию – душу, я духовно объединяюсь со всеми людьми. Не с их социальными институтами,

партиями и группировками, – но с живыми людьми, с которыми меня связывают невидимые гены космического организма и миллионы незримых нитей духовной ткани.

Надо мной – бескрайнее звёздное небо, во мне – бесконечный космос, а задача моя – полюбить человека.

И только теперь, на высоте нового мировоззрения, я чувствую в себе силы для того, чтобы воплотить в жизнь превосходный гимн любви апостола Павла: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Коринф. 13:4-7). И я не могу ждать этой духовной, жертвенной любви от других; это я сам должен любить других так. Если я прихожу к Любви – я совершенствуюсь, преображаюсь в иное «я»; а совершенствуясь, выходя из тюрьмы собственного эго, я непременно прихожу к Любви. Преодоление границ моего эгоизма есть подлинная свобода. Она означает общение – совершенно иного, чем прежде, характера, уровня и масштаба: предметное, развивающее, заряжающее меня и людей животворной энергией и благодатным Духом.

<...>

Но если есть потребность в Любви, значит, есть и *способность* так любить. Ибо это – потребность *отдавать душу*, а для этого не надо никаких «техник» и орудий, как при потребности *брать*.

И если любишь именно так, есть и потребность дарить всегда радость другому. В чём эта радость? В творчестве для другого, творчестве, растущем из души твоей, из твоих дарований и мастерства.

<...>

Итак, когда творчество твоё станет творчеством Любви, оно станет творчеством Жизни, а значит, Жизнью вечной, ибо смысл Жизни – в Любви безграничной, которая, по самой сути своей, окончиться не может: ведь она предполагает безграничное Творчество» [2, с. 25-27].

Автор утверждает, что это та цель и та заповедь, которой стоит последовать и которая придаст нашей жизни вечный смысл. С приведёнными свидетельствами трудно не согласиться. От того, как именно протекают процессы коммуникации, как реализуется право человека на творчество, в том числе духовное творение, в немаловажной степени зависит стабильность, устойчивость, полновесность и личной, и общественной жизни. И более того, эти процессы необходимо рассматривать во взаимосвязи. Именно в нашем глобально-сетевом обществе творчество и коммуникация – это две стороны одной медали. Сам процесс со-общения, со-трудничества, созидания во все времена имел и имеет неоспоримое значение для налаживания межличностного (в первую очередь) диалога, ведущего к духовному взаимообогащению, к совершенствованию культуры отношений, что предполагает умение выслушать позицию собеседника, понять направление и истинное содержание его

мотиваций и доводов. В эпоху перманентной нестабильности и транзитивности именно коммуникативно-творческие интенции отражают и фиксируют наиболее существенные связи и отношения в культурной реальности. Иными словами, идентификационный фактор во многом зависит от характера и состава культурной среды – своеобразной институционально-организационной сферы и важного мотивационного стимула национально-культурного позиционирования и самоопределения субъекта. Именно идентификационный фактор и культурная среда во многом определяют механизм трансляции и социализации социокультурного опыта. При этом коммуникативная компетентность и коммуникативный опыт субъектов информации представляет собой важную сферу влияния на сознание человека, на мотивацию его действий и поступков, помыслов и желаний. Неслучайно уже в самом начале XX в. К. Ясперс сделал коммуникацию одним из ключевых понятий своей философской системы: «Мы являемся тем, что мы являемся, только благодаря общности взаимного сознательного понимания. Не может существовать человек сам по себе, просто как отдельный индивид... Всё то, что есть человек и что есть для человека... достигается в коммуникации», более того, «коммуникация в сфере духа есть создание из общественной субстанции идеи целого...», а разум, связь всех модусов, «требует беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации» [7, с. 441–442]. Известный американский философ Дж. Дьюи утверждал, что «люди живут в сообществе благодаря тому общему, что есть между ними, а общение – тот способ, благодаря которому они обретают это общее» [8, с. 165].

Коммуникацию, таким образом, можно отнести к наиболее значимым стимулирующим механизмам художественного творчества. Нет сомнения в том, что потенциальные творцы (креаторы), созидатели, обладающие творческими задатками, способны состояться как личности только в коммуникативном пространстве, полагаясь на базисные, онтологические основания культуры, перенимая опыт предшественников и генерируя новые креативно-коммуникативные стратегии. Прежде всего с творчески мотивированной личностью как носителем живой активности и субъектом осознанной деятельности связана перманентно воссоздаваемая сущность культуротворчества, позволяющего ему реализовывать свой внутренний потенциал и способствующего полноценному выражению его внутреннего самоощущения и самопознания. Благодаря своей коммуникативной природе (способности передавать духовный аспект жизненного опыта) художественное творчество приобретают качество одного из важнейших инструментов постижения мира, становится предпосылкой успешной социализации субъекта в рамках конкретной культуры. Это в очередной раз подчеркивает идею пассионарного (в понимании Л. Гумилева) начала творческого акта, что напрямую связано с пониманием личности как субъекта культуры, имманентно осваивающего, расширяющего и преобразовывающего духовно-творческим

актом границы культурного созидющего пространства по законам гармонии и красоты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынов В.Ф. *Философия Красоты* / В.Ф. Мартынов – Минск: Тетрасистемс, 1999. – 336 с.
2. Колчигин С. *Слово и дух* / С.С. Колчигин – Алматы: Издательство «СаГа», 2012. – 176 с.
3. Горохов П.А. Социально-фантастическая проблематика прозы А.Н. Толстого. Режим доступа – <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialno-filosofskaya-problematika-fantasticheskoy-prozy-a-n-tolstogo>. – Дата доступа – 20.03.2019.
4. Бахтин М. *Эстетика словесного творчества* / М.М. Бахтин – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
5. Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского* / М.М. Бахтин – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
6. Дьяконов Г.В. Концепция диалога М.М. Бахтина – основа экзистенциально-онтологической психологии <http://hpsy.ru/public/x2780.htm> – Дата доступа 20.03.2016.
7. Ясперс, К. *Смысл и назначение истории: разум и коммуникация* : пер. с нем. / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 543 с.
8. Дьюи, Дж. *Демократия и образование* : пер. с англ. / Дж. Дьюи. – М. : Педагогика-пресс, 2000. – 362 с.
9. Иванов, С. П. *Субъект художественного действия в построении и развитии культурных сфер* / С. П. Иванов // *Человек как субъект культуры*. – М. : Наука, 2002. – С. 331–341.

ЗАПАД И ВОСТОК В ЗЕРКАЛЕ ИСКУССТВА

В.А. ГАЙКИН

Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

THE WEST AND THE EAST IN THE MIRROR OF ART

V.A. Gaykin

Vladivostok, Institute of history, archeology and ethnography of people of Far East

Рассматриваются сущностные различия Запада и Востока, представленные в искусстве этих этнокультурных регионов, выявляются мировоззренческие, экономические, политические детерминанты этих различий.

Ключевые слова: Восток, Запад, философия истории, искусство, живопись, театр, музыка.

Несхожесть двух миров ощущали многие писатели и философы. Одни, подобно Киплингу, ограничивались констатацией этого факта (Запад есть Запад, Восток есть Восток). Другие пытались найти корни этого явления, подвергнуть его анализу. Гегель считал Китай тупиковой ветвью развития человечества. К. Маркс сформулировал понятие «азиатского способа производства». Проблема актуальна и сегодня, когда развивается процесс глобализации, капитал объединяет экономику различных стран в единый мирохозяйственный комплекс, нивелируя национальные особенности и вызывая встречное национальное движение протеста.

Если рассматривать вопрос в историческом аспекте, то на Западе государство возникло как политическая надстройка над экономическим базисом в лице товаропроизводителей. Доминирование вызревших на частной собственности производителей отводило государству второстепенную роль. На Востоке орошаемое земледелие предполагало ограничение частной собственности на землю, необходимость общественных работ с привлечением больших масс людей по возведению дамб, строительству ирригационных сооружений. В результате община не распадалась, а воспроизводилась на государственном уровне в виде деспотий, которые регламентировали жизнь населения, ограничивали личные свободы.

И на Западе и на Востоке создавались философско-религиозные доктрины, корни которых уходили в социально-экономическое бытие народов, проживающих на данных территориях. Сформировавшись, эти учения начинали влиять на социум, определяя уклад жизни, нормы поведения и даже психологию. На Западе ведущую роль в «формировании нового человека» сыграло христианство. В эпоху рабовладельческих империй, доведённых до предела социальных противоречий, христианство с его знаменитым принципом равенства людей без учёта национальности, социального положения, императивами любви к ближнему, самоценности человеческой личности стало новым политическим мышлением, прорывом в будущее человеческих взаимоотношений. С другой стороны, заслугой христианства явилось становление независимого от государства гражданского общества. Ибо теперь лишь тело человека принадлежало императору, дух же его был свободен и принадлежал Богу. Здесь начало освобождения человека из-под власти государства, его становления как независимой личности.

На Дальнем Востоке, родине классических азиатских деспотий, возникли коллективистские доктрины – конфуцианство, даосизм, подчинявшие жизнь человека нуждам деревни, общества, государства. Провозглашая приоритет коллектива перед индивидом, конфуцианская мораль требовала от человека поддерживать установленный порядок, следовать определённым правилам поведения (ритуалу). Состояние гармонии (покоя) ценилось выше, чем

активная жизненная позиция. В то же время нельзя полностью согласиться с Гегелем, что в Китае все рабы кроме императора. Зависимость от государства далеко не тождественна статусу вещи, принадлежащей конкретному лицу.

Если христианство было концепцией человека, то восточные религии идеологией коллектива. Христианство ориентировалось на объединение мира на базе равенства всех перед богом, а, например, синтоизм в Японии – на единстве нации, провозглашённой высшей и противопоставленной другим народам. Как отмечал Гегель: «Восточная нация ограничивает религию собой одной, и религия выступает полностью привязанной к этой одной национальности. В Римскую империю проникали все религии и не считались там национальными, на Востоке же религия целиком связана с национальностью. Китайцы, персы имеют свою государственную религию, которая существует только для них» [2, с. 113].

Две идеологии означали два различных типа мышления. На Западе признание многополюсности мира привело Гегеля к пониманию развития как борьбы двух сторон единого целого и его эволюции как результата этой борьбы. Китай, раньше чем Европа пришедший к пониманию противоречивости мира (Инь и Ян), упор сделал не на борьбе противоположностей, а на их единстве в рамках целого. Если рассматривать западный и восточный путь развития как материализацию определённых идей (самопознание всемирного духа), то в концентрированном виде западный вариант – это, говоря словами Гегеля, «развитие понятия свободы» через последовательную смену общественно-экономических формаций; восточный вариант – это узаконение несвободы в форме неподвижных государств – деспотий.

Нестыковка Запада с Востоком не ограничивается рамками идеологии и экономики. Сформировались различные по форме и содержанию культуры, трещина между которыми нередко переходит в пропасть непонимания. Конфуцианская мораль, долг перед обществом, семьёй заставляли человека обуздывать своё «эго». На первый план выходило рациональное, вытесняя эмоции. Естественно, искусство, отражающее внутренний мир человека не могло не выразить эту специфику.

Европейский художник, рисуя предмет, наслаждается его фактурой, чувственно воспринимая ее. Он в какой-то степени сливается с изображаемым объектом, выражая в рисунке своё отношение к нему. Китайский рисовальщик отражает сущность явления, его идею, вследствие чего «внешнее» - форма предмета, его фактура может быть проигнорировано как несущественное. Китайская (и японская) живопись не нуждается в богатой цветовой гамме, поскольку цвет предмета не относится к сущностным категориям. Естественный цвет объекта может быть даже изменён. «Реальная красота природы волновала художников не сама по себе. В ней они видели проявление всеобщего. Главной тенденцией средневекового китайского искусства было постижение общих законов мира» [1, с. 56].

Китайские живописцы писали природу по памяти, а не с натуры (на пленэре). Память китайца специфична, она «заточена» на запоминание иероглифов, которые стали символами (знаками) окружающего мира, предметов, явлений. Художник избирательно фиксирует существенные черты объекта, формируя скорее «иероглиф» сосны, водопада и др., чем его полный, конкретный облик. «Крупнейший знаток живописи X века Цзин Хао утверждал, что, предмет живописи — это «мысль» о вещах, сводящая воедино форму и содержание. Но если художественный образ воспроизводит лишь существенные, уопостигаемые свойства вещей, он неизбежно предполагает переработку, сокращение данных чувственного восприятия» [4, с. 239].

В средневековом китайском пейзаже можно найти элементы импрессионизма (истоки которого - в японской живописи) и даже сюрреализма. «До предела обостренное сознание внутренней непоследовательности традиционного художественного идеала мы встречаем в так называемых «пейзажах сновидений». Назвать фантастический пейзаж сном — превосходный способ впустить в жизнь общества аномалию, открыто недопустимую» [4, с.251].

Восточный театр не показывает настоящую жизнь, заменяя её реалии символами, условными знаками, жестами, хореографическими позами, несущими определённую эмоционально-смысловую нагрузку. Зрителю нет нужды «переживать» - заливаться слезами или смехом. Смысл происходящего на сцене доходит до него в закодированном виде и прежде чем попасть в душу должен пройти через разум, поскольку нуждается в расшифровке.

Музыка - это продукт и отражение мира эмоций, чувств, неосознанных желаний. Если литература и философия – общественное сознание, то музыку можно назвать общественным подсознанием. Из всех искусств, именно восточная музыка наиболее трудна для восприятия европейца, ибо эмоции, являющиеся содержанием европейской музыки, изгнаны из музыки восточной. Европейское ухо не слышит здесь темы, мелодии и воспринимает её скорее как музыкальное воплощение азиатского декоративного орнамента, повторяющего одни и те же абстрактные узоры. «...для архаичной эстетики характерно, что структура поэтических текстов, легенд и сказок, музыки выражалась в простейших числах... Числовой ритм, присущий орнаменту, пронизывал едва ли не все творчество человека» [3, с. 14].

Табу на отражение эмоций в искусстве привело к переходу их в область кулинарии, где изобретательные китайцы взяли реванш, обманув бдительность тоталитарного государства. Если гамму вкусовых ощущений человека представить в виде клавиш музыкального инструмента, то китайский повар, предлагающий на один приём пищи до ста микроскопических блюд, исполняет целые симфонии кулинарных переживаний. Если для европейцев еда – в основном пища физическая, то для китайцев – и духовная, компенсирующая дефицит эмоций на сцене и в музыке.

Искусство, образно выражаясь, является общественным подсознанием человечества, в котором отражается психология рас, история цивилизаций, генетическая память формирования синантропа на Дальнем Востоке и кроманьонца на Западе, матрицы эволюции первых государств на планете Земля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Н.А. Китай Корея Япония Образ мира в искусстве / Н.А. Виноградова – М.: Прогресс, 2010. - 306 с.
2. Гегель Г. Философия религии / Г. Гегель – М.: Мысль, 1977. Т 2. – 385 с.
3. Иорданский В.Б. О началах древней эстетики // Восток. - 2006. - № 6. – С. 12 – 21.
4. Малявин В.В. Молния в сердце / В.В. Малявин – М.: Наталис. 1997. – 367 с.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Н.А. БАЛАКЛЕЕЦ

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTRODUCING OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

N.A. Balakleets

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Рассматриваются перспективы, которые открываются для системы высшего образования в связи с распространением интернет-технологий, а также раскрываются проблемы, связанные с дистанционным обучением.

Ключевые слова: информация, информационное общество, информационная избыточность, электронная коммуникация, Интернет, пространство, высшее образование.

Электронные источники информации сегодня являются незаменимым образовательным ресурсом как для студентов, так и для преподавателей. Внедрение интернет-технологий в образовательный процесс и встраивание их в «жизненный мир» современного человека в целом является неоспоримой данностью, из которой необходимо исходить при создании эффективных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта проведения научных исследований: «Проблемы информатизации и виртуализации общества: социально-онтологические аспекты», проект № 18-411-730006.

образовательных моделей. Как отмечают современные исследователи интернет-технологий в образовании, «альтернативы информатизации нет. Это объективный этап социального прогресса во всех областях жизнедеятельности человека. Говоря об информатизации, следует понимать, что это не только создание и развитие технической базы, это программируемое изменение информационной основы функционирования различных общественных систем и подсистем, замена в допустимых пределах бумажной информации человеко-машинными диалоговыми системами, создание новых, несравненно более эффективных моделей деятельности людей» [7, с. 4-5].

На наш взгляд, образовательная ценность интернет-технологий заключается в том, что они способствуют решению проблемы доступности информационных ресурсов для обучающихся. Информационные технологии позволяют за считанные секунды преодолевать огромные пространственные барьеры, обеспечивают частным лицам или представителям образовательных организаций доступ к электронным библиотекам всего мира. Если в доцифровую эпоху для ознакомления с учебной и научной литературой необходимо было выстаивать длинные очереди в читальных залах (а иногда и отправляться в многодневные командировки в крупные библиотеки), то сегодня найти требуемую литературу можно не выходя из дома или прямо в стенах университета.

Внедрение в жизнь современного общества информационных технологий привело к кардинальной трансформации его пространственного измерения. Ряд современных исследователей приходит к выводам о пространственно-временном сжатии или о полном исчезновении пространства, характерном для современного общества (к примеру, Поль Вирильо отмечает: «Пространство сжимается и исчезает во всемирной сети телетехнологий» [1, s. 30]).

На наш взгляд, следует избегать столь радикальных утверждений, более плодотворным исследовательским шагом является осмысление новых пространственных форм, которые организуются в информационную эпоху.

Немаловажным следствием информатизации общества является возможность сглаживания разрывов и контрастов между культурно-образовательными потенциалами различных территорий. Физическое присутствие в определенной точке географического пространства не является более ограничителем, жестко предопределяющим жизненную и поведенческую стратегию человека в современную эпоху. Сегодня благодаря интернет-технологиям даже периферийные регионы могут стать центрами производства и трансляции знания (которое в доцифровую эпоху так и осталось бы невостребованным), а отдельные исследователи могут сделать свои разработки доступными для международного научного сообщества.

Интернет-технологии позволяют практически любому желающему повысить уровень образования, прослушать курс видеолекций по определенной научной дисциплине, получить доступ к редкой и труднодоступной литературе благодаря электронным библиотекам и приобщиться к оцифрованным

шедеврам мировой культуры, пусть и несопоставимым с «реальными» объектами культурного наследия человечества (в особенности эти возможности значимы для инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также для малоимущих категорий граждан, для которых перемещение в физическом пространстве является затруднительным). Безусловно, отнюдь не все знание может быть дигитализировано, и не только в силу трудоемкости и физической нереализуемости этого процесса, но и по причине несводимости всех видов знания к дигитальной оболочке, его неформализуемости. В образовательном процессе по-прежнему сохраняет свою значимость так называемое «неявное», «личностное» знание (термин Майкла Полани), то есть то знание, которое передается благодаря непосредственному, живому контакту от учителя к ученику [8, с. 86-87]. К аналогичным выводам приходит современный итальянский философ Эвандро Агацци, который, анализируя системы, основанные на знаниях и составляющие часть искусственного интеллекта, отмечает, что «экспертные системы на самом деле не «заменяют» экспертов-людей, компетентность и интеллектуальная деятельность необходимы как минимум для наполнения базы знаний и правильного описания проблемы; так что они служат полезными *инструментами*, помогающими людям в различных видах деятельности» [2, с. 12].

В современной культуре все явственнее заявляют о себе противники информатизации и технологизации общества. К примеру, писатель Фредерик Бегбедер, именуя современную эпоху «концом света», утверждает, что «риск СДВ (синдрома дефицита внимания), то есть невозможности на чем-то сосредоточиться, жертвами которого становятся все больше пользователей компьютера, возрастает многократно, если читать с помощью планшета, способного принимать электронную почту, воспроизводить видео и музыку, открывать доступ к чатам и постам, звуковым сигналам, скайпу и Твиттеру, пересылать эсэмэски и отвлекать нас на рекламу, не говоря уже о вирусах и поломках...» [6].

Сегодня электронные информационные ресурсы дополняют традиционные учебные и научные издания, используемые в образовательном процессе, а в некоторых случаях и полностью заменяют их. Интернет-ресурсы, которые применяются в образовательном процессе, призваны выполнять негэнтропийную функцию, восполнять информационный дефицит, служить средством упорядочения когнитивной сферы обучающихся, способствовать выбору ими наиболее эффективных каналов получения информации и оптимальной стратегии обучения. Однако, на наш взгляд, информационное пространство интернета зачастую не всегда выполняет предписываемые ему функции, более того, оно способно порождать ситуации информационной неопределенности и риска. Сталкиваясь с обилием информационных ресурсов, студент попадает в ситуацию неопределенности, поскольку не всегда способен самостоятельно выбрать надежные, достоверные источники информации, отличить материалы, авторами которых являются признанные научным

сообществом исследователи от псевдонаучных текстов. Погружаясь в виртуальную реальность, пользователь интернета зачастую оказывается в ситуации информационной избыточности, пересечения разнообразных информационных полей, бесцельно и бессмысленно блуждает в лабиринте гипертекста, будучи не в состоянии из него выбраться. Поиск учебной литературы оказывается безрезультативным, ибо он заканчивается не нахождением (и тем более не прочтением) необходимого учебника, но очередным раундом интернет-игры, обменом сообщениями с друзьями в социальной сети или просмотром любимых видеоклипов. Наиболее отчетливо ситуация информационной избыточности интернет-пространства обнаруживается при необходимости поиска ответов на вопросы к семинарскому занятию, при подготовке к зачету или экзамену, написании доклада, реферата или научной статьи [4; 5]. Обучающиеся, не обладающие «теоретическим иммунитетом» к ненаучным или псевдонаучным источникам информации, используют для подготовки материалы низкого научного уровня, непроверенную, устаревшую или недостоверную информацию, часто ограничиваются первой ссылкой, которую предлагает поисковая система. Подобные сведения («ложные друзья студента») в отдельных случаях размещаются студентами в социальных сетях в закрытой группе, доступом к материалам которой обладает каждый из обучающихся.

С целью минимизации образовательных рисков преподавателю следует вырабатывать и применять в педагогической практике эффективные стратегии деятельности в интернет-пространстве и сообщать о них обучающимся. На наш взгляд, целесообразно донести до студентов информацию о возможностях и образовательном потенциале ведущих площадок онлайн-обучения, как отечественных (Национальная платформа открытого образования (<http://npoed.ru/>), Универсариум (<https://universarium.org/>), Лекториум (<https://www.lektorium.tv/>), Stepik (<https://welcome.stepik.org/ru>) и др.), так и зарубежных (Coursera (<https://www.coursera.org/>), edX (<https://www.edx.org/course>) и др.). Кроме того, следует предоставить студентам информацию об основных приемах работы в электронных библиотеках, в том числе зарубежных. Разумеется, прежде чем обозначенные стратегии могут войти в повседневную образовательную практику, преподавателю следует самостоятельно их апробировать (быть активным пользователем интернет-библиотек, ознакомиться с возможностями интернет-образования, пройти дистанционные образовательные курсы).

Определенные сложности в процессе использования интернет-технологий в образовании связаны с нестабильным, неустойчивым характером информационных ресурсов интернета. Интернет-пространство не следует отождествлять с простым «хранилищем» или «вместилищем» информации. Это динамичная, постоянно преобразующаяся структура, вовлекающая каждого пользователя в процессы генерации новой информации и преобразования уже существующих ресурсов. По ряду причин неожиданно для пользователей

может быть заблокирован ряд сайтов. Текст учебного пособия или монографии, доступ к которому являлся открытым, внезапно может оказаться недоступным для пользователей в связи с нарушением авторских прав, «ремонтными работами» на сайте, превышением предельно допустимой нагрузки на сервер, нарушением правил хостинга, кибератаками и другими причинами.

Таким образом, перед образовательными организациями и отдельными преподавателями, использующим интернет-технологии в обучении, стоит задача создания электронной образовательной среды с очагами информационной стабильности, где преподаватели могли бы разместить ресурсы, которые являются доступными для обучающихся, защищенными от кибератак и информационного заражения, постоянно обновляемыми и защищенными авторским правом. Наиболее оптимальным вариантом в данном случае является разработка каждой кафедрой вуза (или коллективом исследователей) массового открытого онлайн-курса, включающего видеолекции, электронные конспекты лекций, презентации, обучающие видеофильмы, глоссарий, тестовые задания и другие компоненты. Вместе с тем, подготовка онлайн-курсов и внедрение их в педагогическую практику также приводит преподавателей и образовательные организации в целом к необходимости решения ряда проблем.

Во-первых, речь идет о необходимости кооперации с другими исследователями, создании творческого авторского коллектива, члены которого в состоянии не просто пересказывать на камеру материалы чужих учебников, но создавать онлайн-курс, используя собственные теоретико-методологические подходы. К разработке курса необходимо привлекать специалистов самого широкого профиля (от телеоператоров и веб-дизайнеров до специалистов, которые будут осуществлять техническую поддержку курса). Кроме того, для создания качественного онлайн-курса требуется дорогостоящее оборудование, что усложняет задачу авторов и всего коллектива разработчиков и является препятствием для вузов, обладающих скромной материально-технической базой, в конкурентной борьбе между отдельными образовательными организациями.

Во-вторых, необходимость записи видеолекций (а именно они используются в качестве формы представления теоретического материала в онлайн-курсах) предъявляет особые требования к преподавателю, который должен совмещать роли исследователя-теоретика, популяризатора науки («слэммера» [3]) и актера: «Лектор МООК начитывает лекцию, не видя слушателей, «вслепую», даже не предполагая, какая может быть реакция у последних. Здесь важно обладать умением «чувствовать» в объективе телевизионной камеры потенциального слушателя. Это качество присуще лучшим телеведущим и позволяет им общаться через теле/видеокамеру с миллионами и с каждым... В создании МООК как никогда актуализируется идея педагогики как искусства, а учитель/преподаватель/лектор должен обладать яркими актерскими данными» [9]. Вместе с тем, преподаватель,

присутствуя в интернет-пространстве в качестве лектора, становится, прежде всего, производителем визуальных и аудиальных эффектов. Особую значимость приобретает не содержание учебных материалов (не то, *что* он транслирует), а то, *как* это содержание оформлено. Важными являются эмоциональность и увлеченность лектора, его внешний облик, манера поведения и жестикуляции, тембр голоса и дикция, даже цвет одежды. Очевидно, что, учитывая названные критерии, большинство преподавателей в качестве производителей визуальных эффектов на массовую аудиторию (каковой являются слушатели онлайн-курсов) не смогут сравниться со «звездами» эстрады или шоу-бизнеса, популярными актерами или телеведущими, вследствие чего вовлеченность слушателей в процесс онлайн-обучения может быть обусловлена необходимостью получения конкретного результата (сертификата о прохождении курсов) либо теоретической ценностью материалов курса для отдельных заинтересованных слушателей. Иными словами, студент должен обладать весьма существенной мотивацией для того, чтобы успешно справиться с прохождением дистанционных курсов.

В-третьих, одна из важнейших проблем, связанных с онлайн-обучением, заключается в необходимости идентификации личности студентов. При дистанционной форме коммуникации далеко не всегда с точностью можно выяснить, кто проходит обучение на онлайн-курсе (просматривает видеолекции, скачивает презентации и электронные конспекты лекций, выполняет задания преподавателя, оставляет сообщения на форуме курса, решает тестовые задания, наконец, кто справляется с итоговым заданием курса). Пути решения проблемы неопределенности субъекта онлайн-обучения заключаются во введении так называемого «прокторинга» – процедуры идентификации личности обучающегося. Как правило, эта процедура применяется на заключительном этапе курса – при прохождении итогового тестирования. Возможна идентификация испытуемых по паролю (наиболее простой и наименее затратный способ), по различным биометрическим характеристикам (распознавание по форме лица, голосу, индивидуальному клавиатурному почерку и др.). Авторы онлайн-курсов вынуждены вырабатывать механизмы, позволяющие фиксировать присутствие субъекта онлайн-обучения на всех этапах прохождения курса, вводить дополнительные механизмы контроля выполнения заданий, обновлять банк тестовых заданий. В качестве примера сошлемся на дистанционные курсы «Организация создания и особенности проектирования онлайн-курсов», организуемые Поволжским региональным центром компетенций в области онлайн-обучения (<https://openedu.volgatech.net/>). Слушатели данных курсов, объединенные в группу «Весна-2018», столкнулись с необходимостью выполнения дополнительных заданий (которые не были предусмотрены для участников группы «Осень-2017»). К примеру, один из этапов прохождения курсов для новых участников предусматривал обязательное участие в организационном форуме, где каждый слушатель должен был высказать свои соображения по

поводу сильных и слабых сторон онлайн-обучения, возможностей и угроз, которые влечет за собой внедрение онлайн-курсов в систему высшего и среднего профессионального образования. Кроме того, слушатели курсов на форуме под руководством преподавателей обсуждали ведущие площадки онлайн-обучения, доступные для российских студентов. Для слушателей, проходивших курсы весной 2018 года, было введено ограничение во времени при прохождении итогового тестирования. Для оформления удостоверения о прохождении курсов необходимо было предоставить отсканированную копию диплома о высшем образовании. Необходимость слушателям курса давать ответы на подобные задания (в том числе, загружать на сервер свои персональные данные) свидетельствует о значимости постоянного личного контакта между преподавателями и обучающимися, постоянного подтверждения своего присутствия в интернет-пространстве в качестве уникальной, самостоятельной личности. Вместе с тем, следует отметить, что необходимость постоянного прохождения процедур идентификации личности как при обучении на массовых открытых онлайн-курсах, так и при использовании других интернет-ресурсов порождает вопросы о границах человеческой свободы в пространстве интернета и ответственности автора за каждое сообщение, оставляемое в этом пространстве.

Подводя итог настоящей статьи, отметим, что современный преподаватель не может игнорировать процессы встраивания интернет-технологий в систему современного высшего образования. Он должен обладать информационной культурой и постоянно повышать свою информационную грамотность, вырабатывать эффективные стратегии деятельности в интернет-пространстве. Наряду с перспективами преодоления культурно-образовательных разрывов интернет-пространство обладает свойством генерации социальных рисков и проблем (информационная избыточность; неопределенность субъекта интернет-коммуникации; сведение многомерной личности человека к его цифровой оболочке, которое приводит к трансформации социального статуса ученого). Решение этих проблем является насущной задачей современного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wüthrich M. Raum Gottes. Ein systematisch-theologischer Versuch, Raum zu denken. / M. Wüthrich – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. – 558 s.
2. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3-19.
3. Балаклеец Н.А. Использование опыта научного слэма и перформативной философии в организации философских олимпиад // Электронное обучение в непрерывном образовании. – 2015. – Т. 2. – № 1 (2). – С. 184-192.

4. Балаклеец Н.А. Опыт дистанционного консультирования студентов при подготовке публикаций по философии // Электронное обучение в непрерывном образовании. – 2016. – № 1 (3). – С. 623-629.
5. Балаклеец Н.А. Элементы дистанционного консультирования в процессе преподавания философии студентам УлГТУ // Электронное обучение в непрерывном образовании. – 2017. – № 1 (4). – С. 212-217.
6. Бегбедер Ф. Конец света: первые итоги. URL: http://readme.club/books/80_konec-sveta-pervye-itogi.pdf
7. Интернет-технологии в образовании: Учебно-методическое пособие. Ч. 3 / Р.Н. Абалуев [и др.]. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – 136 с.
8. Полани, М. Личностное знание / М. Полани – М.: Прогресс, 1985. – 344с.
9. Семенов В.И., Казанцева Я.Н. Массовые открытые онлайн курсы как новый формат образования // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27103> (дата обращения: 16.05.2019)

ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ МОЛОДЫХ

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕВРАЗИЙСТВА КАК НАПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

ТАРАКАНОВА А.В.

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

CRITICAL ANALYSIS OF EURASIANISM AS A DIRECTION OF RUSSIAN PHILOSOPHY

TARAKANOVA A.V.

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Рассматривается евразийство как одно из крупнейших и значимых философских, политических и идеологических проектов XX века, привлекающие к себе внимание большого количества как сторонников, так и противников. В работе проводится критический анализ произведений таких мыслителей, представляющих евразийство, - Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Флоровского.

Ключевые слова: евразийство, критика евразийства, Россия, Европа, Запад, Восток, Савицкий П.Н., Трубецкой Н.С., Флоровский Г.В.

Особенность евразийской идеологии состояла в указании на необходимость и важность учета геополитических условий России как исторически сложившейся евразийской державы. И именно это позволило евразийцам создать свою историософскую концепцию, стремящуюся отразить и сложность, и своеобразие русской национально-государственной проблемы. Широко представленная в трудах Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого и развитая позже Г.В. Вернадским, эта концепция, несомненно, открывала большие возможности для научного осмысления национального культурно-исторического процесса.

Вызов, брошенный евразийцами, далеко неодинаково был воспринят русской зарубежной общественностью. Движение имело не только своих горячих сторонников, многочисленными и представительными оказались ряды его последовательных оппонентов и противников. Критика евразийства внутри русской эмиграции появилась фактически сразу же после возникновения движения. Это было вызвано как имевшейся путаницей ряда теоретических оснований, так и неоднозначностью, а иногда и противоречивостью самой евразийской концепции. Всю критику евразийских идей можно условно разделить на две группы. Первая связана с негативным восприятием идей

евразийства со стороны той части русской интеллигенции, которую можно отнести к западникам или сторонникам монархического строя династии Романовых. Вторая представлена в работах авторов первых евразийских сборников, впоследствии отколовшихся от основной группы. С критикой евразийства выступили Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков, П.Б. Струве, С.Л. Франк и многие другие. Среди оппонентов евразийства оказалось немало и тех, кто вначале заявлял о своей приверженности евразийской доктрине или сочувствовал движению, но затем порвал с евразийством и активно с ним полемизировал. Возражение вызывали, прежде всего, антизападнические тенденции в выступлениях евразийцев, их отрицательное отношение к идее единства культурно-исторического процесса. При этом критика евразийства велась одновременно с позиций либерализма западнического толка (Милюков, Кизеветтер) и с позиций универсалистской традиции в русской мысли (Бердяев, Булгаков). В споре с евразийцами Бердяев указывал на некорректность самой мысли, будто какая-либо культура (по утверждению некоторых евразийцев, западная) может стать предпочтительным носителем зла, ибо христианство, по замечанию философа, не допускает географического разделения добра и зла. Только от духовной беспомощности и материалистического склада души, опыта и мысли, писал И. Ильин, можно искать спасения на Востоке и противопоставлять ему романо-германский Запад, забывая о том, что добро и зло не имеют востока и запада: зло и на востоке зло; добро и на западе добро [1, с. 197]. Против религиозного партикуляризма евразийцев решительно высказывался С.Н. Булгаков, писавший в письме к одному из сторонников евразийства о стремлении теоретиков движения превратить православие в православизм, в чем философ усматривал проявление нового язычества.

Следует отметить, что евразийство никогда не было внутренне монолитным течением. Дело в том, что оно было основано очень талантливыми учёными и публицистами, которые значительно различались по своим научным интересам. Имея общие чувства и настроения, касавшиеся осмысления произошедшего в России после октябрьских событий 1917 г. и будущего пути развития их Родины, в научном плане они представляли различные направления [2, с. 127]. По этому поводу П.Н. Савицкий в письме к П.Б. Струве в 1921 г. отмечал, что в первом евразийском сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», авторами которого выступили сам Савицкий, Сувчинский, Трубецкой и Флоровский, были представлены как минимум три различных политических направления: от национал-большевизма до антибольшевизма. У тех же Трубецкого и Савицкого отношение к религии и православию значительно разнятся, а юридические построения Алексеева, берущие за основу прусскую государственную школу, расходятся с глубокой двусмысленностью Карсавина. Разность взглядов

ведущих идеологов евразийского движения, а также различие в подходах, в том числе и по некоторым организационным вопросам, подтверждается также и их перепиской, из которой следует, что они не только критиковали друг друга, но и тяготились своими научными изысканиями. Так, Н.С. Трубецкой в письме П.П. Сувчинскому от 10 марта 1928 г. обвиняет его в некорректных поступках, связанных с организационными вопросами. При этом он в вежливом тоне отмечает, что личное отношение к Сувчинскому не изменилось. Также Трубецкой указывает, что «евразийство только мешает мне осуществлять мое призвание... Евразийство для меня тяжелый крест, и притом совершенно без всяких компетенций... в глубине души я его ненавижу и не могу не ненавидеть... иногда моя ненависть (да: ненависть) к евразийству вырывается у меня как крик души... Поводом для этого является объективное проявление той онтологической дезорганизованности, которая характерна для всего евразийства» [3, с. 269-270]. Тем не менее, выступления евразийцев практически сразу привлекли к себе внимание, вокруг них кипели нешуточные страсти, шли острые споры, выдвигаемые ими тезисы, обсуждались в печати. Так, П.Н. Савицкий в своей публикации «В борьбе за евразийство. Poleмика вокруг евразийства в 1920-х гг.» отмечал, что «с конца 1921 г. стал складываться антиевразийский фронт в эмигрантской печати» [4, с. 169-170]. В частности, он отмечал следующие издания: «Общее дело», «Смена вех», «Еврейская трибуна», «Руль», «Возрождение», «Россия», «Новое время», а также чешские «Венков», «Трибуна», где евразийство было названо незаурядной попыткой создать новую русскую национальную философию, польские «Дрога», «Речь Посполита», «Курьер Польски» [4, с. 113-137].

Стоит отметить, что среди критиков евразийства оказались и те, кто поначалу заявил о своей приверженности выдвинутой Савицким доктрине или сочувствовал движению, но затем перешёл в лагерь оппонентов и активно полемизировал со своими бывшими соратниками. К таким критикам можно отнести философа И. Ильина, который нашёл «мужественным и верным выступление против соединения церковью православной и католической в евразийском сборнике «Россия и латинство» [5, с. 67]. Однако уже через пару лет резко критиковал евразийство, призывая своих коллег «высказаться против евразийских писаний» [5, с. 128]. Другим таким критиком, переметнувшимся в стан оппонентов евразийской теории, можно смело назвать Георгия Флоровского, который примкнул на первом этапе к движению, но потом вышел из него и подверг критике. Стоит признать, что сам Флоровский никогда не был активным членом евразийской группы, предпочитая публиковать пространные размышления на тему культуры, религии и общества. В письме П.Б. Струве Флоровский писал: «Культурнофилософская рефлексия мне представляется сейчас гораздо более важным и насущным национальным делом, чем текущая политическая борьба» [6, с. 125]. Евразийскую группу он

называл не иначе как «лига русской культуры», которая объединена «только однородностью того тонуса, с которым воспринимаем и переживаем впечатления современности» [6, с. 131]. В статье «Окамененное бесчувствие» Флоровский выступил на стороне евразийства, но не защищал тезисы, а указывал на то, что «большинство оппонентов вообще никакой правды искать не желают, а в евразийцах казнят именно беспокойство их искания», из-за чего почти вся критика сводится к голословным осуждениям, а обсуждения как такового не происходит [6, с. 145].

Но уже в 1928 г. мыслитель выступил с критикой евразийства, выпустив статью «Евразийский соблазн» и назвав евразийство духовной неудачей. Флоровский отмечал что евразийцы «расслышали живые острые вопросы творимого дня», но «ответить на них не сумели и не смогли». Флоровский выдвигал обвинения, что евразийцы верят в непогрешимость истории, приняли революцию в качестве глубокого обновления застоявшейся жизни, неправильно толковали Петербургский период истории, сводя все «к некоему псевдоморфизму, к разрыву правительства с народом, к европеизации». Также мыслитель отмечал, что евразийцы «слишком увлекаются природными, географическими и этническими признаками» [6, с. 149]. По поводу попыток отделения России и Европы Флоровский писал, что географически не так уж трудно провести западные границы России, но сложнее их разделить в духовно-историческом и культурном смысле. Он считал, что единственной чёткой гранью, определяющей действительные культурные границы Евразии-России как исторического третьего мира, является Православие. Часть критики легко объяснима богословскими противоречиями между основателями евразийства и Флоровским. Трубецкой, Савицкий и Алексеев всегда выступали против экуменизма, тогда как Флоровский являлся активным сторонником этого движения. Анализ критики того времени показывает, что осуждение, в первую очередь, вызывало резкое отрицание всего западного в выступлениях евразийцев, негативное отношение к идее единства культурно-исторического процесса, а также нежелание видеть наличие общечеловеческих начал в культурной жизни.

В ходе огромного количества дискуссий евразийских идеологов с представителями российской интеллектуальной эмиграции им пришлось столкнуться с множеством критических замечаний, которые имели под собой немало поводов и оснований. Однако следует признать, что евразийцы положили начало новой оригинальной трактовке русского исторического процесса. Кроме того, их идея цикличности этого процесса, а также мысль о необходимости уделять внимание изучению вопроса о взаимоотношениях восточных и западных культур в развитии российской государственности и отечественной культуры заслуживают особого внимания и уважения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Омельченко Н.А. Исход к Востоку: евразийство и его критики // Евразийская идея и современность: Сборник статей. М.: Изд-во РУДН, 2002. – 271 с.
2. Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917-1932). / А.С. Изгоев - Париж, 1933. – 600 с.
3. Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому 1921-1928. / Н.С. Трубецкой - М.: Русский путь, Русское зарубежье, 2008. – 384 с.
4. Савицкий П. Континент Евразия. / П. Савицкий - М.: Аграф, 1997. – 464 с.
5. Ильин И. А. Рец. на кн.: Россия и латинство: Сб. статей. Берлин, 1923 // Русская мысль. 1923. – 217 с.
6. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли: [Статьи]. / Г. Флоровский - М.: Аграф, 1988. – 431 с.

ФОРМЫ ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ

АЛЕКСАНДРОВА В.А.

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

FORMS OF ALIENATION OF MAN IN SOCIETY

ALEXANDROV V. A.

Ulyanovsk, Ulyanovsk state technical University

Рассматриваются формы отчуждения человека в социальном мире, выявленные К. Марксом и А. Камю. Делается вывод о необходимости для человека следовать личностному пути.

Ключевые слова: человек, общество, отчуждение, Маркс, труд, капитализм, Камю, абсурдность жизни.

Проблему отчуждения человека впервые поднял Гегель, но полную его картину дал К. Маркс. По Марксу, человек в процессе своей жизни постоянно испытывает отчуждение, под которым он понимал отречение от плодов собственного труда, своих поступков и даже собственной речи. Так, он приводит в пример религиозные взгляды, когда люди поклоняются идолам, которые, по сути, являются производением их собственного воображения. Казалось, человек волен менять природу вокруг себя, то есть формировать даже свое собственное бытие, где он творец и «венец природы», а вместо этого он добровольно признает власть своих собственных вещей над собой. Вместо проявления воли к преодолению природных стихий жалкая мольба к истуканам, сделанным своими руками из куска дерева, с просьбой о помощи. По Марксу, всякая религия приводит к отчуждению человека от самого себя, своей истинной сути.

Человек, по Марксу, немислим без труда, но этот труд должен быть не просто созидательным, но и творческим для человека. Труд должен приносить радость и эстетическое наслаждение. Когда человек совершает труд без желания, подневольно, в силу материального тяжелого положения - это усиливает отчуждение от мира. И если в случае с религиозным культом человек получает какую-то надежду в молитвах к идолам, то результаты подневольного труда его абсолютно не волнуют. Он работает механически, потому что «так надо». Со временем человек перестает не только любить такой труд и его плоды, но и начинает ненавидеть его вместе с результатами. Труд начинает вызывать в нем одни лишь страдания и чувство уныния, так как следующий день пройдет так же. Человек начинает ощущать себя белкой в колесе.

Высшей формой эксплуатации человека Маркс считал капитализм. В условиях капитализма человек превращается в винтик одного громадного производства. Может ремесленника из средневековой Европы и не приводил в восторг процесс изготовления гончарных изделий или ручнойковки металла, но это был процесс подконтрольный ему в данное время и в данном месте. Такой ремесленник мог даже любить свой труд и пытаться украсить свое изделие причудливым орнаментом, в зависимости от настроения. Мануфактуры лишили возможности проявлять творческое начало, но человек еще чувствовал себя трудовой единицей, так как всеми механизмами управлял он. Капитализм же сформировался на основе крупных производств, которые с годами становились технически все сложнее. Теперь не человек управляет механизмом, а только лишь обслуживает его, как бы сливаясь с ним, становясь одним целым. Человек начинает прислуживать куску железа, подобно деревянным истуканам. У него нет надежд, и жизнь его во многом предопределена. Она начинает терять смысл. Утешение человек, лишенный даже возможности проявить творческие способности, находит в азартных играх, алкоголизме и прочих негативных явлениях. Русский экономист Чаянов в конце 19 века провел исследование, в котором установил, что потребление алкоголя зависит не от его цены и доходов населения, а от процента рабочих в этом населении. Позже это стало одним из причин его ареста и расстрела в 1937 году.

Таким образом, по Марксу, наиболее отчужденным слоем общества является рабочий класс. Однако, современное общество породило отчуждение в еще больших формах и видах. Если рабочий меняет на заработную плату только свое время, которое ему уже не вернуть, то современный менеджер должен торговать и своими эмоциями. Он точно знает, как должен быть одет, что должен говорить, а что ни в коем случае. На бесконечных тренингах его будут учить здороваться, улыбаться, вести разговор. Такой человек становится винтиком не только телесно, но и умственно. Никакое творчество его начальству не интересно – только голый результат. В этом плане можно привести пример и военных, но их уставная жизнь, как правило, не сильно

отличается от жизни рабочего. Те же инструкции и правила, прописанные в служебных уставах, то есть эмоции они выражать не обязаны, даже наоборот, это нежелательно.

К чему ведет отчуждение у человека? Прежде всего, человек замыкается в себе. Его уже не волнуют чьи-то проблемы, переживания. Каждый находится в собственном мирке и не замечает мира отчужденности другого человека. Специфичны и потребности такого человека. Маркс считал, что социализм способен дать человеку возможности проявить себя в истинных его потребностях к творческому и увлекательному труду. А значит, социалистический строй способен раскрыть потенциал человека и, следовательно, за счет этого дать новые импульсы развитию производства и двинуть всю человеческую цивилизацию вперед.

В противоположность социализму при капиталистическом строе никому не интересно раскрывать потенциал человека. Все заинтересованы в навязывании человеку таких потребностей, за которые он будет платить. Сам Маркс высказался об этом так: "Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду наслаждения, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую возможность взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится все беднее как человек, он все в большей мере нуждается в деньгах, чтобы овладеть этой враждебной сущностью, и сила его денег падает как раз в обратной пропорции к массе продукции, т. е. его нуждаемость возрастает по мере возрастания власти денег. Таким образом, потребность в деньгах есть подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная потребность, которую она порождает. Количество денег становится все в большей и большей мере их единственным могущественным свойством; подобно тому, как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к количественной сущности. Безмерность и неумеренность становятся их истинной мерой» [4].

Писатель и философ XX в. Альбер Камю причиной трагизма бытия человека видит в абсурдности и бессмысленности человеческой жизни. Он уподобляет ее мифу о Сизифе, где жизнь человека сравнивается с трудом античного мифологического героя, приговоренного богами к вечной и изнурительной работе. Сизиф должен таскать тяжелейший камень в гору только для того, чтобы вновь спуститься за ним и начать сначала. Не подобна ли жизнь человеческая такому труду? Ежедневно сотни миллионы людей идут на работу в цеха, офисы, на стройплощадки. Это словно замкнутый круг.

Жизнь человека состоит из повторяющихся отрезков, пока он не заболеет, не состарится и, в конечном итоге, не умрет. Какой смысл в такой жизни? Чтобы дать новую жизнь, которая повторит судьбу родителей? Это также бессмысленно. Имеет ли тогда человек право на самоубийство и решает ли это его проблемы? Камю считал, что право на самоубийство человек имеет, но это также не наполняет жизнь смыслом, так как жизнь прервана и бессмысленно об этом говорить. Самое главное в жизни, по Камю, – это признать ее абсурдность и смириться с этим. Именно абсурдность жизни порождает войны и революции («Миф о Сизифе» написан в 1942 году, в разгар войны), так как люди чувствуют полную бессмысленность своей жизни и стремятся изменить ее, в гнев разрушая окружающий мир. Война для Камю лишена всякого смысла [3]. Еще Л.Н.Толстой в «Севастопольских рассказах» писал, что нет смысла посылать на войну десятки и сотни тысяч. Пусть выберут по воину и эти бойцы в поединке решат, кто выиграл войну. Толстой не понимает, чем логичнее миллион против миллиона, а не один против одного. Толстой делает вывод, что люди либо безумны, либо от природы жестоки и немилосердны.

Камю предлагает человеку признать, что продолжение его жизни равнозначно самоубийству, так как ни одно из них не меняет ход дела и не делает жизнь осмысленной. Смириться и созерцать жизнь – такой лозунг можно высказать за Камю. В конечном итоге, то, что человек задумывается, зачем он живет – уже отлично. В Дхаммападе (Буддой) сказано «Глупец, познавший собственную глупость уже мудр, а глупец, который считает себя мудрым, как говорится, и есть глупец» [1]. Так и человек должен познать абсурдность своего существования и найти себя в обычной повседневной жизни. Большинство людей стараются вообще не замечать жизни, укрываясь за ширмой развлечений, пустыми разговорами, алкоголем, наркотиками. Они всю рабочую неделю ждут выходных, чтобы провести их так же бездарно, как и предыдущие. Они хотят попытаться выйти из замкнутого круга жизни, закрыв глаза и заявив самим себе, что завтра все будет по-другому, но все опять возвращается на круги своя. Им кажется, что получив новые, еще не испытанные ощущения, они смогут начать новую жизнь. Однако, жизнь всегда оказывается хитрее: замкнутый круг не разорвать.

В современную эпоху любой человек должен стремиться в первую очередь развиваться как личность, стремясь выделиться за счет своих индивидуальных особенностей. В сущности люди остались такими же, как и тысячи лет назад. Необходимо только, как никогда ранее, уметь мыслить и иметь собственную точку зрения, чтобы найти свой индивидуальный жизненный путь, согласующийся с внутренними убеждениями и ценностями, а не ломать свое «я» в угоду последним тенденциям моды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дхаммапада. // "Буддизм в России", Пер. А. Парибка, - 1999. - № 32.- С. 5 -14

2. Камю А. Избранное / А. Камю. — М.: Радуга, 1988. — 464 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К, Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд., т. 3. — С. 7-544.
4. Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина / М. Хайдеггер - М.: Академический проект, 2010. — 460 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ РАБОТ К. МАРКСА, М. ВЕБЕРА)

Л.Ф. ЕМЕЛЕЕВА

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

THE EVOLUTION OF THE KNOWLEDGE ECONOMY: SOCIO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION (BASED ON WORKS KARL MARX AND MAX WEBER)

L.F. Emeleeva

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Рассматривается социально-философское понимание человека на основе сравнительно-исторического анализа теоретических концепций К. Маркса и М. Вебера, с использованием инструментария диалектического метода выявляются условия возможности эволюции экономического знания как составляющей социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: природа человека, общество, наука, экономическое знание, социальные связи и отношения, условия общественной жизни.

Представления о жизни человека в обществе, о самом обществе историчны, они складываются под влиянием меняющихся событий и обстоятельств, фиксировать и определять которые становится возможным при обнаружении иных, постоянных и неизменных характеристик социальной реальности. Одной из них является признание наличия природы человека как совокупности присущих ему разнообразных качеств. В основании понимания природы человека лежит представление о его активности, следствием которой являются различные отношения и связи с другими людьми, развитие таких связей ведет к освоению и преобразованию окружающего мира. По ходу истории изменяются условия совместной жизнедеятельности людей, усложняются хозяйственные взаимосвязи и отношения, все это происходит по мере накопления знаний о мире природы и мире человека. Таким образом, исторически экономические представления человека формируются в условиях повседневной жизнедеятельности. Пробудившийся в Новое время интерес к

науке, особенно, к естествознанию, послужил стимулом к теоретическому осмыслению понимания места человека в обществе, его отношений с себе подобными. В тот период экономические вопросы становятся предметом теоретического анализа, поскольку труд наряду с развитием правовых основ собственности начинает пониматься как основа благополучия государства и общества. Получившая эмпирическое подтверждение и теоретическое обоснование в науке идея о развитии и тенденции изменений от простого к сложному выразилась в социально-экономическом плане в изменении содержания экономических понятий, расширении тезауруса и формировании методологии экономического познания, раскрывающих эволюцию экономического знания как части научного знания, и определила место экономики в науке о взаимоотношениях людей в процессе хозяйственной жизнедеятельности. Изменение, усложнение социальных отношений выражается в аккумуляции экономических представлений человека об окружающей действительности, результатом которого стало выделение экономического знания в отдельную область научного знания.

В Новое время экономика заняла свое место в числе одной из ведущих сфер общественной жизни. В структуре европейского общества произошли изменения, в результате которых сформировался особый социальный класс – буржуа, предметом активности их представителей стала предпринимательская деятельность, прежде всего, развитие торговли, а впоследствии – промышленное производство. При этом свойственные цеховому устройству отношения наставничества, взаимопомощи, сопричастности общему ремеслу, постепенно уступили место отношениям соперничества, угнетения слабых, что свидетельствовало о нарастании противоречий, разобщенности участников производственных отношений. Следствием явилось изменение самой системы производства на фоне его технического усложнения, совершенствования технологий, нарастания формализации отношений в связи с устранением из производственного процесса собственников наряду с привлечением наемных управляющих и подобных им обстоятельствам. Таким образом, обнаружение социально-экономических источников роста (среди которых - использование детского труда, произвольная продолжительность рабочего дня, тяжелые условия жизни людей и т.п.) и развития промышленного производства позволило представителям промышленной буржуазии занять собственную позицию в общественной структуре.

Подобные изменения в сфере экономики имеют под собой социально-философское основание. Натуралистическая модель понимания человека и общества, базирующаяся на признании взаимосвязи человека и природы как естественном условии, дающем целостное знание о мире (основанное на единстве законов устройства в природе и обществе) постепенно утрачивала актуальность, поскольку не отражала обстоятельства реальной действительности.

К концу XIX- начала XX вв. становление нового взгляда на общество связано с изменениями в науке и в научном познании, которое установило различие между естественными науками, где знание получается в результате накопления и обобщения эмпирических данных, и социально-гуманитарными науками, в которых знание добывается на основе выработки суждения о главном посредством выявления ценности явления, его значимости для всех субъектов. Наряду с разделением науки на науки о природе и науки о культуре происходил процесс институционализации науки, определивший ее место в социальной структуре [1; с. 256]. Целью науки является приращение нового знания, при этом занятие наукой понимаемое как творческий процесс отыскания истины наполняется новым содержанием, а именно: она обретает характер профессиональной деятельности, нацеленной на производство нового знания. Макс Вебер определяет науку посредством понятий «призвание» и «профессия». Первое понятие связано с ориентацией ученого на научный поиск истины в сфере теоретического, второе понятие нацеливает на необходимость достижения результата в виде полезного практического знания [2; с. 731]. Наука, согласно Веберу, представляя собой явление культуры, в ходе истории претерпевала существенные метаморфозы: в период Возрождения обогатила методологический аппарат методами эксперимента и опыта, открыв возможность познания мира в Новое время посредством естественных наук, закрепив идею научного прогресса как прогресса общества в целом. Нарастающая специализация научного знания, о которой пишет Вебер, в подобном контексте представляется вполне естественной. Наука благодаря своей практической направленности меняется в соответствии с изменениями, происходящими в обществе, этим выражается ее связь с обществом, что говорит об изменении социального статуса. Входя в поле практического интереса общества, прикладной характер добываемого знания определяет его научную ценность. Определить, насколько соответствует практический результат поставленной цели, позволяет метод, применяемый в сфере экономики - оценка эффективности результатов деятельности. Следовательно, всякое научное знание может быть определено как экономически целесообразное. Инструменты экономики выходят за пределы экономики и начинают претендовать на своего рода универсальность и применимость в разных сферах общества, сама экономика получает признание в научном сообществе как области научного знания о хозяйственных взаимоотношениях в обществе. Условием возможности таких изменений стало распространение экономического мышления за пределы экономического анализа в другие сферы человеческой жизни.

Начало этого длительного процесса «экономизации» жизни пришлось на конец XIX - начало XX вв. Экономика перестала быть относительно автономной сферой общественной жизни, чему также способствовало распространение принципов рационализации, соотнесения затрат ресурсов и результатов, которые в науке проявились формированием слоя ученых

профессионалов, нацеленных на прикладные результаты, в сфере производства – вниманием к повышению эффективности труда, его оплаты, экономии, направлениям использования капитала. Таким образом, в европейском обществе складывались условия, в которых существующие социальные противоречия, характерные для всякого общества, стали осмысливаться учеными в экономическом контексте. Представители научного сообщества поставили вопрос об основаниях, условиях возможности подобной экономической интерпретации общественных отношений. В этой связи К. Маркс рассматривал классовые противоречия, в основе которых лежит необходимость эффективного использования собственности: для наемных работников эффективность означала соответствующую затрате сил оплату, для собственников капитала – экономию всех ресурсов для приращения капитала. Такой подход обосновывал, выявлял причины существования социальных противоречий в самом устройстве общества и способы их разрешения, также находящиеся в сфере общественных отношений. М. Вебера интересовали внутренние этические мотивы, позволяющие человеку осознавать высокую значимость упорного труда, а также то, что достигнутый материальный достаток имеет значение как подтверждение избранности Богом, даруя надежду на будущее благополучие. Отсюда следует, что социально-экономические противоречия, сопровождающие развитие капиталистических отношений, утрачивают актуальность при условии соблюдения принципов экономического рационализма; перед предпринимателем стоит цель создать условия труда для себя и рабочих, позволяющие трудиться с максимальной отдачей [2; с.80, 93].

Важно заметить, что взгляды Вебера обогатили методологию познания новыми средствами – отнесения к ценностям, выработки суждения о главном и понимания, и претендующими на большую точность отражения состояния общества в целом и, принимая во внимание многообразие эмпирического материала, открывающими возможность интерпретации социально-гуманитарного знания как знания универсального. Разумеется, данный вывод касается и экономического знания как элемента знания социально-гуманитарного.

Истоком экономического знания является повседневность, протекающая в непрерывных социальных взаимоотношениях. Являясь частью общественных отношений, экономические отношения испытывают влияние изменений, происходящих в обществе в целом, а изменения в хозяйственных взаимоотношениях непосредственно отражаются в общественной жизни, изменяя взгляд на капитализм, к середине XIX - началу XX в. определявший содержание общественных отношений в Европе. В трудах К. Маркса получили теоретическое обоснование причины и источники социальных противоречий, разрушающих целостность европейского общества, где класс пролетариев, разделяя ценность труда, идеалы свободы и справедливости, противостоит

классу буржуа, руководствующемуся интересами материальной выгоды путем экономической эксплуатации наемных работников.

В течение длительного периода развития капиталистических отношений противоречия в европейском обществе, в том числе, угнетение, эксплуатация, жестокость, равнодушие и т.п. неуклонно углублялись на фоне роста механизации производства. Положительным возможностям развития экономики, промышленности препятствовал коммерческий интерес владельцев капитала: механизация производства представлялась менее выгодной, чем эксплуатация наемных работников, включая использование труда детей, уравнивание труда мужчин и женщин [3; с. 531]. Подобные материалы представляют исследования по историографии, в том числе в работах Р. Дарнтона, Ф. Броделя [4, 5]. Согласно Марксу, капитализм представляет собой особый тип системы организации общества, которая превращает рабочую силу в товар, то есть под влиянием исторических факторов возник класс неимущих работников, у которых нет иного выбора, кроме как продавать свою рабочую силу как товар [6; с. 186]. Таким образом в самом основании понятия «капитализм» заложено противоречие, раскрывающее несправедливое устройство общественных отношений, которое получило интерпретацию как социально-экономическое понятие, характеризующее развитие промышленного производства на основе системы частной собственности. Человек выступает субъектом общественных экономических отношений как работник и работодатель. Поэтому в данном контексте актуальным экономическим содержанием обладает способность трудиться (трудоспособность) – понятие, раскрывающее человеческие взаимоотношения, в которых труд становится товаром, который человек имеет возможность предложить на рынке за определенную цену, зависящую от другого участника – буржуа, собственника средств производства и капитала. При этом цели участников таких отношений имеют противоположный характер: одни стремятся к максимизации оплаты труда, другие – прибыли. Сами отношения складываются в условиях конкуренции: между работниками, работниками и более эффективным оборудованием, работниками и собственниками, стремящимися к наиболее выгодному направлению использования собственного капитала [7; с. 80]. Таким образом, рассмотрение капитализма в контексте общественных отношений указывает на существование противоречий, разрушающих целостность и стабильность общества.

Несмотря на это капитализм закрепился в качестве приоритета в экономических отношениях, а экономический принцип оценки эффективности, в основе своей свободный от моральных ограничений, распространился практически во все сферы общества. Вопрос об условиях, в которых стала возможной подобная экспансия экономических методов в другие сферы общественной жизни возник в период конца XIX-начала XX вв. и не утратил актуальности в современности.

Вебер исследовал капитализм под другим углом, не как общественное явление, а как результат индивидуального, личного осмысления человеком собственной жизни; он выявил детерминированность капиталистических экономических отношений религиозными нормами этики протестантизма. Речь идет о том, что понятие «капитализм», определяющее характер экономических связей в обществе, стало интерпретироваться иначе. При таком взгляде капитализм утратил определенно негативную характеристику, поскольку в теории Вебера меняется само философское понимание места человека в мире. Если у Маркса человек представлен как субъект общественных отношений, где противоречие, противоборство и противопоставление изначально определяют их суть, то в центре понимания Вебера находится собственно человек с определенным взглядом на мир, а именно, религиозным. Общественные отношения имеют второстепенный характер, на первый план выступает отношение человека к Богу, обусловленное стремлением заслужить будущую благодатную жизнь. Такой взгляд на мир формирует иное представление об экономических понятиях. При рассмотрении капитализма значение имеет в первую очередь не существование непреодолимых социальных противоречий, а наличие в капиталистических отношениях источника благополучия в обществе, заключающегося в инновационных достижениях техники и развитии трудосберегающих технологий; такой путь развития общества мирный. Собственно, понятие труда рассматривается не как единственная возможность работника обеспечить средства к существованию, а как благородное занятие – неутомимое, постоянное, систематическое, и которое характеризует религиозное отношение к деятельности как к призванию. Соответственно, человек, упорно трудясь, сохраняя скромность в бытовых вопросах, достигая материального достатка, усматривает для себя всеяющие надежду ориентиры в земной жизни, что его служение здесь угодно Богу и поможет ему достичь высшей ступени блага – быть в мире божьем, и, напротив, материальные неурядицы убеждают человека в его избранности, в неясных перспективах его будущей внеземной жизни [3; с. 98, 198]. Таким образом, религиозная мотивация обуславливает высокую экономическую активность человека, вне зависимости от области, куда направлен его интерес, главным условием является экономическая эффективность рода деятельности, положительный материальный результат. В соответствии с подобной установкой модель человека предполагает не столько наличие набора качеств, сколько постоянную демонстрацию полезности их применения, только практическое использование личностных возможностей доказывает их существование [8; с. 54]. Человек являет себя миру исключительно посредством рациональных практических действий, нацеленных на положительный эффект.

Несмотря на видимые различия в моделях социальной реальности, представление о которых можно составить, изучая наследие К. Маркса и М. Вебера, в них обнаруживаются также общие философские основания, позволяющие говорить о том, что культурно-историческая ситуация

изучаемого периода в истории европейского общества ставила человека перед определенными проблемами, решение которых требовало целостного взгляда и теоретического осмысления. Общее основание задает ориентированность на человека, которая в одном случае позволяет рассматривать его как субъекта общественных отношений, в другом – представленного в своем отношении к Богу и с Богом. В общем, понять человека - означает раскрыть его отношение к социальной реальности. Это становится возможным, когда в первом случае общество задает границы допустимого проявления человеческой активности в виде норм, ценностей, законов, а во втором – подобные ограничения формирует культура, в частности ее религиозная составляющая, которая в процессе воспитания становится внутренним нравственно-этическим основанием поступков человека. Таким образом, складывается общее условие для установления связей между людьми – социальных связей, презентацией которых выступает деятельность в виде практического освоения окружающей действительности. Характеризуют такого рода человеческую активность целеполагание и целеориентация, обуславливающие существование у человека представления о результате деятельности еще до ее начала, что придает деятельности характер движения от идеи к результату и позволяет раскрыть, каков механизм этого движения: будь то необходимость преодоления социальных противоречий, либо стремление к достижению высшего блага за пределами земной жизни. То есть существование цели вызывает необходимость движения к ней. Отсюда следует, что вне зависимости от того, соотносит ли человек собственные интересы с интересами общества, целью общественной жизни является сохранение целостности общества, поддержание стабильности его структуры. Поэтому всякие изменения, понимаемые как результат человеческой активности, меняют самого человека, в частности, его знание об окружающей действительности, а также переструктурируют само общество.

Данные обстоятельства позволяют рассматривать экономическое знание как социальное явление, в изменении содержания которого воплощается изменение отношений между людьми в процессе жизнедеятельности. В исследуемый исторический период актуальным экономическим понятием является труд, понимаемый как целесообразная деятельность человека. В процессе развития промышленного производства труд перестает быть исключительно воплощением в продукте способностей работника, его содержание дополняется факторами конкуренции, неуверенности в будущем, отрицательно влияющими на его оплату, что ведет к абстрагированию от реальных условий и формированию некой виртуальной конструкции под названием «труд», содержание которой теперь зависит не только от исполнителя определенных действий, а также и от внешних обстоятельств деятельности. Труд конкретного работника, становясь объектом купли-продажи, теряет непосредственную связь созданного продукта и его создателя. В результате работник утрачивает ответственное отношение к деятельности,

отчуждение плодов труда от работника ведет к формализации производственных отношений [3; с. 563, 564]. Последствием виртуализации понятия труда стало устранение всего человеческого как излишнего и фиксация в производственных отношениях труда как функции обеспечения процесса производства. Именно в таком виде труд становится объектом экономической рационализации, связанной с повышением его интенсивности, ростом производительности, введением сдельной оплаты [2; с. 80]. В подобных условиях вопрос эксплуатации труда наемных работников снимается, поскольку из нравственной плоскости переходит в сферу рациональной организации производства, в связи с чем труд представляет собой способ рационального распределения ресурсов.

Отсюда, экономическое научное знание совсем не обязательно должно добываться в области собственно экономики, поскольку стремление к успешности, благополучию, побуждает человека «измерять» в системе координат «затраты-результаты» не только количественные характеристики экономических явлений, но и качественные показатели в других областях социальной жизни: образования, медицины, искусства.

Таким образом, период конца XIX-начала XX вв. можно рассматривать как определенный этап в развитии экономического знания, позволивший трактовать его как неотъемлемую и самостоятельную часть научного знания, в сохранение целостности которого экономическое знание вносит собственный вклад посредством выработки практического метода оценки эффективности освоения человеком разных сторон окружающей действительности, но при этом принимать во внимание, что экономическое знание берет истоки в отношениях между людьми, в понимании места человека в конкретно-исторических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке, II. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности / Р.К. Мертон - THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 256-276.
2. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Из ранних произведений: сб. – М.: Госиздат, 1956. – С. 517-642.
4. Бродель Ф. Динамика капитализма: пер. с фр. В. Колесникова / Ф. Бродель. – Смоленск: ТОО «Полиграмма», 1993. – 128 с.
5. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры: пер. Т. Доброницкой, С. Куланды / Р. Дарнтон. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 384 с.
6. Хайлбронер Р. Философы от мира сего: пер. с англ. И. Файбисовича / Р. Хайлбронер. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. – 432 с.

7. Автономов В. Модель человека в экономической науке / В. Автономов. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 230 с.

8. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория / А.Е. Шаститко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. – 591 с.

О СПОСОБАХ ОПИСАНИЯ И ВЫРАЖЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ ПРОСТРАНСТВА ВОЗМОЖНОГО

В. Г. КОСТИН

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

ABOUT THE METHODS OF DESCRIPTION AND EXPRESSING CREATIVITY OF THE SPACE OF POSSIBLE

V.G. KOSTIN

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Рассматривается проблема описания и выражения рождения нового, для чего автор обращается к понятию пространство возможного, трактуя его как феномен онтологии творчества.

Ключевые слова: пространство возможного, творчество, новое, нелинейность, нелинейность топоса, синергетика.

Анализ и выделение существенных компонент при исследовании креативно-спонтанных форм организации человеческой активности приводит к понятию пространства возможного как основной составляющей любой ситуации новообразования. Пространство возможного мыслится как потенциальность человеческой активности, средоточие условий и обстоятельств ее инициации и инобытие самоорганизующихся систем. В попытках описания креативности и построении сценариев осознанной работы в пространстве возможного последнее непременно наделяется привычными характеристиками пространства-времени, оказываясь метричным и топологическим. Онтологии творчества традиционно разворачиваются в базисе, где число измерений вовлекаемых пространств ограничено, а сами такие пространства (как форма организованных и организуемых дискретностей различного порядка) – непрерывны и однородны. Языком описания данных пространств здесь выступает геометрия.

Однако имеющее место возникновение в пространстве возможного иной меры, не просчитываемой и не выводимой из существующих мер, является ключевым моментом в понимании содержания новообразования. Новое, исходящее из своей меры, конституируется и тем самым обеспечивает свою

вписанность в универсальные связи мироздания. Здесь мы имеем дело с различными мерами существующего и возникающего, соотношение между которыми (мерами) может быть выражено через нелинейность. Нелинейность, как правило, выступает особенностью многомерных структур и означает фактически выход за пределы математически мыслимой топологии. Последняя описывает и выражает совокупность свойств, подпадающих под рубрику однородности. Нелинейность топоса (гр. *Toros* – место, местность присутствия разнородного) в отличие от линейности и однородности пространства, с которым имеет дело топология как математическая дисциплина, на мой взгляд и является одной из наиболее существенных характеристик пространства возможного и непременным условием реализуемости креативной ситуации.

Впервые нашедшая отчетливое выражение в *Ars magna* («Великом Искусстве») Раймунда Луллия (1235—1315) «комбинаторная» концепция творчества продолжает составлять фундамент, отправную и конечную точку многих работ в области креативности[1]. Она преподносится в качестве единственно результативной и эффективной объяснительной схемы для описания и представления акта новообразования. Если речь вести о представлении и экспликации креативного потенциала пространства возможного, то данная концепция оказывается слабо объясняющей версией по сравнению с представлениями, построенными на принципах нелинейности и открытости. Эти принципы кладутся в основу современных научных представлений о состояниях любой исследуемой реальности, в т.ч. и состояниях новообразования.

Новое невозможно получить только путем комбинирования и «особого» сочетания имеющихся в наличии компонент. Описание нового – это выход за пределы имеющейся генеративной системы правил, разрешение ситуации через «запрещенные» комбинации, преодоление рамок поставленной задачи, апелляция к иной мере. Новое как исходящее из своей меры (отсюда измерение) имеет в качестве своей характеристики $N+1$ пространство, которое выступает одной из содержательных характеристик творчества. Это означает, что онтологический базис творчества при более полном его описании и рассмотрении представляет собой переменную величину. Вовлекаемые в ходе поиска пространства (N) в момент появления новизны всегда дополняются еще, по крайней мере, одним. Тогда креативная ситуация с точки зрения наличия пространственных измерений может быть представлена как состояние человеческой активности, являющей себя в $N+1$ пространстве. Акт и есть являемость вновь возникающего пространства. Человек своей активностью изменяет метрику пространства возможного (и всей совокупности определяемых ею свойств) находясь в нем самом. В этой связи подход к пониманию креативности в целом, на мой взгляд, следует связывать с исследованием определенного *рода динамики* пространства возможного и, в частности, его пространственной нелинейности.

Задаваясь вопросом «Как возможно новое?» и вводя понятия (концепты) «пространство возможного» и «динамика пространства возможного», мы хотим приблизиться к пониманию (а на его основе трактовать, описывать и выражать) акта творчества. Ведь человек традиционно стремился к получению модели, алгоритма, технологии творчества, пытаясь придти к универсальным и тиражируемым «рецептам» креативности за счет проработки наиболее, казалось бы, общих и определяющих моментов для любой из сфер его (человека) исполняемости – способов организации человеческой активности. Наиболее логичным (а точнее, технологичным) было бы предлагать именно это в качестве базиса для трактовки динамики пространства возможного. Однако это динамика далеко не исчерпывается технологией и логикой, ее выражающей.

Апеллируя к положениям синергетики, сегодня можно утверждать, что творчество (его ключевые моменты) не представимо только лишь как изначально технологически организованная человеческая активность. Напротив, сама человеческая активность (кстати, не всегда необходимая, если рассматривать процессы новообразования в Универсуме, происходящие без какого-либо вмешательства со стороны человека) является агентом ситуации, в которой провоцируется та или иная новация. Человека здесь следует рассматривать не как противостоящее ситуации, а как содержательное в ней.

Чтобы продвинуться к пониманию «механизмов» возникновения N+1 пространства, необходимо обратиться к иным возможностям человека, лежащим вне процессуального (линейно-временного) измерения. Ключевой здесь является его способность генерировать посредством резонансного возмущения желаемые и, – что не менее важно, – осуществимые в данной сложной системе структуры. Представление современной синергетики о том, как можно многократно сократить время и затрачиваемые усилия, заключается в выстраивании правильной топологической конфигурации управляющего воздействия[2]. В этом же видится и роль человека в со-осуществлении нелинейной динамики, то есть перехода ситуации из состояния неравновесного (как возможного) к более устойчивому состоянию. Творчество раскрывается как акт, событие, а человек, корреспондируясь со всем остальным, являет собой не только линейное, но и событийное время. Оно и является выражением нелинейности. Поэтому, говоря о нелинейности пространства возможного, мы говорим о наличии в нем событий, вносящих временную дискретность.

Креативный потенциал пространства возможного, в наибольшей степени, на мой взгляд, выражаемый через и посредством проявления пространственной и временной нелинейности, заключается в особом - симбиотическом характере связи человеческой активности с условиями и обстоятельствами ее исполняемости. Динамика пространства возможного получает реализацию благодаря явленности в нем человеческой активности и образованию принципиально нового измерения. Человеческая активность актуализирует особый род связей (что само по себе утверждает континуальность креативной

ситуации), внося тем самым новое в существующее. При этом открываются иные возможности нашей деятельности в новом качестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубина И.Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций. Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2000. - 192 с.
2. Князева Е.Н. Синергетическое видение креативности человека. // Грани научного творчества. (Сайт Института философии РАН)
<http://www.philosophy.ru/iphras/library/mai/grany.ht>

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

С.С.КАЛИНИН

Кемерово, Кемеровский государственный университет

ON PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF LANGUAGE INVENTION

S.S. KALININ

Kemerovo, Kemerovo State University

Рассматриваются на примерах конкретных искусственных языков различного типа (как априорных, так и апостериорных) основные философские и методологические проблемы их конструирования. Показывается, что философской основой для различных языковых проектов служат разные философские системы и учения, в частности, учение об универсальном языке и универсальной грамматике, бывшее особенно популярным в XVII-XVIII вв., идея построения языка на точных («математических») принципах, идея сохранения и передачи культурных ценностей посредством конструирования специального языка. Дается набросок идей по применению некоторых искусственных языков разных типов, в зависимости от методологических и философских установок их создания.

Ключевые слова: искусственные языки, конструирование искусственных языков, априорные искусственные языки, апостериорные искусственные языки, межславянский язык, трансцендентная алгебра, философский язык Дж. Уилкинса.

Проблема создания универсального общечеловеческого языка всегда волновала умы человечества. На сегодняшний день известно множество различных проектов искусственных языков. Они различаются по своей структуре, по типологии, по цели создания и назначению. Многие из этих проектов приведены в недавно вышедшей работе А. Ч. Пиперски [9]. Однако,

зададимся вопросом: почему именно возникает надобность и потребность в создании искусственных языков? Зачем это нужно? В дальнейшем на примерах мы постараемся продемонстрировать как прагматику конструирования искусственных языков, так и его философские основы.

Искусственные языки (далее для их обозначения мы будем использовать термин «конланг» – от английского *constructed language* [10, с. 28-29]) создаются, очевидно, с различными прагматическими целями. Разнообразие такой прагматики демонстрирует межславянский (или междуславянский) язык, книга о котором не так давно вышла в русском переводе [7]. Помимо использования межславянского языка в повседневной (бытовой) коммуникации, например, во время путешествий по славянским государствам и странам, возможным становится его использование как языка науки, преподавания и образования, использование его как языка культуры, например, в художественной литературе, кино, театральных постановках [7, с. 11-12]. Таким образом, межславянский язык позиционируется создателями как универсальное средство коммуникации [7, с. 9-10].

Однако, философская, онтологическая база межславянского языка является более глубокой. Как полагают сами его создатели, межславянский язык является продолжателем языковой традиции церковнославянского (старославянского) языка [7, с. 12]. В то же время, как полагают некоторые исследователи [8, с. 167-169], старославянский язык выступает в качестве языка-консерванта, т.е. такого языка, который сохраняет и передает определенные культурные ценности народа/этноса. В работе [8] среди других языков-консервантов называются также латинский и греческий. Наряду со старославянским это вполне адекватно описывает языковую ситуацию средневековой Европы, в которой данные – классические – языки использовались не только в литургической функции, но также и как языки науки и культуры, т.е. как языки, передающие и сохраняющие культурные, духовные и научные ценности. Таким образом, тот факт, что межславянский язык развивает и продолжает традиции церковнославянского языка, указывает на его глубинную литургическую природу (его сущность как «сакрального» языка), поскольку, как известно, церковнославянский язык до сих пор продолжает использоваться в богослужебных целях и как язык религиозной/духовной литературы, при этом Церковь подходит к вопросу об «обновлении» языка богослужения достаточно консервативно.

Выше было указано, что межславянский язык может использоваться и как язык науки. Однако, в таком употреблении он остается языком зонального общения, т.е. языком научной коммуникации преимущественно для славянских стран [7, с. 11]. Как сообщает В. Мерунка, межславянский язык планируется к использованию в качестве вспомогательного средства коммуникации, например, в ЦЕРН, в группах ученых славянского происхождения [7, с. 11].

Для конструирования других типов искусственных языков имеются иные предпосылки, отличные от тех, что мы только что могли видеть для

межславянского языка. Межславянский язык продолжает функции языка-консерванта, языка, сохраняющего и передающего культурные ценности, онтологически он восходит к литургическому церковнославянскому языку. Существует достаточно обширная группа искусственных языков, которая по своим установкам направлена на уточнение и формализацию свойств естественного языка. В первую очередь это касается семантических аспектов языковой структуры, которая является принципиально «нечеткой», лишенной резких формальных переходов. Однако формализации могут подвергаться и морфология, и синтаксис.

Заметим также, что когнитивным основанием для конструирования искусственных языков служит факт наличия в естественном языке универсальной перцептивно-сенсорной модели, которая обладает различными функциональными проявлениями [3, с. 106-108]. В некоторой степени эта теория схожа с минималистской программой Н. Хомского, согласно которой в основе внешне различных языковых проявлений лежат универсальные когнитивные структуры [1, с. 50-55]. Поскольку большинство конлангов имеют в своей основе какие-либо естественные языки (подобно эсперанто, окциденталу, межславянскому, латино сине флексионе) или какие-то отдельные свойства естественных языков, скажем, наличие синтаксических структур, то справедливой будет и гипотеза о том, что данная перцептивно-сенсорная модель лежит в основе искусственно созданных языков. В конце концов, способность человека к созданию языка и владению языком объясняется особенностями человеческой биологии и нейрофизиологии. В связи с этим получает дополнительную смысловую окраску фраза Й. Л. Вайсгербера о языковой способности как об отличительной черте человеческого бытия (хотя сам немецкий лингвист и философ не дает окончательного ответа на вопрос, является ли эта способность характерной именно для человеческого бытия) [2, с. 137-141].

Проекты конструирования универсальных философских языков, известны еще с Нового Времени, одним из таковых является проект философского языка Дж. Уилкинса, который подробно разбирается в работе [9; 31-39]. Философский язык Дж. Уилкинса проводит строгую логическую классификацию всех предметов и явлений действительности, начиная от общих, абстрактных понятий и кончая явлениями из области экономики, гражданского права и церковной жизни [9, с. 33-37]. В этом смысле философский язык Дж. Уилкинса является более «последовательным», чем естественные языки. Естественные языки обладают, в некоторых случаях, довольно парадоксально устроенными системами именной классификации. В частности, к таковым можно отнести систему именной классификации австралийского языка дьирбал (пама-ньюнганская семья), подробно описанную и разобранную в работе Дж. Лакоффа [4]. Необычно устроенной является и система именной классификации в папуасском языке асамат, описанная в работах А. А. Леонтьева [5, с. 66] и Б. А. Серебренникова [11, с. 11]. В этом

языке все предметы и явления делятся на пять различных классов: стоящие, сидящие, летающие, плавающие и лежащие. При этом к классу «сидящих предметов» относятся, например, женщины, а к классу лежащих – луна и солнце, вставшее из-за горизонта [11, с. 11]. Существуют языки, в которых вообще не имеется именных классов. В ряде индоевропейских языков категория рода постепенно исчезает или полностью уже исчезла, в ряде северокавказских языков также происходит процесс утраты именных классов [11, с. 12-13]. Существуют языки и с гипертрофированным количеством именных классов: как сообщает Б. А. Серебренников, к таковым языкам относится один из папуасских языков – насиои [11, с. 12].

Как можно видеть из предшествующих примеров, именная классификация предметов и явлений, основанная на отнесении их по некоторому признаку к какому-либо классу, проводится в естественных языках непоследовательно. Более последовательно это проводится в языке Дж. Уилкинса, хотя, как отмечает А. Ч. Пиперски со ссылкой на Х. Л. Борхеса, он не лишен отдельных «неточностей» и «неопределенностей», свойственных естественным языкам [9, с. 38-39].

В отношении формальной классификации и формализованных средств ее выражения в философском языке Дж. Уилкинса следует отметить следующее: представляется удобным его возможное использование в системах искусственного интеллекта и компьютерных онтологиях для категоризации тех или иных областей знания, подобно тому, как это сделано в труде английского философа. И хотя его философский язык вряд ли возможно применять для нужд естественной коммуникации, использование его в компьютерных системах (в частности, в онтологиях и в экспертных системах как формально-языковую основу для их построения) представляется возможным.

Еще более формализованный пример искусственной языковой системы дает так называемая трансцендентная алгебра, разработанная эстонским ученым Я. И. Линцбахом в начале XX в. Я. Линцбах при создании трансцендентной алгебры предвосхитил ряд идей Ф. де Соссюра и ряд фонологических идей Пражской лингвистической школы (в частности, идеи Н. Трубецкого), однако, по ряду причин его идеи не получили широкого распространения в лингвистическом мире [9, с. 65]. Я. Линцбах стал известен, в первую очередь, как создатель искусственного языка под названием «трансцендентная алгебра» [9, с. 65].

Создатель трансцендентной алгебры рассматривает несколько различных аспектов конструирования собственной языковой системы. В его главном труде [6], посвященном трансцендентной алгебре, имеется несколько разделов, посвященных аспектам «идеального» (выражение самого автора) языка. В книге [6] имеются разделы «Об идеальном письме», «Об идеальном языке», «Об идеальных понятиях», «Об идеальных знаках» и т.д. Я. Линцбах в этой работе [6] рассуждает о наиболее точных и оптимальных способах языковых выражений и оптимальной передаче понятий, идей и представлений. В связи с

этим трансцендентная алгебра становится оптимальной сконструированной языковой основой для интерфейса коммуникации с искусственным интеллектом (в перспективе его создания). Существенным недостатком трансцендентной алгебры, как отмечает А. Ч. Пиперски [9, с. 67, 69, 71], является сложность ее синтаксиса и ограниченность набора базовых производных значений, из которых могут конструироваться другие, производные значения.

Следует также отметить тот факт, что все искусственные языки (конланги) можно разделить на априорные и апостериорные [9, с. 10-11]. Д. Дж. Питерсон определяет априорные конланги как такие искусственные языки, которые не имеют прототипа среди естественных языков (по схожести с грамматикой и словарем) [10, с. 32]; часто они создаются под влиянием каких-либо философских, логических или эстетических предпосылок. Описанная выше трансцендентная алгебра является примером априорного конланга. Апостериорный конланг – это искусственный язык, грамматика и словарь которого взяты из существующих источников (естественных языков) [10, с. 32]. Примером апостериорных конлангов может служить эсперанто [10, с. 32], из выше описанных языков – это межславянский язык.

Таким образом, в общем и в целом философской основой для конструирования априорных конлангов могут, очевидно, служить уже разработанные философские учения и системы, а также логические и логико-философские теории, что, в частности, было отображено в языковом проекте Дж. Уилкинса, вполне соответствовавшего духу эпохи и идеям Нового Времени о создании всеобщего рационального языка и всеобщей рациональной грамматики (каковой, например, стала знаменитая грамматика «Пор-Рояль» К. Лансло и А. Арно). Апостериорные конланги же могут репрезентировать те картины мира и те лингвокультурные константы, которые сформировались в естественных языках, послуживших основой для их создания. Таким образом, апостериорные, формируемые на основе уже известных языков конланги, подобные, межславянскому, выражают мирозерцание их языков-основ (этот постулат, применительно к естественным языкам, был высказан еще в неогумбольдтианской языковой теории).

Отсюда следует, что для априорных и апостериорных конлангов философские и методологические установки их создания будут различаться. Кроме того, различия определяются также и прагматическими целями: создается ли данный конланг как язык вспомогательного общения, либо с художественными целями (например, как язык вымышленного мира), либо же в целях лингвистического эксперимента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления / Дж. Бейлин. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. - С. 13-57.

2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 232 с.
 3. Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка / А.Д. Кошелев. - М.: Издательский дом ЯСК, 2017. - 528 с.
 4. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. Пер. с англ. Р. И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Дж. Лакофф. - М.: Прогресс, 1988. - С. 12-51.
 5. Леонтьев А. А. Папуасские языки / А.А. Леонтьев. - М.: Гл.ред. восточной литературы, 1974. 116 с.
 6. Линцбах Я. И. Принципы философского языка: опыт точного языкознания / Я.И. Линцбах. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. - 248 с.
 7. Мерунка В. Межславянский: искусственный зональный язык / В. Мерунка. - Воронеж: Кварта, 2018. - 130 с.
 8. Панин Л. Г. О языках-консервантах (к постановке проблемы) // Проблемы сохранения вербальной и невербальной традиции этносов. Материалы круглого стола I Международной научной конференции «Язык. Миф. Этнокультура» / Л.Г. Панин. - Кемерово: ИПК «Графика», 2003. - С. 167-175.
 9. Пиперски А. Ч. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского / А.Ч. Пиперски. - М.: Альпина нон-фикшн, 2017. -224 с.
 10. Питерсон Д. Дж. Искусство создания языков / Д. Дж. Питерсон. - М.: Изд-во АСТ, 2018. - 320 с.
- Серебрянников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление / Б.А. Серебрянников. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. - 248 с.

ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИИ: ЧИТАЯ Г.Ф. МИРОНОВА

К.С. БУРХАНОВ

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

PHENOMENON OF INFORMATION : READING G.F. MIRONOV

K.S. BURKHANOV

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

В статье рассматривается подход Г.Ф. Миронова к пониманию природы информации, раскрывается его обоснование трактовки информации как атрибута бытия.

Ключевые слова: информация, феномен информации, порядки бытия, пространство-время.

В центре внимания статьи Георгия Федоровича Миронова «In-formatio как формообразования целостностей разнородного» [2] находится феномен информации. С чем связан такой интерес исследователя к данной

проблематике? Я думаю, что это связано с тем, что проблема информации, как в науке, так и в философии является весьма актуальной. Об актуальности также свидетельствует современный научный, философский и общественно-политический лексикон, в котором часто можно услышать слова и словосочетания вроде «информирование», «информационное общество», «информатизация», «информационная война».

Данная тема представляет интерес и для меня, студента факультета информационных технологий, ведь информация – ключевое понятие информатики, объяснение и понимание сущности которой необходимо для дальнейшей профессиональной деятельности.

Интерес к проблеме информации возник еще в 1940-1950 годах. Однако, несмотря на то, что информация находится в поле зрения философов и ученых достаточно давно, не найден ответ на ключевой и основополагающий вопрос: что такое информация? Начиная с К. Шеннона и его количественной трактовки информации, целая плеяда ученых пыталась ответить на данный вопрос: У. Эшби, А.Д. Урсул, Ю. Шрейдер, Л. Флориди, К. Колин, А. Соколов и многие другие. Георгий Федорович Миронов в представляемой статье дает свое понимание сущности информации, продолжая, таким образом, философские поиски в поле данной проблематики.

Георгий Федорович, анализируя теоретическую деятельность, отмечает, что для того, чтобы выявить сущность информации, необходимо понять ее «место» и «роль» в содержании теоретической деятельности. Ведь выявление сущности любой философской и научной категории невозможно без анализа как теоретической деятельности, так и без анализа категории как теоретического явления.

В статье Г.Ф. Миронова указывается на ряд гносеологических трудностей (в частности, этимологического, методологического характера), с которыми сталкивается любой теоретик при определении сущностной природы информации. Автор статьи ввиду этого даже определяет информацию как «продукт большого количества следующих друг за другом превращенных форм мыследеятельностных структур» [2; с. 104]. И я полностью согласен с этим: фиксируя и анализируя *информацию*, мы получаем возможность проследить на различных стадиях мыследеятельности *трансформации* семиотических форм [см. подробнее там же].

Информатика, существующая сегодня, – это результат многолетней последовательной и глубокой работы лучших ученых мира, тем не менее, даже сейчас существует множество неразрешенных вопросов, одним из которых является знаковая природа информации. Действительно, «возникновение иероглифического либо буквенного кода линейного письма существенно определило социокультурную действительность, в различных исторических видах которой *трансформации* (*деформации*) кода приводили к эпохальным событиям. Исследование знаково-символической природы информации много дает для экспликации роли события в социокультурных системах,

разделяющего действительность и реальность: как трансляция образцов и алгоритмов поступков, образов и смыслов может инициировать новые события; как способы переноса символического воздействия воплощаются в семиозисе культуры через прагматику, синтактику и семантику знаковых систем? Ведь именно так и конструируется тот феномен, который сегодня именуется «информационной реальностью» [1; с. 104].

Георгий Федорович отмечает то, что поиск сущностной природы информации возможен через нахождение ее инвариантов. Отыскать их можно в алгоритмах. И, действительно, когда мы программируем, то сами, того не замечая, пытаемся найти ту инвариантную сущность информации, с помощью которой сможем построить стабильные и правильные алгоритмы. Также, отмечая динамичность информации и теоретической деятельности, Георгий Федорович подчеркивает, что «...теоретическая «природа» информации (информация как содержательный момент теоретического) в том, что она возникает как сопровождающая реальность динамических процессов в универсуме деятельности (причем не только теоретической, но и других типов, видов и сфер, которые, так или иначе, содержат в себе коды)». [2; с. 106]

Информация – это то, что ответственно за порядок бытия и его организацию, – утверждает автор. На основе этого он приходит к достаточно важному выводу: информация может быть таким же атрибутом бытия, как и пространство, время и энергия. Данное обстоятельство позволяет определить исследователя как сторонника «атрибутивного» подхода к пониманию информации, которые, в отличие от функционалистов, считают информацию атрибутом материи.

С Георгием Федоровичем в данном случае можно согласиться, поскольку информационные процессы можно обнаружить практически везде. Информация передается неживой природы к живой, от одних биологических видов к другим, от человека к человеку, к технике и т.д. Следовательно, информация является универсальным явлением и поэтому может быть поставлена в один ряд с другими философскими категориями.

С другой стороны, а насколько уместно считать информацию универсальной? С такой трактовкой могли бы поспорить многие исследователи. По мнению сторонников функционалистского подхода, информация должна иметь смысл, быть операциональной и целенаправленной [3]. В этом случае информационные процессы возможны только в живой природе. Георгий Федорович, к сожалению, уже не разрешит данный спор и не даст ответа на многие краеугольные вопросы, касающиеся проблемы сущности информации.

Если же следовать его логике, то в том случае, если информация ставится в один ряд с категориями материи, пространства, времени, современные философские исследования должны быть направлены на включение новой категории в разрабатываемые метафизические модели. Однако суждено ли информации стать философской категорией? Этот вопрос остается открытым.

Скорее всего, сущностная природа информации будет оставаться предметом философских и научных дискуссий еще длительное время. Наверняка, работа Георгия Федоровича не станет последней, в которой поднимается вопрос о сущности информации.

Впрочем, вышеуказанные теоретические положения и вызванные ими вопросы свидетельствуют тому, что статья Георгия Федоровича – продолжение научных поисков сущностной природы информации. Современной науке и философии нужны такие исследования. Я думаю, что ответив на вопрос о сущности информации, мы сможем лучше понять информационные процессы, которые происходят как в социуме, так и в других системах. Постижение сущностной природы информации способно изменить нашу картину мира и даже привести к научной революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильмутдинова Н.А. Социально-философский смысл феномена информации // Вестник УлГТУ. – 2015. – №1. – С. 24-28.
2. Миронов Г.Ф. In-formatio как формообразования целостностей разнородного // Прикладная философия, логика и социология. Труды Международной конференции «Континуальные алгебраические логики, исчисления и нейроинформатика в науке и технике». Т. 1. – Ульяновск: УлГТУ, 2006. – С. 102–107
3. Функционализм / Левин Д. URL: <http://www.philosophy.ru/ru/functionalism/> (07.05.2019).

ТЕХНИКА: СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ

И.В. ЧУПРИН

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

TECHNIQUE: ESSENCE AND FUNCTIONS

I.V. CHUPRIN

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Раскрываются сущностные характеристики техники с опорой на философское наследие М. Хайдеггера. Выявлены функции техники в современном мире.

Ключевые слова: техника, общество, личность, мобильность, коммуникация.

Техника играет немаловажную роль в нашем мире. Она касается всех сфер нашей деятельности. Вопрос о сущности техники находит свое отражение в философии. Он был и остается актуален по сей день, так как касается тех вещей, с которыми каждый человек сталкивается повседневно. Техника окружает нас повсюду. Любая деятельность включает в себя определенную технику, и любая техника подразумевает под собой ту или иную деятельность.

В связи с этим технике присущи определенные функции, каждая из которых имеет конкретное предназначение. Поэтому важно прояснить вопрос о сущности техники. Путем рассмотрения и изучения функций техники можно придти к ответу на этот вопрос.

Некоторые предшественники современного философского анализа *сущности* техники предполагали, что техника представляет собой некую искусственную среду. Однако она идет от природы, а вовсе не является творением иного субстрата. Техника при этом возникает на базе «органопроекции». Машина является ничем иным, как проекцией органов человека на природный материал.

Приблизиться к пониманию техники удалось немецкому философу Мартину Хайдеггеру. В его статьях техника рассматривается как средство для достижения целей [5, с. 221], как способ самореализации человека [3, с. 1]. Однако философ видит в технике и нечто неизведанное, настораживающее. В связи с этим, он пытается проникнуть в самую суть техники. Проникнуть для того, чтобы освободиться от ее власти. Он утверждает, что последствия вторжения техники многообразны и в перспективе даже трудно предсказуемы. Поскольку техника содержит в себе некую, непредсказуемую заданность мышления, поведения, сознания, потому она едва ли не фатальна для человека.

«...Опасна не техника сама по себе. Нет никакого демонизма техники; но есть тайна ее существа...», – утверждал Хайдеггер [1, с. 37]. По его мнению, главная опасность заключается не в технике, не в «технизации жизни». Существует опасность непонимания ее сущности. Поэтому важной задачей является дать технике внетехническое обоснование.

Одним из наиболее точных понятий техники, раскрывающих ее сущность, является следующее определение: «Техника – это система искусственных органов и материальных средств человеческой деятельности, предназначенных для её облегчения и повышения эффективности, а также применяемых для осуществления производственного процесса и реализации потребностей общества» [4, с. 78].

Современная техника занимает важное место в обществе, оказывает огромное воздействие на все стороны общественной жизни, на всю человеческую культуру. Она вызывает существенные изменения в материально-экономической, социальной, духовной и бытовой сферах, в психологии, мышлении и ценностных ориентациях людей.

Подлинный смысл, сущность техники, её предназначение проявляются в многочисленных *функциях*, выполняемых ею. Надо заметить, что функциональный анализ техники недостаточно представлен в литературе. Ввиду того, что в настоящее время отсутствует общепринятая типология её функций, важным становится выявить те, в которых в максимальной степени проявляется её значимость. Рассмотрим далее наиболее важные и близкие к выражению сущности техники функции.

Основопологающей функцией является адаптивная. Она первична по отношению к другим функциям, так как техника решает задачу приспособления человека к природе. В отличие от животных, многие из которых сумели приспособиться к окружающей среде благодаря биологической эволюции, человек смог адаптироваться во многом благодаря искусственно созданным вещам. Техника не только спасла человечество от вымирания; напротив, она приумножила возможности человека, помогла добывать пищу, создавать жилища для защиты от хищников, холода, стихийных сил и негативного воздействия природы. Таким образом, техника служит средством адаптации к окружающей среде.

На протяжении тысячелетий техника позволяла решать насущно важные проблемы. Она продвигала человека вперед, к новым знаниям, умениям и возможностям. Другими словами, с помощью техники человек не просто адаптируется к природе, но и перестраивает окружающий мир в соответствии с растущими потребностями и реальными возможностями. Техника, несомненно, повлияла на формирование всего мира в целом. Она направила жизнь человечества в русло прогресса и постоянного развития. Об этом также писал М. Хайдеггер в своих работах: он связывал технику с особым способом конструирования мира [5, с. 234]. Техника, как средство воздействия на окружающий мир, помогает раскрыть его потенциал, сделать его доступным для индивида, включить в механизм собственной жизнедеятельности, установить над ним контроль. Таким образом, техника проявляет в себе инструментальную функцию.

Техника преобразовывает сферы общественного бытия. Она объединяет людей в социальные группы и сообщества, в которых индивид опредмечивает себя, раскрывает свой потенциал, расширяет умения и навыки, прокладывает дорогу к новым возможностям. Все это приводит к тому, что человечество совершает все больше новых открытий, которые изменяют наш мир, нашу жизнь, настоящее, а самое главное – будущее. Каждое значимое техническое открытие влечет за собой длинную цепь перемен. Техника как будто бросает вызов и «призывает» всех двигаться вперед.

Адаптируясь к природе и преобразуя её с помощью техники, человек познает окружающий мир, раскрывает его секреты и тайны, расширяет гносеологический горизонт, постигает истину. Следовательно, технике присуща также информативно-познавательная функция.

Благодаря технике, мышление людей способно стать более рациональным и структурированным. У людей возникает потребность в получении новых знаний. Они хотят расширять, совершенствовать, владеть и, в конце концов, делиться своими познаниями с другими людьми. Техника предоставляет такую возможность, поскольку с помощью нее можно передавать, оперативно обрабатывать, систематизировать информацию. Но одно из основных умений, которым должен оперировать человек – умение добывать, а затем обрабатывать и передавать различного рода информацию.

Человеку, не обладающему этими качествами, весьма нелегко взаимодействовать с обществом, сложно расширять свои умственные и коммуникативные способности. На пути становления личности человек стремится обрести такие качества, и техника помогает ему в этом, поскольку она выполняет также коммуникативную функцию.

В современном мире важная роль данной функции не подвергается сомнению. Техника интенсифицирует связи между людьми, делает возможным их активное как непосредственное, так и опосредованное общение. Благодаря технике современный мир стал единым, взаимосвязанным и информационным.

Коммуникативная функция техники отчасти граничит с интегративной. Интегративная функция по сути имеет объединяющий характер. С помощью техники происходит сближение людей разных народов и национальностей. Между ними возникает процесс интеграции. Таким образом, техника дает возможность активно знакомиться с достижениями различных народов, преодолевать изоляционизм и культурный нигилизм [2, с. 210].

Предназначение техники проявляется в многочисленных функциях, выполняемых ею. Это, в свою очередь, позволяет в максимальной степени выявить её значимость, ценность, как для человека, так и для общества в целом. Подводя итог, можно дать ответ на вопрос: «В чем же заключается сущность техники?» **Сущность** техники, главным образом, заключается в обеспечении эффективности деятельности человека, его жизненного комфорта и мобильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внутских А.Ю. Философия техники: хрестоматия. – Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012. – 79 с.
2. Горохов В.Ф. Социология. Часть 2. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 249 с.
3. Мурзин Н.Н. Хайдеггер о технике: существо вопроса. - Режим доступа: <https://vox-journal.org/content/vox6murzin.pdf>
4. Современная философия: словарь и хрестоматия / Отв. ред. Кохановский В.П. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 512 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 450 с.

МЕТОДЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА МАГИСТРАНТОВ

ЧИКИН В.В.

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

METHODS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND SCIENTIFIC RESEARCH WORK OF MASTER STUDENTS

CHIKIN V.V.

Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University

Рассматриваются основные проблемы организации научно-исследовательской работы магистрантов энергетического профиля, формирования у них методологической культуры.

Ключевые слова: методы исследования, методы эмпирического исследования, методы теоретического познания, общелогические методы.

Подготовка высококвалифицированных кадров является одним из ключевых факторов стабильности, развития и конкурентоспособности государства в условиях глобализации. Одним из результатов процесса глобализации стало создание странами Европы единого образовательного пространства. Его стартом послужило подписание в 1999 году в городе Болонье (Италия) Болонской декларации, которая заключалась в объединении образовательных систем высшего образования различных стран Европы и рынка труда для работников высшей квалификации.

Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 года. С введением в России Болонской системы высшее образование претерпело большие изменения.

Так, в России появилась двухуровневая система, подразумевавшая обучение по программе 4+2: после 4 лет обучения студенты получают степень бакалавра, затем после последующих 2 лет - степень магистра. Еще одно изменение, по мнению автора негативное, касается сокращения аудиторных часов: лекций, практических и лабораторных занятий. Дело в том, что в Болонской системе большая часть подготовки студентов отводится самообразованию, при котором студент должен самостоятельно освоить определенный объем знаний, что в современной России приживается с трудом.

Поступить на обучение по программе магистратуры могут люди, имеющие высшее образование. Обучение в магистратуре имеет отличия от обучения на ступени бакалавриата: в магистратуре меньше аудиторных часов и зачетных единиц, более глубокое изучение отдельных вопросов.

Научно-исследовательская работа (НИР) формирует у магистра следующие умения и навыки:

- формулировка и решение проблем (вопросов), возникающих в ходе выполнения работы;
- выбор необходимых методов исследования, исходя из задач конкретного исследования;
- применение современных информационных технологий при проведении научных исследований;
- проведение экспериментов и опытов, моделирование исследуемых процессов и явлений;
- обработка полученных результаты, их анализ;
- подготовка отчета по НИР, тезисов докладов, научных статей, выпускной квалификационной работы (ВКР);
- ведение библиографической работы (включая работу с привлечением современных информационных технологий).

Конечным этапом выполнения НИР магистрантом является ВКР магистра, которая должна представлять собой теоретическое или экспериментальное исследование, связанное с решением отдельных, частных задач, определяемых особенностями подготовки по конкретному направлению [2].

Весь ход научного исследования можно представить в виде схемы - рис. 1 [1].

Анализ данной схемы показывает, что важным этапом научного исследования является выбор методов исследования. Другими словами, конечный результат НИР определяется не только тем, кто действует (магистр) или на что она направлена (какую цель преследует магистр), но и тем, как совершается данный процесс.

При решении поставленных задач и достижении цели магистр энергетического факультета должен ориентироваться на определенные правила, приемы, способы, нормы познания и действия. Метод дисциплинирует поиск истины, позволяет экономить силы и время, двигаться к цели кратчайшим путем.

Рис. 1. Логическая схема научного исследования

Выбор и использование метода научного исследования – это безусловно важное звено в структуре научного исследования. Однако недопустимо впасть в две крайности:

- первая крайность связана с недооценкой метода: метод считается незначительным делом, «отвлекающим» от настоящей работы, подлинной науки (методологический негативизм);

- вторая крайность связана с преувеличением метода: метод считается более важным, чем тот предмет, к которому его хотят применить, превращают его в некую «универсальную отмычку» ко всему (методологическая эйфория). Дело в том, что «... ни один методологический принцип не может исключить, например, риска зайти в тупик в ходе научного исследования» [3, с.86].

Что касается классификации методов, то в современной науке по степени общности выделяют:

- 1) философские методы;
- 2) общенаучные методы;
- 3) частные методы.

Широкое применение в современной науке находит вторая группа методов. Поэтому выделим в статье общенаучные методы, которые могут быть применены в НИР магистрантов кафедры «Электроснабжение» энергетического факультета.

Научным направлением кафедры является «Разработка и совершенствование методов и средств повышения эффективности функционирования электротехнических комплексов и систем». В рамках данного направления выполняются следующие виды НИР:

1. Повышение эффективности функционирования устройств управления передачей электроэнергии в системах электроснабжения.

В рамках НИР исследуются вопросы как технического совершенствования устройств управления передачей электроэнергии, так и экономические, организационные и правовые аспекты управления этими устройствами с целью повышения надежности электроснабжения, снижения потерь электроэнергии и повышения ее качества в электроэнергетической системе.

2. Разработка и совершенствование методов, алгоритмов и программных средств для анализа и синтеза сложных электрических схем и систем.

В рамках НИР ведутся работы по совершенствованию предложенного профессором кафедры Филаретовым В. В. нового метода расчета сложных электрических схем и систем, названного им методом схемных определителей. Этот метод реализует принципиально новый подход к расчету электрических схем – не требует традиционного построения матричных систем уравнений.

3. Разработка и совершенствование методов математического моделирования электромагнитных элементов сложных электротехнических комплексов и систем.

В рамках НИР проводится исследование и разработка новых методов математического моделирования процессов и объектов электротехнических комплексов, разработка их методов расчета и оптимизации [2].

В структуре общенаучных методов выделяются три уровня: эмпирический, теоретический и общелогический.

Среди методов эмпирического исследования интерес для магистрантов в рамках проводимых НИР представляют:

а) наблюдение, которое, как правило, выступает в качестве составной части эксперимента. Следует отметить, что в ходе наблюдения магистр должен не просто регистрировать любые факты, а сознательно отбирать те, которые либо подтверждают, либо опровергают его идею;

б) эксперимент, который применим к первому виду НИР, где для разработанных устройств необходима опытная проверка их свойств и выполняемых функций;

в) описание, которое фиксирует результаты наблюдения или эксперимента;

г) измерение, применимое для всех видов НИР.

Среди методов теоретического познания интерес представляет формализация, которая позволяет рассуждения об объекте исследования отобразить в знаково-символьном виде. Например, в рамках первого вида НИР ведется совершенствование государственного управления качеством электроэнергии. Государственное управление представлено только статьей 542 Гражданского кодекс РФ, эффективность которой ограничена. Сделать вывод об этом помогла формализация, когда эффект статьи 542 ГК РФ был отображен в формулах.

Среди общелогических методов интерес для магистров представляют:

а) анализ и синтез, при которых сначала исследуемый объект разделяется на составные части, а затем объединяется в единое органическое целое. Результатом синтеза может выступать новый предмет исследования, в котором устранены недостатки старого объекта;

б) абстрагирование, которое состоит в отвлечении магистра от ряда несущественных свойств и одновременным выделением интересующих его свойств;

в) идеализация, в которой идеализированный объект выступает как отражение реальных процессов и предметов для более глубокого их понимания. Например, во втором виде НИР, при расчете электрических цепей строится схема замещения, в которой изображение цепи ведется на уровне идеальных элементов: идеальный резистор, идеальный источник ЭДС и т.п.;

г) обобщение, которое позволяет найти объединяющий несколько объектов признак;

д) индукция и дедукция, противоположные, но взаимодополняющие ходы мысли. Основой индукции является опыт, опирающийся на наблюдение и эксперимент и позволяющий выявить повторяющиеся признаки. Стоит отметить главную слабость индукции: вероятный характер знаний в силу ограниченности эмпирической базы вывода (за исключением «полной индукции»). Слабость же дедукции заключается в сложности обоснования исходного основания и неспособности дать принципиально новое знание;

е) аналогия, при которой свойства одного объекта переносятся на другой изучаемый объект. Данный метод может активно использоваться при исследовании государственного управления качеством электроэнергии. Так, вопросами управления качеством электроэнергии кафедра начала заниматься относительно недавно. Тогда как вопросами государственного управления компенсацией реактивной мощности занимается давно. Вопросы управления качеством и компенсацией аналогичны, поэтому, используя опыт наработок по управлению компенсацией реактивной мощности, можно решить некоторые вопросы управления качеством электроэнергии;

ж) моделирование, которое предполагает создание модели – аналога определенного фрагмента реальности. При этом наибольшее применение в НИР магистров находит математическое моделирование;

з) структурно-функциональный метод, который строится на основе выделения в целостных системах их структуры. Например, при изучении вопроса низкой эффективности управления качеством электроэнергии мы исследуем его элементы. В результате исследования делаем вывод о том, что весь процесс управления не эффективен вследствие неразвитости экономических рычагов государственного управления.

В заключении можно сказать о том, что вышеперечисленные методы научного познания должны использоваться как «руководящая нить» в научной деятельности, а не как готовый шаблон для перекраивания фактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методические рекомендации для педагогов и обучающихся по подготовке научно-исследовательской работы. Заречный 2013. Муниципальное бюджетное учреждение «Информационно-методический центр системы образования г. Заречного» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://imc-zato.ru/storage/Dokument/metodika/npk.pdf>.

2. Научно-исследовательская работа. Выпускная квалификационная работа магистра: методические материалы для обучающихся по магистерской программе «Электроэнергетические системы, сети, их режимы, устойчивость и надежность» / сост.: А. В. Кузнецов. – Ульяновск: УлГТУ, 2018. – 56 с.

3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. - М.: Прогресс, 1986. - 432 с.

ВОСПОМИНАНИЯ

УЧИТЕЛЬ, КОЛЛЕГА, ДРУГ

В.И. ШАРАПОВ

Самые острые и частые наши сожаления связаны с быстротечностью и необратимостью жизни.

С Георгием Федоровичем Мироновым, физиком по образованию и философом по призванию, в давние годы, более полужизни назад, мы легко и беззаботно, как можно только в молодости, рассуждали, что эти быстротечность и необратимость - всего лишь проявление второго начала термодинамики, закона возрастания энтропии - одного из основных законов статистической физики. В молодости, однако, казалось, что этот печальный закон, показывающий направление развития систем (от рождения к угасанию), писан не про нас. Жизнь, увы, и на нашем примере беспощадно и ежедневно подтверждает справедливость этого закона.

Мне посчастливилось в середине семидесятых годов, в пору подготовки к кандидатскому экзамену по философии заниматься на семинарах Георгия Федоровича. Он был тогда совсем молодым кандидатом наук, лишь чуть постарше своих слушателей.

На семинарах Георгия Федоровича было непросто заниматься тем, кто пришел только за оценкой «по никому не нужной философии». Он считал, что без серьезной философской подготовки не может быть настоящего исследователя в любой области знаний. Георгий Федорович говорил сложно и о сложном, без скидки на недостаточную просвещённость слушателей. На семинарах надо было быть в постоянном напряжении, чтобы уследить за цепочкой его рассуждений. Я, приходя на семинары после достаточно трудного дня работы на электростанции, очень уставал от этого напряжения, но нельзя было не восхищаться полетом его мысли, логикой его размышлений. А увлечённость его заражала собеседника.

Нередко наши философские беседы на семинаре продолжались и после семинара, по дороге домой. О чём мы только ни говорили тогда: о Грегоре Менделе, учение которого внезапно оказалось одним из краеугольных камней марксистско-ленинской философии (по материалам журнала «Вопросы философии» тех лет), о временной онтологической ограниченности содержания «Материализма и эмпириокритицизма», о недооценённости даже в те времена «Философских тетрадей» В.И. Ленина. Кстати, В.И. Ленина Георгий Федорович всегда считал одним из самых ярких и внятных представителей диалектической философии. Иногда, увлекшись разговором, мы не замечали, что просто гуляем вдвоём по городу без определенного маршрута.

Через какое-то время Георгий Федорович стал уверять меня, что мне определённо следует поступать в философскую аспирантуру, и, надо сказать, посеял в душе изрядные сомнения в моём будущем. Особенно ему понравился

мой реферат о занимавшей меня тогда проблеме детерминизма в философии и естествознании (меня ещё в студенческие годы сильно поразила инициировавшая этот реферат статья Нобелевского лауреата Джорджа Уолда «О детерминизме, индивидуальности и проблеме свободной воли»). Георгий Федорович утверждал, что с этой работой меня возьмут в философскую аспирантуру в любом столичном вузе. Реферат этот Георгий Федорович отдал мне сравнительно недавно; через тридцать лет после его написания; кто бы мог подумать, что он будет так долго хранить его.

В моей судьбе победила всё же моя родная теплоэнергетика: в год защиты своей первой диссертации я стал главным инженером электростанции, а все сомнения о направленности научной работы рассеялись. Подлинным профессионалом, мне кажется, надо быть в чем-то одном. Георгий Федорович вполне разделял и уважал мои убеждения.

Добрые дружеские отношения с Георгием Федоровичем остались на всю жизнь. С ним всегда было приятно встречаться, даже просто поздороваться, пожать руку и улыбнуться друг другу. Типичные его фразы при встречах: «Владимир Иванович, а Вам не попадалась на глаза вот такая публикация?» или - «Вы знаете, я недавно открыл для себя удивительную книгу (или удивительного автора)». Эта молодая способность удивляться интересным мыслям, явлениям была одной из самых характерных его черт.

Столь же яркими, замечательными чертами Георгия Федоровича были его дружелюбие, жажда человеческого общения, живой интерес к людям, умение окружать себя интересным и людьми и редчайшее среди творческих личностей умение радоваться чужим успехам.

Я очень благодарен ему за отношение к моим ученикам - магистрантам, аспирантам, молодым кандидатам наук, из которых постепенно сложилась наша кафедра. Он иногда покровительствовал им, я бы даже сказал, любил их. Почти в каждом из моих учеников - частица его труда. Они тоже любили Георгия Федоровича, и, думаю, не забудут его никогда.

Незабываемы встречи с Георгием Федоровичем на его даче за Волгой - вдвоём с ним (как были упоительны неспешные долгие разговоры старых друзей-профессоров!) или вместе со всей моей молодой кафедрой. Как он любил быть окруженным друзьями, в том числе, - молодой нашей порослью!

От этих встреч на фотографиях, в памяти остались прекрасные цветы, посаженные на даче коллегами-друзьями, поленницы дров, колодец, уха, шашлыки, баня, пиршества ума - вольные и добрые беседы на всевозможные темы ...

Каждый, кто знал Георгия Федоровича, будет всегда благодарен ему за его добрую, умную, светлую жизнь.

Ярким, живым, легко и свободно мыслящим, увлеченным наукой и общением с людьми, с копной красивых, рано поседевших кудрей - таким я

увидел Георгия Федоровича тридцать три года назад и практически таким же он оставался до последних своих дней.

Душа его, пожалуй, точно была не подвластна второму началу термодинамики.

ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ МИРОНОВ: КАКИМ Я ЕГО ЗАПОМНИЛ

М.П. ВОЛКОВ

Есть люди, которые открываются с первой встречи. Их внутренний мир, ценности, действия и поступки становятся близкими тебе и ты принимаешь их всем сердцем. Таким был В. И. Белозерцев, уже на первой встрече, произошедшей в общежитии МГУ им. М.В. Ломоносова, покоровший меня доброжелательностью, отзывчивостью, глубоким умом, юмором.

Есть другая категория людей, открытие которых можно уподобить чтению интересной книги, раскрывающей своё содержание с каждой новой страницей и по прочтении оставляющей ощущение какой-то неразгаданной тайны. Таким был Георгий Фёдорович Миронов.

Первая встреча с ним состоялась у меня в феврале 1978 г., когда я, по окончании аспирантуры при кафедре философии естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, был принят на работу на кафедру философии и научного коммунизма Ульяновского политехнического института и на первом заседании кафедры во втором семестре учебного года был представлен коллегам. Именно там Георгий Федорович обратил на себя внимание своей запоминающейся внешностью: невысокий рост, копна седых волос, острый взгляд, четко артикулированный голос. Тогда же обратил внимание на руки. Такие были у моего отца: с потрескавшимися с внутренней стороны пальцами - итог работы с землей и отшлифованными черенками топоров, лопат, вил, кос ладонями. Позже я узнал, что Георгий Федорович родился и вырос в Карасевке (район Ульяновска), в доме, при котором был огород, в котором он с удовольствием занимался, а также поддерживал дом в надлежащем состоянии. Мне кажется, именно соединение в нем двух начал - интеллектуала и человека от земли делало его привлекательным как для рафинированных интеллигентов, так и для простых тружеников.

Потом я узнал, что Георгий Федорович превосходно играет на баяне, и ни один его день рождения не обходился без добрых советских песен.

Каким остался в моей памяти Георгий Федорович? Глубоким исследователем, тонким аналитиком, новатором в науке и педагогической работе. За какую бы проблему он ни брался - будь то специфика научного познания с его структурой, процедурами, языком; творчество с его тонкими отношениями логической и интуитивной сторон; язык как многомерное

явление, задающее его носителю образ мира; образование как способ встраивания человека в изменяющийся мир; техника и технология как формы осуществления власти человека – во всем, руководствуясь открытыми им подходами, он открывал новые грани, срезы, измерения.

Осталось в памяти предельно корректное отношение Георгия Фёдоровича к позициям коллег, даже если они расходились с его собственными. Отстаивая собственные представления, идеи, подходы, к которым он пришёл в результате трудной внутренней работы, он проявлял удивительную терпимость к иным позициям и подходам. Если он редактировал сборник, то согласовывал с автором каждое слово, которое он предлагал заменить. Самостоятельно придя к пониманию науки как научно-исследовательской практики, концептуальная структура, методы, процедуры, цели которой несут на себе печать социума и в первую очередь – характера, степени развитости материального производства, он поддержал мою диссертацию, которая базировалась на социокультурном подходе. У меня до сих пор хранится лист формата А4, исписанный рукой Георгия Фёдоровича и содержащий текст, в котором даётся точный анализ сильных сторон и приводятся рекомендации, следование которым способно, по его мнению, улучшить работу.

В памяти осталась готовность Георгия Федоровича прийти на помощь своим школьным и институтским друзьям, коллегам. В моей случае это был не ответ на просьбу, а предложение, исходящее от него. Когда в 2007 г. я вернулся к работе над докторской диссертацией, - оставалось написать первую главу, в которой должна быть представлена методология исследования, - обнаружилось, что большой перерыв отбил всякую охоту к работе за столом. Я возненавидел субботы и воскресенья – дни, когда можно было работать над текстом, но не удавалось заставить себя выжать хоть страницу. В начале августа Георгий Федорович пригласил меня в свой родовой дом и предложил переехать на месяц и закончить работу, избегая всякой суеты. Я был растроган предложением, отказался, сославшись на обязанности декана, но, странное дело, после этого разговора работа сдвинулась с мертвой точки, и в 2008 г. первая глава была закончена.

Не могу не вспомнить и мастеровитости Георгия Федоровича. Во второй половине 80-х годов кафедре была передана расположенная рядом с преподавательской аудитория, которая должна была использоваться в качестве учебной. Возникла идея ее облагородить, и ее материализация выпала на нашу с Георгием Федоровичем, поскольку Владимир Ильич Белозерцев, вследствие слепоты, принять участие в этом деле не мог. Георгий Федорович постепенно подносил стройматериалы, инструменты, крепежный материал, и однажды, когда все было закончено, мы приступили к работе. Были украшены деревянными планками двери колодцев, в которых проходили какие-то трубы,

развешены планшеты с изречениями философов, укреплена доска. Доска была укреплена оригинально: она начиналась на одной стене и, изогнувшись, переходила на перпендикулярно расположенную стену. Это была идея Георгия Федоровича. Преподаватели других социально-гуманитарных кафедр, проводившие занятие в этой аудитории, всегда выражали удивление перед этой оригинальной задумкой.

Придя однажды к Георгию Федоровичу глубоким вечером и пройдя вместе с ним на кухню, я увидел, что он приспособил для работы посудный шкаф: на выдвижной доске, которая по мере надобности легко убиралась, были разложены уже написанные листы, лежали раскрытые книги, из которых брались цитаты. Оказалось, Георгий Федорович сделал эту конструкцию своими руками, с предельной полнотой используя пространство для работы.

Георгий Федорович для меня – это пример человека, жившего полной жизнью: узнавшего любовь, испытавшего счастье отцовства, не побоявшегося сменить казалось бы заданный обществом вектор бытия на другой, пережившего муки творчества с их пьянящими озарениями, оставившего яркий свет в науке и педагогике, добрую память у студентов, аспирантов, коллег.

СЛОВО О ТОВАРИЩЕ

С.А. ГИМАТОВ

Г.Ф. Миронов ушел из жизни совершенно неожиданно, в расцвете своих творческих сил. Ему суждено было прожить всего 64 года. из которых 40 лет проработать в УлПИ/УлГТУ.

Рожденный в 1944 году, он с 1962 по 1966 г. учился на физико-математическом факультете Ульяновского педагогического института, затем преподавал физику в сельской школе. С сентября 1968 г., избранный на должность ассистента кафедры философии УлПИ, начал свою трудовую жизнь вузовского преподавателя, пройдя все ступени от ассистента до старшего научного сотрудника и профессора кафедры.

Какие же силы превратили парня из простой трудовой семьи в признанного мыслителя, профессора, научного руководителя аспирантов, активно искавших ответы на вопросы философской науки?

Георгий Федорович был настоящим человеком **умственного труда** - не в иносказательном значении такого определения занятий, а именно ТРУДА УМА.

Если исходить из того, что мир знаний огромен, и каждый новый день его методично увеличивает, то трудно представить, какую уйму сведений, раздумий, жизненного опыта накопило человечество! И все это - так или иначе - отражено в философии. Сегодняшнее приобщение к этим залежам и пластам

человеческой мысли требует не просто стандартной энергичности, а героизма с приставкой «сверх».

Совершенствование процессов передачи информации предполагает, что сообщение, прежде чем выйти из нас и войти в другого, должно быть «выловлено» из богатства знаний человеческих, глубоко усвоено нами и «переварено».

Георгий Федорович находился в процессе труда ума все эти годы. Его личный научно-методический опыт складывался из критического анализа и обобщения передового опыта работы кафедры философии Московского педагогического института, где он учился в аспирантуре, подготовил и защитил кандидатскую диссертацию (1970-72 г.), кафедры философии ИПК при Ростовском государственном университете (1975-76 г.), кафедры философии ИПК при Ленинградском государственном университете (1985-86 г.)

Георгий Федорович Миронов автор более сотни научных и научно-методических публикаций. В них он рассматривал место и роль науки в культурно-цивилизационном процессе, способы и формы бытия человека в мире, анализировал способность человека техногенной цивилизации видеть и переживать реалии своего времени, оценивал рациональное и иррациональное в «первом шаге» познания и деятельности человека.

Он заинтересованно сотрудничал с коллегами кафедры философии ИПК МГУ им. Ломоносова (1999г). В первом выпуске совместного межвузовского научного сборника МГУ и УлГТУ «Философия на пути самоосмысления» Г.Ф. Миронов опубликовал научный доклад «Неклассический вариант постановки вопроса об основаниях философии».

Он защитил докторскую диссертацию на тему «Научно-исследовательская практика как предмет философского анализа».

Георгий Федорович отличался желанием и умением постоянно учиться. Как мыслящий человек современной эпохи, критерием качества образования он рассматривал ТВОРЧЕСТВО.

В преподавательской работе со студентами он умел видеть в обучаемом не столько пассивного слушателя, сколько активно познающего человека, учил его мыслить, не боясь сложностей на неизведанных путях. Он был счастлив, когда студенту после неудачных попыток удавалось «завоевательно» вникнуть в нечто сложное, раскрыть противоречивые явления и процессов. Он заботился о том, чтобы ЗНАНИЕ студента по изучаемой дисциплине состоялось, свершилось и завершилось УМЕНИЕМ безбоязненно высказаться об окружающей действительности. Так формировалась, вырабатывалась его собственная жизненная позиция и мировоззрение его учеников, последователей, так он подходил и к оценке студентов на экзаменах и в жизни.

Георгию Федоровичу Миронову был присущ неустанный поиск в повышении эффективности учебного процесса и научно-методической работы. Он был исключительно организованным человеком, в общении - искренне доброжелательным, обладал высокой самооценкой и соответствовал занимаемой должности.

Интеллектуальная смелость сочеталась в его человеческом бытии с огромным трудолюбием, скромностью и тактичностью. Рядом с ним - в аудитории и вне ее - окружающие испытывали истинное удовольствие от его широкого кругозора. Он дисциплинировал своей глубокой культурой и интеллигентностью, умел поделиться свежими впечатлениями с ироничной эрудированностью и с радушной человечностью, удивлял тем, как увлечен жизнью. Природный дар мыслителя-труженика не оставлял в его жизни места унынию, безнадежности даже в самые трудные годы перестройки общества или в моменты горестных событий.

Энергия его души еще долго будет питать жизнь и работу тех, кому посчастливилось на протяжении многих лет быть с ним рядом. Искренне спасибо ему за это!

Его мысли будут находить отклик в молодых умах - и в этом настоящая значимость педагогического и научного труда, потому что он - продолжается!

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕОРГИИ ФЁДОРОВИЧЕ МИРОНОВЕ

Л.К. ТОКАРЧУК

1. Мастер пробуждения мысли

Поступая в аспирантуру на кафедру философии, мне хотелось убедить себя в способности осмыслить хотя бы свою жизнь, и где-то в глубине души я верила, что смогу написать диссертацию. Мне всегда нравился сам процесс учения. Он вызывал у меня ощущение перспектив возможностей и когда, уже в возрасте сорока трёх лет, я вновь принялась за образование, то эйфорическое состояние молодости и сил вернулось ко мне воспоминаниями студенческих лет и надеждами, что будущее можно изменить сегодня.

Первую встречу с Георгием Фёдоровичем я не запомнила. Скорее всего - просто поставила её в ряд других встреч, заботясь более об увеличении количества знаний, за которыми, как мне казалось, и пришла в университет. Преподаватели читали лекцию за лекцией, в свойственной каждому манере изложения и я, как сознательный и добросовестный слушатель, не очень-то полагаясь на свою память, старалась как можно больше успеть записать, чтобы дома ещё раз подумать о том, что услышала.

И вот как-то раз на очередном заседании кафедры Георгий Федорович обратился к нам - аспирантам с просьбой высказать свои замечания и

пожелания по поводу лекций. Аспиранты, а нас было на ту пору человек пять-шесть, выдержали паузу, а потом как-то вяло (как мне показалось) отозвались, что никаких замечаний нет, всех всё устраивает, всё замечательно. А я сидела и мучилась. Мне так хотелось ответить ему, что на самом деле лекции, построенные без системного изложения или по системе, известной только одному лектору и не объяснённой слушателям, остаются не воспринятыми нагромождениями слов. Слушая их, непонятно откуда возникают новые посылки, уводя мысль неизвестно куда. Постоянно перескакивая одна через другую все новые и новые мысли не успевают уложиться в голове и ничего не добавляют к тем знаниям, с которыми мы пришли в аспирантуру. Но я не отважилась этого заявить. Быть может, другие аспиранты, с более глубокими знаниями и развитыми способностями, иначе воспринимают и понимают материал. А только я, в силу жизненных обстоятельств погружённая в быт и уход за больными детьми, так трудно усваиваю теоретические основы.

Лекции Георгия Фёдоровича, даже притом, что он периодически давал время, то есть ожидал пока мы, аспиранты, допишем излагаемую мысль, не были рассчитаны на стенографирование. И когда придя домой, я пыталась восстановить услышанное, то целостная картина материала, записанного в конспекте и запомненного на лекции, не складывалась. Я даже не могла его связно пересказать, не то чтобы применить в ответах на экзаменах. Но всё же продолжала посещать лекции, чтобы хоть часть курса по философии науки могла пробиться через потемки моей повседневности и добавиться к тому уровню образования, который я получила в молодые годы. И вот однажды, не успевая записывать и устав догонять обрывки мыслей, я отложила ручку и стала просто слушать Георгия Фёдоровича, стараясь удержать нить рассуждения на пределе своих возможностей.

Вначале его речь показалась мне увлекательной. Но он не только рассказывал, а приглашал к разговору, ставя вопросы «как?» и «каким образом?» впереди каждой новой мысли. Не зная ответов на поставленные им вопросы, я успела почувствовать меру своей ограниченности и стала напрягать память и мышление. Незаметно для себя включилась в тему и стала думать вместе с ним, желая «помочь ему» и обнаруживая, если не знания, то хотя бы интуитивные догадки по ходу размышления. А Георгий Фёдорович выстраивал мысль за мыслью так, как будто возводил ряд за рядом стены храма. И вот я уже физически ощущаю, как напряглись вены в моих висках, и, кажется, вся голова увеличилась в объёме, но не от головной боли, а от приведённого в движение «механизма» сознания. Скрипя несмазанными шестерёнками знаний двадцатилетней давности, основной вал «механизма» сдвинул с места заржавевшие обывательские установки и, как масло в огонь, добавляя вопрос за вопросом и выявляя связи и закономерности явлений, стал наполнять меня

чувством сопричастности к какой-то неведомой ранее, но такой очевидной истине. Сознание заработало вспышками озарений и понимания, вызывая необыкновенный подъём внутренних сил. Давно я не переживала такого состояния. И, возможно, как раз тогда у меня изменилось отношение не только к лекциям этого удивительного мастера пробуждения мысли, но и к самой возможности философствования.

2. После защиты докторской диссертации

Мы уже учились в аспирантуре, когда Георгий Фёдорович защищал докторскую диссертацию. Как и почему она вызрела в свой срок, мне не известно. Я только помню её обсуждение на заседании нашей кафедры, но более всего осталось в памяти то воодушевление новоиспечённого доктора философских наук, с каким он приступил к работе по приезду из Москвы.

Тогда Георгий Фёдорович сам предложил нам с Зиной Русановой помощь и провел подробнейшую консультацию по методологии формирования не только концепции работы, но и её возможного плана написания. Слушая его, мне казалось, что вот только начни, и всё получится, так увлечённо и доходчиво он объяснял. Однако камень торможения моего сознания так крепко застрял в фокусе семейных обстоятельств, что даже лучистая энергия Георгия Фёдоровича не растопила его плотность. А жаль. Во всяком случае, он не пожалел своего времени и сил, протянув нам руку помощи.

3. Подготовка стенда в апреле 2000 г.

На столе Георгия Фёдоровича время от времени появлялись удивительные предметы, изготовленные студентами строительного факультета. Запомнились какие-то космические артефакты моделей философии, изготовленные из бумаги, картона, проволоки и т.д. Все они имели своё название и восхищали необычностью, смелостью решения и красотой исполнения. Думаю, что творческий потенциал студентов, умело включенный Георгием Фёдоровичем в образовательный процесс, давал новый импульс не только исполнителю этого маленького «шедевра» моделирования, но и открывал любому зрителю дорогу в мир красоты, добра и истины. Ведь выполняя модель своими руками, не только студенту приходится работать воображением, без которого философия не мыслима, но и каждому рассматривающему её даётся возможность постигнуть замысел создателя и продвинуться дальше его мысли, актуализируя в своём сознании скрытые знания и ставя новые вопросы.

Мне посчастливилось принять участие в подготовке стенда студенческих работ, представленных кафедрой философии на конкурсе научно-технического и художественного творчества. Большинство работ были оформлены в лучшем виде с указанием наименования модели, автора-исполнителя и идеи работы.

Однако у некоторых работ, представленных студентами в спешке, не было названий. И Георгий Фёдорович предложил нам самим дать им названия. Но кроме примитивных фраз ничего в голову не шло, и тогда Георгий Фёдорович, в качестве примера, сам начинает придумывать по каждой работе вариант за вариантом, один другого лучше, теперь уже предлагая выбрать из готовых названий. Я удивилась, сколько у него в сознании идей, как тонко он подмечает отдельные детали и как легко обнаруживает новый смысл. А про себя подумала: «Вот поэтому-то мы каждый на своём месте: один только ещё ищет знаний, а другой их давно уже выдает. Только ведь чужими руками жар не загребёшь. Нужен свой инструмент, свой метод, свой опыт их приобретения».

4. Изначальная любовь к основе «Род»

Как-то раз мне предложили вместе со своими детьми принять участие в пикнике преподавателей нашей кафедры. Намечался выезд в загородный дом - «родовое гнездо» Георгия Фёдоровича. Я очень обрадовалась приглашению, только не представляла, как мне с двумя инвалидными колясками добираться. Позвонил Михаил Павлович Волков - декан гуманитарного факультета и сказал, что вопрос с транспортом решён, и в назначенное время нас могут доставить к месту отдыха. Не скрою, очень хотела поехать. Но дома у нас неожиданно возникла конфликтная ситуация с сыном. И как мы с дочерью ни пытались уладить с ним отношения, мир не наступал. Не будем же мы портить людям настроение своими разборками. Поехать вдвоём с дочерью и оставить его дома в неуравновешенном состоянии тоже не могу. Пришлось отказаться от поездки.

И вдруг звонит Георгий Фёдорович и говорит: «Ну, приезжайте, пожалуйста, это же я специально для вашей семьи организовываю встречу с нашим коллективом». Меня очень тронули его слова и интонация. И так неловко было отказывать, и мы с Леночкой с удовольствием бы пообщались и подружились с преподавателями и аспирантами нашей кафедры. Но как я могу привезти вредничавшего подростка? Так и пришлось остаться дома.

Прошло лет шесть или семь. У моей дочери вышел очередной сборник стихов «Трава Рождения». Я прошу её подписать книги, чтобы подарить их моим глубокоуважаемым преподавателям философии. Читаю, что она написала на обложке Георгию Фёдоровичу:

Поклоняюсь Роднику, Рожденью, Роду,
Славлю Родину, Природу и Народ.
Отличает нашу русскую породу
Изначальная любовь к основе «род».

Спрашиваю дочку: «Почему ты так написала?» Она смеётся: «Так подумала». А позже Лена дописала посвящение:

Чту родителей, поместье родовое –
Как зеницу ясно око - берегу,
Укрепляю и лелею всё живое
На родимом, урожайном берегу.

В этой редакции оно и помещено в книгу стихов Елены Токарчук «Святорусье», которую я смогла подарить супруге Георгия Фёдоровича во время прощания с ним навсегда. И только в этот день 2008 года я побывала в его родительском доме - «родовом поместье», небольшом уютном домике с садом и огородом. Подумала: так вот куда он нас приглашал. Конечно, нам бы здесь понравилось гостить, если бы мы могли ...

А слушая речи его друзей и сослуживцев, поняла - как Леночка точно уловила суть ценностей этого замечательного человека - мудрого и справедливого, весёлого и доброго, настоящего мужчину и подлинного философа.

«КРЕАТОЛОГИЯ В ДЕЙСТВИИ»: ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ И ЕГО КУРСЕ

Г.Ф. БАГАУТДИНОВА

Я была студенткой Георгия Федоровича Миронова в 2001-2002 году. Его лекции, а также практические занятия слушала и посещала с большим удовольствием. Георгий Федорович был очень интересным педагогом и удивительным собеседником. С ним можно было дискутировать на различные темы, высказывать свое мнение, но самое интересное и самое основополагающее – это выслушивать его точку зрения на тот или иной вопрос. Он занимался организацией развития интеллектуально-мыслительного творчества своих студентов, прикладывал все свои умения и педагогические способности к развитию таких качеств мыследеятельности своих учащихся–собеседников, как синтетичность, симбиотичность, рефлексивность. Это, в свою очередь, подготавливало нас к собственному изменению. Занятия были направлены на создание креативных ситуаций, их осознание и осмысление.

Георгий Фёдорович уделял большое внимание нашему интеллектуально-мыслительному росту, проводил тренинги интересного характера в форме диалога и полилога, что позволяло правильно соотносить различные мнения, преодолевать устоявшиеся мнения и стандарты мышления, отказываться от распространенных приемов и методик формирования общеизвестных, а потому общеожидаемых заключений, включая нас в процесс анализа и самоанализа операционно-процедурной и смыслообразующей (семантической) сторон творческого мышления.

Нами, студентами, ведомыми нашим Учителем, создавались «семиотические» пространства, в которых актуализировались порождаемые смыслы. Для осмысления предмета, а потом и использования в мыслительно-

интеллектуальной деятельности использовались такие языковые системы и языковые образования, как музыкально-гармонические, цвето-световые, алгебраическо-арифметические, символично-словесные и т.д. Тем самым любое осмысливаемое явление оформлялось и излагалось в различных языкообразованиях. Он постоянно корректировал и координировал диалоговое пространство с тем, чтобы удерживать высокий уровень взаимопонимания участников беседы.

Курс, читаемый Георгием Федоровичем Мироновым, способствовал актуализации творческого потенциала студентов, приобретению навыков «переживания» необычных ситуаций, побуждал к объяснению новых смысловых образований, прививал вкус к деятельности интеллектуально-мыслительного характера, к креативным поискам выхода из неожиданных ситуаций в процессе решения задач, нетрадиционных вопросов, головоломок, парадоксов, апорий и т.п..

Впервые попав на его практический тренинг «Креатология в действии», я была удивлена тем, что он закурил прямо в аудитории. Медленно куря и пуская клубы дыма, Георгий Федорович вел с нами беседу, чаще всего стоя у окна. Бывало мы злили его пустым молчанием из-за нерешительности или, наоборот, из-за нашего невежества в представлении и понимании некоторых вопросов. Но если наш вопрос/ответ его заинтересовывал, он хватался за него «мертвой хваткой» и с огромным удовольствием вел беседу, слушая отвечающего и высказывая свое видение данного вопроса, при этом продолжая не торопясь курить. Это был действительно свободный человек, который приобщал нас к этому опыту, опыту свободы: свободного суждения, свободного доказательства, свободного несогласия, свободного поиска единомышленника...

Георгий Фёдорович произвел на меня сильное впечатление. Многие после его занятий я переосмыслила, и это касается многих, кого он учил. Разнообразные ситуации интеллектуального и эмоционального накала, проявлявшиеся в удивлении, смущении, чувствах безысходности, страха, бессилия и состояниях уверенности и просветленности, потребности в уединении, одиночестве и в открытой и откровенной коммуникации, толерантности и дружеском и уважительном взаимодействии, приближали нас к смысловой ткани мироздания, к выявлению и пониманию важности интеллектуальной активности, к поискам и обретению смысла (смыслов) и форм соответствия им. Тем самым становилось понятно, что *бытие* человека – сотворяющееся, а *человеческое бытие* – творческое.

УлПИ, кафедра философии, начало 1990-х гг.

УлГТУ, кафедра философии, 2000 г.

УлГТУ, кафедра философии, 2005 г.

После заседания последней кафедры учебного года, 2004 г. На завалинке родного дома. Первый ряд слева направо: Т.Н. Брысина, Н.А. Гильмутдинова, В.Г. Миронов, Л.В. Зайцева; второй ряд слева направо: Е.Ш. Ташлинская, М.П. Волков, Г.Ф. Миронов.

«А знатную капусту я вырастил?!»

«Печка, печка, повернись к нам передом, к Волге – задом»

«Не хлебом единым сыт человек!»

«Я слушаю, я в памяти смотрю...»

У «демокритова колодца»

«Фалес был прав – вода всему начало!»

*После трудного кандидатского экзамена у аспирантов:
Г.Ф. Миронов, Н.А. Гильмутдинова.*

Строгий, но справедливый наставник

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ МИРОНОВА ГЕОРГИЯ ФЕДОРОВИЧА

1. Ленинская критика энергетизма и некоторые вопросы соотношения материи и движения. – Сборник научных трудов кафедр общественных наук УлПИ, т. VI, вып.2. – Ульяновск, УлПИ, 1970.
2. Соотношение законов сохранения, свойств и структуры объектов. – «Ученые записки» Ульяновского пединститута, Т. 25, вып. I. – Ульяновск, УлПИ им. И.Н. Ульянова. 1971.
3. К вопросу об автономности материальных систем. – Материалы VI научно-технической конференции УлПИ. – Ульяновск, УлПИ, 1971.
4. Единство сохранения и изменения в структурах материальных систем. – Тезисы докладов VIII научно-технической конференции УлПИ. – Ульяновск, УлПИ, 1971.
5. К вопросу о единстве содержания законов сохранения. – Сборник трудов «Некоторые вопросы исследования форм общественного сознания». – М., МГПИ, 1973.
6. Принципы античного атомизма. – Сборник трудов «Философские вопросы современного естествознания». – М., МГПИ, 1973.
7. Дифференциация знания и структура объекта исследования. – Анализ системы научного знания. – Саратов, СГУ, 1976.
8. Некоторые философские вопросы математики. – Ульяновск, УГПИ им. И.Н.Ленина, 1977 (в соавторстве).
9. Формирование научного мировоззрения и воспитание идейной убежденности у студентов. – В кн. : Воспитание студентов на ленинском примере. – Саратов, СГУ, 1977.
10. Мировоззренческие характеристики научного знания. – В кн.: Марксистско-ленинское мировоззрение и диалектика научного познания. Вып. I / части I и II / Иркутск – Улан-Удэ, 1980.
11. Диалектико-материалистическое учение о материи. – Методические указания и рекомендации по диалектическому и историческому материализму. Часть I. - Ульяновск, УлПИ, 1981.
12. Познаваемость мира и его законов. – Методические указания и рекомендации по диалектическому и историческому материализму. Часть I. - Ульяновск, УлПИ, 1981.
13. Классы и классовые отношения. – Методические указания и рекомендации по диалектическому и историческому материализму. Часть II. Ульяновск, УлПИ, 1981.
14. Проблема социальной предметности философского знания. – В кн.: Предмет философии и система философского знания. – Челябинск, 1981.
15. Роль историко-философских знаний в формировании убежденности студентов технических вузов. – В кн.: Формирование активной жизненной позиции советского студенчества. – Саратов, СГУ, 1981 (в соавторстве).

16. Рецензия на книгу Вязовкина В.С. «Материалистическая философия и химия». - М., Мысль, 1980. – Философские науки, 1981, № 5 (в соавторстве).
17. Теоретическое и эмпирическое в научном факте. – В кн.: Эмпирическое и теоретическое в физико-математических науках. – Ульяновск, 1981.
18. Критерии оценки открытых лекций по марксистско-ленинской философии. – Сб.: Вопросы повышения эффективности преподавания и изучения философии в техническом вузе. Методические указания. – Ульяновск, УлПИ, 1983.
19. Категории диалектики как обобщение истории научного познания и его инструмент. – В сб.: Категории философии и развитие научного познания. – Саратов, СГУ, 1983.
20. Место и роль метода в механизме взаимодействия наук. – В кн.: Проблемы взаимодействия наук. – Ульяновск, УлПИ, 1983.
21. Субординация подходов к исследованию социального познания. – В кн.: Наука и общество. Тезисы докладов и выступлений к Всесоюзной научно-теоретической конференции / 4-6 октября, 1983. – Вып. I – Иркутск, 1983.
22. Научно-исследовательская практика в структуре научного познания. – Сб.: Категории диалектики в естественнонаучном познании. – Ульяновск, УГПИ, 1984(в соавторстве).
23. Некоторые вопросы методики формирования архитектурной творческой деятельности. – В кн.: Проблемы методологии и теории творчества. – Симферополь, 1984 (в соавторстве).
24. Классы и классовая борьба. Методические материалы в помощь пропагандистам. – Ульяновская обл. организация общества «Знание». – Ульяновск, 1985 (в соавторстве).
25. Субъективный фактор в системе социальных детерминант творчества. – Сб.: НТР и духовное производство. – Ульяновск, УлПИ, 1985 (в соавторстве).
26. Некоторые вопросы методики формирования творческой деятельности студентов технических вузов. – Сб.: НТР и духовное производство. – Ульяновск, УлПИ, 1985 (в соавторстве).
27. Архитектурное пространственно-временное содержание в картине мира. – Кн.: Формирование и функционирование научной картины мира. Тезисы докладов. – Уфа, 1985.
28. Принцип развития в проектировании архитектурной среды. – Проблемы формирования городской среды / Архитектура современного Кавказа/. Межвузовский сборник научных статей. – Ростов-на-Дону, 1985(в соавторстве).
29. Город – развивающаяся архитектурная среда. – Ульяновская организация общества «Знание», РСФСР. – Ульяновск, 1986 (в соавторстве).
30. Методологические основы разработки методических схем обучения развивающейся деятельности. – Методологические предпосылки и

- методические средства повышения эффективности преподавания общественных дисциплин и осуществление непрерывной мировоззренческой подготовки специалистов. Тезисы докладов республиканской научно-методической конференции. – Рига. ЛГУ им.П.Стучки, 1986 (в соавторстве).
31. Потенциал профессионального развития. – Вестник высшей школы, 1986, №6 (в соавторстве).
 32. Место и роль прикладных исследований в системе развивающегося знания. – В кн.: Развитие научного и технического знания как фактор ускорения развития производства. – Кемерово, 1986 (в соавторстве).
 33. Теоретико-методологические основы формирования развивающейся деятельности в процессе профессиональной подготовки. – В кн.: Взаимодействие философии и конкретных наук в процессе подготовки инженерных кадров. – Ульяновск, УлПИ, 1987 (в соавторстве).
 34. Перестройка преподавания философии. – Философские науки, 1988, № 12. (Из редакционной почты). – С. 92-101.
 35. Формирование развивающейся деятельности в процессе профессиональной подготовки. – Современная высшая школа, Варшава, 1988, № 4 (в соавторстве).
 36. Формирование творческого начала в профессиональной деятельности специалиста. – В кн.: Подготовка инженерных кадров: опыт, проблемы. – Саратов, СГУ, 1989.
 37. Образование как институциональное явление. – Гуманитаризация технического образования и гуманизация профессиональной подготовки инженеров. – Ульяновск, УлПИ, 1989.
 38. Научно-исследовательская практика (Философско-методологический анализ). – Саратов, СГУ, 1989.
 39. Роль теоретического моделирования в определении эффективности гуманитарного знания. – XXVII съезд КПСС и проблемы определения эффективности преподавания общественных наук в высшей школе в условиях совершенствования социализма. Тезисы доклада и выступлений на научно-методической конференции (в соавторстве). – Уфа, 1989.
 40. Общественные науки и социальный характер гуманизма. – Проблемы гуманизации общественных наук. – Ульяновск, УлПИ, 1990.
 41. Пространственно-временная локализация творчества и его историческая перспектива. – В кн.: Историзм и творчество. Часть 2. Тезисы Всесоюзной научной конференции. – М., 1990.
 42. Аппроксимация социопространственного генезиса в творчестве. – В кн.: Историзм и творчество. Часть 2. (в соавторстве). – М., 1990.
 43. Научно-техническое творчество как феномен культуры. – В кн.: Теоретические и методологические основания современной концепции социализма. – Иваново, 1990.

44. Образовательно-педагогический аспект подготовки инженера. – Инженерная деятельность: история, методология, социальные проблемы. Материалы научно-практической конференции. Ч.1. – Минск, 1990.
45. Технократизм сциентистского мышления. – Социально-философские и методологические проблемы развития духовного производства. Тезисы докладов и выступлений на научно-методической конференции (в соавторстве). – Уфа, 1989.
46. Философия культуры и культура философии. – Философия, эстетика и искусство в контексте культуры. – М., 1991.
47. Проблематизация как форма научной мысли. – Творческое мышление: парадоксы и парадигмы развития. – Целиноград, 1991.
48. Наука – Экология – Гуманизм. – Проблемы формирования личности инженера как профессионала гуманиста. – Ульяновск, 1991.
49. Философия, техника, гуманизм. – Проблемы гуманизации философии и наук об обществе (в соавторстве). – Ульяновск, УлПИ, 1992.
50. Методические материалы по курсу философии для студентов технического вуза (в соавторстве). – Ульяновск, УлПИ, 1992.
51. О педагогизации учебно-воспитательного процесса в вузовском образовании. – Проблемы гуманизации социальных наук. – Ульяновск, УлПИ, 1993.
52. К вопросу об экологизации учебно-воспитательного процесса в техническом вузе. – Научно-методическая конференция, октябрь 1993 года (в соавторстве). – Ульяновск, УлПИ, 1993.
53. Творчество как смыслообразование. // Проблемы гуманизации духовно-практической деятельности человека. – Ульяновск, УлПИ, 1994.
54. Наука в системе социальных технологий. // Методически материалы по спецкурсам кафедры философии. – М. 1994.
55. Эколого-этическое содержание философии как феномена культуры. // Философия как феномен культуры. – Ульяновск: УлГТУ, 1994.
56. Сознание как форма презентации человека и мира. // Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века. – Иваново; 1994.
57. Идеология в профессиональных сферах деятельности. // Идеология как феномен духовной жизни человека и общества. – Ульяновск: УлГТУ, 1995.
58. Роль языка философии в формировании диалектического мышления. // Формирование философского сознания студентов. – Ульяновск: УлГТУ, 1996.
59. Образовательная деятельность: организационные основы, содержание, прагматика. // Проблемы высшей школы и внебюджетная образовательная деятельность. Ч.1. – Ульяновск, 1996.
60. Культура в свете эколого-эстетического и экономико-правового сознания. // Культура, нравственность, экономика. – Ульяновск: УлГТУ, 1996.
61. Образование социально-гуманитарной среды: теоретический и практический аспекты. // Проблемы гуманитарной среды образования.

- Тезисы докладов республиканской конференции. – Ульяновск: УлГТУ, 1996.
62. Интегративный характер гуманитарной среды образования. // Проблемы формирования гуманитарной среды образования. Тезисы докладов республиканской конференции. – Ульяновск: УлГТУ, 1996 (в соавторстве).
 63. Подготовка к экзаменам по философии и его сдача. // Организационно-методические вопросы изучения философии. – Ульяновск: УлГТУ, 1996.
 64. Философия как метафизика. // Методические указания и рекомендации к семинарским занятиям по философии. – Ульяновск: УлГТУ, 1997 (в соавторстве).
 65. Способы и формы бытия человека в мире. // Методические указания и рекомендации к семинарским занятиям по философии. – Ульяновск: УлГТУ, 1997 (в соавторстве).
 66. Познание. // Методические указания и рекомендации к семинарским занятиям по философии. – Ульяновск: УлГТУ, 1997 (в соавторстве).
 67. Культурные пространства и философия. // Философия культуры. Т. VI. Первый Российский философский конгресс «Человек – Философия – Гуманизм». – СПб, 1997.
 68. В поисках совершенных форм рациональности. // Проблемы сознания и самосознания человека в техногенной цивилизации. – Ульяновск: УлГТУ, 1997 (в соавторстве).
 69. Человек техногенной цивилизации: способность видеть и переживать. // Человек в современной культуре. – Ульяновск: УлГТУ, 1997 (в соавторстве).
 70. Программа магистерской подготовки по курсу «Методология научного творчества». // Программа магистерской подготовки по курсам «Философия науки и техники» и «Методология научного творчества». – Ульяновск: УлГТУ, 1997 (в соавторстве).
 71. Специфика социального времени и способы его экспликации в общественном сознании. // Актуальные проблемы социальной философии. Тезисы XI-й Ежегодной научно-практической конференции кафедры философии РАН. – Москва, 1998.
 72. Научно-исследовательская практика как феномен общественного бытия. // Вестник УлГТУ, 1998. № 3.
 73. Антропоцентризм, антропологизм и антропность как принципы философствования. // Человек в контексте выбора путей цивилизационного развития: Тезисы докладов XXXII научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава университета. – Ульяновск: УлГТУ, 1998.
 74. Реценсивные состояния мысли: формы их явленности и способы экспликации в философии и науке. // Философия в современной культуре: состояние и перспективы. Межвузовский теоретический сборник. – Ульяновск: УлГТУ, 1998.

75. Философия. Программа, планы семинарских занятий, тематика рефератов, список контрольных вопросов для аспирантов и соискателей нефилософских специальностей. – Ульяновск: УлГТУ, 1998 (в соавторстве).
76. Философия в поисках метафизических оснований. – Философский век. Альманах. Вып. 7. Между физикой и метафизикой: Наука и философия. – СПб, 1998 (в соавторстве).
77. Философия как область теоретического. // Философия в современном мире: состояние и перспективы: Тезисы докладов всероссийской конференции. Ч. 1. – Ульяновск: УлГТУ, 1999.
78. Человек в условиях глобального кризиса. // Теоретические и методологические проблемы философской антропологии. – Ульяновск: УлГТУ, 1999 (в соавторстве).
79. Научно-исследовательская практика как предмет философского анализа: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – М.: 1999.
80. Креатология в действии. // Методические материалы по спецкурсам кафедры философии. – Ульяновск: УлГТУ, 1999.
81. Рациональное в философии. // Рациональность и ее метаморфозы. – Ульяновск: УлГТУ, 2000.
82. Культурный и цивилизационный статус рациональности. // Рациональность и ее метаморфозы. – Ульяновск: УлГТУ, 2000 (в соавторстве).
83. Социальность как бытие и со-бытие. // Современная социальная онтология: Итоги перспективы. – Уфа, 2000.
84. Историчность знания как факт истории. // Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы международной научной конференции. – Т.1. – Мн.: РИВШ БГУ, 2000(в соавторстве).
85. Место науки в культурно-цивилизационном процессе. // Философское осмысление судеб цивилизации. Ч.1. – М.: Изд-во РАН, 2001.
86. Рациональное и иррациональное в «первом шаге». // Внеэрациональные формы постижения бытия. – Ульяновск: УлГТУ, 2001.
87. Идеи континуальности в философии и науке. // Прикладная философия и социология: труды Международной конференции КЛИН. Т.1 – Ульяновск: УлГТУ, 2002.
88. Неклассический вариант постановки вопроса об основаниях философии. // Философия в современном мире: поиск методологических оснований. Сборник научных трудов. – Вып. 1. Философия на путях самоосмысления / УлГТУ, МГУ им. М. В. Ломоносова. – Ульяновск: УлГТУ, 2002.
89. Эпистемологическая реальность и ее социально-бытийный статус. – Ульяновск: УлГТУ, 2002.
90. Философия : Учебно-методический комплекс. Под ред. проф. Г.Ф. Миронова; Ульян. гос. техн. ун-т. – Ульяновск: УлГТУ, 2003 (в соавторстве).

91. Философия, наука, образование. // Наука и образование: тенденции и перспективы их развития. Тезисы Всероссийской научно-методической конференции. – Ч.1. – Тверь : ТФ МГЭИ, 2003.
92. Геометрия языка и его динамика. // Язык как основание культуры: Сборник научных материалов XXXVII НТК ППС УлГТУ. – Ульяновск: УлГТУ, 2003.
93. Energeia как со-в-местимость активностей. // Прикладная философия и социология: труды Международной конференции КЛИН. Т.1 – Ульяновск: УлГТУ, 2004.
94. Потенциальность науки: мера – возможность – результат. // Актуальные проблемы развития социально-гуманитарных, экономических и психологических наук. Тезисы Всероссийской научно-методической конференции. – Тверь : ТФ МГЭИ, 2004.
95. Творчество как критерий качества образования. – Вестник УлГТУ. 2004. № 3.
96. Творчество как универсум активностей. // Творчество как форма выражения мира человека : сборник научных трудов. – Ульяновск: УлГТУ, 2005.
97. Образование – Наука – Естествознание. // Современные проблемы науки и образования - 2006. №1.
98. IN-FORMOTIO как формообразования целостностей разнородного. // Прикладная философия, логика и социология – КЛИН - 2006», Т.1. – Ульяновск: УлГТУ, 2006.
99. Артефактическая реальность как иницирующий фактор научного творчества. // Научно-исследовательская и креативная культура в современном обществе : сборник научных трудов. – Ульяновск: УлГТУ, 2006.
100. Превосходность науки. // Наука в различных измерениях: социально-философский аспект исследования, КЛИН 2007, Т.1. – Ульяновск: УлГТУ, 2007.
101. Социальный статус науки в свете ее креативного содержания. // Социальная жизнь в свете философской рефлексии : сборник научных трудов. – Ульяновск, УлГТУ, 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Миронов Георгий Федорович - доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Ульяновского Политехнического института/Ульяновского государственного технического университета (1972-2008)

Александрова Виктория Алексеевна – студент 2-го курса Ульяновского государственного технического университета

Багаутдинова Гульнара Фетклиямовна – магистрант 1-го курса Ульяновского государственного технического университета

Балаклеец Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Ульяновского государственного технического университета

Баранец Наталья Григорьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Ульяновского государственного университета

Бурханов Кирилл Сергеевич – магистрант 1-го курса Ульяновского государственного технического университета

Верёвкин Андрей Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры «Прикладная математика» Ульяновского государственного университета

Волков Михаил Павлович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой «Философия» Ульяновского государственного технического университета

Гайкин Виктор Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Гильмутдинова Нина Амировна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Ульяновского государственного технического университета

Гиматов Султан Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры «Политология, социология и связи с общественностью» Ульяновского государственного технического университета

Дёмин Илья Федорович – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Дырдин Александр Александрович – доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного технического университета

Емелева Лилия Фаридовна – аспирант кафедры «Философия» Ульяновского государственного технического университета

Зубова Ирина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества, регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета

Калинин Степан Сергеевич – аспирант кафедры переводоведения и лингвистики, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет

Костин Валерий Геннадьевич – аспирант кафедры «Философия» Ульяновского государственного технического университета

Леушкин Руслан Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Ульяновского государственного технического университета

Максимович Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Республики Беларусь.

Миронов Владимир Георгиевич – кандидат философских наук

Тараканова Анна Владимировна – студент 2-го курса Ульяновского государственного технического университета

Ташлинская Елена Шамильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Ульяновского государственного технического университета

Токарчук Любовь Константиновна – старший лаборант, аспирант кафедры «Философии» Ульяновского государственного технического университета

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Ульяновского государственного технического университета

Чикин Владислав Владимирович – магистрант 1-го курса Ульяновского государственного технического университета

Чуприн Игорь Вадимович – студент 2-го курса Ульяновского государственного технического университета

Шарапов Владимир Иванович – доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой «Теплогазоснабжение и вентиляция» Ульяновского государственного технического университета

Научное электронное издание

IN MEMORIAM: МИРОНОВ ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ
Сборник памяти Миронова Г.Ф.

Редакторы: М.П. Волков
Н.А. Гильмутдинова

Технический редактор С.М. Зенкина

ЛР 020640 от 22.10.97.

Дата подписания к использованию 25.09.2019.
ЭИ № 1345. Объем данных 5,1 Мб. Заказ № 814.

Ульяновский государственный технический университет
432027, Ульяновск, Северный Венец, 32.
ИПК «Венец» УлГТУ. 432027, Ульяновск, Северный Венец, 32.

Тел.: (8422) 778-113
E-mail: venec@ulstu.ru
venec.ulstu.ru